

A portrait of Osho, a spiritual leader, with a long white beard and a blue and white striped turban. He is wearing a blue robe and is standing in front of a background of white flowers and green leaves. The image has a slightly grainy, vintage quality.

ОШО

**Дхаммапада:
вкус вечности**

**Вечное
Дао**

OSHO

**ETERNAL
TAO**

DHAMMAPADA
Series 12

OSHO INTERNATIONAL FOUNDATION
1985

ОШО

**ВЕЧНОЕ
ДАО**

ДХАММАПАДА
ВКУС вечности

МОСКВА
2000

ББК 84,5 ИД
096

ОШО
096

Вечное дао. Дхаммапада: вкус вечности
Москва, "Нирвана", 3000, 400 с.
ISBN 5-7135-0046-5

Ошо, известный также как Багван Шри Раджниш — просветленный Мастер нашего времени. «Ошо» означает «подобный океану», «Благословенный».

Эта книга содержит два цикла бесед

Первый из них — третья часть бесед Мастера по книге Лао-цзы «Дао Дэ Цзин». «Ваша бедность не от недостатка информации, вы бедны бытием. Вы нищие, и вы продолжаете прикрывать свою нищету, накапливая вещи. А знания — это тоже вещь: слова, теории, философии, системы, теологии — все это вещи, тонкие, абстрактные, но все же вещи. Вы не растете, вы остаетесь прежними, но создаете иллюзию, что вы пришли к знанию. Эти сутры Лао-цзы нужно понимать в этом смысле.»

Второй — последняя часть обширного цикла лекций по «Дхаммападе» Гаутамы Будды. «Что бы я ни говорил здесь, это не просто комментарий сутр Будды; сутры Будды — лишь повод. Я высказываю нечто от своего собственного опыта. И я хотел бы, чтобы однажды он стал и вашим опытом. Это возможно. У всех вас есть потенциал, чтобы быть буддой.»

© OSHO INTERNATIONAL FOUNDATION 1985

© Солдатов А. В., русский перевод 2000

04030300 - 058

7П6(03) - 99

без объявления

ББК 84,5 ИД

ISBN 5-7135-0046-5

ВЕЧНОЕ ДАО

Глава 1

ПОТОНЯ ЗА ЗНАНИЯМИ

Лао-цзы говорит:

*Не выходя со двора,
можно знать,
что происходит в мире.
Не выглядывая в окно,
можно видеть Дао небес.*

*Чем больше гонишься за знаниями,
тем меньше знаешь.
Поэтому мудрый
не ходит, но познает,
понимает, не видя,
достигает, не действуя.*

Религия — это не информированность, это истинное знание. Информированность от ума, знание — от сущности, и это различие, это расстояние огромно.

Это различие не только количественное, но также и качественное.

Информированность и знание отличаются как рай и ад, земля и небо, поэтому первое, что нужно понять — это различие между знаниями и истинным знанием.

Так называемые знания никогда не относятся к настоящему, они всегда в прошлом. В тот момент, когда вы говорите, что знаете, это уже мертвая вещь — она уже оставила свой след в памяти, она как пыль, прилипшая к вам. Вы уже в другом месте.

Истинное знание всегда непосредственно, истинное знание всегда здесь и сейчас. Вы ничего не можете сказать о нем, вы можете только быть им. В тот момент, когда вы говорите о нем, даже истинное знание становится информированностью; вот почему все те, кто познал, говорят, что это невозможно высказать. Когда вы говорите об истинном знании, меняется сама его природа; оно становится информацией. Оно перестает быть прекрасным живым явлением знания.

Истинное знание не имеет прошлого, не имеет будущего, у него есть только настоящее. И помните, настоящее — не часть времени.

Обычно люди думают, что время делится на прошлое, будущее и настоящее. Они полностью ошибаются. Время делится на прошлое и будущее; настоящее — вообще не часть времени. Его нельзя поймать во времени. Преследуйте его — и вы упустите. Попробуйте схватить его — и оно уйдет из ваших рук, потому что это часть вечности, а не часть времени.

Настоящее — это перекресток с вечностью. Это точка, в которой встречаются вечное и временное.

То, что в настоящем, есть истинное знание; то, что в прошлом, есть знания, информированность — и эти знания создают будущее, прошлое создает будущее. Будущее — это побочный продукт прошлого.

Когда вы знаете, вы начинаете планировать. Чем больше вам известно, тем больше вы планируете. Информация подразумевает прошлое, планирование подразумевает будущее — тогда вы не даете будущему свободы, вы пытаетесь разложить его по полочкам прошлого. Вам хочется, чтобы оно было повторением прошлого — слегка измененным, приукрашенным повторением прошлого.

Сведущий человек — это человек плана, но жизнь — это незапланированный поток. Жизнь — это свобода, вы не можете разложить ее по полочкам, вы не можете классифицировать ее и приклеить к ней ярлыки; вот почему сведущий человек упускает жизнь. Зная много, он не знает ничего. Он знает слишком много, но совершенно пуст. Нельзя

найти более поверхностную личность, чем сведущий человек. Он — только поверхность, внешность, в нем нет глубины, потому что глубина приходит через вечность.

Время горизонтально, оно движется по горизонтали. Вечность вертикальна, она идет вглубь и вверх. В этом смысл креста Иисуса: время пересекает вечность, или вечность пересекает время. Руки Иисуса — это время, они движутся в прошлое и будущее: распятые во времени, воскресающие в вечности. Его существо вертикально — сущность каждого вертикальна; только тело, руки — ваша материальная часть — горизонтальна.

Знания создают будущее, будущее создает беспокойство. Чем больше вы знаете, тем больше тревожитесь, беспокоитесь — никогда не расслабляетесь, все время дрожите внутри. Это патология. Человек истинного знания совершенно другой — он живет здесь. Этот момент — все, словно никакого завтра не существует — и его действительно не существует, его никогда не было, это часть все той же игры ума. Завтра — это сон сведущего человека.

Этот момент есть все, этот момент тотален. Истинное знание движется в этот момент вертикально, оно идет все глубже, глубже и глубже. В человеке истинного знания есть глубина, даже его поверхность есть не что иное, как часть глубины. У него нет ничего внешнего, его внешность также есть часть глубины. А сведущий человек? В нем нет глубины, его глубина — тоже часть его внешности.

И вот парадокс: человек истинного знания знает, а сведущий человек не знает, не может знать, поскольку знания не могут встретиться с жизнью — напротив, это барьер, единственный барьер, препятствие. Вот на что это похоже: мать знает, что ребенок — ее, а отец имеет сведения, что ребенок — его. У отца есть только вера. В глубине он не знает. Только мать знает!

Случилось, что Мулла Насреддин служил визирем в небольшом королевстве. Король был очень щедр — не очень богат, ведь королевство было небольшое, и все же очень щедр. Каждый год Насреддин приходил и говорил ему, что его жена родила ребенка, и король давал ценные подарки ему, ребенку, матери; но, наконец, это вышло за всякие границы, потому что это повторялось каждый год.

Когда родился двенадцатый ребенок и Насреддин пришел к королю, тот сказал:

— Слушай, Мулла, это уже слишком; мир и так страдает от перенаселения, — что ты делаешь? Если ты будешь продолжать с той же скоростью, ты скоро создашь новую нацию. Каждый год одно и то же — остановись! Пусть этот ребенок будет последним! А если ты не можешь остановиться, если ты на это не способен, то лучше уж совершить самоубийство, чем так переполнять землю!

Насреддин очень расстроился. Тем временем у него родился тринадцатый ребенок — что делать? Он подумал, что на этот раз не стоит идти к королю — лучше пойти в лес и совершить самоубийство, как сказал король. Он отправился в лес и совсем было собрался повеситься — еще доля секунды, и он бы висел на дереве мертвым — как вдруг сказал самому себе: «Насреддин, берегись! Возможно, ты ведаешь не того человека!»

Отец просто верит, мать знает. Истинное знание подобно матери, знания похожи на отца.

Все знания — это вера. Истинное знание не есть вера, это *знание*. Это ваше восприятие, ваше видение, ваш рост. Оно похоже на мать — ребенок растет в ее утробе, и она знает, что ребенок — *ее часть*, ее собственное продолжение, ее сущность, плоть и кровь. Отец находится снаружи, у него нет внутренней связи с ребенком. Он просто верит, что ребенок его.

Сведущий человек верит, что он знает. Человек истинного знания *знает*.

Знание — это трансформация в вашем существе, оно похоже на беременность, вы должны выносить его, вы должны родить самого себя; это воскресение в вечности, это поворот от времени и движение в не-время, это переход от ума к не-уму: но это нечто настолько потрясающее, что вы знаете — это происходит в вас.

Сведущий человек продолжает коллекционировать пыль будд. Он верит в тех, кто познал. То, во что он верит — мертво. Он не может дать рождение самому себе. Он набрался знаний от других, все заимствовано — но разве знание можно занять? Разве сущность можно позаимствовать? Если знание истинно, оно будет природой вашего существа.

Георгий Гурджиев часто спрашивал людей — искателей, приходящих к нему, — первое, что он спрашивал: «Что вас интересует — знания или бытие? Мы здесь даем бытие, мы не заботимся о знаниях, так что решайте. Если вас интересуют знания, идите в другое место. Если ваш интерес связан с сущностью, оставайтесь здесь. Но примите очень ясное решение».

В чем разница между бытием и информацией, знаниями? Разница та же, что и между информацией и истинным знанием. Истинное знание *и есть* бытие.

Это не нечто прибавленное к вам, это нечто, во что вы растете. Знания, сведения — нечто прибавленное к вам. Вы не растете через них, скорее, вы носите их как тяжелую ношу. Поэтому вы всегда найдете сведущего человека обремененным, тяжело нагруженным — он носит на плечах горы знаний. Вы увидите на его лице серьезность,

мертвую серьезность, а сердце его полностью раздавлено тяжестью ноши.

Человек знания невесом. Ему нечего носить. Он может лететь в небо. Земная гравитация на него не действует. Его не притягивает к земле, потому что земля может притягивать только тяжести. Он остается на земле, но он не приземленный человек. Вот в чем смысл слов Иисуса — он повторяет вновь и вновь: «Мое царство не от мира сего...» Это некий иной мир, мир бытия, мир вечности.

Если вы ясно понимаете это различие, то помните: никогда не идите по пути знаний. Идите на путь истинного знания, бытия, ибо лишь тогда вы что-то получите: не то, что у вас будет больше информации, но *вы* станете больше, и это решающий пункт, который необходимо понять — вы должны стать больше.

Ваша бедность не от недостатка информации, вы бедны бытием. Вы нищие, и вы продолжаете прикрывать свою нищету, накапливая вещи. А знания — это тоже вещь: слова, теории, философии, системы, теологии — все это вещи, тонкие, абстрактные, но все же вещи. Вы не растете, вы остаетесь прежними, но создаете иллюзию, что вы пришли к знанию.

Эти сутры Лао-цзы нужно понимать в этом смысле.

*Не выходя со двора,
можно знать, что происходит в мире.*

Ибо в глубине вы и есть мир. Мир — не что иное, как большой вы. В самом деле, не нужно никуда ходить, чтобы узнать что-либо. Если вы знаете себя, вы узнали все человечество; если вы знаете свой гнев, вы poznali всякий гнев; если вы знаете собственную насильственность, вы узнали все войны — совсем не обязательно ехать во Вьетнам, не нужно ехать в Корею, в Палестину или еще куда-нибудь; если вы знаете собственную насильственность, вы poznali всякое насилие. Если вы знаете свою любовь, вы poznali все — всю историю любви — никогда не написанную, никому не известную, потому что вы — семья!

Это подобно тому, как вы берете воду из океана; вы анализируете эту каплю; и если вы узнали эту каплю, вы poznali весь океан, потому что в этой маленькой капельке сконденсирован весь океан, это миниатюрный океан. Если вы подвергнете каплю анализу и узнаете, что она состоит из H_2O , вам известно, что весь океан состоит из H_2O . И теперь не нужно продолжать исследования все дальше и дальше, одной капли достаточно. Если вы узнали вкус одной капли — что она соленая, — вы знаете, что весь океан соленый; и эта капля есть *вы*.

*Не выходя со двора,
можно знать, что происходит в мире.*

Потому что вы — это мир, атом мира, и все происходит внутри вас. Возможно, в мире это происходит в более крупном масштабе — количество может быть больше, но качество то же самое.

Понимая себя, человек понимает все.

В Упанишадах есть прекрасная история.

Молодой человек, Светакету, вернулся из дома своего гуру, из *гу-рукула*, семьи своего гуру, ученый, и естественно, как это свойственно молодым людям, очень гордый своей ученостью, надменный, эгоистичный. Его отец, провидец Уддалак, наблюдал его возвращение — он приближался, входил в деревню, а его отец смотрел за ним из окна. Отец опечалился: это не учение! Он стал человеком знаний, образованным. Это не истинное знание! Уддалак сказал в сердце своем: «Не за этим я посылал его. Он упустил смысл! Он напрасно потратил свое время!» Ибо истинное знание скромно — не в том смысле, что оно противоположно эго, оно вообще не имеет никакого отношения к эго, даже как противоположность, потому что даже в противоположности эго есть нечто от эго.

Не чувствуя в сыне смирения, отец очень опечалился. Он становился стар, и вот идет этот юноша, потративший впустую столько лет своей жизни — почему он кажется таким *гордым*? Истинное знание всегда делает вас скромным.

Слово «скромный» (*humble*) прекрасно. Оно происходит от корня *humus* — этот корень подразумевает человека земного, принадлежащего земле, не претенциозного — и тот же корень лежит в основе слов «человек» (*human*) и «человечество» (*humanity*). Вы становитесь человеком лишь тогда, когда становитесь скромным; вы становитесь скромным лишь тогда, когда вы земной человек — не претенциозный, простой, необусловленный, земной.

И вот идет его сын, такой гордый и надменный. Должно быть, он стал сведущим человеком — и действительно, он стал таким. Он пришел, коснулся ног отца, но это была только формальность. Разве может человек с таким эго поклониться?

Отец сказал:

— Светакету, я вижу, что поклонилось твое тело, но не ты. Что за несчастье случилось с тобой? Почему у тебя такой надменный вид? Человек истинного знания становится скромным, Светакету. Слышали ли ты что-нибудь об Одном, узнав которое, узнают все?

Светакету сказал:

— О чем ты говоришь? Разве можно знать все, узнав одно? Абсурд! Я знаю все, что можно узнать в университете; во все предметы, которые там преподают, я вник так глубоко, как только возможно. Я исчерпал все возможности обучения. Когда мой мастер сказал мне: «Теперь ты знаешь все и можешь возвращаться домой», — лишь тогда

я вернулся; так о чем ты говоришь — это «одно»? — я никогда о нем не слышал. Никто в университете не говорил о нем. Мы изучали грамматику, язык, историю, мифологию, философию, теологию, религию, поэзию, — я изучил все, что знает человек; и я стал знатоком, я получил самую высокую степень, существующую в университете, но мы никогда не слышали об этом «одном» — о чем ты говоришь? Ты сошел с ума? Разве можно знать все, узнав одно?

Уддалак сказал:

— Да, это Одно есть ты. Светакету, *там твам аси — то есть ты*. Если ты узнаешь это Одно, ты будешь знать все, а все, что ты узнал — просто труха. Ты зря потратил свою энергию. Возвращайся! Не приходи, пока не узнаешь это Одно, через знание которого познается все. Ибо, — сказал Уддалак своему сыну, — в нашей семье не было ни одного брамина только по названию. Мы назвали себя браминами потому, что мы познали Брахму. Ты не принадлежишь к нашей семье, если не знаешь это Одно — возвращайся!

Это Одно — вы, *то есть ты*. Очень маленькое семя, почти невидимое для вас. До тех пор, пока вы не будете искать глубоко и долго, с постоянством и терпением, вы не найдете его.

Это семя внутри вас, это ваша *внутренность*, и весь этот огромный мир есть не что иное, как вы, написанные на большом холсте. Вы и есть мир.

Лао-цзы говорит:

*Не выходя со двора,
можно знать, что происходит в мире.
Не выглядывая в окно,
можно видеть Дао небес.*

Не нужно смотреть в окна... Окна — это ваши чувства: глаза, уши, нос — это окна; не нужно смотреть из этих окон.

*Не выглядывая в окно,
можно видеть Дао небес.*

Вы можете увидеть высшее внутри.

Вы видели изображения Будды — сидящего с закрытыми глазами, неподвижно?

В Индии есть рассказы о людях, которые оставались в медитации так долго, что на их телах устраивались птицы — они вили гнезда в их

волосах; и муравьи так долго ползали по ним, что совершенно забывали о том, что здесь сидит человек. Они начинали жить там.

Что делали эти люди? Вьющиеся растения опутывали их тела, принимая их за хорошую подпорку. Такие неподвижные — что они делали? Они ничего не делали. Закрыв все свои окна, она созерцала красоту красот, они созерцали самих себя — и это настолько потрясающая тайна и настолько прекрасное явление, что нигде в мире нельзя найти ничего подобного, потому что, куда бы вы ни пошли и что бы вы ни увидели, это будет сообщение из вторых рук.

Я могу видеть ваши лица, но глаза будут моими посредниками, они будут сообщать, я никогда не смогу увидеть ваше лицо прямо, непосредственно. Я могу пойти к розовому кусту и посмотреть на прекрасные цветы, но это красота из вторых рук, потому что рассказывать мне будут глаза. Существует посредничество. Я не могу вступить с розой в прямой контакт, глаза всегда будут присутствовать. Аромат будет приходить через нос. Я могу слышать пение птиц, но эта песня всегда будет из вторых рук — а пока вы не знаете из первых рук, как вы можете знать Дао небес? Как вы можете знать высшее? Самую основу бытия? Есть лишь одна возможность войти в контакт с высшим прямо, немедленно, без всяких посредников, и эта возможность — внутри вас. Закройте все двери и окна и двигайтесь внутрь.

Вот что случилось...

Одной из самых мудрых женщин, когда-либо рожденных на земле, была Рабия Аль-Адавия. Она была суфием, великим мистиком, несравненным; она сидела в своей хижине с закрытыми глазами и что-то делала — никто не знал, что. Другой мистик, по имени Хасан, остановился у нее; было утро, солнце начало всходить, и это было невероятно красиво — пение птиц и счастье деревьев, снова увидевших свет... весь мир праздновал утро. Хасан стоял на улице; он позвал Рабию:

— Рабия, выйди наружу! Посмотри на славу Господа! Что за прекрасное утро!

Рабия ответила:

— Хасан, лучше ты, наоборот, войди внутрь, и ты увидишь самого Бога. Я знаю красоту *там* — красоту творения, но ничто не сравнится с красотой Творца. Так что лучше *ты* войди внутрь!

Я не знаю, понял Хасан или нет, но в этом все дело. Знания идут наружу. Когда вы идете наружу, вы можете узнать множество вещей, но это будет информация из вторых рук.

Вот что такое наука; это всегда подержанная информация, она не может быть новой. В ней не может быть той свежести, которая возможна в религии.

Как бы глубоко ни проник Эйнштейн, это будет глубина внешнего. Он не может выйти из нее освеженным.

В свои последние дни Альберт Эйнштейн чувствовал это — кто-то спросил его за два-три дня до смерти:

— Кем бы вы хотели быть, если Бог даст вам еще одну возможность прийти на Землю — кем бы вы хотели стать?

Он сказал:

— В следующий раз, вместо того, чтобы стать ученым, я предпочел бы стать водопроводчиком. Я хотел бы жить простой и обычной жизнью. Я хотел бы жить абсолютно неизвестным для внешнего мира. Я жил бы анонимно, чтобы меня никто не знал и не тревожил.

Он нащупывает правильное направление. Он движется в том направлении, где в любой день может стать буддой.

Когда человек сыт по горло внешним, он обращается внутрь. Тогда ему хочется закрыть все двери и окна и просто отдохнуть внутри.

*Не выглядывая в окно,
можно видеть Дао небес.*

Наука продолжает открывать все новые и новые законы, но она никогда не откроет *этот* закон — а слово «Дао» означает *закон*.

Наука будет продолжать открывать все новых и новых богов, но никогда не откроет *бога* — а слово «дао» означает *бог*: высочайшее, за пределами которого не существует ничего, за пределами которого невозможно ничто.

Наука продолжает открывать — и каждый день, чем больше открывает наука, тем больше старых теорий отбрасывается и отправляется в мусорную корзину. И рано или поздно это произойдет с каждой научной теорией. Все научные теории обречены на выбрасывание в мусорную кучу, потому что они не знают *закон*. Они — только отражения в озере, а не реальная луна. Реальная луна находится внутри, а весь мир функционирует как зеркало.

Когда вы видите красоту розы, задумывались ли вы: находится ли эта красота в цветке розы, или вы вливаете ее? Ведь бывают моменты, когда вы проходите мимо розового куста, но ничего не происходит, ничего особенного, ничего необычного — просто обычная роза; но в другой момент, когда вы в другом настроении, в другом расположении ума, внезапно роза приобретает красоту, благоухание, получает новое измерение; двери открываются, тайны проявлены. Получается, что роза — всего лишь зеркало. Вы видите то, что вы вливаете в нее.

Вы становитесь перед зеркалом, вы смотрите в него — зеркало просто отражает *вас*, это *вы*. Если вы уродливы, зеркало показывает уродливую фигуру; если вы красивы, зеркало показывает красоту.

Бывают моменты, когда вы уродливы — и тогда все розы становятся уродливыми; бывают моменты, когда вы печальны — и тогда все луны становятся печальными; бывают моменты, когда вы в аду — и тогда земля становится адом. Вы создаете реальность вокруг себя, вы проецируете реальность вокруг себя. Внутри вас находится творец — то одно, познав которое, узнаешь все.

Вот почему в эстетике на протяжении многих веков мыслители пытались определить, что такое красота, но не смогли дать ей определение. Они не могут это сделать потому, что она существует не во внешнем мире, она вливается изнутри. Роза не красива — это вы создаете красоту. Она — как крючок; вы вешаете на нее красоту, и она становится красивой. Вот почему, когда мимо розы проходит поэт, она так прекрасна — вы не можете себе представить! Затем проходит ученый и абсолютно не обращает внимания на то, что роза цветет, что она существует. Потом мимо проходит бизнесмен; он смотрит на розу и думает, сколько он может заработать, если продаст ее. А потом приходит ребенок, срывает розу, несколько минут играет ею, затем забывает о ней и идет своей дорогой...

Роза — ничто. Именно вы придаете ей смысл.

Каждый день люди приходят ко мне и спрашивают снова, снова и снова — тысячью и одним способом: «В чем смысл жизни?» Она не имеет смысла. Вы даете ей смысл. Вы создаете смысл. Смысл — это не объективный факт, так что не ищите смысла и не гонитесь за ним. Если вы постоянно ищите смысл, вы неизбежно приходите к истине, что жизнь бессмысленна.

Именно так экзистенциалисты на Западе пришли к открытию, что жизнь бессмысленна; к большому несчастью, они остановились на этом. На Востоке мы тоже узнали это, но никогда не останавливались. Будда тоже пришел к пониманию, что жизнь бессмысленна, но никогда не останавливался на этом. Это остановка на полпути! Жизнь *действительно* бессмысленна, но это не значит, что ваша жизнь должна быть бессмысленной, нет; жизнь бессмысленна, если вы не приносите в нее смысл. *В ней* нет смысла, ее нужно наделить смыслом. Влейте свое существо в жизнь — и она начинает вибрировать смыслом. Тогда она поет, танцует, она становится божественной.

Люди спрашивают меня: «Где Бог? Ты можешь показать нам его?» Я не могу показать вам Бога, никто не может показать вам его, потому что Бога нужно найти внутри. Тогда вы можете видеть его повсюду. Тогда вы увидите его в розе — роза станет зеркалом, и вы увидите Бога. Тогда — птица поет поутру, и внезапно звучание приобретает аромат, которого в нем никогда не было — вы внесли его, песня становится божественной.

Стоит открыть Бога внутри, как все становится божественным. Если вы не открыли его внутри и продолжаете спрашивать: «Где Бог?»,

продолжаете спрашивать его адрес — вы никогда не достигнете. И все адреса фальшивы, потому что он живет внутри вас, ему не нужен адрес.

Есть замечательная история, очень древняя. В ней говорится, что Бог создал мир — все было прекрасно; затем он создал человека, и все стало отвратительно. С человеком в мир вошел ад. И люди начали жаловаться... Бог почти не мог ни спать, ни делать что-нибудь — столько людей, и все они непрерывно стучат в его дверь днем и ночью, это превратилось в кошмар. Должно быть, он не раз подумывал уничтожить человека, чтобы вернуть миру покой.

Но затем некий мудрый советник сказал ему:

— Не нужно уничтожать людей — просто смени жилище. Не живи больше на этой земле. — Он жил здесь, это из-за вас ему пришлось сменить дом.

Бог спросил:

— Куда мне пойти?

Один советник сказал:

— Лучше всего отправиться на Эверест.

Бог сказал:

— Ты не знаешь. Рано или поздно появится человек по имени Хиллари; он доберется туда, и все начнется заново.

Тогда кто-то посоветовал:

— Отправляйся на Луну.

Бог сказал:

— Вы не знаете; все это поможет ненадолго. Рано или поздно человек проникнет повсюду. Предложите мне какое-нибудь место, где ему никогда не придет в голову меня искать.

Тогда подошел один старый советник и сказал что-то ему на ухо; Бог кивнул и сказал:

— Да, ты прав.

Старик посоветовал: «Спрячься внутри человека. Он никогда не догадается об этом. Он будет искать тут и там, везде, кроме своего внутреннего мира».

Это прекрасная история. Почти реальная. Не сказка, а истина.

*Не выглядывая в окно,
можно видеть Дао небес.*

*Чем больше гонишься за знаниями,
тем меньше знаешь.*

Кажется парадоксальным, но только кажется. Это не парадокс, это простой факт. Чем больше человек гонится за знаниями, тем меньше он знает. Пойдите к пандитам: они знают так много, но посмотрите в их глаза — ни единого отблеска, понаблюдайте их — ни одного проявления знания; побудьте с ними — ничего нет, они пусты, абсолютно фальшивы, внутри ничего нет; просто раскрашенная пустота, приукрашенная пустота, прикрытая множеством писаний, слов тех, кто познал — но все эти слова заимствованы, все они мертвы, и в окружении мертвых слов эти люди сами стали почти мертвыми.

Пойдите к сведущему человеку, и вы почувствуете вокруг него вкус пыли. Он может выглядеть очень-очень старым, древним стариком, одной ногой в могиле — но вы не найдете свежести, которая является признаком жизни. Вы не увидите в нем живой реки, текущей, всегда движущейся в неизвестное. Знания есть ограничение — какими бы обширными они ни были, все же это ограничение. Вот почему Сократ говорит: «Когда я был молод, я думал, что знаю все. Став немного взрослее, я начал сомневаться, а затем убедился, что знаю не так уж много. Когда я стал по-настоящему старым, я понял что вообще ничего не знаю».

Случилось так, что Дельфийский оракул объявил: «Сократ сегодня — самый мудрый человек на Земле». Люди, слышавшие это, пришли к Сократу и сказали:

— Это парадокс, и мы в растерянности! Кто прав? Если прав оракул, тогда ты ошибаешься; а если прав ты, тогда ошибается оракул — но вы оба не можете ошибаться. Мы верим тебе, мы знаем тебя, мы были с тобой, мы чувствовали, что ты наверняка прав; то, что ты говоришь, не может быть ложью. Но этот оракул, божественный оракул — он никогда не был изобличен во лжи. Все, что предсказывал Дельфийский оракул, всегда оказывалось правдой; поэтому мы в затруднении; помоги нам. Ты говоришь, что ничего не знаешь, фактически, ты говоришь, что знаешь только одно — что ты ничего не знаешь; и тут появляется этот оракул и говорит, что Сократ — самый мудрый человек на Земле.

Сократ сказал:

— Должно быть, произошло какое-то недоразумение, потому что я знаю о себе больше, чем кто-либо может знать обо мне, и я еще раз говорю вам, что я ничего не знаю; это самое большее, что я могу себе позволить — я знаю, что я ничего не знаю. Больше ничего. Пойдите к оракулу и спросите еще раз — вы что-то не так поняли. Или вы истолковали неправильно, или еще что-нибудь... идите еще раз!

Они пошли к оракулу и еще раз спросили его; оракул рассмеялся и сказал:

— Поэтому мы и говорим, что он мудрейший человек на Земле — потому что он знает только то, что ничего не знает.

Здесь нет парадокса. Это признак мудрого человека — он пришел к пониманию, что знания тщетны, что знания ничего не знают, что знания — мусор, ерунда, какими бы логичными они ни притворялись — все они притворщики.

*Чем больше гонишься за знаниями,
тем меньше знаешь.*

Почему это происходит? Потому что, чем дальше вы гонитесь за знаниями, тем дальше вы уходите от себя. Чем больше вы стараетесь найти истину где-то вне себя, тем дальше вы удаляетесь, тем дальше уходите от Целого в поисках Целого, тем дальше вы от себя в поисках своей подлинной сущности, тем больше вы удаляетесь от сознания в своих поисках.

Что вы ищете? То, что вы ищете, уже находится внутри вас. Религия есть поиск того, что уже есть. Религия есть поиск того, что уже является реальностью.

Если вы удаляетесь от себя, вы будете знать все меньше и меньше, и будете думать, что знаете все больше и больше. Вы будете знать писания, вы будете знать слова, теории, и вы можете продолжать прятать и ткать из этих слов все больше и больше, вы можете строить воздушные замки, но они не могут быть больше, чем воздух, абстракция — они не существуют, они сделаны из той же материи, что и сны. Мысли и сны сделаны из одной и той же материи — это рябь на поверхности океана; в них нет ничего субстанциального. Если вы хотите знать истину, вернитесь домой.

Я всегда говорю: ищите — и вы упустите, не ищите — и найдете, потому что сама попытка поиска означает, что вы считаете само собой разумеющимся, что этого у вас нет. Ваш поиск обречен с самого начала. Однажды, занимаясь поисками, накапливая знания, вы остро почувствуете, что вы дурак, что прежде, чем отправиться на поиски в большой мир, следовало бы заглянуть внутрь.

Еще одна маленькая притча о Рабии Аль-Адави.

Однажды вечером, когда садилось солнце, соседи увидели, что она ищет что-то на улице — старая женщина, все любили ее; конечно, все считали ее слегка сумасшедшей, но она была прекрасным человеком — так что все бросились помогать ей. Люди спросили:

— Что ты потеряла? Что ты ищешь?

Она ответила:

— Свою иголку. Я шила и потеряла свою иголку. Помогите мне, вы так добры!

Все включились в поиски. Затем один человек, понимая, что улица очень большая, а иголка — такая крошечная вещь, и что до тех пор, пока они не будут знать точно, где она упала, найти ее будет практически невозможно, подошел к Рабии и попросил:

— Покажи нам точное место.

Рабия сказала:

— Не просите об этом, потому что, на самом деле, я потеряла ее не вне своего дома, я потеряла ее внутри.

Они прекратили поиски и сказали:

— Сумасшедшая! Почему же ты ищешь ее здесь, снаружи, на улице, если потеряла внутри дома?

Рабия сказала:

— Там темнее. Здесь немного светлее — разве можно искать в темноте? Вы ведь знаете, что я бедная женщина, у меня нет даже лампы. Как можно искать в темноте? Поэтому я ишу здесь, потому что здесь еще есть немного света от заходящего солнца, здесь еще можно что-то сделать.

Люди начали смеяться. Они сказали:

— Ты действительно ненормальная! Мы знаем, что в темноте искать трудно, но тогда единственный выход — это одолжить у кого-нибудь лампу и искать ее там.

Рабия сказала:

— Я никогда не думала, что люди настолько мудры. Тогда почему же вы всегда ищете снаружи? Я просто иду вашей дорогой. Если вы так хорошо все понимаете, почему же вы не одолживаете у меня лампу и не ищете внутри? Я знаю — там темно...

Эта притча очень важна. Вы ищете снаружи, и причина в том, что внутри все так темно. Вы закрываете глаза, а там — темная ночь, вам ничего не видно; даже если вы видите что-то, это не что иное, как часть внешнего мира, отраженная во внутреннем озере — текут мысли, которые вы накопили в миру, приходят и уходят лица — но они принадлежат внешнему миру. Только отражения внешнего мира и необъятная тьма. Вам становится страшно. Тогда вы думаете, что лучше поискать снаружи, там, по крайней мере, светло.

Но дело не в этом. Где вы потеряли свою истину? Где вы потеряли свое существо? Где вы потеряли своего Бога? Где вы потеряли свое счастье, свое блаженство? Будет лучше, прежде чем вы выйдете в бесконечный лабиринт внешнего мира — сначала посмотрите внутрь. Если вы не сможете найти там, тогда все правильно — идите и ищите снаружи. Но так никогда не бывает. Тот, кто смотрел внутрь, всегда находил — потому что это уже там, нужен только взгляд, обращение, возвращение сознания. Только глубокий взгляд.

*Чем больше гонишься за знаниями,
тем меньше знаешь.*

Поэтому мудрый не ходит, но познает...

В суете вы упускаете, вы напрасно тратите жизнь, энергию, возможность. Не бегайте туда-сюда. Прекратите суетиться. В этом вся

суть медитации: перестаньте бегать, посидите тихо, с закрытыми окнами и дверями, устройтесь внутри, отдохните внутри, расслабьтесь внутри, пусть шум немного утихнет — затем начинайте смотреть.

Сначала вы будете словно идти наощупь, в начале будет слишком темно, но по мере того, как вы привыкаете к темноте, ее качество начинает меняться.

Это похоже на то, как вы входите с улицы — жаркий день, и солнце палит безжалостно — вы входите в комнату внутри своего дома и ничего не видите; все кажется темным, потому что глаза настроены на солнце, глаза привыкли к слишком яркому свету.

Внезапная перемена — глазам понадобится немного времени, чтобы приспособиться, вот и все. Нужно терпение. Когда вы пойдете внутрь, ничего не будет видно — не будьте нетерпеливы, не говорите уже через минуту, что все будды лгут — они говорят, что внутри блаженство, а я ничего не вижу.

Это случилось с одним из самых проницательных мыслителей, когда-либо рожденных Западом, — это случилось с Дэвидом Хьюмом. То и дело сталкиваясь с восточными техниками — «Идите внутрь; закройте глаза; смотрите» — однажды он подумал: «Ладно, попробую, хотя я прекрасно знаю, что там ничего нет. Эти восточные люди — сумасшедшие, нелогичные, иррациональные, интровертные, они дурят самих себя».

Он сказал: «Надо хотя бы попробовать», — закрыл глаза и посидел одну минуту; затем он открыл их и записал в своем дневнике: «Там нет ничего, кроме темноты — несколько текущих мыслей, несколько ощущений, и больше ничего...»

Не будьте так нетерпеливы. Подождите. Пусть внутри все займет свои места — на это нужно время. Вы создавали там беспорядок в течение стольких жизней, и теперь потребуется немного времени, чтобы привести вещи в порядок — немного терпения, больше ничего не нужно. Не нужно пытаться разложить их, потому что вы только все снова перепутаете, вы еще больше все перемешаете; просто ничего не делайте.

В этом суть замечательной фразы Лао-цзы *ву-вэй*: делать, не делая. Просто ничего не делайте, и это случится; вот что такое делание через недеяние. Просто закройте глаза и ждите, ждите, ждите — и вы увидите, как беспорядок слой за слоем отпадает, устраняется, вещи становятся на свои места, приходит тишина; и мало-помалу тьма становится светом, и вы видите то Одно, через познание которого познается все. То есть ты, Светакету.

*Поэтому мудрый не ходит, но познает,
понимает, не видя,
достигает, не действуя.*

И это величайшее достижение — то, которое достигнуто совершенно без всякого делания. Помните: то, что *вы* можете сделать, не может превышать вас — как оно может превышать вас? Если делаете вы, это останется ниже вас, это не может пойти выше вас. Что бы вы ни делали, это будет частью вашего ума, это не может быть трансцендентальным. Все, что вы делаете, будет сделано вашим эго, это не может быть вашим существом. Поэтому недеяние — единственный способ сделать это.

Сидите тихо, сидите спокойно, ничего не делая, и трава растет сама по себе. А затем — усилие, достижение, деяние — безмолвное. Какая потрясающая и необъятная тишина нисходит на вас...

Несколько дней назад я читал японское стихотворение; одна строчка из него очень глубоко запала мне в душу, стала частью моего сердца. Она гласит:

*Когда не поет ни одна птица,
гора еще тише.*

Когда нет никакого действия, даже птицы больше не поют, ничего нет, все тихо и спокойно, вы внезапно осознаете, что с самого начала не было никакого недостатка; вы всегда были тем, что вы ищете. Внезапно вы понимаете, что на престоле сидит Мастер Мастеров. И вы начинаете смеяться.

Бокудзю стал просветленным — просветленным? Не относитесь к этому слову слишком серьезно — в нем нет ничего серьезного, это предел веселья, это последняя шутка, — Бокудзю стал просветленным и начал смеяться утробным смехом, он стал сумасшедшим.

Люди собрались и начали спрашивать:

— В чем дело? Пожалуйста, скажи нам, что случилось?

Он сказал:

— Ничего не случилось, просто я был безумцем, разыскивая то, что уже есть во мне.

Когда люди спрашивали Бокудзю: «Что ты делал, когда стал просветленным?» — он обычно говорил: «Я смеялся, я громко смеялся». И добавлял: «Я до сих пор не перестал смеяться. Слышите ли вы это или нет, не важно — я все еще не перестал смеяться. Какая шутка! Вы уже имели это — но вы искали тут и там, и вы не могли найти не потому, что его не было, а потому, что его так много и оно так близко к вам, что вы не могли его увидеть».

Глаза видят то, что далеко, глаза видят то, что находится на расстоянии, потому что глазам нужна перспектива; руки могут коснуться того, что отлично от вас и удалено, уши слышат то, что снаружи — вот почему Лао-цзы говорит, что он понимает, не видя — ибо как вы можете видеть себя? Кто кого будет видеть? Видящий и видимое еди-

ны, глаза не нужны. Кто будет делать? Кто будет совершать усилие? Это все равно, что собака, которая гоняется за собственным хвостом, это будет просто глупо...

Именно это вы и делаете — гоняетесь за собственным хвостом. Остановитесь и посмотрите: это ваш собственный хвост, не нужно за ним гнаться, и, гоняясь за ним, вы никогда не достанете его. Гонясь за ним, вы упускаете, не гонясь, вы достигаете.

...достигает, не действуя.

И тогда время исчезает. Знание исчезает, потому что знание существует, чтобы знать что-то, знание есть способность *узнавать*; а когда вы знаете, эта способность теряет смысл, она просто исчезает.

Время исчезает, потому что время существует оттого, что вы разочарованы, оно создано из вашего разочарования — чтобы вы могли надеяться на будущее и как-то вынести разочарование, вытерпеть его и утешиться.

Ум и время — не две вещи, но две стороны одного и того же. Когда они исчезают, впервые *вы есть* — в своей полной славе. Можно сказать, что вы стали богом, буддой.

И спросите просветленных — все они говорят одно и то же: что это должно быть достигнуто без всяких усилий с вашей стороны. Именно усилия все запутывают.

Отбросьте все усилия, просто сядьте тихо, смотря внутрь — *увидит*.

Глава 2

НЕ ДЕЛАЙТЕ НИЧЕГО!

Разве поиск просветления — не эгоистичный поиск?

Аа, это так. Это самый большой эгоизм. Нет ничего подобного ему, он несравнимо эгоистичен.

Человек должен быть эгоистичным, другого пути нет. И все старые учения, которые постоянно твердят вам не быть эгоистичными, не помогли; скорее, они сбили вас с толку, сделали вас неестественными.

Самость — это ваш центр, и быть эгоистичным — единственный способ быть. Чем больше вы стараетесь быть *не эгоистичным*, тем более эксцентричным вы становитесь. Слово «эксцентричный» прекрасно — оно просто означает отдаление от центра.

Тогда вы больше не укоренены в себе, не обоснованы в своем существе, а человек, не имеющий основания в своем существе, живет фальшивой жизнью, искусственной жизнью. Вся его жизнь больше похожа на сон, чем на реальность.

И в глубине вы не можете ничего сделать. В глубине вы остаетесь эгоистичными. Самое большее, вы становитесь лицемером.

Вы стараетесь быть неэгоистичными, но это невозможно. Даже в своей попытке быть неэгоистичным вы остаетесь эгоистом. Поэтому вы создаете дуальность, конфликт, и в глубине вы постоянно отрицаете то, что говорите на поверхности — и вы прекрасно это знаете, потому что разве можно обмануть себя? Поверхность говорит одно, глубина продолжает транслировать прямо противоположное.

Случилось, что на Муллу Насреддина подали в суд, и судья спросил его:

— Ты спал с этой женщиной, Насреддин?

Насреддин ответил:

— Нет, ваша честь, совсем не спал, я даже не моргнул!

Такова ситуация. Вы говорите что-то, и тут же ваша внутренняя глубина противоречит этому. Вы стали противоречием. Вы стали напряженными. Ваша жизнь стала глубокой болью, страданием.

Я учу вас быть тотально эгоистичными, потому что я учу вас тому, что естественно. Но если вы правильно понимаете меня — что трудно, вы можете понять меня не так — если вы действительно эгоистичны,

тогда из вашей жизни изливается много абсолютно неэгоистичного. Когда человек укоренен в своем собственном существе, он столь многим может поделиться, он может отдать так много — для этого не нужно быть альтруистом.

Если вы центрированы, вы *уже* альтруистичны, потому что вы переполнены любовью, переполнены бытием, вы *должны* делиться. Вы подобны цветку, наполненному ароматом — он непрерывно делится им с ветрами. Это подобно беременности — вы носите в себе так много, что вам приходится отдавать, делиться, и, будучи разделенным, это становится еще больше — но вы делитесь из своего центра.

Я не говорю, что, когда вы становитесь эгоистичными, вы не бескорыстны; нет, как раз наоборот. Когда вы стараетесь быть неэгоистичными, в глубине вы остаетесь эгоистами. Когда вы становитесь тотально эгоистичными, невероятно прекрасный не-эгоизм случается в вашей жизни. Но вы даже не осознаете это, потому что если вы осознали, это становится ложью.

Естественные и здоровые вещи не нуждаются в осознании. Осознаете ли вы свое дыхание? Да, иногда, когда что-то не в порядке, когда что-то болит, когда дыхание становится не таким, каким оно должно быть — тогда вы становитесь бдительным, вы поднимаете тревогу, вы становитесь сознательным. В других случаях дыхание продолжается день и ночь, двадцать четыре часа в сутки, бодрствуете вы или спите, любите или ненавидите, идете или сидите — что бы вы ни делали, дыхание продолжается. Оно не зависит от того, сознаете вы его или нет — и это счастье, что оно не зависит от вашей сознательности, иначе вы бы давно уже умерли.

Если бы вам пришлось заботиться о дыхании, если бы вам пришлось *делать* это, оно бы давным-давно прекратилось.

Неэгоистичность должна быть подобна дыханию. Вы должны быть центрированы, тогда это произойдет. Неэгоистичность — не противоположность самости, неэгоистичность есть побочный продукт тотальной самости. Вот чему я учу вас. А все церкви, все религии, все священники и проповедники — все они учили вас прямо противоположному. Они развратили человечество, они отравили ваши умы.

Вы не можете быть центрированными, а пытаетесь помогать другим, служить им. Единственная помощь, которую вы можете оказать, первое и самое важное — это быть центрированным и укорененным в самом себе.

Да, просветление — это эгоистичный поиск.

Такова первая половина ответа, который мне хочется дать вам. Теперь вторая половина.

Поскольку просветление — это эгоистичный поиск, самый эгоистичный, несравнимо эгоистичный — именно поэтому вы не можете до-

Поскольку просветление — это эгоистичный поиск, самый эгоистичный, несравнимо эгоистичный — именно поэтому вы не можете достичь просветления через поиск. Поиск делает вас прекрасным человеком, мудрым, сострадательным, во всех отношениях прекрасным, но не просветленным.

Так что, по-моему, существует три типа людей. Первый — так называемые религиозные люди, моралисты, пуритане, так называемые добродетельные люди, которые все время пытаются быть неэгоистичными и остаются эгоистами. Вторые — люди, которые знают, что нет другого способа жить, что быть эгоистом — единственный существующий способ; такой человек становится центрированным и становится неэгоистичным, получая неэгоистичность через самость, как побочный продукт самости, он не делает усилий, чтобы достичь неэгоистичности. А третий тип — это человек, который ни эгоистичен, ни неэгоистичен. Это просветленный человек, превзошедший дуальность, вышедший за пределы самости.

То, что спрятано внутри, есть не-самость. То, что скрыто позади вас, есть пустота, ничто — Будда называл это *шуньята*, абсолютное ничто.

Итак, вторая часть ответа: вы не можете достичь просветления через поиск. Всякий поиск оборачивается неудачей, потому что, пока ищущий не потеряется, просветление невозможно — а как ищущий может потеряться, если существует поиск? Как утратить искателя, если остается самость?

Это невозможно. Так что же происходит? Как человек становится просветленным?

Он ищет и ищет, и наступает момент, когда он понимает полную абсурдность этого поиска, поскольку вы можете искать нечто, чего еще нет в вас, что находится в будущем; но как вы можете искать то, что уже есть? Через поиск вы упустите это.

Как вы можете искать самого искателя? Ищущий может искать что угодно, кроме самого себя. Пытаться искать себя — абсурд. Как может ищущий искать себя? Для поиска нужна дистанция между ищущим и искомым. Когда дистанции нет — а ее *нет* — ищущий есть искомое. Когда это становится ясно... но это становится ясно после многих поисков; запомните — не бросайте поиск, я не говорю этого — это выясняется после многих неудач, когда все надежды потеряны. Это становится ясным лишь тогда, когда вы искали на всех возможных путях, когда вы сделали все, что могли, когда вы не оставили камня на камне, когда вы осмотрели все углы и закоулки, сделали все, что можно быть сделать, не оставив ничего — тогда вы просто садитесь; поиск отпадает от вас; никакой надежды, никакой возможности достичь этой цели; в момент абсолютного разочарования вы отбрасываете поиск — имен-

но так это случилось с Буддой, именно так это случилось со мной, именно так это случается всегда.

Старайтесь изо всех сил, это необходимо! Я не говорю, что вы можете прямо сейчас отбросить поиск — как вы можете отбросить его, если вы еще ничего не сделали?

Ищите настойчиво. Сделайте все, что вы можете, вложите в поиск всю свою энергию — но я не говорю, что через него вы достигнете. Без него вы никогда не достигнете, и через него никто никогда не достиг. Вам придется пройти через него.

Идите в него, и затем наступит момент, когда вы выйдете, свободные от всяких поисков. Внезапно вы обращаетесь внутрь, потому что поиск всегда направлен вовне: когда вы ищете, вы всегда смотрите куда-то еще, в поисках вы бегаєте повсюду, вы идете во всех направлениях — а внутри вас находится то, что превышает всех направлений. Вы можете назвать это одиннадцатым направлением.

Внутри вас находится нечто такое, что нужно не искать, а только реализовать. Это происходит в единый миг, даже не в единый миг — в долю секунды; и даже не в долю секунды — это происходит не во времени.

Поиск останавливается, ищущий уходит, внезапно это есть. Оно всегда было здесь.

В чем различие между знаниями, мудростью и пониманием?

Разница очень большая, и это не количественная разница, а качественная. Знания — это вера. Знания — это чужой опыт, не ваш. Они говорят, что есть Бог, и вы верите. Это знание.

Молодой человек может стать очень сведущим. Это не трудно. Вам нужна хорошая память и немного труда. Когда-нибудь то же самое может сделать компьютер: вы будете носить в кармане компьютер — не нужно будет перегружать голову библиотеками, компьютер сможет вместить все знания.

Помните, скоро компьютеры заменят все ваши знания. Пандит исчезнет из мира, его место займет компьютер. И я говорю «его место» сознательно, потому что пандит — механизм, а не человек (Ошо использует безличное местоимение *its* вместо личного *his* — прим. переводчика).

Вот все, что вы делали с мозгом — вы забивали его информацией.

Знания заимствованы. Другие знают это, а вы верите, что они должны быть правы. Мудрость приходит через ваш собственный опыт. Знания — это накопление, мудрость — тоже накопление. Но знания — это накопление чужого опыта, а мудрость — накопление вашего

собственного. Молодой человек не может быть мудрым; он может быть знающим, сведущим, но для мудрости нужно время. Старые люди мудры, потому что вы прошли через различный опыт.

Вы можете прочесть множество книг о любви, вы можете много знать о любви — то, что другие говорили о ней; но чтобы узнать саму любовь, вам придется пройти через переживание, на которое требуется время. К тому времени, когда вы узнаете что-то о любви, молодость, ваша молодость, уйдет. Вы будете старым, но мудрым.

Старость мудра, молодость может быть сведущей. Мудрость есть накопление собственного опыта, знания есть чужой опыт, собранный вами.

Тогда что же такое понимание? Понимание — это не накопление. Какая разница, верите ли вы в то, что пережил кто-то другой, или в то, что пережили вы сами? Этот опыт относится к прошлому. Его больше нет, и вы так сильно изменились — и все меняется каждый момент — и старик, который говорит: «В юности я испытал *это*», говорит о чем-то другом, потому что он уже не тот, что был тогда.

Мудрость чуть ближе, чем знания, но не очень близко. Понимание — это не накопление, вы не накапливаете ни чужой опыт, ни свой собственный. Вам не нужно копить, вы растете. Понимание всегда свежо, мудрость немного пыльная и старая; мудрость всегда принадлежит прошлому, вашему прошлому. Знания также принадлежат прошлому — чужому прошлому. В конце концов, какая разница? Ваше прошлое так же далеко от вас, как чужое; вы больше не прежний. Река течет каждый миг, говорит старик Гераклит, и вы не можете вступить в одну и ту же реку дважды.

Ваша молодость — вы не можете вступить в нее дважды; вы научились чему-то из своего опыта, и вы храните это. Знания можно стереть, мудрость тоже. Их можно стереть из мозга, полностью вычистить из вашего ума. Понимание нельзя стереть, это не часть мозга, оно не накоплено. Все накопленное накапливается в уме. Понимание относится к вашему существу, его нельзя стереть — вы не можете промыть мозги Будде; на самом деле, он сам полностью промыл свой мозг, он сам протер доску своего ума — как вы можете очистить его? Он не накапливает — он живет от момента к моменту, и через это его существо растет. Если через жизнь растет ваше знание, это мудрость; если через жизнь растет ваше существо, это понимание; а если ваши накопления увеличиваются без жизни, это знания.

Понимание — это реальное цветение существа. Человек понимания подобен зеркалу. Зеркало ничего не хранит. Зеркало всегда живет непосредственно в настоящем; кто бы ни встал перед ним — оно отражает.

Вы задаете мне вопрос. На этот вопрос можно ответить через знания, то есть через чужой опыт; на него можно ответить через муд-

рость, то есть мой собственный опыт; а можно ответить через понимание — тогда я просто зеркало, я просто откликаюсь, отвечаю.

Вы спрашиваете, вы встаете перед моим зеркалом, я просто откликаюсь. Вот почему человек понимания всегда будет казаться противоречивым, непоследовательным — что он может поделать? Он не хранит прошлое, его ответы не приходят из прошлого, его ответы приходят из его существа прямо сейчас, в этот момент. А мир каждый миг меняется, это поток — разве можно повторить старый ответ? Даже если слова кажутся старыми, ответ не может быть старым.

Понимание не повторяется и не накапливается. Мудрость накапливается, повторяется; знания накапливаются, повторяются. Знания — чистая вера, в мудрости есть немного опыта; понимание абсолютно другое. Это ваше присутствие, подобное зеркалу. Это отклик.

Старики могут быть мудрыми, молодые люди могут быть знающими; только дети могут понимать. Вот в чем смысл высказывания Иисуса: «Только те, кто подобны детям, смогут войти в мое царство Божие».

Когда вы снова становитесь подобны детям — свежими, не хранящими никакого прошлого, не носящими в себе никаких готовых ответов, не хранящими *никаких* ответов, только глубокую пустоту — тогда нечто откликается в вас. Кто-то задает вопрос — ответ не приходит из памяти, ответ не приходит из опыта; ответ — это отклик в этот самый момент.

Понимание всегда здесь и сейчас.

Понимание — самое прекрасное, что может случиться с человеком. Отбросьте знания, затем отбросьте также и мудрость. Не верьте в чужой опыт и не верьте также в свой собственный, потому что и то и другое от прошлого — вы ушли оттуда, это больше не часть существования, река уже утекла, рука прошла через тысячу и один мост, и это не та же река, даже если вы видите, как она течет. Это не одна и та же река, она постоянно меняется.

Кроме изменения, изменяется все. Изменение — единственный постоянный фактор в существовании, так что как можно полагаться на прошлое? Если вы полагаетесь на прошлое, вы всегда будете упускать настоящее.

Старые люди, мудрые, всегда готовы дать прекрасный совет кому угодно — они полны советов; их никто не слушает — это хорошо, никогда не слушайте, потому что у вас никогда не будет тех переживаний, через которые прошли они. Река больше никогда не будет той же. Если вы послушаете их, вы станете фальшивыми, неподлинными, ненастоящими, вы будете ложью.

И никогда не слушайте также свой собственный опыт, потому что вы тоже становитесь старше каждый день, и ваше вчера всегда будет давать советы. Возникает новая ситуация — и вчера уже наготове; оно

говорит, старик внутри вас говорит: «Вот тебе совет, делай *это*, потому что мы сделали это вчера, и это прекрасно сработало, ты добился успеха».

Не слушайте своего внутреннего старика. Будьте бдительны! Осознавайте всю ситуацию. И *не реагируйте*; откликайтесь. Если все ново, пусть ваш ответ тоже будет новым. Только новое может встретиться с новым, только новое может разрешить новое, только с постоянной свежестью и новизной вы остаетесь живым и верным жизни.

Медитируя без установленных временных ограничений, я осознал свое крайнее беспокойство в отношении времени. Вы сказали, что осознание времени есть разочарованность. Не могли бы вы рассказать об этом страхе времени?

Это единственный страх, который существует: страх времени. Страх смерти — это тоже страх времени, потому что смерть останавливает всякое время.

Никто не боится смерти. Как вы можете бояться того, чего вы не знаете? Как вы можете бояться абсолютно неизвестного, незнакомого, чуждого? Бояться можно только известного. Нет, когда вы говорите: «Я боюсь смерти», вы боитесь не смерти, — вы не знаете! Кто знает? — может быть, смерть лучше жизни.

Это не страх смерти, это страх времени.

У нас в Индии одинаковое название для того и другого. Время мы называем *кала*, и смерть мы тоже называем *кала*. У нас одно название для смерти и времени. Оно многозначительно, слово *кала* многозначительно, оно очень важно, поскольку время *и есть* смерть, а смерть есть не что иное, как время.

Время уходит — это значит, что уходит жизнь. Возникает страх. На Западе этот страх более острый; он стал почти хроническим. На Востоке этот страх не так велик, и причина в том, что Восток верит, что жизнь продолжается всегда, вечно; смерть — не конец; эта жизнь — не единственная жизнь, в прошлом были тысячи и тысячи жизней, и в будущем будут тысячи и тысячи жизней. Торопиться некуда. Вот почему Восток так ленив: спешить некуда! Вот почему на Востоке нет чувства времени — кто-то говорит: «Я приду *ровно* в пять часов», — но он и не думает появляться. Он не чувствует никакой ответственности в отношении времени; вы ждете, ждете, а он приходит через четыре, через пять часов и спрашивает: «Ну и что? Что в этом плохого?»

На Западе времени очень мало, поскольку и христианство, и иудаизм верят только в одну жизнь. Это создает беспокойство. Жизнь все-

го одна, самое большее, семьдесят лет; одна треть уходит на сон — если вы живете шестьдесят лет, двадцать лет уходит на сон, еще двадцать теряется на образование, на то и это; оставшиеся двадцать лет — профессия, работа, семья, брак и развод; и если вы посчитаете, вы обнаружите, что времени жить нет!

Когда я буду жить? Страх сжимает сердце, а жизнь проходит, время вытекает из ваших рук, и смерть каждый миг приближается с такой неумолимостью — в любой момент она может постучаться в дверь. И время невозможно повернуть вспять, вы не можете вернуть его, оно уходит навек.

Страх, беспокойство, невроз времени — он становится хроническим; это стало почти второй натурой для западного человека — постоянно помнить о том, что время уходит, и бояться.

Вот на чем основан этот страх: до сих пор у меня еще не получалось жить, а время идет, и его нельзя повернуть вспять, я не могу это исправить; оно уходит навеки. И жизнь каждый день сокращается, становится меньше, меньше и меньше...

Это не страх смерти, это страх времени, и если вы посмотрите в него глубже, вы обнаружите, что это страх непржитой жизни — вы еще не жили. Если вы живете, никакого страха нет. Если жизнь приходит к осуществлению, никакого страха нет. Если вы наслаждались, достигли тех вершин, которые может дать жизнь, если ваша жизнь была оргазмическим переживанием, глубокой поэзией, вибрирующей в вас, песней, празднованием, торжеством, и каждый ее миг вы прожили во всей его тотальности, тогда нет никакого страха времени, тогда страх исчезает.

Вы готовы — даже если смерть придет сегодня, вы готовы. Вы познали жизнь — на самом деле, вы будете приветствовать смерть, потому что теперь открываются новые возможности, новые двери, становится доступной новая тайна: я прожил жизнь, теперь смерть стучится в дверь; я вскочу, чтобы открыть дверь — входи! Жизнь я познал, теперь я хочу узнать также и тебя.

Именно это случилось с Сократом, когда он умирал. Его ученики начали плакать и рыдать — это было естественно. Сократ открыл глаза и сказал:

— Перестаньте! Что вы делаете? Почему вы плачете и рыдаете? Я прожил свою жизнь, я прожил ее во всей полноте. Теперь приходит смерть, и я очень-очень рад ей. Я жду ее с такой великой любовью и нетерпением, с надеждой. Открывается новая дверь, жизнь приоткрывает новую тайну.

Кто-то спросил:

— Разве ты не боишься?

Сократ ответил:

— Не вижу причины, почему нужно бояться смерти? Во-первых, я не знаю, что будет, а во-вторых, есть только две возможности: или я буду продолжать жить — тогда нет проблемы страха, или я не буду жить дальше — тогда тоже нет проблемы страха. Если я не буду продолжать жить, никаких проблем: если меня нет, никаких проблем быть не может; а если я буду жить дальше, как сейчас, если мое сознание будет живо, тогда тоже не будет проблем, потому что я буду тем же.

Проблемы были и в жизни — я разрешил их, поэтому, если там будут проблемы, я разрешу их; а это всегда радость — разрешить проблему, это вызов. Вы принимаете вызов и идете в проблему, и когда вы разрешаете ее, высвобождается огромное счастье.

Страх смерти — это страх времени, а страх времени, в глубине, — это страх непржитых мгновений, непржитой жизни.

Так что же делать? Живите больше, и живите интенсивнее. Живите опасно. Это ваша жизнь, не приносите ее в жертву никакой глупости, которой вас учили. Это ваша жизнь, живите ее. Не приносите ее в жертву словам, теориям, странам, политике, не жертвуйте ею никому.

Так много людей, которые всегда наготове, как палачи; они могут поймать вас; и они внушают вам условности: «Нация в опасности — умри за нее!» Абсолютная чепуха. «Твоя религия в опасности — умри за нее!» Ерунда. Это ваша жизнь, *живите ее!* Не умирайте ради чего бы то ни было, умирайте только ради жизни.

Вот в чем послание. И тогда не будет никакого страха.

Однако есть люди, готовые эксплуатировать вас. Они постоянно говорят: «Умри за то, умри за это». Они согласны только на одно — чтобы вы были мучеником; и тогда появятся страхи.

Живите! И не думайте, что умереть — это мужество. Единственное мужество — это прожить жизнь во всей ее полноте, много мужества не существует. Умереть очень легко и просто. Вы можете пойти и прыгнуть с отвесной скалы, вы можете повеситься — это очень просто. Вы можете пострадать за отечество, за Бога, за религию, за церковь — мясники! убийцы!

Не приносите себя в жертву. Вы здесь ради себя самого, не ради кого бы то ни было.

И живите. Живите абсолютно свободно, так интенсивно, чтобы каждый миг превращался в вечность. Если вы проживаете момент интенсивно, он превращается в вечность. Если вы проживаете момент интенсивно, вы движетесь в вертикальное, вы отбрасываете горизонталь.

Есть два способа отношений со временем: один — это плавать на поверхности океана, другой — глубоко нырнуть, пойти в глубину.

Если вы просто плаваете по океану времени, вы всегда будете бояться, потому что поверхность не есть реальность. Поверхность, в действительности, не есть океан, это только граница, только периферия. Идите в глубину, двигайтесь в глубину. Когда вы проживаете момент глубоко, вы перестаете быть частью времени.

Если вы любили, если вы любите глубоко, время исчезает. Когда вы со своей возлюбленной, или любимым, или со своим другом, времени внезапно нет. Вы движетесь в глубину. Если вы любили музыку, если у вас музыкальное сердце, вы знаете: время останавливается. Если у вас есть чувство прекрасного, эстетическое чутье и чувствительность к красоте — посмотрите на розу, и время исчезнет, посмотрите на луну — где время? Часы немедленно останавливаются. Стрелки продолжают двигаться, но время останавливается.

Если вы любили что-нибудь глубоко, вы знаете, что трансцендировали время. Эта тайна открывалась вам много раз. Жизнь сама открывает ее вам.

Жизни угодно, чтобы вы наслаждались. Жизни угодно, чтобы вы праздновали. Жизни угодно, чтобы вы участвовали в ней так глубоко, что не будет никаких сожалений о прошлом, чтобы вы не вспоминали прошлое, потому что каждый момент вы погружаетесь все более и более глубоко — каждый момент жизнь становится все более и более прекрасной, более оргазмичным, вершинным переживанием; и постепенно, когда вы становитесь созвучны этим вершинам, они становятся вашей обителью.

Именно так живет просветленный: он живет тотально и от мгновения к мгновению.

Кто-то спросил мастера дзен:

— Что ты делаешь после того, как стал просветленным?

Он ответил:

— Я ношу воду из колодца, рублю дрова в лесу; когда я голоден, я ем, а когда хочу спать, сплю — вот и все.

Но запомните хорошенько: когда человек, пришедший к глубокому пониманию своего существа, рубит дрова, он просто рубит дрова. Там больше никого нет. На самом деле, дровосека нет — только рубка дров. Того, кто рубит, нет, потому что он остался в прошлом. Когда он ест, он просто ест.

Один великий мастер дзен сказал: «Когда сидишь — сиди, когда идешь — иди, — и, самое главное, без колебаний».

Время является проблемой потому, что вы не жили правильно — это символично, симптоматично. Если вы живете правильно, проблема времени исчезает, страх времени исчезает.

Итак, что делать? Каждый момент, что бы вы ни делали — делайте это тотально. Простые вещи — принимая ванну, принимайте ее тотально, забудьте обо всем мире; сидя, сидите; когда идете, идите и, самое главное, без колебаний; сидите под душем, и пусть все существование падает на вас. Растворитесь в этих прекрасных каплях воды, падающих на вас. Мелочи: вы убираете дом, готовите пищу, стираете одежду, идете на утреннюю прогулку — делайте их тотально, тогда никакая медитация не нужна.

Медитация есть не что иное, как способ научиться делать вещи тотально — когда вы научились, сделайте всю свою жизнь медитацией, забудьте обо всех медитациях, пусть жизнь будет единственным законом, пусть жизнь будет единственной медитацией. И тогда время исчезает.

И помните, когда время исчезает, исчезает и смерть. Тогда вы не боитесь смерти. В действительности, вы ждете.

Подумайте об этом явлении. Когда вы ждете смерти, как может она существовать?

Это ожидание — не самоубийство. Это ожидание — не патология. Вы прожили свою жизнь. Если вы прожили свою жизнь, смерть становится самой высокой ее вершиной.

Смерть есть кульминация жизни, ее пик, крещендо.

Вы пережили все маленькие волны — еду, питье, сон, прогулки, любовь — все мелкие волны, большие волны вы прожили — и затем приходит величайшая волна. Вы умираете! И это вы также должны прожить во всей тотальности. И тогда человек готов умереть. Эта готовность есть смерть самой смерти.

Именно так люди пришли к знанию, что ничто не умирает. Смерть бессильна, если вы готовы прожить ее; смерть очень сильна, если вы боитесь. Непрожитая жизнь дает смерти силу. Тотально прожитая жизнь отнимает у смерти всю силу. Смерти нет.

Согласны ли вы с мнением, что история повторяется?

Н

ичто не повторяется, кроме глупости, а история — это глупость, она повторяется.

Как человек может понять, что ни он, ни кто-то другой не умирает?

Нет другого способа, кроме как умереть.

Одному дзенскому мастеру задали вопрос — великий император пришел спросить; он боялся смерти, как и всякий человек, и конечно, император теряет больше, чем нищий — поэтому император поневоле больше боится смерти, чем нищий; смерть отнимет у императора больше, чем у нищего, так что, естественно, он боится больше. Он состарился; он пришел к дзенскому мастеру и попросил:

— Расскажи мне что-нибудь о смерти, мастер.

Мастер сказал:

— Разве я могу о ней знать?

Император сказал:

— Но ведь ты — просветленный мастер.

Тот ответил:

— Да, но живой, а не мертвый — как я могу знать о смерти?

В этот момент жизнь здесь — живите ее. Это тренировка для смерти. Иначе, когда вы умрете, вы будете спрашивать: «Что такое жизнь?» Когда вы спрашиваете, что такое смерть, и продлится ли то же самое после смерти или нет, знайте, что вы упускаете возможность, пока вы живы — вы упускаете возможность узнать, что такое жизнь.

Я открою вам один секрет — никому не рассказывайте об этом, а если расскажете кому-нибудь, пожалуйста, скажите, чтобы они больше никому не говорили. Живые люди приходят ко мне и спрашивают: «Что такое смерть?» И духи тоже приходят ко мне и спрашивают: «Что такое жизнь?»

Пожалуйста, пока вы живы, живите как следует, чтобы, когда вы станете духом, вам не нужно было бы приходить к мастеру и спрашивать: «Что такое жизнь?» И если вы сможете узнать жизнь, вы сможете также узнать и смерть, потому что все дело в знании. Если вы способны узнать жизнь, вы будете способны узнать смерть.

Нужно развивать знание — именно это постоянно говорит Лао-цзы: не знания, а истинное знание. И помните, если вы спрашиваете меня и я говорю: да, вы будете жить после смерти, — это будет для вас информацией, а не истинным знанием.

Я здесь не для того, чтобы помогать вам стать более сведущими. Это был бы грех, и мне пришлось бы страдать за него. Я здесь для того, чтобы сделать вас более знающими: не для того, чтобы давать вам информацию, но чтобы дать вам ситуацию, в которой вы будете расти и расцветать.

Не беспокойтесь о смерти. Сейчас вы живы, очень живы. Живите жизнь, чтобы вы могли узнать ее. Если вы можете узнать жизнь, вы уже узнали смерть, потому что смерть есть сокровенное ядро жизни.

Ребенок рождается. Вы думаете, он умрет через семьдесят лет? Вы ошибаетесь. Ребенок рождается; он несет в себе смерть, как сокровенное ядро своего существа. Ему потребуется семьдесят лет, чтобы обнаружить эту суть. Семьдесят лет уйдет на то, чтобы это ядро целиком наполнило его, и затем однажды он внезапно исчезает.

Смерть — это ничто внутри вас, больше ничего — просто ничто внутри вас. Прекрасное явление! Жизнь прекрасна, но она — ничто по сравнению со смертью. Смерть потрясающе прекрасна. Тысячи и тысячи жизней — ничто по сравнению со смертью, потому что смерть — самое сильное крещендо. Это небытие.

В глубокой медитации вы узнаете, что такое небытие. Вы столкнетесь со смертью, и это единственный способ узнать ее — столкнуться с ней.

Поэтому, если вы глубоко медитируете, однажды вы неожиданно почувствуете, что вы вот-вот умрете — не пугайтесь. Умрите! Отпустите себя. Пусть это произойдет. И смерть произойдет, а вы будете оставаться свидетелем. Смерть окружит вас со всех сторон, а вы будете парить над ней и знать ее. Но пусть это будет истинным знанием, а не информацией.

Почему, несмотря на частое достижение глубокой осознанности и понимание собственных блоков, проблем и призрачного существования, не происходит взрыв из этого состояния в самадхи? Разве осознанности для этого недостаточно?

 осознанности достаточно для этого; но в вас недостаточно этой осознанности. Осознанности достаточно, чтобы вызвать этот взрыв; если он не происходит, это означает, что у вас не хватает осознанности, и то, что вы называете осознанием, возможно, есть всего лишь размышления о нем — иначе взрыв произойдет.

Вы постоянно думаете о предметах, и когда вы думаете, вы считаете это реальностью.

Есть люди, которые думают, что они любят; есть люди, которые думают, что они осознают; есть люди, которые думают, что они в медитации — но все это мысли, а не живые переживания. Тогда взрыв не произойдет. В противном случае, он должен произойти!

Если он не происходит, знайте, что вы не сознательны, вы просто думаете, что осознаете.

И зачем так волноваться об этом взрыве? Вы ушли в будущее. Только мышление движется в будущее, осознанность — никогда. Осознанность всегда здесь-сейчас. Я говорю «здесь-сейчас» как одно слово — это одно. Осознанность всегда здесь-сейчас. В тот миг, когда вы на-

чали думать о будущем, когда вы беспокоитесь о будущем, тревожитесь о результате, вы не сознательны. Только мышление беспокоится о результате. Жизнь абсолютно не беспокоится о результате. Результат не имеет никакого значения.

Вы любите человека, вы думаете о результате — что из этого выйдет. Если вы думаете, вы не любите; если вы любите, вы никогда не думаете о результате — любовь самодостаточна, она никуда не движется.

Если вы медитируете, медитация так прекрасна — зачем беспокоиться о результате? А если вы беспокоитесь о результате, медитация невозможна. Ум, ориентированный на результат — единственный барьер, единственный блок. Блоков не много, единственный блок — это ум, ориентированный на результат: он никогда не бывает здесь-сейчас, он всегда где-то в другом месте, думая о результате; занимаясь любовью, вы думаете о результате.

Они разрушили на Западе даже прекрасный феномен любви, потому что сейчас есть книги, которые дают вам концепции относительно результата. Занимаясь любовью, люди думают, случится оргазм или нет. Вы остановили его, теперь он не может случиться, поскольку с умом оргазм невозможен. Оргазм — это состояние не-ума. он случается, когда ума нет; он случается, когда вы тотально находитесь в моменте.

Поскольку на Западе так много людей думают об оргазме, публикуется все больше и больше книг о том, как достичь его. Чем больше книг выходит, тем меньше возможность достичь его. Тогда требуется еще больше книг. Таким образом, спрос и предложение продолжают порочный круг.

Кажется, в предстоящие двадцать пять лет, в этом веке — мы все увидим это — к концу этого века Запад станет абсолютно неспособен к оргазму, потому что, когда вы думаете, мышление функционирует как барьер. И тогда мы начинаем подделывать.

Мне попадалась книжка «Как заниматься любовью». Можно ли представить что-либо более глупое? Любовь делают техникой; тогда любовь тоже становится технологией.

Любовь или Бог — не техники. Это не те вещи, которые делают, это способы бытия, а не делания. А способ бытия ставит только одно условие, а именно — чтобы вы были тотальны.

Зачем думать о результатах? Чем плох настоящий момент? Сейчас — чего не хватает? Я здесь, вы здесь, деревья счастливы, небо прекрасно — чего не хватает? Разве может быть большее совершенство, чем настоящий момент? Все совершенно таким, какое оно есть.

Но ваш ум говорит: «Нет. Нужно сделать множество вещей, и тогда ты можешь стать совершенным». Это болезнь, раковая опухоль в уме — мысли о результате, об исправлении вещей, о том, чтобы сде-

лать лучше. Все совершенно, вам не нужно быть усовершенствователями, вы только создадите еще больший беспорядок, вы не можете улучшить порядок вещей. Попробуйте просто быть в настоящем, расслабьтесь в настоящем и позвольте будущему идти своим чередом.

Не будьте ориентированными на цель. Пусть средство будет целью. Пусть путь будет местом назначения.

По эту сторону ограды жизнь кажется не смешной, а скверной шуткой...

Это происходит из-за вас — в остальном это прекрасная шутка. Это ваша интерпретация — *скверная шутка*, это ваша интерпретация. Отбросьте интерпретацию и взгляните еще раз. Посмотрите на нее свежим взглядом; это шутка, и прекрасная шутка, а Бог — шутник.

Есть прекрасная еврейская притча.

В одной деревне был раввин, и когда случались какие-либо трудности, он шел в лес, совершал определенный магический ритуал и молился Богу — и деревня после этого всегда получала помощь.

Затем раввин умер. Его место занял другой раввин. Возникла некая трудность, и новый раввин пошел в лес; он не знал точного места, поэтому сказал Богу:

— Я не знаю точного места, где старик делал свой фокус, поэтому я сделаю это где-нибудь — ты ведь находишься повсюду, так что это не важно, ты можешь услышать меня везде.

Он совершил ритуал, и деревня получила помощь.

Затем он умер, и его сменил другой молодой человек. Снова возникли какие-то проблемы. Этот человек пошел в лес и сказал Богу:

— Я не знаю этого места, я не знаю этот ритуал, но ты знаешь все — так какой смысл делать все это? Я просто говорю тебе: спаси мою деревню от этой напасти.

И деревня получила помощь.

Затем и этот человек умер. Пришел другой молодой человек, и деревня снова попала в беду. Молодой человек вообще не пошел в лес; он сел в свое кресло и сказал:

— Послушай! Я не знаю место, куда ходили старики, я не знаю ритуал, я не знаю молитву, которую они произносили, но я расскажу тебе историю — я ведь знаю, ты любишь истории — пожалуйста, помоги моей деревне.

Он рассказал историю, и деревня получила помощь.

Я люблю эту притчу. Бог — рассказчик, он любит шутки; но если они кажутся скверными, это ваша интерпретация. Отбросьте свою ин-

терпретацию и посмотрите еще раз — со свежим умом, без интерпретаций, без пережитков прошлого — и вы начнете хихикать. Этот мир так прекрасен, это отличная шутка.

Сколько нужно терпения? Разве мы в самом деле ничего не можем сделать?

В тот момент, когда вы спрашиваете «сколько?», вы упускаете смысл. Вы не можете спрашивать, сколько нужно терпения. Сам вопрос говорит, что терпения нет, вы нетерпеливы. Терпение никогда не спрашивает «сколько?», терпение всегда знает: что бы вы ни делали, это всегда меньше, чем нужно.

Вот почему те, кто достиг, всегда говорят: «Когда мы достигли, это случилось не благодаря нашим усилиям; это случилось по его милосердию».

Не спрашивайте, *сколько терпения*. Сам этот вопрос рождается из нетерпения.

И — *Разве мы в самом деле ничего не можем сделать?* Да, в самом деле, нет ничего, что *вы* можете сделать. Деятель — это барьер. Вы — препятствие. Отбросьте это «я» и этого деятеля. Жизнь случается, это не действие; и все великое и прекрасное *случается*. Вы не можете сделать это, вы можете только позволить этому случиться, пожалуйста, позвольте это; все, что вам нужно сделать — это позволить.

Случилось, что к раввину деревни пришел один человек — он был очень огорчен, встревожен, растерян. Он сказал:

— Ты должен помочь мне, ребе. У меня большие неприятности. Сегодня родился мой двенадцатый ребенок — я бедный человек, я не могу прокормить себя, жену и двенадцать детей. Ты понимаешь мое положение. Помоги мне — что я должен делать?

Раввин подпрыгнул. Он закричал:

— Делать? Послушайся моего совета — не делай ничего!

И вы тоже, пожалуйста, послушайтесь моего совета — не делайте ничего.

Позвольте — пусть это произойдет. Это всегда за углом, вы так близко! Это всегда готово случиться, в любой момент, но вы не позволяете, вы продолжаете толкать реку. Плывите с ней, теките с ней.

Найдут ли, в конечном счете, все живые существа путь к просветлению?

Я не знаю. Может быть, да, может быть, нет. Я знаю только одно: что все уже просветленные. Придете ли вы в конце концов к этому знанию, или нет — зависит от вас. Как я могу ответить вам?

Если вы будете делать то же самое, что делали до сих пор, вы можете продолжать делать это вечно.

Вот что я знаю: что каждый уже просветлен. Узнает ли он об этом в конце концов, или нет — зависит от него.

ЗАВОЕВАНИЕ МИРА ЧЕРЕЗ НЕДЕЯНИЕ

Лао-цзы говорит:

*Изучающий знания изо дня в день
стремится научиться,
изучающий Дао изо дня в день
стремится потерять.*

Постоянно теряя, он достигает недеяния.

Через недеяние свершается все.

*Тот, кто завоевывает мир,
часто делает это через недеяние.*

*Кто вынужден делать что-то,
уже не в состоянии овладеть миром.*

Что такое знания? И почему все люди, которые стали пробужденными, глубоко против них?

Знания — это средство борьбы с существованием. Знания — это инструмент в руках эго. Знания — это конфликт: часть пытается завоевать целое, узнавая его тайны. Знания — одна из главных уловок эго, так же, как деньги, власть, — но знания опаснее денег, опаснее власти, потому что знания тоньше.

Я должен рассказать вам старую библейскую историю об Адамовом изгнании из рая. Эта притча очень многозначна. Одно из значений — то же самое, что у Лао-цзы. Бог создал мир и сказал Адаму, чтобы тот не ел плодов древа познания — но почему именно с древа познания? В самом деле, это кажется абсурдом. Запрети он Адаму убивать, мы могли бы это понять; запрети он Адаму заниматься сексом — все религии мира поняли бы это. Но Бог запретил не секс и не насилие, но знание. Кажется, знание и есть первородный грех.

Но почему Бог запретил его? Почему знания опасны? Потому, что самая попытка узнать секреты есть агрессия. Глубочайшая агрессия. Самая попытка приоткрыть завесу тайны есть насилие. И самая попытка узнать означает, что вы готовитесь к борьбе. Иначе что вы будете делать со знанием?

Знания — это средство агрессии, борьбы и конфликта. Часть пытается восстать; часть пытается иметь собственный центр бытия, отделенный от целого. Часть пытается стать центром самого мира!

Это не значит, что есть Бог, который запрещает. Вчера я говорил вам, что Бог любит истории. Теперь я должен сказать вам, что Бог сам — часть прекрасной истории. Бог — это самая прекрасная притча. Нигде нет ничего похожего на Бога. Не ищите его, иначе вы будете искать тщетно. Вы никогда его не встретите. Бог — это метафора, но прекрасная! Здесь говорится о многом, но вы упустите, если будете считать Бога личностью. Бог — не личность.

Однажды я слышал замечательный философский разговор. Я сидел в доме богатого человека, в его прекрасном кабинете; он непрерывно болтал, но в соседней комнате зазвонил телефон, и ему пришлось покинуть меня. Хорошо, что он ушел, иначе я мог бы пропустить этот замечательный разговор.

Рядом со мной стояла большая ваза, и в ней плавали две золотые рыбки. Вдруг младшая рыбка остановилась и спросила вторую:

— Ты веришь в Бога?

У этой молодой рыбки был очень философский вид — она была искателем. Старшая рыбка тоном гуру сказала:

— Да; в противном случае, как ты думаешь, кто меняет нам воду каждый день? Если Бога нет — кто же меняет нам воду каждый день?

Все концепции Бога похожи на эту — кто, по вашему мнению, создал мир? Кто, по-вашему, продолжает управлять миром, контролировать мир? Мелкие умы, мелкие идеи. Бог — не концепция, Бог — метафора.

Так что помните, когда я говорю «Бог запретил», я не имею в виду, что есть кто-то, кто запретил. Я просто имею в виду, что это способ выражения. *Существование* запрещает знание. Существование позволяет невинность и запрещает знание, потому что в невинности часть сливается с целым, остается с целым, остается единой с целым — а в тот момент, когда часть начинает знать, возникает эго, кристаллизуется эго. Часть больше не течет вместе с целым, теперь у нее есть собственный ум — чтобы определенные вещи делать, определенные вещи не делать; теперь у него есть собственный выбор, собственные симпатии и антипатии.

Вот в чем смысл этой истории: внезапно Адам и Ева были изгнаны из рая.

Должно быть, вам интересно, где находится рай. Это не географическое место, это психологическое состояние ума. Невинность есть рай, знания есть изгнание.

Каждый ребенок рождается Адамом или Евой и пребывает в раю. Но затем мы начинаем учить его, мы начинаем обуславливать его. Все эти учителя и люди, которые воспитывают, все эти люди, которые стараются сделать ребенка сведущим — это змей, который искушал Еву: если ты съешь плод древа познания, ты станешь подобной Богу, ты будешь иметь свой собственный центр, так же, как у Бога есть свой центр. Если ты узнаешь, ты станешь чем-то отличным от того, что ты есть.

Знание в целом есть соблазн стать чем-то, чем вы не являетесь. Все это знание создает будущее, рождает желание стать тем, чем вы не являетесь.

Нevinность означает наслаждение тем, что вы есть, знание означает усилие стать тем, чем вы не являетесь.

Этот змей был первым учителем в мире. Этот змей создал разрыв — разрыв между бытием и становлением. Всякое знание создает этот разрыв между вашим бытием и становлением. Оно создает *мечту*. Оно создает приятное заблуждение, иллюзию, что вы можете стать как боги. Но — вы не боги, вы не можете стать как боги. Невинность говорит, что вы *есть*, вам не нужно становиться. Иначе это невозможно — вы часть целого, вы имеете то же качество, что и целое, вы *святы*. Невинность говорит, что вы уже это. Не нужно ничего делать. Вы должны просто наслаждаться этим, праздновать и радоваться. Знание говорит: «Такой, какой ты есть, ты ни на что не годен, ты ничто, ты должен стать как боги. Попытайся! Сделай усилие! Делай! Дисциплинируй себя!»

Помните: в тот день, когда ребенок начинает думать о будущем, он теряет невинность. Лишь до этого момента, пока он продолжает наслаждаться настоящим, он ребенок — невинный, не испорченный в своем существе. Туда еще не вошло становление, он все еще в раю.

Рай — это ничто, рай — это способность наслаждаться прямо здесь и сейчас.

Вы в раю, и все же вы потеряли его, потому что не можете наслаждаться здесь и сейчас. Вы думаете, планируете на будущее — где-нибудь, когда вы станете подобны богам, вы будете наслаждаться.

Знание создает будущее. Знание создает желание. Знание создает становление. Знание — это *сансара*, колесо. Когда вы находитесь в колесе, вы все движетесь, движетесь и движетесь по кругу и никуда не приходите.

Знание — это мир. Когда Иисус говорит: «Мое царство не от мира сего», он имеет в виду мир становления. Он не подразумевает этот мир деревьев, поющих птиц, дождей, небес и облаков, нет; когда он говорит «не от мира сего», он не имеет в виду мир, что окружает вас; он подразумевает мир, который окружает ваш ум и ваше существо, мир становления, желания, — то, что Будда называет *танха*, желание быть чем-то другим, отличным от того, что вы уже есть.

Но это невозможно. Вы будете в постоянном аду. Вы можете быть только тем, чем уже являетесь, ничто другое невозможно. Вы просто пытаетесь сделать нечто невозможное.

Вы не можете быть ничем иным. Разве это возможно? Роза, которая пытается стать лотосом, лотос, который пытается стать чем-то другим... они не так глупы, они все еще часть рая. Розовый куст рядом с вами все еще находится в раю, но вы — нет. Ребенок, сидящий рядом с вами, возможно, все еще в раю, но вы — нет. Я здесь, перед вами, и я в раю, но вы — нет. Так что рай — не вопрос географии, это вопрос внутреннего пространства.

Знание создает разрыв, оно развращает невинность, оно делает вас старым — в противном случае вы всегда оставались бы как дети. И когда Иисус говорит — он говорит совершенно правильно, — что «Пока вы не станете как дети, вы не войдете в мое царство Божие», — это тайный ключ, который вновь открывает двери рая.

Знание изгоняет вас, не Бог. Бога нет, это просто другой способ сказать то же самое. Чтобы сказать это проще, мы берем притчи, чтобы вы могли понять. В тот момент, когда вы становитесь знающим, вы изгнаны автоматически — никто вас не выгоняет. А в тот момент, когда вы отбрасываете знания и вновь становитесь невинным, вы приняты обратно — никто вас не принимает.

Знания — это средство для борьбы с целым; а как вы можете бороться с целым? Это подобно тому, как капля океана борется с океаном; она будет несчастна, очень и очень несчастна — адское му-

чение. Как может капля бороться с океаном? Она может продолжать бороться, но у нее нет никакой возможности когда-либо завоевать целое. Она всегда будет в проигрыше, а это и есть ад — всегда проигрыш, всегда поражение, всегда неудача.

Лао-цзы говорит: знание — единственный грех. И все те, которые пробудились к своей внутренней невинности, говорят то же самое.

Отбросьте знания и снова станьте невинными, похожими на детей. Верните свое утраченное детство — и внезапно вы стали мудрецом, святым. Ничто не потеряно. Ничто не преграждает вам путь, кроме этого желания стать чем-то другим.

*Изучающий знания изо дня в день
стремится научиться,
изучающий Дао изо дня в день
стремится потерять.*

У тех, кто заинтересован в знаниях, все усилия направлены на то, чтобы знать все больше, больше и больше. Они продолжают накапливать, и чем больше они накапливают, тем тяжелее они нагружены. Вы можете посмотреть вокруг — кажется, что каждый несет груз огромной тяжести; он раздавлен своими собственными накоплениями и, хотя и страдает, все-таки цепляется за них, поскольку думает, что это нечто драгоценное.

Если вы понаблюдаете за собой, вы будете удивлены: вы продолжаете цепляться за свои мучения; вы все время мечтаете, что однажды где-то случится экстаз, но продолжаете цепляться за свои мучения, вы никогда не бросаете их. Помните: страдание не цепляется за вас, оно не может за вас зацепиться, знание не может цепляться к вам — вы цепляетесь за него. Вы не просто цепляетесь — вы постоянно возвращаете его, вы помогаете ему расти все больше и больше.

Лао-цзы говорит:

*Изучающий знания изо дня в день
стремится научиться.*

Все его усилия направлены на то, чтобы выучить больше, накопить больше, узнать больше. И чем больше он знает, тем меньше он становится внутри, потому что тогда существо теряется. Он становится кучей информации, наркоманом, и не может найти себя — где он. Он теряется в джунглях собственных знаний.

*Изучающий Дао изо дня в день
стремится потерять.*

Прямо противоположен изучающий Дао, изучающий истину, а не знания, изучающий бытие, а не становление. Он прямо противоположен. Он продолжает терять день за днем, он разгружает себя, он разобучается. Единственное, чему он учится — он учится, как разучиться. Единственное, что его интересует — как полностью разгрузить себя.

Один немецкий ученый приехал к Махарши Раману. Естественно, он проделал длинный путь и, должно быть, много думал о том, что он спросит. Попав к Раману, он сказал: «Я пришел, чтобы сидеть рядом с тобой, чтобы многому научиться».

Раман посмотрел на него с глубоким сочувствием и сказал: «Тогда ты пришел не к тому человеку, потому что я здесь учу только разучиваться. Если ты пришел учиться, ты пришел не туда, иди куда-нибудь в другое место; но если ты готов разучиться, если ты достаточно зрелый, чтобы разучиться, можешь оставаться здесь».

Он был прав. Рядом с мудрецом вы разучиваетесь. Когда вы сыты по горло своей ученостью, когда вы выучили много и ничего не получили, когда вы знаете много и теряетесь в своих знаниях, когда вы знаете много, но полностью забыли, кто вы, когда вы знаете массу ненужных вещей, несущественных вещей, а сущностное знание о самом себе потеряно — тогда идите к мудрецу, чтобы разучиться.

И это величайшая капитуляция. Легко отдать свое богатство, потому что оно находится вне вас. Его могут отнять грабители, его могут украсть, в нем нет ничего от вас, оно снаружи! Вы легко можете отбросить его. Но ваши знания становятся внутренним явлением, они проникают внутрь, они текут в вашей крови, они становятся частью ваших костей, они становятся вашим костным мозгом; их трудно отдать.

Легко научиться чему-то; очень и очень трудно разучиться. Как разучиться, если вы знаете нечто? Становится очень и очень трудно не знать это. Как это отбросить? Оно так глубоко в вас. Пока вы не пойдете за пределы ума — поскольку вы идентифицируете с умом, — вы не можете отбросить это, потому что тогда вы думаете: «Это я». Тогда вы думаете, что ваши знания есть ваше существо.

Двигайтесь! Все медитации — это техники, чтобы двигаться от ума, чтобы удалиться от ума на некоторое расстояние, чтобы стать немного отделенным от него и перестать идентифицироваться с ним, чтобы превзойти ум, стать наблюдателем на холме — чтобы вы могли видеть, что происходит в уме. Лишь тогда, когда вы отделены от ума, есть возможность отбросить что-то — отбросить знания, разучиться.

*Изучающий Дао изо дня в день
стремится потерять.*

Это его цель. Он стремится потерять день изо дня. В этом состоит его обучение — он учится, разучиваясь день за днем. Приходит момент, когда он снова становится ребенком, ничего не знающим. Приходит момент, когда он снова вступает в рай.

Он вкусил горький плод знаний, но обнаружил, что это было глупо. Знания — это глубокая глупость.

Он выяснил это, теперь он снова пришел в рай. Теперь никакой змей не может соблазнить его. Он стал зрелым — подобным ребенку, но зрелым; ребенком, невинным — но бдительным, осознанным, сознательным.

Теперь он достигает большей чистоты, поскольку чистоту, в которой нет осознанности, неизбежно приходится терять. Кто-нибудь вас соблазнит, кто-нибудь вас развратит; а если никого не будет, вы развратитесь сами, потому что вы не бдительны.

Адама нужно было вышвырнуть из райского сада. Он был просто невинным. Он был подобен будде только с одной стороны: он был невинен; но другой части не доставало — он не был осознанным.

Адам — начало, Иисус — конец. Адам — половина, Иисус полон — вторая часть стала осознанной. Теперь Иисуса невозможно развратить. Он не просто чист, он также недоступен соблазну, теперь его невинность абсолютна.

*Изучающий Дао изо дня в день
стремится потерять.*

Постоянно теряя, он достигает недеяния.

Это очень тонко. Будьте как можно более внимательны. Будьте как можно более медитативны.

Возможно, вы не знаете, что слово «медитация» происходит от того же корня, что и «медицина», и в первоначальном значении это слово означало технику, чтобы стать целым, технику, чтобы стать здоровым. Медицина — это лекарство, и точно так же медитация — тоже лекарство. Она делает вас целым, интегрированным, здоровым.

Будьте внимательны, слушайте как можно более медитативно. Когда вы слушаете медитативно, вы понимаете; когда вы слушаете концентрированно, вы заучиваете. Если вы слушаете с концентрацией, вы будете приобретать знания; если вы слушаете медитативно, вы будете терять знания. И различие очень тонко.

Когда вы слушаете внимательно, внимание означает напряжение — это значит, что вы напряжены, вы слишком хотите выучить, усвоить, узнать. Вы заинтересованы в знаниях, а концентрация — это путь к

знаниям; несомненно, ум, сфокусированный на одном, выучивает больше.

Медитация — это несфокусированный ум, вы просто безмолвно слушаете, без всякого напряжения в уме, без стремления узнать и выучить, нет — в полной расслабленности, в состоянии позволения, открыто.

Вы слушаете не для того, чтобы узнать, вы просто слушаете, чтобы понять. Это разные способы слушания.

Если вы стараетесь узнать, тогда вы стараетесь запомнить, что я говорю, в глубине вы повторяете это, вы делаете заметки в уме, вы записываете это в мире своей памяти, вы заинтересованы в том, чтобы это глубоко укоренилось в вас, чтобы вы не забыли. Тогда это станет знанием.

И то же самое семя могло бы стать пониманием, раз-обучением. Тогда вы просто слушаете, вы не заинтересованы в том, чтобы накапливать, вы не заинтересованы в том, чтобы записывать это в своей памяти, в своем уме. Вы просто открыто слушаете, как слушаете музыку, птиц, поющих на деревьях, как вы слушаете ветер, шумящий в соснах, звучание водопада — запоминать нечего, заучивать нечего, вы не слушаете умом-попугаем, вы просто слушаете без всякого ума — это слушание прекрасно, оно экстатично, в нем нет цели, оно экстатично само по себе, оно блаженно.

Слушайте медитативно, без концентрации. Все школы, колледжи, университеты учат концентрации, потому что цель — это запоминание. Здесь цель не в том, чтобы запомнить, цель вообще не в том, чтобы учиться, цель — разучиться.

Слушайте тихо и не думайте, что вы забудете. Нет никакой необходимости запоминать; запоминать приходится только хлам, потому что вы все время забываете его.

Когда вы слышите истину, нет необходимости запоминать ее, потому что ее нельзя забыть. Возможно, вы не сможете запомнить слова, но вы будете помнить суть — и это не будет частью вашей памяти, это будет частью вашего существа.

Я здесь говорю что-то, Лао-цзы говорит что-то через меня, чтобы высвободить часть вашего сокровенного существа. Он не кормит вас новой информацией, он просто раскрывает вас, вновь открывает вас, дает вам проблеск вашего собственного существа.

Постоянно теряя, он достигает недеяния.

Знания — это делание; это конфликт, борьба — то, что Дарвин называет «выживанием наиболее приспособленных». Это борьба с природой, это постоянная война человека с целым. Глупость! Но она есть.

Когда вы хотите выучить что-то, в действительности, вы пытаетесь научиться что-то *делать*. Всякое знание прагматично, практично, вы обязательно трансформируете его в деятельность, вы что-то будете делать с ним, иначе вы скажете: «Зачем учиться? Какой смысл?» Вы учитесь ради пользы.

Вот почему в прагматичном эмпирическом мире искусства мало-помалу исчезают. Никто не хочет слушать стихов, никто не хочет слушать музыку, потому что встает вопрос: что вы можете *сделать* с этим? Можете ли вы сделать на этом деньги? Можете ли стать более могущественным? Что вы можете сделать? Можете ли вы починить машину, слушая музыку? Можете ли вы построить дом? Нет, ее нельзя использовать, музыка не утилитарна, в ней нет никакой выгоды — и в этом ее красота.

Вся жизнь не утилитарна, у нее нет никакого назначения, она никуда не идет. Она просто есть, она никуда не идет. В ней нет цели, которую нужно достигать, у нее нет назначения. Это космическая игра — то, что в Индии называют *лила*, игра — как играют дети, не преследуя никакой цели: игра сама по себе есть цель, они наслаждаются ею, они радуются ей, они счастливы — и все!

Обучение всегда преследует цель делать что-либо. Это техника, ведущая к тому, чтобы вы стали великим деятелем. Если вы больше знаете, вы можете больше сделать. Тогда что же будет делать разобучение? Оно сделает вас не-деятелем.

Постепенно вы не будете знать ничего и не сможете делать. Постепенно, по мере того, как знания исчезают в вас, делание тоже исчезнет. Вы станете *бытием*, тогда вы сможете *быть*, но вы не будете деятелем. Я не имею в виду, что вы не будете ничего делать — даже Будде приходилось просить подаяние, даже Лао-цзы был вынужден искать пути и способы получить хлеб с маслом и тому подобное; когда шел дождь, ему приходилось искать убежище — он прожил долгую жизнь, и он жил очень здоровой жизнью. Нет, я не имею в виду, что вы ничего не делаете; я имею в виду, что вы становитесь не-деятелем. Вещи начинают происходить. Вы не делаете их, они случаются. Деятель, оператор, уходит, растворяется, исчезает — и когда он уходит, его больше нигде не найти.

Люди приходят ко мне и спрашивают: «Как мы можем сдать эго?» Вы не можете сдать эго. Если эго здесь, кто будет капитулировать? Это вопрос эго — это эго спрашивает, как сдаться.

Вы можете наклонить голову, вы можете положить голову к моим ногам и сказать: «Я сдаюсь», но я, которое говорит это, и есть вещь, которая должна сдаться — и вот, сдавшись, я сохранится и получит пищу, пойдет и скажет людям: «Я полностью сдался своему мастеру, меня больше нет». Но я продолжается; не важно, что оно заявляет. Оно проявляется через все — через сдачу, через отречение.

Нет, эго не может сдаться. Но если вы начнете разобучаться, однажды вы вдруг обнаружите, что эго никогда не существовало! Впервые, эго никогда не было, и вы задаете глупый вопрос: «Как его сдать?» Эго не было с самого начала, оно никогда не существовало. Внезапно вы начинаете смотреть внутрь себя и не находите его там — нет ни следа. Эго никогда там не было. Это было ложное представление, которое приходит через делание.

Так что это система: знание, которое помогает вам стать деятелем; затем, когда вы становитесь деятелем, вы становитесь центром — конечно, фальшивым центром, вы не можете быть настоящим центром, потому что вы не отделены от существования. Настоящий центр возможен только если вы можете существовать отдельно от существования — можете ли вы существовать отдельно? Можете ли вы жить без воздуха, окружающего вас? Можете ли вы жить без дыхания? Можете ли вы жить без солнца, непрерывно дающего вам жизнь и энергию? Можете ли вы жить без деревьев, постоянно дающих вам плоды? Без земли, дающей урожай? Можете ли вы жить без дождей, без песка и моря? Можете ли вы жить без звезд и лун? Нет. Отдельно вы не можете существовать.

Тогда как вы говорите, что у вас есть центр? Только целое имеет центр. В действительности, только целому позволительно сказать «я», больше никому.

Но, теряя знания, вы, мало-помалу, разбираете весь дом. Но начните с фундамента. Фундамент — это знания. Уберите фундамент, отбросьте фундамент, и дом начнет падать. Этот дом — делание. Фундамент состоит из знания, дом — из делания; а внутри дома живет воображаемая призрачная сущность — эго.

Когда фундамент исчезает, дом рушится. Когда дом падает, вы внезапно осознаете, что там никто не живет. Дом всегда был пуст. Это была лишь идея, дым. Просто сновидение в уме, кошмар.

Постоянно теряя, он достигает недеяния.

Через недеяние свершается все.

Это секрет. Через недеяние свершается все. Все уже сделано, вы напрасно вмешиваетесь, вы без нужды вносите ужасный беспорядок. Без вас все идет так прекрасно.

Стоит вам узнать это, и вы отбрасываете деятеля, вы становитесь частью потока, вы течете вместе с рекой. Вы даже не плывете. Сейчас вы пытаетесь плыть против течения, и, естественно, вы чувствуете усталость, вы чувствуете себя побежденными. Никто не старается победить вас, река не старается победить вас; на самом деле, река даже не подозревает, что вы существуете. И это счастье для реки, иначе она сошла бы с ума — если бы узнала о вас, что вы существуете, что так

много в мире сумасшедших. Нет, река абсолютно не ведает о факте вашего существования, она в блаженном неведении, что вы есть, что вы пытаетесь бороться с течением.

Это случилось... Должно быть, день был такой же, как сегодня — шел дождь, и река рядом с деревней разлилась. Люди прибежали к дому муллы Насреддина и сказали:

— Насреддин, что ты здесь делаешь? Разве ты не слышал? Твоя жена упала в поток — иди и спасай ее!

Насреддин быстро побежал к реке. Никто не подозревал, что он побежит так быстро, потому что каждый муж мечтает о том, чтобы его жена утонула в какой-нибудь реке. Это редкая удача. И все в деревне знали, что они не так уж ладили, все у них всегда шло не так, они постоянно враждовали, так что это было счастье, благословение небес — однако мулла Насреддин побежал так быстро, что они не могли поверить: неужели он любит ее так сильно?

Он прыгнул в реку и, сражаясь с рекой, поплыл против течения. Люди сказали:

— Что ты делаешь? Ты что, дурак? Река унесла твою жену вниз! Куда ты плывешь?

Насреддин ответил:

— Спокойно. Я знаю свою жену. Она всегда идет против течения, она не может плыть по течению, это не в ее природе.

Все идут против течения, пытаюсь сражаться с рекой — почему? Потому, что в борьбе вы можете создать идею эго. Когда у вас сложная задача, когда вы сопротивляетесь, вы можете создать представление об эго; если вы бросите борьбу и поплывете по течению, постепенно вы поймете, что вас нет.

Вот почему люди любят, когда им брошен вызов, люди любят опасности, люди любят бороться. Если бороться не с кем, они создадут не одно, так другое, чтобы бороться, потому что только в борьбе их эго может упрочиться — а оно должно постоянно упрочиваться, это как велосипед: вы жмете на педали, вы должны постоянно жать на педали, иначе он упадет. Вы должны непрерывно нажимать на педали. Эго нуждается в постоянном педалировании. Каждый миг вы должны бороться с тем или иным. Как только вы перестаете бороться, вы внезапно обнаруживаете, что велосипед упал. Эго не может существовать без борьбы.

Обучение способствует деланию, делание способствует борьбе, борьба создает эго — это система, наука.

И в этом вся суть религии. Отбросьте знания, забудьте о них, станьте невинны, как ребенок, и внезапно вы увидите, как все меняется. Теперь вы не деятель. Когда вы не деятель, это не значит, что вещи

перестают случаться, — все продолжается; вы не нужны — когда вас не было, все происходило без всяких помех; солнце восходило точно так же, как восходит сейчас...

Вы слышали о старой женщине, которая жила в маленькой деревне и верила, что солнце восходит над деревней только из-за нее? У нее было много петухов, и перед рассветом они обычно начинали шуметь, кукарекать — и она верила, что солнце восходит именно из-за ее петухов.

Это было логично. Они всегда кукарекали — и солнце тут же начинало восходить, по-другому никогда не было. Она сказала односельчанам:

— Солнце восходит благодаря мне. Как только я уйду из деревни, вы будете жить в темноте.

Они рассмеялись. Старушка в гневе покинула деревню вместе со всеми своими петухами.

Она пришла в другую деревню, и конечно, утром взошло солнце. Она засмеялась и сказала:

— Теперь-то они поймут! На этот раз солнце восходит в этой деревне! Теперь они будут плакать, кричать и раскаиваться, но я не вернусь.

Вещи происходят без вас. Все было совершенным без вас. Когда вас не будет, все будет так же совершенно, как и всегда. Но вы не можете поверить в этом, потому что, если вы верите, ваше эго исчезает.

Когда деятель исчезнет, вещи будут продолжаться.

Через недеяние свершается все.

Все происходит благодаря действию целого. И когда вы не боретесь, вы тоже становитесь проводником целого, проходом, флейтой, пустой изнутри, и целое продолжает петь через вас. Все лучшие песни продолжают проходить сквозь вас.

Даже сейчас, вопреки вам, они иногда приходят. Иногда вы внезапно чувствуете приближение тишины, вы не знаете, откуда она приходит — совершенно неожиданно, как гром среди ясного неба; она приходит, потому что в этот момент вы почему-то забыли о борьбе. Вы забыли — быть может, вы устали — вы забыли бороться, и внезапно все прекрасно.

Но небо не всегда остается таким открытым. Снова собираются облака, потому что вы начинаете заново. Как раз в тот момент, когда вы чувствуете, что все прекрасно, вы вдруг начинаете что-то делать; ум начинает думать: «Как долго продлится этот момент? Я могу потерять

его, поэтому я должен сделать что-то, чтобы защитить, обезопасить его!»

Итак, вы вмешались. Флейта больше не пуста, она наполнена вами, музыка не течет, она потеряна. И когда она потеряна, вы думаете: «Смотри, тебе следовало сделать больше». Именно из-за ваших усилий вы потеряли ее, но ваш ум продолжает говорить, что вы должны были сделать больше, и тогда она бы не ушла.

Иногда, сидя под звездами, вы чувствуете блаженство, возникающее в сердце. Оно кажется не от мира сего. Вы удивлены. Вы не можете в это поверить.

Я встречал простых людей, в жизни которых было много моментов, когда они были подобны Будде, когда они обладали сознанием Христа; но они никогда никому не говорили об этом, потому что сами не верили, что это возможно. Они молчали об этом. Они думали, что, должно быть, придумали эти моменты: «Как это могло случиться без всяких усилий с моей стороны? Разве это возможно, чтобы человек вдруг стал блаженным?»

Вы можете вспомнить эти мгновения в своей жизни — и в такие моменты, когда вы никак не могли этого ожидать: вы шли в офис, повседневная рутина, солнце высоко, вы вспотели — и вдруг что-то падает вам в самое сердце, и на один миг вы перестаете быть прежним человеком. Рай обретен вновь.

А затем он снова теряется. Вы забываете об этом, потому что это не вписывается в ваш образ жизни. Вы даже не рассказываете об этом, вы думаете: «Наверное, я вообразил все это. Разве такое возможно? И ведь я ничего не делал — как это могло случиться? Должно быть, это была галлюцинация, иллюзия или сон». Вы не говорите об этом.

Я глубоко наблюдал тысячи людей, и встретил не так много людей, у которых в жизни не было таких особенных моментов. Но они никогда никому не говорили о них. Даже если они пытались это сделать, люди смеялись и думали: «Ты дурак, глупец». Они не верили, они подавляли.

Человечество подавляло не только секс, человечество подавляло не только смерть, человечество подавляло все, что есть прекрасного в жизни.

Человека заставили стать похожим на автомат, на робота. Все двери, все окна в неведомое были закрыты.

Но Лао-цзы прав, и он знает, что говорит — я *знаю* это. Вещи продолжают происходить сами по себе. Я много лет ничего не делал, даже не думал ни о чем. Они продолжают происходить сами по себе. Это чистая радость — видеть, как вещи случаются сами по себе.

Многое происходит без вашего участия. И когда это происходит без вашего участия, в этом есть своя красота. В этом нет насилия. В этом есть изящество. Это восхитительно. Когда *вы* делаете это, вы форси-

руете, вы навязываете. Изящество утрачено, это становится безобразным.

Насилие не может быть изящным. А быть ненасильственным — это единственный путь, как говорит Лао-цзы. Просто отбросьте знания, деятеля, просто будьте и позвольте вещам быть, и все начинает расцветать, все начинает течь. Знания заморозили вас.

Постоянно теряя, он достигает недеяния.

Через недеяние свершается все.

*Тот, кто завоевывает мир,
часто делает это через недеяние.*

*Кто вынужден делать что-то,
уже не в состоянии овладеть миром.*

Люди, которые делали невероятные вещи — не-деятели. Может показаться, что деятели делают что-то, но это не продолжается долго.

Александр, Наполеоны, Гитлеры, Муссолини — они очень старались сделать что-то, но они создавали только кошмар вокруг себя и внутри себя. Их деятельность стоила тысячи, миллионы человеческих жизней. Их деятельность стала самоубийственной. Они убили миллионы людей, и в конце концов убили самих себя. Вот и все, что случилось. Их существование — кошмар. Безумцы. Невротики. Убийцы. Такие люди — не завоеватели. Они не завоевали мир.

А теперь взгляните на Будду, Лао-цзы, Иисуса — другой тип цветения. Прошли века, эпоха следует за эпохой, а Лао-цзы продолжает цвести, и его аромат остается таким же свежим, как всегда. Он не утратил ни капли своей новизны — он не стал старым. Он не стал пыльным. Он так же свеж, как капля росы *сегодня* утром.

Люди, которые жили в сейчас, всегда остаются в сейчас. Они никогда не уходят в прошлое.

Лао-цзы более современен, чем любой Гитлер или Муссолини. Лао-цзы останется современным на тысячи грядущих лет. Он всегда будет современным. Иисус никогда не будет частью прошлой истории, он всегда часть настоящего. Он умирает, но никогда не умрет. Он продолжает жить — вот в чем смысл христианской притчи о воскресении: он умер на кресте, но на следующий день его обнаружили идущим по дороге. Не принимайте это буквально. Это прекрасная притча с глубоким смыслом. Вы убили его на кресте, но вы не можете убить его. Через несколько дней он ходил, он снова шел.

Вы не можете убить Иисуса. Того, кто познал недеяние, нельзя убить, потому что убить можно только эго. Эго можно уничтожить, сущность — никогда. Он воскрес.

А в христианстве произошло прямо противоположное — крест стал самым главным. Самым главным должно стать воскресение, а не крест — потому что многие люди умерли на кресте, это не так важно. Самое важное — это воскресение. Все христианство должно было бы зави-

сеть от этого — что Иисуса нельзя убить. Мы убиваем его, мы распинаем его, но его нельзя убить. Он остается свежим, он всегда свеж. Вы можете встретить его сегодня на перекрестке. Вы можете найти его везде.

В Индии мы никогда не изображали *аватаров* — Раму, Кришну, Будду, Махавиру — старыми. Не то, чтобы они никогда не старели — они состарились; тело должно подчиняться тем же самым законам, природа не верит в исключения, это правило абсолютно. И Рама, и Кришна, и Будда, и Махавира — они тоже стали старыми, но мы никогда не изображаем их стариками, всегда молодыми. Все изображения, существующие в Индии — это изображения молодого Махавиры, молодого Будды, молодого Кришны, молодого Рамы, никогда не старых — в чем причина? Дело в том, что мы познали их молодость и почувствовали, что они никогда не становятся старыми. Тело приходит и уходит, но их юность остается вечной. Их аромат, их невинность несет в себе качество вечности.

Это истинные завоеватели — и они не сделали ничего. Никто не знает, что делал Лао-цзы — ничего. Нельзя найти жизнь более бедную событиями, чем жизнь Лао-цзы. Ничего не происходит. Случилось лишь одно — *случился он*. Вот и все. Больше ничего не случилось.

Вот почему эти люди не упоминаются в истории. Самое большее, они удостоиваются маленьких примечаний, потому что у них нет никакой биографии. У них нет ничего. У Гитлера богатая биография. Вокруг него произошло так много — только внутри него не произошло ничего. Только одно не случилось — а именно, его существо. Случилось многое другое: вы можете писать и писать тысячи страниц, и все же многое будет упущено. А Лао-цзы? Только сноски.

Вы можете отбросить даже эту сноску. Он — не часть истории, никакое не событие. Но это истинные завоеватели — они продолжают свое завоевание. Лао-цзы по-прежнему забрасывает свою сеть, и люди по-прежнему попадают в нее, люди по-прежнему обращаются, преобразуются, восстают из своих могил. Чудо продолжается.

*Тот, кто завоевывает мир,
часто делает это через недеяние.
Кто вынужден делать что-то,
уже не в состоянии овладеть миром.*

Никогда не вынуждайте никого делать что-то, никогда не заставляйте себя делать что-то; пусть вещи происходят — тогда Бог будет делать их через вас. Есть два способа делать что-то: первый — делаете вы; второй — Бог делает через вас. Если делаете вы, вы создаете себе беспокойство, страдание, несчастье, поскольку вы становитесь ориентированными на результат; вы думаете: «Получится у меня или нет?» Вы становитесь заинтересованы больше результатом, чем процессом. И

тогда вы все время волнуетесь; и что бы ни произошло, вы будете разочарованы.

Если у вас получится, вы будете разочарованы, потому что этот успех не оправдает ваших ожиданий, которые вы с ним связывали. Если у вас ничего не получится, вы, конечно, будете несчастны.

Удачливые люди несчастны, неудачливые люди тоже несчастны. В действительности, удачливые люди более несчастны, чем неудачники, потому что проигравший еще может надеяться. Человек, который по-настоящему удачлив, не может надеяться. У него нет абсолютно никакой надежды. Теперь ему некуда идти, ему все удалось — спросите самых богатых людей, почему они так несчастны. Бедный человек — это мы можем понять, но почему богатые так несчастны? Они добились успеха, и теперь, добившись успеха, они убедились, что это бесполезно, что успех ничего им не дал — они просто напрасно потратили всю свою жизнь.

Теперь потерянное время не вернешь, и впереди нет никакого будущего и никакой надежды, потому что они могут иметь миллионы долларов, и если они будут продолжать в том же духе, то, самое большее, они будут иметь еще больше миллионов. Но что из того? Если эти миллионы не дали им никакого удовлетворения, никакие новые миллионы не дадут его.

Слово *удовлетворение* (satisfaction) необходимо понять. Это очень странное слово: оно происходит от латинского корня *satur*. Удовлетворение (satisfaction), удовлетворять (satisfy), насыщать (satisfy) — эти слова происходят от корня *satur*, а слово *satur* образовано от санскритского корня *sat*. *Sat* означает реальность, абсолютную реальность. От этого же корня *sat* происходит японское слово *сатори* — тот, кто реализовал истину.

Sat означает быть истиной — тот, кто реализовал истину, достиг сатори. Но слова «насыщать» (to sate) и «удовлетворять» (satisfy) потеряли связь со своим изначальным корнем. Ничто не может принести удовлетворения, кроме истины. Поэтому, когда вы преуспеваете в мире, удовлетворения нет. Только *sat* может принести удовлетворение.

Вы можете накопить миллионы долларов и фунтов, но неожиданно вы не находите никакого удовлетворения, ваша жажда остается прежней, она не утолена, и теперь надежды нет. Вы выучили этот прием — как добиться успеха. Теперь вы преуспели; всю свою жизнь вы потратили на этот успех, и он не принес никакого удовлетворения, а только глубокое разочарование, безнадежность. А если вы не добились успеха? Конечно, какое тогда может быть удовлетворение? В этом мире, если вы не добились успеха, вы неудачник, и если вам повезло, вы тоже неудачник.

У вас есть пословица: «Успех влечет за собой новый успех». Я немного изменяю ее и говорю: «Успех влечет за собой новую неудачу».

Неудача приносит поражение, успех приносит поражение. Есть только одна возможность: что вы познаете свою сущность, *sat*. Только

это может принести удовлетворение, только это никогда не терпит неудачи, но это не часть становления. Это не имеет ничего общего со временем. Это доступно прямо сейчас, в этот момент. Это уже здесь, во всей своей славе. Король восседает на престоле у вас внутри, но вы никогда туда не заглядываете. Вы заняты поисками денег, знаний, престижа, власти и идете наружу. Все те, кто идет наружу — входите внутрь!

Отбросьте обучение, научитесь раз-обучаться. Войдите внутрь! Отбросьте деятеля, научитесь делать вещи, не делая их.

И есть один секрет. Это величайший из всех секретов, величайшее чудо, какое когда-либо с кем-либо случилось: вы просто становитесь проходом, проводником, полой флейтой, и божественные песни начинают течь через вас.

Вы просто не становитесь на пути. В этом вся суть йоги, тантры, религии. Пожалуйста, отойдите в сторону, не становитесь на пути. Просто стойте в стороне и дайте проехать колеснице Бога. Если вы можете научиться одному — стоять в стороне, — вы научились всему.

И тогда вы осознаете, что все идет само по себе. Работает целое. Части не нужно работать, ей нужно только участвовать. Ей нужно только не создавать проблем и конфликтов. Ей нужно только быть с целым.

Быть с целым — значит быть религиозным. Быть против целого — значит быть мирским.

Глава 4

«ПАРЕНЬ! КАК МЫ РАСПРЯСЛИ ЭТУ ШПУКУ!»

Насколько я понимаю, вы рассматриваете невинность как противоположность знаниям — а как насчет невежества? Знающие люди так часто используют в своих целях людей без знаний. Пожалуйста, скажите что-нибудь об этом.

Невежество — это состояние, существующее до знаний, невинность — состояние, существующее после знаний. Невежество предшествует знаниям, невинность приходит после них. Они кажутся похожими — в некотором смысле они похожи, и все же они тотально отличаются.

Ребенок невежествен. Называя ребенка невинным, вы все путаете. Невежество похоже на невинность, потому что ребенок не знает; он кажется невинным, но он узнает, он вкусит горький плод знаний, ему придется это сделать. Он как Адам в райском саду — его придется вышвырнуть оттуда. Он пройдет через это, он согрешит, он станет испорченным. Его невинность не имеет силы, она бессильна. Эта невинность не может избежать знаний — знание войдет в него, змей будет искушать его, мир будет развращать его, он вступит на пути знаний, встанет на пути ума. Он, как семья, готов двигаться в знания. Невинности нет, он невежествен.

Но мудрец, подобный Лао-цзы — который познал мир и вернулся домой, который был развращен, который прошел пути греха и знаний, вкусил горький плод и теперь стал зрелым, снова стал похожим на ребенка — он невинен. Только мудрец невинен.

Иисус говорит: «Только те, которые подобны детям, смогут войти в мое царство Божие». Помните, он говорит «подобны детям», а не «дети». Дети не смогут войти в царство Божие — только те, которые подобны детям. Что это значит — «подобны детям, но не дети»? Те, кто прошел через мир, кто познал всю испорченность и вновь обрел свою девственность.

У знания есть две противоположности: невинность — невинность мудреца; и невежество — невежество ребенка. И не поймите меня неправильно: когда я настаиваю на невинности, я не отстаиваю невеже-

ство. Я не говорю: будьте невежественны. Если вы невежественны, вы просто откладываете знания; сегодня или завтра, рано или поздно, вы попадетесь в ловушку знаний.

Пройдите через него. Проживите его, познайте его. Вкусите этот горький плод. Будьте изгнаны из рая, чтобы вы могли вернуться и вновь обрести его; и тогда качество полностью меняется. Когда вас вышвырнули вон, вы были невежественны. Когда Адама выгнали из рая, он был просто невежественным. Когда Иисус вновь вошел туда, это был уже не прежний Адам. Невинный мудрец, прекрасно знающий, что такое мир, понявший его до конца — он превзошел.

Какова связь между медитацией и процессом раз-обучения?

Никакой связи нет, потому что медитация *и есть* раз-обучение; это не две вещи, которые могут быть связаны — это одна вещь, один процесс. Медитация есть раз-обучение, раз-обучение есть медитация.

Что вы, в действительности, делаете, когда медитируете? Вы просто раз-учиваете ум; мало-помалу, слой за слоем, вы отбрасываете ум.

Вы похожи на лук, вы продолжаете счищать с себя шелуху: один слой — самый поверхностный — отброшен, появляется другой слой, вы снимаете его и тоже выбрасываете, появляется следующий — и так далее.

Но однажды последний слой снят, и в ваших руках ничего нет. Вся луковица исчезла. Вы оглядываетесь вокруг и не можете найти себя. Это точка, к которой ведет медитация. Теперь это больше не медитация, это превратилось в *самадхи*.

Это то, что вы на Западе называете *экстазом*; но лучше было бы назвать это *энстазом*, нежели экстазом. Слово «экстаз» происходит от греческого «*экстазис*», что означает «стоять за пределами» — быть вне своей личности или кожи настолько тотально, что вы перестаете быть их частью — вот что такое экстаз.

Но самадхи больше похоже на *энстаз* — находиться внутри себя настолько глубоко, что внутреннее и внешнее исчезают. Вы стали внутренним, самой внутренностью; не то, что вы находитесь внутри, вы *и есть* внутреннее. Вот что такое самадхи.

Слово «*самадхи*» происходит от двух корней. Первый корень — *сам*; *сам* означает единство, абсолютное единство. Второй — *адха*; *адха* означает движение, достижение, бытие. Итак: единство, достижение единства, становление единством — самадхи означает, что вы стали настолько единым, настолько кристаллизированным, что внутри

вас нет ничего противоположного вам. Вы стали единым целым, унисоном, гармонией всех противоположностей.

Ум *есть* противоположности. Вы думаете одно — и вдруг другая часть ума отрицает это. Вы хотите медитировать? — одна часть ума говорит «да», другая немедленно говорит «нет». Вы хотите стать саньясином? — одна часть ума говорит: «Правильно», другая часть говорит: «Берегись, что ты делаешь? Не делай этого. Подожди». И даже в мелочах: «Какое платье сегодня надеть?» Вы стоите перед зеркалом, и ум не может решить. Ум — это толпа.

Раз-обучение означает отбросить эту толпу, отпустить всех этих людей и стать настолько единым, что нельзя даже сказать, что это «одно», потому что «один» имеет значение только в толпе. «Один» имеет значение только тогда, когда есть «два».

Вот почему индуисты никогда не называли это «*одним*», они называют это *не-дуальностью*, они просто говорят: *не два*, чтобы показать, что, если мы говорим «один», тогда «два» входит через черный ход — поскольку что будет значить один, когда нет двух? Если мы говорим, что Бог — это одно, если мы говорим, что в самадхи вы — одно, тогда два — здесь, рядом, в уголке; а затем появляется три, и следом — целый мир.

Индусы настаивали, что Бог — это не-два, недальность, *адвайта*; в самадхи вы — не два, вот и все. Больше ничего не говорится, только негатив — чтобы не позволить цифрам вновь пробраться через черный ход.

Разучиваясь, вы превращаетесь в не-два. Учась, вы становитесь множеством. Учась, вы становитесь легионом, толпой, и эта толпа все растет. Чем больше вы учитесь, тем больше и больше становится эта толпа. Конечным результатом обучения может быть только безумие, и больше ничего.

Так что вовсе не случайность, что почти все великие мыслители Запада рано или поздно сходили с ума. На самом деле, если какой-то мыслитель на Западе не был сумасшедшим, это просто показывает, что он был не таким уж глубоким мыслителем, вот и все. Ницше сошел с ума — он был *настоящим* мыслителем. Бертран Рассел? Он не сходил с ума, он остался поверхностным популяризатором, весьма неглубоким.

Но Востоке случилось совершенно другое. Мы не можем представить, чтобы Будда сошел с ума. Это было бы самой невозможной вещью в мире — чтобы Будда сошел с ума! Ницше сошел с ума, потому что Ницше — мыслитель; Будда *не может* сойти с ума, потому что он *не-мыслитель*. Он отбросил мышление — как он может сойти с ума? Однажды вся толпа уходит, и он сидит один — некому его потревожить, он настолько одинок, что он — даже не «одно», потому что

кто будет говорить, что вы — одно? Если есть кто-то, кто может сказать, что вы — одно, значит, другой все еще здесь.

Медитация — это раз-обучение. Очистите вашу луковицу. Это трудно, потому что вы отождествились с этой луковицей, вы думаете, что это слои и есть *вы*, так что снимать шелуху трудно и к тому же болезненно, потому что это не похоже на то, как вы сбрасываете свои одежды — это больше похоже на то, как вы сдираете с себя кожу; вы стали слишком привязаны к этой шелухе.

Но стоит вам узнать, стоит вам отбросить один слой, как вы чувствуете возникающую свежесть. Вы обновляетесь. Затем растет мужество, затем — надежда. Затем вы чувствуете большую уверенность. Затем вы можете очистить следующий слой. Чем больше вы счищаете, тем более тихим, счастливым и блаженным вы становитесь. Теперь вы на правильном пути. Теперь недалек час, когда вы отбросите всю луковицу.

Но это хорошо, что вы чистите слой за слоем, потому что вам, быть может, не удастся отбросить всю луковицу. Это тоже возможно, это *случалось* изредка, но это происходит при интенсивном, напряженном понимании, которое обычно недоступно.

Есть два способа достичь просветления: первый — внезапный, и второй — постепенный. Внезапное просветление случается очень редко, но оно случается. Постепенный путь легче, потому что я не требую, чтобы вы отбросили сразу всю луковицу; это будет слишком. Мне придется убеждать вас: снимите первый слой, который уже загрязнился — и вы тоже чувствуете, что он грязный: на нем скопилось так много пыли, и он так высох и так ограничивает вас, и он все сжимается и сжимается — он стал тюрьмой. Поэтому вы слушаетесь меня, вы счищаете его.

Очистить второй слой будет гораздо труднее. Он будет свежим, вам захочется зацепиться за него. Третий слой будет еще более свежим — чем больше вы приближаетесь, тем сложнее становится, потому что начинают происходить прекрасные вещи. Вы еще не достигли центра, но вы приближаетесь — как будто вы идете к реке: воздух становится прохладным, и вам хорошо; мир остался далеко позади, воздух перестает быть грязным, небо более открыто, река ближе, река через воздух посылает вам весть: я рядом, иди!

Чем ближе вы подходите, тем больше вы цепляетесь за последние слои, потому что вы чувствуете: «Это происходит благодаря этому слою». Это происходит не благодаря какому-то слою, это происходит оттого, что вы находитесь ближе к центру.

Так что есть люди, которые цепляются за мирские вещи; но, кроме них, я встречал многих людей, которые начинали цепляться за духовные вещи — но это тоже один из слоев.

Кто-то говорит: «Какой прекрасный свет зажегся во мне!» Он приходит и говорит: «Ошо, помоги мне, чтобы я всегда мог чувствовать этот свет». Что вы будете делать с ним? Свет — это переживание, это не вы. Это нечто отличное от вас. Вы — переживающий, свидетель. Когда-то раньше вы переживали деньги, теперь вы переживаете свет, но он остается все тем же — это объект, и теперь вы хотите зацепиться за него.

Если бы я сказал: «Бросьте ваши деньги, все мирское», вы бы поняли; но если я скажу: «Бросьте всю эту чепуху, этот свет! Бросьте свою растущую кундалини, и видения, и лотос, цветущий внутри вас! Бросьте всю эту ерунду!» — вы удивитесь: неужели я духовный человек? Мне следовало бы помочь вам, чтобы внутри вас расцвело еще больше лотосов.

Но они остаются «слоями», их необходимо очистить. И я должен помочь вам очистить всю луковицу.

Я не собираюсь помогать вам остановиться где бы то ни было, пока не случится пустота. Цель — это ничто, *шуньята*: все слои исчезли, и в руках — только пустота. Вы остались одни, без всяких переживаний.

Духовность — не переживание. Она означает приход, окончательное возвращение к самому переживающему. Это не переживание; все переживания принадлежат миру, потому что они относятся к разным слоям луковицы, они не принадлежат вам.

Медитация есть процесс раз-обучения. Не спрашивайте, какая между ними связь — ее нет; это не две вещи, они не могут быть связаны.

Насколько я понимаю, когда все есть одно, человеческие существа тоже едины. Поэтому для меня игнорировать нищету на улицах значит отрицать единство. Пожалуйста, скажите что-нибудь об этом.

Когда все есть одно, нет вопроса о том, чтобы игнорировать или не игнорировать.

Если все не есть одно, тогда возникает вопрос, игнорировать или не игнорировать; тогда есть выбор. Но когда вы чувствуете, что все есть одно, выбора нет. Я не говорю, что вы будете игнорировать, я не говорю, что вы не будете игнорировать; вас больше нет — поэтому происходит все то, что происходит.

Если вы начинаете служить этим людям на улицах — отлично. Если этого не происходит, ничего не поделаешь.

Постарайтесь понять меня, потому что вы думаете, что, когда вы придете к реализации единства, вы будете служить этим людям. Возможно, это будет так. Возможно, это будет не так — поскольку, если вы чувствуете единство, кто будет служить и кто будет тот, которому служат? Тогда кто вы — тот, кто чувствует страдание, кто сочувствует и сострадает — и кто они? Они исчезли. О том, что произойдет, ничего нельзя сказать. Что-то будет происходить, но никто не может этого предугадать.

Этот вопрос возникает оттого, что единство еще не ощущается, это просто идея в уме. Вы долго думали. Это логическое заключение, оно не экзистенциально.

Нищий на улице... вы проходите мимо; вам больно. То, что чувствует боль — тоже эго. Вы чувствуете сострадание — или не чувствуете сострадания, просто игнорируете. Игнорирование есть эго, сочувствие — тоже эго; *вы* в обоих случаях здесь.

Кончено, сострадание — это эго получше, более отточенное, в некотором смысле — золотое; но это тоже эго. Человек, который игнорирует — у него, возможно, очень и очень обычное эго, не благочестивое, не религиозное, некультурное; но у него есть эго, и для меня оба этих эго совершенно одинаковы — или вы сострадание или вы игнорируете, но *вы есть*.

У меня здесь совершенно другая задача; мои усилия направлены на то, чтобы вас не стало — и тогда пусть происходит то, что происходит. Если вы чувствуете возникающее сострадание, тогда вас не будет, будет только сострадание; тогда вы не будете говорить: «Я сочувствую этому нищему», потому что я не может чувствовать сострадания. Я — как оно может сочувствовать? И сострадание, которое течет через «я», уже испорчено. В нем нет той невинности, той красоты, которые должны в нем быть. Оно уже стало частью эго, оно будет усиливать эго, будет создавать для вас барьеры на пути к достижению единства. *Вы* будете сострадать, *вы* станете великим человеком или великой женщиной, великим слугой народа — а великие слуги народа приносили столько вреда во все времена. Они больше не нужны. Это вредные люди.

На самом деле, если ваше эго получает наслаждение от сострадания, в глубине вы будете желать, чтобы на улицах были нищие — иначе как вы будете чувствовать сострадание? В глубине вы будете хотеть, чтобы повсюду были прокаженные, нищие, калеки, слепые — чтобы вы могли приятно провести время, сострадая и служа им.

Если нищета полностью исчезнет из мира, великие слуги народа будут самыми несчастными людьми на свете, потому что им будет нечего делать. Видимо, Бог милосерден к ним — он поддерживает нищету.

Нет, я здесь не для того, чтобы учить вас быть слугами народа. Это не помогло. Это создает тонкое, благочестивое эго, а когда эго благочестиво, оно более ядовито, потому что оно кажется таким прекрасным, и вы можете еще больше цепляться к нему.

Я здесь для того, чтобы помочь вам отбросить эго — благочестивое, не благочестивое, эго грешника или эго святого. Эго нужно отбросить — тогда все, что происходит, прекрасно.

Вы идете и сидите рядом с нищим, вы помогаете, но *вас* больше нет; тогда Бог течет через вас, целое работает через вас. Тогда вы не ждете никаких результатов, даже простого «спасибо» от этого нищего; и вы не ищете фотографа, вы не волнуетесь, чтобы газетчики подоспели вовремя, не ждете, что правительство обратит на вас внимание, что Комитет по Нобелевским премиям задумается о вас. Нет. Вас нет, и вы не держите в уме, что вы служите, что вы помогаете, что вы сослужили такую великую службу этому несчастному; нет, вы не будете задумываться над этим — не вы это сделали, там был Бог — действуя через вас. Вы были одержимы. Когда вы пусты, божественная сила овладевает вами. Тогда все, что происходит, прекрасно.

Иногда, возможно, вы будете служить, помогать — а иногда может случиться, что вы просто пройдете мимо. Никто не знает. Иногда вы можете просто пройти мимо. Если целому не угодно, если у целого есть свои планы, вы не будете вмешиваться.

Если этому человеку необходима нищета, если эта нищета будет причинять ему все большее внутреннее страдание, если эта нищета даст ему новое рождение — тогда Бог не станет помогать ему. Ему предстоит стать зрелым через это страдание — помощь будет вредной. Поэтому не навязывайтесь ему, оставьте его в покое. Если Бог — а говоря «Бог», я имею в виду целое, не какого-то человека, а просто целое — если целое захочет избавить его от нищеты, оно начнет действовать вашими руками — но пожалуйста, не вмешивайтесь.

Вы не знаете, что происходит, что должно произойти. Почему этот человек нищий? В этом должно что-то быть. Возможно, он страдает за что-то, что он сделал, возможно, это эго карма; а может быть, он проходит через родовые муки, которые обновят его.

Это все равно, что встретить женщину, которая рождает ребенка — она кричит, плачет, вопит, вам становится ее жаль, и вы помогаете — так, что ребенок не рождается. Тогда вы — враг, а не друг, потому что этот ребенок умрет в утробе, а потом из-за этого умрет и сама женщина.

Иногда нужна операция, а иногда — равнодушие; иногда нужно сострадание, но вы не должны решать, решение не должно принадлежать вам. Поэтому вы можете сделать только одно, а именно: отбросить себя, разучиться, разобусловить себя — и тогда вы становитесь проводником. Но тогда выбор — не ваш. Тогда вы можете просто ска-

зять всем своим существом: «Да будет воля Твоя». И тогда все, что происходит, прекрасно.

Пожалуйста, объясните, что такое человеческая свобода воли и как она соотносится с бытием и надежанием.

Нет ничего похожего на свободу воли. Это всего лишь идея эго, ничего подобного быть не может.

Я не говорю обратного — что вы зависимы и что вы рабы. Ум очень легко движется к противоположному. Он создает дихотомии: либо вы обладаете свободой воли, либо вы раб. И то и другое неверно, обе концепции ложны, потому что *вас* нет — так что вы не можете быть рабом и не можете обладать свободой воли, поскольку и для того, и для другого нужны *вы*.

Жизнь есть бесконечная взаимозависимость. Вы — органическая часть целого, вы не отделны — так как же вы можете быть свободным? Но я не говорю, что вы не свободны, помните это — потому что как вы можете быть несвободными или свободными? *Вас нет*, вы вообще не существуете. Это бесконечная взаимосвязь, и эта взаимозависимость есть целое, Бог. Но эго продолжает искать свои пути...

Я слышал: однажды огромный слон переходил через мост. Мост был очень старый и очень сильно раскачивался; а на голове у слона сидела муха, рядом с его ухом, и когда они перешли через мост — они почти разрушили этот мост — я говорю «*почти*»... Когда они перешли, муха сказала слону:

— Парень! Как мы растрясли эту штуку!

Но слон не услышал. Тогда муха сказала:

— В чем дело? Ты что, дурак? Ты что, не слышишь меня?

Но слон ничего не услышал.

Целое *громоздко*. Мы — даже не мухи. Пропорция невероятно, *потрясающе* огромна. Это не отношение мухи к слону — оно ничтожно. Мы — почти ничто, а целое так *громоздко*.

Но вы продолжаете стараться, настаивать, что мост трясется из-за вас.

Муха была в некотором роде очень тактична; она сказала: «Парень! Как *мы* растрясли этот мост!» *Мы* — это очень тактично.

Если бы у мухи был ум человека, она, конечно, сказала бы «я». Мухи более тактичны. Она, по крайней мере, допустила участие слона.

Но человек говорит: *свобода воли*, он даже не допускает участия целого, он полностью сбрасывает его со счетов. Он говорит: «Я».

Поэтому в мире существует две философии. Одна говорит о *свободе воли*. Но, поскольку эта точка зрения ошибочна, абсолютно ложна, ее можно оспаривать — и с ней *спорили*; поэтому есть другая сторона, которая говорит: «Никто не свободен. Все мы — марионетки, и нити находятся в неизвестных руках; все, что *он* предопределяет, случается. Мы — всего лишь рабы, больше ничего».

Обе стороны ошибаются. Вы ни рабы, ни свободные люди. Это немного трудно понять: вы ни рабы, ни свободные люди именно потому, что *вас* нет, потому что вы — часть целого. Но если вы *считаете* себя отдельными, вы будете чувствовать себя рабами. Если вы понимаете себя как часть целого, вы становитесь мастером, хозяином; но когда вы становитесь хозяином вместе с целым, вы не против целого. Если вы против целого, вы становитесь рабом. Если вы плывете вместе с рекой, вы становитесь хозяином. Вы становитесь рекой! Если вы пытаетесь плыть против течения, вы становитесь рабом.

Нет ни свободы воли, ни рабства. И «зависимость» и «независимость» — фальшивые слова. Их следует полностью отбросить, ими не следует пользоваться. Это взаимозависимость. Я существую в вас, вы существуете во мне. Жизнь такова: мы существуем друг в друге, мы *жители* друг друга. Дыхание, которое только что было во мне, вышло и вошло в вас. Всего мгновение назад я мог сказать: «Это мое дыхание» — а где оно теперь? Чье-то сердце бьется благодаря ему.

В вашем теле течет кровь; всего несколько дней назад она текла в деревьях, она была их соком; она стала плодом, а теперь течет в вашем теле. Вы вновь возвратитесь в землю — прах к праху — и снова родится дерево; вы станете удобрением; и снова дерево оживет, и появятся плоды, и ваши дети будут есть их. Вы ели своих предков — вы *едите* их.

И это продолжается бесконечно! Все прошлое поедается настоящим. А все настоящее будет съедено будущим. Жизнь взаимосвязана, глубоко взаимосвязана. Она похожа на сеть. Вы — просто пересечение двух нитей, *вас нет*, вы — просто узелок между двумя протянутыми нитями. Когда вы понимаете это — вы смеетесь, по-настоящему смеетесь! А вы носили такую огромную тяжесть!

Вот почему Иисус говорит: «Приди и следуй за мной, мое бремя легко». Ваше бремя очень тяжело. Ваше бремя — *вы*. Иисус говорит: «Мое бремя легко» — оно невесомо, потому что, когда *вас* нет, веса тоже нет, тогда гравитация не действует. Вы начинаете левитировать. У вас вырастают крылья. Вы можете *летать*.

Отбросьте дихотомии: зависимость, независимость — они взаимосвязаны. Если вы попытаетесь быть независимым, вы будете чувствовать себя зависимым; если вы попытаетесь быть независимым, вы потерпите неудачу и будете разочарованы — и вы почувствуете, что вы зависимы. Но и то и другое ошибочно.

Просто посмотрите внутрь: вас *нет*; просто космические лучи, создающие на своем пути некое сплетение, паутину, узор... Несколько дней вы здесь, а потом вы исчезаете; затем снова вы будете здесь — и снова исчезнете. Откуда вы приходите? Куда вы уходите вновь? В целое! Вы исчезаете, чтобы отдохнуть. Затем вы снова здесь.

Приходит весна, и деревья начинают расцветать, птицы начинают петь — новая жизнь; а затем она уходит, и все отдыхает. Затем снова приходит весна. Много-много раз вы были здесь, много-много раз вы будете здесь; но стоит вам понять, что вас *нет*, что целое продолжает играть через вас, стоит вам понять это — и тогда больше не нужно вновь и вновь бросать вас в тело, это не нужно: вы стали бдительным, сознательным. Теперь нет необходимости проявления в какой-либо форме; вы отдыхаете в целом — это мы называли *мокшей*, *нирваной*. Это мы называли окончательной свободой.

На Западе понять это очень трудно, так как, когда вы говорите о свободе, они думают о свободе воли, а когда Восток говорит о свободе, он говорит о свободе от всякой свободной воли. Свобода означает быть свободным от вас. На Западе свобода означает свободу от всех препятствий, ограничений — но *вы* остаетесь, это *ваша* свобода.

Когда мы на Востоке говорим о свободе, *вы* не остаетесь в ней — вы есть неотъемлемая часть рабства, вы неотделимы от рабства. Свобода остается, не *вы*; вот что такое *мокша*. Это не значит, что *вы* становитесь свободным — напротив, вы освобождаетесь от себя. Нет никакой самости.

Самость просто исчезает — это была ложная идея, произвольная концепция. Полезная, но не истинная.

Принесла ли цивилизация какую-нибудь пользу человеку?

Аа, она сделала ваш грех настолько тяжелым, что приходится малопомалу становиться святым. Она бросает вас в такую пучину страдания, что вам приходится искать ключи к выходу из этой тюрьмы. Цивилизация чрезвычайно полезна. Она помогает вам расти, она помогает вам понять ничтожность жизни.

Поглядите *сюда* — ко мне приходит гораздо больше людей с Запада, чем из Индии. Запад более цивилизован, более культурен — и ко-

нечно, более несчастен. Каждый находится на грани бешенства — на самой грани, нужен лишь небольшой толчок...

Они говорят, что из четырех человек трое находятся на грани сумасшествия. Один человек из четырех сегодня или завтра станет жертвой рака. Из четырех живых людей — живых на сегодняшний день — один из этих четверых заболеет раком.

Цивилизация приносит рак. Это великий дар, поскольку это показывает абсурдность ума. Цивилизация выносит всю абсурдность ума на поверхность.

Культура начинает становиться религиозной только когда она действительно цивилизована, богата, изобильна. Бедная страна не может быть религиозной, она не может себе позволить быть религиозной. Бедная страна думает о коммунизме, богатая страна думает о медитации, *саньясе*. Бедная страна думает о хлебе с маслом, богатая страна сыта по горло всем, что может дать цивилизация, наука, технология. Ей хочется чего-то другого.

Когда потребности тела удовлетворены, возникают потребности ума; когда потребности ума удовлетворены, возникают духовные нужды — такова иерархия.

Если потребности вашего тела не удовлетворены, вы не будете думать о потребностях ума; когда вы голодны, вы не думаете о поэзии, вы *не можете*, это просто невозможно. Когда вы голодны, вы не можете думать о музыке. Вам нет никакого дела до Бетховена, когда вы голодны. Когда вы хотите есть, красота — бессмысленное слово. Вы видите красивое лицо — и появляется кусочек хлеба...

Я слышал, что один поэт заблудился в джунглях. Три дня он не мог найти дорогу — он был великим поэтом и написал огромное множество песен, прекрасных любовных песен — о луне, красивых женщинах, реках, горах и морях...

Через три голодных дня наступила ночь полнолуния; он посмотрел и изумился — на небе было никакое не красивое лицо, а кусочек хлеба, чапатти...

Когда нужды тела удовлетворены, внезапно поэзия, искусство, музыка, танец, литература, философия — все это становится чрезвычайно соблазнительным. Новый зов слышен в сердце. Когда потребности ума тоже удовлетворены, тогда впервые Бог, религия, медитация, экстаз — они становятся важными. И начинается поиск. Вот в чем разница между этими тремя словами: если удовлетворены потребности тела, это цивилизованная страна; если удовлетворены потребности ума, это культурная страна; и если все духовные потребности удовлетворены, это религиозная страна.

До сих пор религиозных стран не существовало. Самое большее — некоторые цивилизации достигли уровня культуры, не более того. До сих пор в мире не было ни одной религиозной страны. Люди считают Индию религиозной, но ни одна страна еще не была религиозной. Когда-то Индия достигла пика культуры — в дни Кришны, пять тысяч лет тому назад — и тогда возникла новая потребность, поиск Бога.

Сейчас в Америке почти такая же ситуация: начался глубокий внутренний поиск.

Цивилизация помогает, необычайно помогает, потому что она выносит все скрытые беды ума на поверхность. И вы должны узнать их все, чтобы превзойти их — другого пути нет. Только опыт того, что ничто на этой земле не может вас удовлетворить, что ничто телесное или умственное не может вам особенно помочь... Хорошо, телесные потребности удовлетворены — что дальше? Прекрасно, вы наслаждаетесь музыкой и поэзией; затем однажды вы неожиданно чувствуете разочарование — к чему все это? Вы играете в слова и колебания воздуха. Это не приносит глубокого удовлетворения.

Только религия может принести удовлетворение. Только религия может стать исполнением; она касается вашего самого сокровенного внутреннего ядра. Но цивилизация создает ситуацию, в которой религия становится возможна.

Осознает ли целое себя?

Нет, оно ни сознательно, ни несознательно. Вот что означает *сверхсознание*. Несознательность — это состояние сна: вы не осознаете себя. Сознательность — это самоосознание: вы осознаете себя. Но оно создает разделение: «я» и осознание этого «я». Вы становитесь двумя. Целое ни сознательно, ни несознательно — целое сверхсознательно, потому что нет никакого разделения между «я» и осознанием.

И когда вы становитесь едины с целым, вы также ни сознательны, ни несознательны. Либо вы и сознательны, и несознательны. В некотором смысле вы несознательны, потому что нет «я», которое можно осознать; и в некотором смысле вы сознательны, потому что вы предельно alertны.

Если вы можете себе представить — это трудно представить — если вы можете представить состояние, в котором нет «я», а есть только осознание — нет никого, кто осознает, есть только осознание, — тогда есть покой, похожий на сон, и есть бдительность — такая же, как во время вашего бодрствования.

Но нужно запомнить одну вещь: все, что вы знаете, неуместно, когда вы говорите о целом. Все, что вы знаете. Вам известно две вещи: несознательность и сознательность; и то и другое неуместно. Либо соедините их вместе, либо отбросьте их вместе.

Целое совершенно другое. Все, что вы знали до сих пор, не может стать рамками для него. И об этом больше ничего нельзя сказать, поскольку, что бы я ни говорил, мне придется пользоваться вашими словами. А тогда непонимание неизбежно.

Поэтому лучше пойти в целое и познать его, чем задавать вопросы о нем. Спрашивайте о себе, потому что здесь есть проблемы, и эти проблемы нужно решать. С целым нет проблемы — забудьте о нем. Задавайте вопросы о себе, чтобы они могли разрешиться.

Однажды, когда вы пойдете в целое, вы узнаете. И другого способа узнать нет. Только это я могу сказать — и это не информация, это всего лишь намек, не принимайте его слишком буквально: целое сверхсознательно. Оно и сознательно, и несознательно — и одновременно ни сознательно, ни несознательно.

Художник является художником в меру своего творчества. Разве творчество — не действие? И разве большинство художественных произведений не есть результат действия, достижения, небытия? Если бы художник просто был, он не создавал бы никакого искусства. Неужели мир без искусства — это то, что вы имеете в виду? Неужели это конец творчеству?

Этот вопрос нужно разделить на несколько частей. Первая часть: «Художник является художником в меру своего творчества». Значит, вы понимаете неправильно. Художник является художником только в той степени, в которой он позволяет творчеству случиться. Это не он творит. Если он творит, он не творец. Возможно, он компонуется вещи, но он не творец. Он может быть ремесленником, технарем, но он не художник.

Например, если вы пишете стихотворение, вы можете написать его по всем правилам поэзии, в нем не будет ни одной ошибки — но оно не будет поэзией. Грамматика будет в полном порядке, язык абсолютно правилен, ритм, метр — все на месте, но это будет все равно что мертвое тело: все в порядке, но тело мертво. В нем нет души. Вы не поэт, вы можете быть ремесленником. Вы можете составить стихотворение, вы не можете создать его.

Когда вы творите, вы должны полностью исчезнуть со сцены. Когда вы творите, Творец созидает через вас — это не вы. Все великие поэты, все великие ученые знают это — что когда их нет, через них начинает течь что-то; нечто овладевает ими. Нечто большее, чем они, течет через них, просачивается сквозь них; они — не более, чем проводники.

Художник является художником настолько, насколько он позволяет творчество — не то, что он делает это; это не действие. Вот почему

вся старая поэзия анонимна. Никто не знает, кто создал Упанишады — такие прекрасные, необычайно утонченные. Никто не знает, кто создал пещеры Аджанты и Эллары — они анонимны. Никто не знает, кто создал поэзию в камне — Каджурахо. Неизвестные мастера. Старые художники хорошо понимали: это было не их творчество, их имен не должно быть там. Они не подписывались.

Творец — Бог, они были всего лишь средствами, которыми он пользовался; и они были благодарны за то, что избраны быть Его сосуздами.

Все первоклассные поэты, артисты, художники, музыканты, ученые знают; только художники второго сорта не знают этого. Художник второго сорта — подражатель. Он подражает первоклассным людям. Тогда он — эго: «Я созидая». Ни один художник, достойный называться художником, никогда не провозглашал себя творцом.

«Разве творчество — не действие?» — Нет. Творчество есть недеяние. Многое происходит, но нет никого, кто делает это.

«И разве большинство художественных произведений не есть результат действия, достижения?» — Нет. В тот миг, когда появляется достигающий ум, рождается безобразное, а не искусство, не красота. Чем больше достигающего ума, тем больше уродства.

Когда ума нет, расцветает красота, рождается изящество, которое не принадлежит этой земле.

«Если бы художник просто был, он не создавал бы никакого искусства», — нет, лишь тогда он создал бы искусство. «Неужели мир без искусства — это то, что вы имеете в виду?» — Нет, мир уже и так лишен искусства.

Я имею в виду мир, который до краев заполнен искусством. Но есть два типа искусства: искусство ремесленника — псевдоискусство; и искусство художника.

В мире слишком много псевдоискусства. Настоящее, подлинное искусство исчезло. Ему пришлось исчезнуть, потому что подлинное искусство может случиться только в подлинных существах. Неподлинные существа — неужели вы думаете, что они могут создать подлинное искусство? Оно течет через вас. Поэзия приходит из глубочайшего центра поэта; если центра нет, если поэт не центрирован, если сам поэт не имеет корней, живет на поверхности — как может его поэзия двигаться в глубочайшие сферы его существа? Эта поэзия будет всегда меньше, чем поэт.

Вы можете обмануться, потому что вы тоже не подлинны. В фальшивом мире, где маски превратились в реальность, а изначальные лица полностью забыты; где реальные вещи исчезли; где розы не цветут больше на кустах, а производятся на пластмассовых заводах; где сам человек больше не естественное существо, а искусственная вещь, — в этом мире подлинное искусство, несомненно, умирает.

Мне хочется, чтобы весь мир был полон подлинным искусством, чтобы он пульсировал им, жил с ним, потому что это единственный

путь: через подлинное искусство, настоящее искусство вы превосходите его. Если музыка настоящая, вы вскоре двинетесь в медитацию, так как музыка дает вам только небольшой проблеск медитации, больше ничего.

Если она настоящая, она даст вам проблеск; если она не настоящая — какой стала вся поп-музыка в мире: не настоящая, поверхностная — она может дать вам небольшой катарсис, она может привести вас в определенное состояние ума, в котором вы можете забыть; она может слегка отравить вас — это алкоголь. Вот почему поп-музыка такая громкая — она топит вас; вам приходится забыть себя, такая она громкая. Как вы можете помнить себя в таком грохоте? Вы забываетесь. Это как наркотик.

Настоящая музыка будет делать вас все более и более рафинированным. Она будет становиться все тише и тише. В действительности, настоящая музыка поможет вам услышать тишину, где все ноты исчезают, где остаются только паузы. Одна нота приходит, исчезает, а другая не пришла — возникает пауза. И в этой паузе медитация течет в вас.

Настоящая музыка поможет вам двигаться к медитации — за пределы потребностей ума, к духовным нуждам. Настоящая поэзия даст вам проблеск ума мудрецов — конечно, только проблеск. Она откроет окно, чтобы вы могли видеть далекие Гималаи. И тогда в вас рождается стремление, и вы пускаетесь в путешествие.

Искусство — не цель. Это потребность ума. Ее нужно удовлетворить. Благодаря окну искусства родится устремление — вы увидите далекий горизонт, и его красота станет для вас сильным толчком; вас будет притягивать.

Цивилизация нужна для того, чтобы создать искусство, поэзию, музыку, живопись; но это — не цели, самое большее, это места для ночного отдыха. Утром вы вновь на ногах, на пути к далекой цели. Цель всегда — Бог; ничто меньшее не годится.

Я новичок в вашем учении, но, насколько я понял, вы говорите (по крайней мере, приблизительно), что знания, добытые из книг — всего лишь жалкая информация, и как таковые, они бесплодны и бесполезны; а что действительно имеет значение, так это внутреннее знание, полученное из опыта; и что чувство лучше, чем интеллект. Тогда зачем вы издаете книги для продажи?

Я говорю, чтобы соблазнить вас безмолвием. Я пользуюсь словами, чтобы вы могли повернуться в сторону бессловесного существования.

Книги нужны, чтобы вести вас за пределы — поэтому не цепляйтесь за них. Самое большее, это мосты. Но если вы строите дом на мосту, вы дурак. Перейдите его!

Вы не можете понять безмолвие *сейчас*, вы понимаете только слова. Мне придется пользоваться словами, чтобы передать вам вест безмолвия. Между словами, между строками, изредка — если вы находитесь со мной достаточно долго — вы однажды можете услышать тишину; и тогда книги не нужны, тогда сожгите их вместе с прочими Ведами, Библиями и писаниями. Мои книги тоже нужно сжечь.

Нужно все оставить позади. Но сейчас вы не готовы. Когда вы готовы, никакие книги не нужны.

Эти книги издаются не для тех, кто понимает. Эти книги издаются для тех, кто желает понять — но еще не понимает. Их желание прекрасно. Им нужно помочь. А если я хочу помочь вам, мне придется подойти к вам поближе — это единственный способ. Прежде, чем я смогу привести вас туда, где нахожусь я, мне придется спуститься в то место, где находитесь вы.

Эти книги не обязательны. Они нужны из-за вас. Если вы можете перепрыгнуть их, избежать их, обойтись без них — прекрасно.

Но вы не сможете обойтись без них, иначе вы не были бы здесь. Вы здесь, чтобы слушать меня. Вы все же надеетесь, что, слушая, вы можете достичь. Я не думаю, что вы можете достичь, слушая. Я думаю, что, слушая, вы станете способны слышать то, что не говорится — и через это вы достигнете. Никто не достигал через книги, но книги могут помочь вам выйти за пределы. Все писания говорят одно и то же.

В Упанишадах говорится: *найяматма правачанен лабхьо* — эту душу нельзя обрести, слушая проповеди; *на медхья на бахуна шрутен* — ни разумом, ни многим чтением.

Где-то в другом месте Упанишады говорят: «Цель — где? Где цель? Иди за пределы слов, лишь тогда ты узнаешь».

Точка, от которой слова поворачивают назад, за которую они не могут выйти — это поворотный пункт, это дверь.

Библия, Коран — все они существуют, чтобы помочь вам превзойти их. Если вы всегда хранили их в голове, это ваша глупость; вы даже не заглядывали в них, потому что в них говорится: «Не цепляйтесь за слова, не привязывайтесь к теориям, концепциям, философиям. Все это чепуха!»

Мои книги нужны, чтобы вы превзошли их. Наслаждайтесь ими на пути, но не цепляйтесь за них. И готовьтесь идти за пределы.

Вчера вы сказали нам, что только через недеяние и раз-обучение мы можем найти наше подлинное существо. Как же быть с нашими профессиями, которые требуют огромного количества знаний?

Аелайте свое дело! Но пусть это будет профессия, не позволяйте ей стать вашей душой! Конечно, информация необходима. Врач должен знать о семьсот семи артериях, четыреста тридцати трех мышцах, семидесяти одной кости, двухстах тридцати нервах и тысяче других вещей в теле; и кроме всего этого, еще о десяти тысячах лекарств. Иначе он не может быть врачом.

Но это не проблема. Ему следует знать все это, но это не истинное знание, это информация — полезная, утилитарная, но это не рост в его существе. Держите ее отдельно. Она должна оставаться часть памяти. Она не должна отягощать вас.

А память имеет невероятные возможности; еще не изобрели такого компьютера, который имел бы такие возможности. Память одного человека, если ей дано достаточно времени, может вместить все книги, существующие сегодня в мире. Память одного человека может вместить весь мир книг. Она обладает невероятными возможностями. Единственное — вам нужно сохранять дистанцию: информация есть информация, а знание есть знание!

Знание — это нечто совершенно другое. Знание сосредоточено на бытии, это тень бытия. Благодаря информации вы можете быть полезны для других. Благодаря знанию вы будете просветленным. Оно не утилитарно.

В миру, на рынке нужна информация, и в этом нет ничего плохого. Она становится вредной, когда вы считаете, что эта информация стала вашим знанием. Тогда вы запутались.

Будьте врачом, когда находитесь у себя в больнице; но придя домой, полностью забудьте об этом.

Я как-то гостил в доме судьи Верховного Суда. Этот человек был одним из моих преданных. Его жена сказала мне, когда мужа не было дома:

— Мой муж любит вас, и он так верит в вас — вы можете немного помочь мне. Если вы что-то скажете ему, он обязательно выполнит это.

Я спросил:

— Скажите мне, в чем дело? Чего вы хотите?

Она сказала:

— Скажите ему только одно: что дома он не должен быть судьей. Он остается судьей даже в постели. Больше ничего. Он совершенно измучил нас. Он никогда не бывает человеком — отцом, мужем, другом, — двадцать четыре часа в сутки он судья Верховного Суда. Мы все боимся его, дети дрожат перед ним, потому что он смотрит на нас так, как будто все мы — преступники, стоящие в суде в ожидании его приговора. Пожалуйста, верните его на землю. Если бы он на несколько часов мог забыть, что он судья Верховного Суда, для нас это было бы настоящим благословением.

Если вы врач — хорошо, будьте врачом в больнице, но не смотрите глазами врача на свою жену. Насколько мне известно, доктора очень редко бывают хорошими любовниками, нет — потому что они продолжают смотреть одинаково. Они так много знают о теле — разве они могут любить женщину? Внутри одна мерзость — они знают: артерии, слизь, испражнения — они все это знают; и так весь день: одна болезнь за другой; и когда они смотрят на свою женщину, естественно, эта информация становится между ними.

Врачи не бывают хорошими любовниками. Трудно забыть о своих знаниях и информации.

Вот что я вам скажу: в больнице она нужна — *пользуйтесь* ею, но не давайте ей использовать вас. Когда вы приходите домой — отбросьте ее! Точно так же, как вы снимаете одежду. Не облачайтесь так же, как в больнице — переоденьтесь, наденьте какой-нибудь вечерний туалет — вроде этого...

Отставьте информацию в сторону, будьте человеком — и тогда могут произойти две вещи, параллельно: вы можете пользоваться информацией в утилитарных целях и одновременно расти как сущность.

Эта сущность растет через истинное знание, не через так называемые знания. Если вы можете сохранять эту дистанцию и бдительность, тогда нет ничего плохого.

На днях приехал один друг и привез мне много книг. Утром, прежде, чем отдать их мне, он слушал меня, и был слегка озадачен: я был так против знаний. Так что вечером он сказал:

— Я привез тебе столько книг, а ты так против знаний — что мне делать?

Я сказал:

— Ты можешь отдать мне эти книги и привезти еще — сколько сможешь. Знания не могут меня разрушить. Я могу пользоваться ими, но они не могут использовать меня.

Вот и все, что нужно понять.

Почему в последнее время вы носите все эти смешные шапки?

Спросите у шапок!

Они вдруг появились. Кто-то прислал их мне, они появились на моем пути. Вы должны спросить у них, а не у меня. Но они ждут радужного приема и уважения.

Глава 5

ПРЕВЫШЕ ЧЕСТИ И БЕСЧЕСТИЯ

Лао-цзы говорит:

*Тот, кто знает, не говорит;
тот, кто говорит, не знает.
Заткни его щели,
закрой его двери,
притупи его проницательность,
распутай его сети,
умерь его блеск,
приглуши его шум —
вот мистическое единство.*

*Тогда любовь и ненависть
не могут коснуться его.
Он недосыгаем для прибыли и убытка.
Ему безразличны честь и бесчестие.
Вот почему он всегда уважаем в мире.*

Язык есть нечто человеческое; без сомнения, он очень ограничен. Он хорош для объективных вещей и совершенно бесполезен для внутреннего, сокровенного.

Язык может сказать что-то, но не может сказать все. Если вы сидите за обеденным столом, язык полезен — вы можете сказать: «Передайте, пожалуйста, соль». Он утилитарен. Им нужно пользоваться, но он не может высказать истину, потому что истина не утилитарна, и истина не есть нечто объективное. Она не вне вас, она случается где-то в глубочайшем ядре вашего существа.

Мы можем условиться, что будем называть это так-то — это решение между вами и мной, это соглашение. Если обе стороны идут друг другу навстречу, язык вполне уместен. Но если что-то случилось внутри меня, это не есть нечто между вами и мной; я не могу дать вам понять, что это. Даже если я попытаюсь объяснить вам, вы не поймете, что это. Поэтому соглашение невозможно.

Религия находится за пределами языка. Самое большее, что может сказать язык — это то, что не есть религия. Это может быть, самое большее, отрицание. Мы не можем сказать, что такое Бог, потому что таким образом мы ограничим его нашими ограниченными словами, концепциями; самое большее, мы можем сказать, что не есть Бог; и все писания говорят только о том, что не есть Бог. Они устраняют ошибки, но не показывают истину. Однако, если вы постоянно убираете ошибки, однажды, внезапно, истина открывается вам. Она открывается не через язык — она открывается через тишину.

Поэтому первое, что необходимо очень глубоко понять — потому что, если вы не понимаете, это становится для вас ловушкой — что язык может быть опасен, он может ввести в заблуждение.

Вы знаете слово «бог», но слово «бог» не есть Бог. В слове «бог» нет ничего божественного. Слово «бог» абсолютно бессодержательно и пусто. В нем ничего нет. Вы можете повторять его миллионы раз, и с вами ничего не произойдет; это пустая скорлупа, полая изнутри. Слова не могут вместить внутреннее переживание.

Когда Иисус пользовался этим словом, оно могло быть истинным; для него оно, возможно, что-то значило — но не для тех, кто слушал его. Это необходимо понять.

Если я говорю «самадхи», я что-то подразумеваю — я знаю это. Но когда вы слышите слово «самадхи», это пустой звук для ваших ушей; самое большее, вы можете понимать значение, которое дается этому слову в словаре. Но словарь — не существование. Он не может заменить существование. Самадхи можно познать только тогда, когда вы входите в него, когда вы становитесь им; нет другого способа познать его.

Вот почему Лао-цзы все время настаивает: истину невозможно высказать, а то, что сказано, не может быть истиной. Но он говорит, потому что, *по крайней мере, это можно сказать*; это отрицание.

Он говорит:

Тот, кто знает, не говорит;

тот, кто говорит, не знает.

Только это и можно сказать. Лао-цзы говорит — знает ли он, или нет. Исходя из его собственного принципа, если он знает, он не должен говорить. Если он говорит, значит, он не знает. Тогда перед вами загадка, которая не имеет разгадки. Если он не знает, то как он может говорить такую великую истину?

Тот, кто знает, не говорит;

тот, кто говорит, не знает.

Если он *знает*, почему он говорит? Если он не знает — тогда откуда глубина, о которой он не мог бы и догадываться?

Постарайтесь понять этот парадокс. Он просто вычищает одну вещь. Все, что он говорит в этих двух фразах — которые чреватые очень глубоким смыслом, очень значительны — он говорит только одно: не обманывайтесь словами. Они — не истина; они могут походить на истину, но они — не истина. Живой момент невозможно выразить. Живое можно узнать, только пережив его.

Вы влюбляетесь — тогда вы знаете, что это такое. Вы можете прочитать тысячу и одну книгу о любви, и, возможно, это будут прекрасные книги, их могли написать люди, которые любили и познали, что есть любовь, — но, читая их, вы никогда не узнаете, что такое любовь. Любовь — не концепция, нуждающаяся в понимании. Это переживание, которое должно охватить вас. Когда любовь берет верх, вас выбрасывает из центра, вас больше нет — любовь есть, а вас нет. Вы не можете манипулировать любовью. Идеей можно манипулировать, вы можете интерпретировать ее, вкладывать в нее тот или иной смысл; но любовь?.. Любовью нельзя манипулировать.

Не *вы* любите, не вы делаете — это нечто, что случается с вами; вы неожиданно попадаете в вихрь. Вас охватывает сила, большая, чем вы. Вы перестаете быть собой, вы захвачены.

Вот почему люди считают влюбленных сумасшедшими — так и есть. Любовь — это прекрасное безумие. Она похожа на безумие, в ней есть качество безумия, потому что человек становится одержим ею. Люди говорят: «Любовь слепа». Они правы, любовь *действительно* слепа — потому что у любви свои глаза! Их обычные глаза не дей-

ствуют. У любви свои способы видеть, чувствовать и быть. Все обычные пути отброшены — прочь с дороги. У любви есть свой собственный мир — новый мир создается вокруг влюбленного. Он слеп для всех остальных, но не для себя; в действительности, он впервые обретает глаза, видение, прозрение.

Только полюбив, можно узнать любовь, — став даже не любящим, но самой любовью. Если вы любите, любовь еще не случилась. Вы все еще контролируете. Если вы хотите, вы можете измениться, если вы хотите, вы можете уйти. Выбор еще есть, любовь еще не случилась; вы еще не охвачены ею. Вы не *узнаете*.

Возможно, вы следуете некоей модели, теории — как любить и как не любить. Должно быть, вы проходите некое обусловливание — любовь еще не стала вашим сердцем, она не бьется в вас, она пока еще остается частью вашего ума. Язык относится к уму, а переживание — к сердцу. А у сердца свой собственный мир, свое измерение. Поэтому любовь невозможно выразить — а истина еще глубже, чем любовь.

Нужно запомнить три плана. Первый план — это план головы, самый поверхностный: мир языка, концепций, теорий. Вы очень легко можете манипулировать им, здесь вы хозяин.

Затем следует второй план, глубже, чем голова — план сердца. Там вы вовсе не хозяин. Вы становитесь рабом. Вы не можете контролировать; любовь становится хозяином, вы становитесь рабом. Она полностью овладевает вами.

Но ум все же может что-то сказать о любви, потому что сердце не очень далеко от головы, расстояние не так уж велико. Ум может получить некоторые проблески, он может посмотреть назад, может посмотреть внутрь и получить некие проблески — именно поэтому возможны поэзия, живопись, музыка. Все это — отблески сердца в голове.

Но есть и третий слой вашего бытия, последний слой, субстрат, самое основание. Это ваше *существо*. Голова думает, сердце чувствует, существо просто есть.

Бог, истина, экстаз, нирвана, просветление — они относятся к существу. Голова об этом даже не слышала. У нее бывают небольшие проблески относительно второго слоя — слоя сердца, любви; но она и не слышала о существовании еще одного слоя, более глубокого, чем сердце... В сердце возможен небольшой проблеск существа, потому что оно ближе к нему. Поэтому у любящих возможно небольшое понимание — я говорю *небольшое* — молитвы, поскольку молитва совсем как любовь.

Когда Иисус говорит: «Бог есть любовь», он говорит с людьми сердца. Он говорил со своими учениками. Если бы он говорил в университете, для профессоров и академиков, он не сказал бы подобной глупости — что Бог есть любовь. Он сказал бы, что Бог есть математика, логика или что-нибудь еще.

Но он говорил со своими ближайшими учениками, самыми близкими, которые глубоко любили его, вот почему он мог сказать: «Бог есть любовь». Он говорил с сердцем на языке сердца. Он показывал людям сердца, что есть более далекая цель: более далекая цель есть Бог, а место, где вы находитесь, есть любовь. Иисус пытается создать мост между Богом и любовью, вот почему он говорит, что Бог есть любовь, или любовь есть Бог.

Он говорил не с поэтами, не с теологами, не с людьми, сведущими в вопросах религии, нет; он говорил с рыбаками, крестьянами, плотниками — не *головастыми* людьми. С людьми, которые пока еще находятся в мире чувств, принадлежат чувству. Вот почему он мог сказать, что Бог есть любовь. Сердце может получить небольшой проблеск.

Итак, первый шаг — это шаг от головы к сердцу. А второй шаг — от сердца к существу.

О существе нельзя ничего сказать, потому что даже о сердце говорить невозможно. О существе ничего нельзя сказать. Чтобы знать, вы должны пойти, вы должны узнать. Коротких путей нет.

Лао-цзы говорит:

Тот, кто знает, не говорит...

Все те, которые познали, не говорили. Вы не поверите, потому что Будда говорил без перерыва сорок лет. Сорок лет, каждый день, он говорил, говорил и говорил. И все же те, кто познал Будду, говорят, что он не сказал ни единого слова. Я говорю каждый день без перерыва, но те из вас, кто узнает меня, узнают также, что я не сказал ни единого слова.

Все сказанное — всего лишь намек. Это просто сеть, рыболовная сеть, помогающая поймать тех, кто живет в голове. Как только они попались, польза языка заканчивается. Начинает биться их сердце. Тогда между мастером и учеником возникает общность — не общение, а общность; тогда их сердца начинают биться в едином ритме. Они дышат в одинаковом ритме. Тогда ничего не нужно говорить. Тогда все понятно без слов.

Все разговоры нужны лишь для того, чтобы подготовить вас к тишине, и лишь в безмолвии может быть дана истина.

Много веков назад Бодхидхарма в поисках учеников пошел в Китай. Внутри него было нечто, а дни его были сочтены, вскоре он должен был уйти из тела. Он искал кого-нибудь, с кем возможна общность. Индия была полна великих ученых, но ему пришлось уйти в Китай, чтобы найти кого-то, кто понимал бы язык сердца, язык безмолвия — который вовсе и не язык.

Он ждал девять лет. Затем пришел его ученик. Никто не знает, что произошло между этими двумя, никто не может это знать! Но случилась передача. Все, что имел, Бодхидхарма передал Хуи-нэну. Родилась традиция дзен.

Теперь люди говорят, что Бодхидхарма дал дзен Хуи-нэну: передача без писаний, общение без слов. Даже если бы вы были там, вы не узнали бы, что произошло. Это был прыжок существа, от одной сущности к другой. Хуи-нэн был открыт, Бодхидхарма прыгнул в него. То, что нельзя сказать, было сказано — не в словах, но в бытии. Передача была экзистенциальной. С тех пор мастера дзен всегда передавали свое последнее слово безмолвно.

Это случилось с другим дзенским мастером. Умирая, он позвал своего самого любимого ученика и сказал:

— Настал момент — я должен отдать тебе писание, которое долго хранил; мой Мастер, умирая, отдал его мне; теперь я умираю.

Он вытащил книгу — ту книгу, которую всегда прятал под подушкой. Все знали о ней, но никому не позволялось заглядывать в нее. Он тщательно скрывал эту книгу. Отправляясь в ванную, он брал ее с собой, и никому не разрешалось даже посмотреть, что было в этой книге; и конечно, всем было любопытно, ужасно любопытно. И вот он позвал ученика и сказал:

— Пришел последний миг, и я должен отдать тебе писание, переданное мне моим Мастером. Береги его! Храни его как можно бережнее — защищай его, чтобы его не уничтожили. Эта книга — ценнейшее сокровище. Если она будет потеряна, она будет потеряна навсегда.

Ученик рассмеялся и сказал:

— Но то, что нужно достичь, я достиг без этого писания — так зачем же оно? Ты можешь забрать его с собой.

Мастер настаивал. Ученик сказал:

— Хорошо, если ты настаиваешь, тогда все в порядке.

Ему отдали книгу — был зимний вечер, очень холодный, и в комнате горел огонь, — ученик взял книгу и, даже не взглянув на нее, бросил в огонь. Мастер подпрыгнул и сказал:

— Что ты делаешь!

А ученик закричал еще громче:

— Что ты говоришь! Беречь писание?

Мастер начал смеяться; он сказал:

— Ты выдержал экзамен. Если бы ты стал хранить эту книгу, ты бы упустил! И, по правде говоря, в ней ничего нет, она абсолютно пуста. Я просто хотел посмотреть, способен ли ты понимать безмолвие, или в глубине ты по-прежнему привязан к словам, концепциям, теориям, философиям.

Все философии, все, что может быть сказано, подобно галерее дворца. Каждый вечер, во время *даршана*, я вижу вас на галерее — потому что все вопросы можно решать только на галерее. Когда вы готовы, вопросов нет — тогда вы можете войти во дворец. Вы слышали когда-нибудь имя греческого мудреца Зенона? Он был основателем философии стоиков. Он, как я, обычно поучал на галерее. Слово «стоик» происходит от греческого слова «стоикас», которое производно от «стоа», что означает «галерея». Всю свою жизнь он учил на галерее, и люди говорили: «У тебя такой красивый дом — почему ты учишь на галерее?»

Он отвечал: «Все обучение подобно галерее; когда вы готовы слушать тишину, вы входите в храм — тогда все разговоры прекращаются». От этого слова, «стоа» — «галерея», — вся философия стала известна как «стоицизм».

Все слова могут быть, самое большее, галереей; они ведут вас к внутреннему храму; но если вы цепляетесь за них, вы остаетесь на галерее — а галерея не есть дворец. Лао-цзы говорит нечто подобное галерее — это похоже на дверь. Если вы понимаете, вы отбросите все слова, язык — на самом деле, вы отбросите весь ум. Вы должны оставить свой ум там же, где оставили ботинки — на галерее. Лишь тогда вы вступаете во внутреннее святилище бытия.

Тот, кто знает, не говорит...

Даже если он говорит, он делает это, чтобы сказать ровно столько. Даже если он говорит, он говорит только против слов. Этим он не хочет ничего сказать, он просто хочет уничтожить все слова внутри вас — его речь разрушительна. Он просто хочет создать внутри вас вакуум, а слова, безусловно, можно разрушить только словами. Яд можно уничтожить только ядом. У вас в ноге шип — чтобы вытащить его, нужен другой шип. Все, что я говорю — это другой шип, который нужен, чтобы вытащить те шипы, которые сидят в вашем существе. Как только первый шип вынут, второй становится ненужным — вы выбираете оба. Знающие пользуются словами, чтобы вытащить другие слова, которые укоренились в вас. Как только вы пусты — делу конец.

В Индии был один великий человек, очень редкое существо — людей, подобных ему, можно сосчитать по пальцам. Его звали Нагарджуна. Он отвергал все. Он спорил против всего. Он критиковал все теории. Люди недоумевали. Они спрашивали:

— Ну хорошо: то, что ты говоришь, понятно; но какова *твоя* точка зрения?

Он отвечал:

— У меня нет никакой точки зрения. Я здесь только для того, чтобы разрушать теории, у меня нет теорий взамен им. Какова бы ни была ваша теория — приходите, и я раскритикую и уничтожу ее. Но не требуйте замены, потому что у меня ее нет. Вы становитесь пустым, и это прекрасно; больше ничего не нужно.

Если вы верите в Бога, Нагарджуна станет критиковать Бога. Если вы не верите в Бога, если вы атеист, он будет критиковать атеизм. Если вы верите в душу, он — враг души; если вы не верите в душу, он тоже будет вашим врагом. Если вы спрашиваете: «Какова твоя философия?», — он просто пожмет плечами; он скажет: «У меня нет никакой философии; я здесь для того, чтобы разрушать!»

Те, кто знает, говорят только для того, чтобы разрушать. Для того, чтобы оставалась пустота. В этой пустоте — общность.

Слово «общность» (communion) означает прийти к единству (come to union). Затем приходит глубокое единство. В этом единстве можно сказать то, что сказать нельзя. Не нужно никаких слов, не нужно даже никаких жестов. Это просто передача — без всяких писаний.

Тот, кто знает, не говорит;

тот, кто говорит, не знает.

Заткни его щели...

Теперь он говорит, что нужно сделать, как достичь той тишины, которая знает истину; как достичь той пустоты, в которой истина нисходит на вас, в которой вы становитесь проводником, и Бог охватывает вас. Вы становитесь храмом, а Бог приходит и начинает жить внутри вас.

Заткни его щели...

Ум имеет много отверстий, через которые он то опустошается, то вновь заполняется пищей. Вы все время смотрите — на что вы смотрите? Вы не смотрите на что-то конкретное, вы просто смотрите; вы смотрите на все, что проходит мимо. Через глаза ум утоляет свой голод — он собирает всю информацию, которую может собрать. Ум любопытен — вы читаете даже рекламные щиты на стенах — вы каждый день проходите мимо одной и тоже стены и читаете это снова, снова и снова. Вы знаете, что там написано, вы столько раз читали это — но, проходя мимо, вы снова — бессознательно, как робот — читаете это. Вы постоянно собираете информацию для ума; ум необходимо кормить информацией — это компьютер, он постоянно требует: «Я голоден, дай мне новые знания». Знания — пища ума, он растет за счет знаний.

Уши постоянно слушают, что происходит — все органы чувств есть щели, через которые ум продолжает искать знания. Даже абсолютно бесполезные. Вы не имеете никакого представления, для чего вам эти знания. Но ум продолжает собирать их — в надежде, что однажды, быть может, он сможет использовать их. Этот день никогда не приходит.

Заткни его щели...

Если вы хотите достичь тишины, заткните щели. Открывайте глаза лишь тогда, когда это абсолютно необходимо. Смотрите только тогда, когда это абсолютно необходимо — в других случаях они не нужны! Проходите мимо, не глядя. Держите глаза пустыми. Смотрите на мир пустыми глазами — чтобы не смотреть на него, чтобы не смотреть ни на что.

Возможно, вы чувствовали это, сталкиваясь с просветленным человеком. Он видит вас, но не смотрит на вас. Он смотрит и не смотрит. Его глаза — как пустые зеркала. Он не безразличен; но он также и не заинтересован. Он слышит, но не слушает. Если вы говорите что-то, он слышит; но если вы останавливаетесь на полуслове, он не спрашивает об окончании фразы. Даже если вы останавливаетесь в середине предложения — для него это конец; рассказ окончен! Он не любопытен. Ум прекращает накопление.

Когда новый ученик хочет войти в тибетский монастырь, он должен двадцать четыре часа просидеть у ворот — иногда даже сорок часов, а иногда и больше: голодный, с закрытыми глазами. Мастер много раз пройдет мимо этих ворот, будут проходить ученики, будут приходить и уходить другие люди — а он должен сидеть с закрытыми глазами. Это первое испытание — способен ли он стать любопытным, или ему захочется посмотреть, кто приходит и уходит; не захочется ли ему чуть-чуть приоткрыть глаза — кто пришел, кто ушел? — ему будет любопытно. Если человек настолько беспокоен и любопытен, что не может держать глаза закрытыми в течение двадцати четырех часов, его не стоит принимать в монастырь. Даже маленькие дети, если они хотят войти в монастырь, должны пройти через это испытание.

Но если вы можете держать глаза закрытыми в течение двадцати четырех часов, это подвиг, потому что ум настолько беспокоен, и он непрерывно требует информации — и если вы не даете ему информации, он начинает задыхаться. В действительности, он начинает умирать.

Вот почему сенсорное голодание для ума может стать смертью. Во всем мире проводилось и проводится множество экспериментов, связанных с сенсорным голоданием. Когда ваши чувства лишены своей

обычной пищи, время кажется бесконечным. Вы думаете, что прошла целая вечность — а на самом деле это был один час.

Вам может быть очень комфортно — вы находитесь в резервуаре, напоминающем материнскую утробу, вы расслаблены, плаваете в теплой воде; никаких волнений, вас окружает темнота — прекрасно; вас ничто не тревожит, вы просто снова отдыхаете в утробе. Но через несколько минут вы начинаете ощущать глубокое беспокойство. Ум постоянно требует пищи.

Сенсорное голодание было одним из самых распространенных методов на Востоке. Тот, кто хочет достичь экстаза, самадхи, должен учиться жить без постоянного стремления насытить ум.

Вы делаете две вещи одновременно — люди приходят ко мне и говорят: «Мы хотим избавиться от ума; это одно сплошное мучение — ад». Но если я говорю им: «Тогда закройте одну за другой все щели — потому что, с одной стороны, вы хотите отбросить ум, а с другой — вы постоянно кормите его, и это весьма трудно».

Я отправляю людей на двадцать один день в безмолвие. Через четыре-пять дней это становится настоящим адом. Они ничего не делают — им разрешается сидеть с закрытыми глазами и ушами, двигаться, ходить — но не смотреть по сторонам, а смотреть только под ноги, самое большее — на четыре фута вперед; есть, пить — ничего особенного, просто дать отдых чувствам, закрыть щели...

Через четыре-пять дней ум начинает бунтовать.

Если они могут продолжать, то примерно на четырнадцатый или пятнадцатый день ум начинает смиряться с этим фактом — совсем как человек, умирающий в больнице; вы говорите ему: «Ты умираешь», — он не верит, он отрицает это, но постепенно... что он может сделать? Он бессилен, и смиряется; как только он принимает этот факт, беспокоиться не о чем. Тогда он расслабляется.

Если вы продолжаете и не обращаете внимания на постоянные удары ума, который требует, чтобы вы искали для него все больше и больше пищи, то на четырнадцатый или пятнадцатый день он успокаивается. А как только ум внутри вас успокаивается, вы начинаете цвести. Ум — рабство, навязанное сущности.

Так что попробуйте жить на минимуме чувств.

Однажды ко мне пришел Мулла Насреддин. Его заинтересовали слухи о медитации. Я сказал, чтобы для начала он год сидел с закрытыми глазами — хорошо зная его, я думал, что даже это невозможно. Он сказал:

— Но я не хочу закрывать глаза.

Я сказал ему:

— Ты понял меня? Понимаешь ты меня или нет? Закрой глаза!

Он чуть-чуть прищурился — наполовину прикрыл глаза — и сказал:

— Больше я не могу.

Я спросил:

— В чем дело?

Он сказал:

— Я во всем строго придерживаюсь среднего курса. Я могу, самое большее, закрыть глаза наполовину. Я не могу закрыть их совсем. Кто знает, что может случиться? Я могу пропустить что-то красивое — нет, я не могу закрыть глаза. Половину я могу закрыть, половину оставляю открытой, чтобы следить, что происходит. Я абсолютно согласен, — сказал он мне, — с той старой леди, что ходила в церковь. Всякий раз при упоминании имени Божьего она кланялась — и все было бы прекрасно, но священник несколько беспокоился, потому что всякий раз, когда упоминалось имя Дьявола, она тоже кланялась. Однажды священник не выдержал и, когда прихожане расходились из церкви, он подошел к старой леди и спросил: «В чем дело? Почему вы это делаете? Я могу понять, что вы кланяетесь, слыша имя Бога, но почему, когда упоминается имя Дьявола, вы тоже кланяетесь?»

Она ответила: «Как знать? Это всегда может пригодиться!»

Мулла Насреддин сказал мне:

— Я строго придерживаюсь среднего курса. Я кланяюсь и Богу, и Дьяволу — никогда не знаешь, что может пригодиться.

Люди постоянно пытаются найти компромисс с умом. Вы не можете победить. Если вы идете на компромисс, выиграет ум. Все компромиссы — это поражения во внутреннем мире. Если вы решаете, что хотите узнать сокровенное ядро своего существа, вот путь:

*Заткни его щели,
закрой его двери,
притупи его пронизательность,
распутай его сети,
умерь его блеск,
приглуши его шум —
вот мистическое единство.*

Тогда вы приходите к познанию того, что есть одно. Это мистическое единство, общность.

Я повторю еще раз:

Заткни его щели...

Как можно меньше пользуйтесь органами чувств. И если вы посмотрите, вы обнаружите, что используете их без всякой необходимости — их использование можно сократить на девяносто девять процентов, одного процента будет достаточно; и вы будете удивлены: когда вы пользуетесь чувствами минимально, они становятся необычайно острыми, поскольку в них концентрируется вся энергия.

Если вы не смотрите на всех и на вся, вы вдруг видите розу — ваши глаза настолько чисты, без единого облачка... Обычно вы постоянно видите предметы, такое множество предметов... этот цветок розы — всего лишь один из них; ваши глаза так пыльны, что эта роза не может цвести для вас.

Вы приходите и смотрите на ребенка, но вы не видите — на ваших глазах экран, на котором отпечаталось столько переживаний — ваши глаза уже заполнены. Как вы можете видеть лицо своего ребенка? Если бы не это, вы могли бы увидеть на нем лицо Бога. Разве вы можете увидеть розу? — а эта роза могла исчезнуть, и вы увидели бы цветение божественного.

Если вы не будете использовать свои чувства без необходимости, ваши глаза станут свежими, ясными; вы станете очень восприимчивы. Чем больше вы используете органы чувств, тем больше они устают, пресыщаются. Они теряют остроту, чувствительность; они становятся очень и очень пыльными.

*Заткни его щели,
закрой его двери...*

Как только вы замечаете, что ум соорудил дверь, чтобы выйти в мир — закройте ее. У ума есть очень хитрые способы выйти в мир. Наблюдайте — откуда он убегает в мир.

Фрейд открыл, что вся деятельность ума основана на ассоциации — вот эта дверь. Вы смотрите на собаку. Вам следовало бы ограничиться *этой* собакой, нет никакой нужды идти дальше, но вы внезапно вспоминаете собаку, которую знали в детстве, и та собака принадлежала девочке, и вы влюбились в эту девочку — и вы уходите все дальше и дальше. Теперь эта собака — настоящая, действительный факт — больше не существует; она просто послужила ключом, и теперь вы уходите все дальше: вы любили эту девушку, но вам не удалось завладеть ею — а за этим все остальные девушки... длинная цепь.

И вы продолжаете перепрыгивать, перескакивать с одного на другое. Ум откуда угодно уходит в мир безумия, и этому нет конца. Фрейд использовал эту дверь как основу своего метода психоанализа: мысленные ассоциации. Вот почему психоанализ может продолжаться многие годы — на самом деле, безрезультатно. Вы можете продолжать

вечно. Одна мысль ведет ко второй, вторая — к третьей, а дальше — миллионы и миллионы мыслей.

Я слышал:

Мулла Насреддин любил одну женщину. Он привел ее домой, и лежа в постели, расслабившись, женщина спросила:

— Насреддин, сколько женщин было в твоей постели до меня?

Насреддин молчал. Минуты шли; прошло почти полчаса, и женщина сказала:

— Я жду!

Насреддин сказал:

— А как ты думаешь, что я делаю? Я еще считаю!

Все взаимосвязано. Если вы начнете считать, если вы начнете ассоциативное путешествие, ему не будет конца. Ассоциация — это дверь. Вы должны найти их — есть много дверей.

И вы всегда ходите через одни и те же двери и попадаете в одни и те же неприятности, но никогда не осознаете, что это повторяется, что это замкнутый круг — вы попали в порочный круг.

Закройте все эти двери. В начале будет трудно, потому что вы будете ощущать это почти как самоубийство. Самадхи *действительно* напоминает самоубийство. Единственное различие в том, что ни одно самоубийство не бывает таким тотальным, как самадхи. Но это не только самоубийство, это также и воскресение. Это крест и воскресение. Старое умирает, и рождается новое. И тогда нет никаких проблем, вы можете вернуться в мир — но вы возвращаетесь совершенно иными. Тогда мир не мешает вам. Тогда нет никаких проблем. Тогда вы можете использовать свои глаза и уши и делать все, что вы хотите — ничто не тревожит вас, если вы центрированы в своем существе, если вы укоренились и обосновались там, — вам ничто не мешает. Вы остаетесь в мире, но этого мира нет. Вы идете в самую темную ночь, но внутренний свет никогда не покидает вас. Вы живете в этом внутреннем свете; теперь эта внешняя тьма не представляет никакой проблемы.

*Закрой его двери,
притупи его пронизательность...*

Ум очень хитер, умен, логичен. Он — великий рационализатор. Что бы ни хотел сделать ум, он дает вам объяснения. Все объяснения фальшивы. Если вы взглянете поглубже, вы обнаружите, что это не причины, а всего лишь предлоги.

Вам хочется злиться — вы находите предлог. Этот предлог — не причина, но вы обманываете себя и других, что вы злитесь именно из-за этого. Это был всего лишь предлог, но вы рационализуете его.

Вы приходите домой; вы злы на своего начальника и нападаете на жену; вы нервничали, вы злились, в вас кипел гнев, но вы не могли излить его на своего босса, это могло обойтись вам слишком дорого. Вы не были готовы платить. Вы подумали: «Лучше сэкономить»; вы сдержали свой гнев, вы продолжали улыбаться и вилять хвостиком. Потом вы пришли домой. Вы должны выбросить свой гнев на кого-то, вы должны найти в своей жизни слабое звено, куда вы можете выбросить свой гнев без ущерба для себя — вы можете выбросить его на свою жену или на своего ребенка.

Или, если вы муж-подкаблучник (как почти все мужья) — тогда жена тоже босс, и вы не можете выместить на ней свой гнев — вам приходится иметь дело с собакой или кошкой, или с чем-нибудь, что вы можете сломать — например, радио; или вы можете вести машину как сумасшедший — вы можете вложить всю свою злость в ногу и все сильнее и сильнее жать на газ.

Психологи говорят, что почти пятьдесят процентов аварий происходят из-за гнева. Они не имеют никакой связи с движением транспорта, они связаны со внутренним движением ума. Пятьдесят процентов! Это слишком много!

Гнев? — машина набирает все большую и большую скорость; через скорость вы выбрасываете свой гнев; но возможно, вы думаете: «Этот ветер — такой чудесный, и утро прекрасно — прокачусь-ка я как следует...» Это просто предлог. Утро прекрасно каждый день, не только сегодня.

Когда кто-то проезжает мимо или обгоняет вашу машину... Однажды я ехал с приятелем — он вел машину; я вдруг осознал, что он едет слишком быстро; и это еще не все: я посмотрел на указатели — мы ехали не в ту сторону, так что я спросил:

— В чем дело?

Он сказал:

— Спокойно. Подожди полчасика.

Я ждал. Я понял, что он делает — он пытался обогнать машину, которая обошла нашу. Обогнав ее, он остановился и сказал:

— Теперь мы можем ехать в свою сторону.

Интересно, кем считал себя этот человек? Я никогда больше не ездил с ним — этот человек был сумасшедшим!

Но он объяснил это; он сказал:

— Если ты сдаешься в мелочах, ты начинаешь сдаваться и в серьезных вещах.

Он сказал мне:

— Никогда не сдавайся. Борис! Сражайся, чего бы это ни стоило, потому что жизнь есть борьба! Это выживание сильнейших.

Мы опаздывали; в другом городе меня ждали люди; мы приехали на два часа позже; но он сражался — с незнакомым человеком, который, возможно, даже не знал, что происходит. Он мог убить меня и себя, потому что он был *безумен*.

Ум всегда ищет объяснения — он называет это причинами, но это не причины.

...притупи его пронизательность...

Попытайтесь понять; и чем больше вы будете пытаетесь понять, тем больше будет притупляться пронизательность; и затем вы внезапно увидите всю неразумность ума — а он все время настаивает: «Я разумен!» Это одно из величайших открытий нашего века: человек не разумен.

Аристотель определил человека как разумное животное. Потребовалось двадцать веков, чтобы открыть истину. Эта честь принадлежит Фрейду — именно он обнаружил, что человек совершенно не рационален. Он — *рационализирующее* животное, а не рациональное животное. На самом деле, объяснений нет, но он постоянно ищет объяснения. Есть подсознательные инстинкты, а человек продолжает создавать вокруг них видимость объяснений — все они фальшивы.

Наблюдайте! И вскоре вы увидите. А как только вы это увидите, острота ума притупится. Тогда он уже не будет казаться таким пронизательным, таким острым, таким разумным — это не так, ум не разумен. Ум не может быть разумным, ум посредственен. Посредственность — определяющее качество ума.

Люди, которых вы называете гениальными, талантливыми, очень умными — вы только посмотрите на них! Великий гений — возможно, он получил Нобелевскую премию — встает утром, обнаруживает, что его тапочек нет на месте, и сходит с ума — великий гений! Весь день пропал, потому что утром его тапочек не оказалось на месте! Он зол на весь мир! И из-за этого произойдет множество вещей — из-за того, что тапочек не было на месте, — и вы называете этого человека гением! Произойдет множество вещей, которые будут иметь далеко идущие последствия.

Раздраженный, он пойдет в офис; раздраженный, будет разговаривать с людьми — он будет создавать цепь гнева, а один гнев ведет к другому, более глубокому слою гнева. Он может сделать нечто, в чем позже будет раскаиваться. А вся причина была в том, что его тапочки не стояли на месте.

И вы называете этого человека гением! Вы называете этого человека умным? Возможно, он сообразительный, но он не мудрый. Возмож-

но, он умен, но он не разумен. Возможно, он образован, но он не способен к истинному знанию. И что особенного, если тапочек нет на месте?

Нет, это может быть, опять-таки, только предлогом. Возможно, это связано с другим — ночью ему снились кошмары, ему было страшно и, проснувшись, он дрожал — и тут он обнаружил, что тапочек нет на месте; теперь весь его гнев сосредоточился на этом факте. Он может вышвырнуть слугу, испепелить его, или это может стать причиной развода. Может быть, вы думаете, что я захожу слишком далеко — это не так. Я видел много разводов, и никогда не находилось причин лучше — всегда мелочи, похожие на это: в жизни нет важных вещей, только мелочи.

*...притупи его проникаемость,
распутай его сети...*

Ум очень запутан: цепи, цепи и цепи, ассоциации... это сеть, безумная сеть. Все попадает в ум и запутывается там все больше и больше. Чем больше вы знаете, тем больше ум запутывается, потому что все, что вы вносите в ум, увеличивает путаницу.

...распутай его сети...

Постарайтесь увидеть вещи более ясно. Постарайтесь увидеть эту путаницу. Наблюдайте эту неразбериху. Станьте наблюдателем и не отождествляйтесь с ней. Создайте между собой и своим умом небольшое расстояние. Создать это расстояние — значит стать *саньсясином*. Создать это расстояние — значит создать возможность внутренней эволюции.

...распутай его сети...

Как вы можете распутать их? Если вы попытаетесь распутать их, вам это никогда не удастся. Единственный способ распутать их — создать дистанцию.

Наверное, вы много раз наблюдали — возможно, это было неосознанно, — что, когда у кого-то неприятности, вы всегда даете хороший совет. А если то же самое случается с вами, вы не так мудры. Почему? Почему это происходит? Почему ваша разумность так эффективна, когда трудности у других? Потому что есть дистанция.

Я читал биографию великой актрисы Сары Бернар. Однажды она смотрела спектакль; играла новая актриса, и она настолько отождествилась со своей ролью, со своей игрой, что совершенно забыла о том, что она актриса. Она начала плакать и кричать, и слезы градом кати-

лись из ее глаз — это было просто несчастье, ее пришлось силой выводить со сцены посреди пьесы, потому что она совершенно забыла, что она просто играет роль, что она — актриса. Она запуталась — она приняла это за свою жизнь. Уходя, Сара вызвала эту актрису к себе и сказал ей: «Когда *ты* плачешь, публика молчит. Ты должна играть — но сохраняй дистанцию. Ты не должна отождествляться с ролью».

И это должно быть ключом для всей вашей жизни, потому что вся жизнь — это большой спектакль. Сцена огромна, но это — спектакль. Вы должны сохранять дистанцию. Все, что происходит, происходит в пьесе, в спектакле. Вы — свидетель, вы не должны соединяться с ним. Если вы соединяетесь, вы запутываетесь. Если вы остаетесь в стороне и можете смотреть спектакль со стороны, ваш ум никогда не попадет в ловушку. Если вы далеко, ум сохраняет кристальную ясность. Вся путаница происходит от идентификации.

...умерь его блеск...

Не смотрите на все в свете ума, через блеск ума. Умерьте его огни. Смотрите на вещи и сердцем. Направьте на вещи мягкий свет сердца, смотрите также через свет любви.

Не смотрите на вещи только с точки зрения логики. Не будьте слишком логичны. Иногда нужно быть нелогичным, только тогда будет равновесие. Рациональным — и иррациональным. Ибо вы — и то, и другое. Вы должны поддерживать равновесие. Есть мгновения нормальности, но иногда вам нужны и мгновения ненормальности. Будьте математичны — но иногда и безумствуйте в музыке. Считайте — но иногда и танцуйте. Работайте — но и играйте, чтобы не терять равновесие.

Если ум становится вашим единственным способом видения, тогда его блеск слишком ярок. Он разрушителен. Тогда само его сияние не позволит вам видеть вещи такими, какие они есть — все равно что вы смотрите сначала на солнце, а потом на другие предметы — все кажется темным, мера нарушена.

...приглуши его шум...

Ум — это постоянный шум внутри; это хаос — непрерывный, шторм, который все длится и длится. Приглушите его, иначе он не позволит вам услышать тихую музыку жизни. Он не даст вам увидеть изящество жизни. Он не позволит вам чувствовать.

Как приглушить этот внутренний шум? Что делать? Три вещи. Первое: если вы смотрите внутрь и чувствуете там бурю, просто сядьте на берегу — не бросайтесь туда. Река движется — сидите на берегу, пусть она течет. Ничего не делайте. Учитесь искусству действовать, не делая. Просто сидите и смотрите. Это действительно великий секрет. Если вы можете смотреть и наблюдать суматоху ума, она по-

степенно успокоится сама. Это похоже на то, что вы входите в дом, и пыль поднимается в воздух; вы садитесь, и пыль оседает на место. Если вы начнете успокаивать пыль, вы еще больше поднимете ее. Поэтому не прыгайте и не пытайтесь заглушить шум. Кто будет пытаться? И как вы будете пытаться? Вы только растреваете еще более глубокие слои. Не делайте ничего, просто сядьте. И это сидение есть медитация.

В Японии медитацию называют «задзен». Задзен означает просто сидеть — и ничего не делать. Дзенский монах сидит ежедневно от шести до восьми часов, ничего не делая. Так сидят несколько дней, несколько месяцев — и ум успокаивается сам по себе. В дзенские монастыри приводят сумасшедших людей. Они ничего с ними не делают, никак их не лечат. Они просто помогают им сидеть. Их кормят, их не беспокоят, их ничего не заставляют делать, им не навязывают никакой дисциплины — их оставляют в отдаленных хижинах; о них заботятся, а их просят только сидеть, или лежать, или стоять — и ни о чем не волноваться! За двадцать один день сумасшедшие затихают. Их беспокойство исчезает.

Сейчас западных психиатров заинтересовал этот факт, потому что они не могут добиться этого за многие годы; они дают больным электрический шок, инсулиновый шок, делают то и это — они создают еще больше путаницы! И даже если они помогают чем-то, человек теряет сознательность. Безумие, возможно, подавляется, но человек теряет также и свою живость. После электрошока вы уже не прежний человек. А если шок был очень глубоким, вы потеряете весь свой разум. Безумие уйдет, но на вашей личности навечно останется след. В действительности, вы ничего не выиграете — или выиграете слишком дорогой ценой. Возможно, вы станете нормальным — вас вынудят стать нормальным, но вы станете и слегка тупым.

В дзенских монастырях ничего не делают. Они знают великий секрет Лао-цзы: не делать, просто сидеть, просто наблюдать. Все устроится само собой. Почему? Потому, что оставаться в беспорядке естественно. Таков закон. Если вы ничего не делаете, все устроится само собой — как может что-то вечно оставаться неустроенным?

Вы злитесь: просто сядьте с закрытыми глазами — наблюдайте! Долго ли вы можете злиться — попробуйте! Через несколько минут вы неожиданно почувствуете, что гнева больше нет, он уже не такой острый — или через полчаса вы неожиданно вспомните и поймете, что вы совершенно забыли о том, что злились и думали о чем-то другом... А если бы вы поддались гневу, вы могли бы убить кого-нибудь — или убить себя, или отношения, любовь — а это гораздо опаснее, чем убить возлюбленную; вы могли бы разрушить нечто прекрасное и тонкое, — но вы просто сидели, и все устроилось.

Это произошло потому, что действует глубокий закон. Жизнь не допускает, чтобы беспорядок был вечным — он не может быть вечным, только покой может быть вечным. Все устроится, дайте время; нужно только время.

*...приглуши его шум —
вот мистическое единство.*

*Тогда любовь и ненависть не могут коснуться
его.*

Он недосыгаем для прибыли и убытка.

Ему безразличны честь и бесчестие.

Вот почему он всегда уважаем в мире.

Тогда дуальность исчезает. Когда вы достигли своего сокровенного ядра, единого, дуальность исчезает. Любовь и ненависть, честь и бесчестие, поражение и успех — все исчезает. Исчезает и величайшая дуальность — дуальность души и тела, Бога и мира.

Тогда все — одно, безбрежный океан единства. Все пронизано этим океаническим чувством. Оно экстатично. Это благословение. Это величайшее благословение, которое может случиться с человеком — и, когда оно случается, это благословение единства:

Вот почему он всегда уважаем в мире.

Только такие люди почитаемы в веках. Проходят столетия, меняются короли, рождаются и умирают империи — но Будда, Иисус или Кришна остаются. Они перестают быть частью изменчивого временного мира. Они пребывают, подобно вечным звездам — недвижимые, неизменные, ведущие тех, кто готов идти; готовые излить все, что они имеют, тем, чьи сердца открыты, тем, кто не закрыт.

Глава 6

Я НИКОГДА НЕ ПОКИНУ ВАС!

Почему вы никогда не отвечаете на мои вопросы?!!

Это от Ананд Сарипутты.

Если я не отвечаю, значит, таков ответ.

Постарайся это понять. Есть причины. Если ваши вопросы заданы только ради того, чтобы спросить, я не отвечаю на них — но это и есть ответ!

Если ваши вопросы слишком наполнены эго — вопросы менее важны, чем то, что они *ваши*, — тогда я не отвечаю на них. Но это и есть ответ.

Вы должны задавать вопрос тогда, когда это действительно необходимо. Я здесь не для того, чтобы сообщать вам информацию — ее можно собирать везде. Если это действительно необходимо, я всегда отвечаю. Даже если я чувствую, что в вопросе слишком много эго — даже тогда я отвечаю, но не прямо; тогда это происходит, когда я отвечаю на вопросы других.

Но когда эго слишком велико, вас не интересует ответ — вы волнуетесь только об одном: ответили на *мой* вопрос или нет. Я ответил — но через вопросы других.

И откуда такая привязанность к вопросу — этот мой, а этот не мой?

Вопрос не принадлежит никому. Человеческие проблемы не так уж отличаются. Все человечество находится в одной западне, все человечество находится в одном состоянии — лишь степень может отличаться. И я отвечал на такое множество вопросов — разве ты не слышал, что на твои вопросы отвечали столько раз? Но твои уши закрыты эго. Ты нетерпеливо ждешь — когда же будут отвечать на твой вопрос; и тогда ты упустишь.

Я ответил многими способами, хотя в некотором смысле и не отвечал.

Так что, задавая вопрос, не волнуйтесь и не ждите ответа на *него* — косвенно, где-нибудь я непременно отвечаю на него. Я внимателен к вашим нуждам, к вашим истинным нуждам — не к потребностям вашего псевдо-эго.

Отбросьте эго, затем спрашивайте. Не спрашивайте ради того, чтобы спросить. Пусть вопрос будет действительно подлинным. И тогда не ждите, когда будет ответ на *ваш* вопрос. Вопросы есть вопросы. Они не ваши, они ничьи.

Вы говорите, что достигают тогда, когда тотально разочаровываются. Можно ли также достичь в тотальном экстазе?

Это невозможно! Пока вы не достигли, тотальный экстаз невозможен. Тотальный экстаз расцветает лишь тогда, когда вы достигаете. Иначе, какая была бы необходимость достигать, если вы уже тотально экстазичны? Тогда нет смысла куда-то идти, вы уже достигли цели!

В тотальном экстазе цель уже осталась позади. Кто тогда захочет достигать? Где вы тогда будете достигать? Больше ничего нет. Дорога закончилась.

В тотальном разочаровании случается экстаз. Почему я говорю «в тотальном разочаровании»? Потому что, если вы еще надеетесь, что счастье возможно и в этом мире — а когда я говорю «*этот* мир», всегда помните: я не имею в виду мир деревьев, птиц и неба; когда я говорю «этот мир», я подразумеваю *ваш* ум, *этот* ум, эгоцентрированный ум, — если вы еще надеетесь... Да, вас постигло так много разочарований, но все же в вас теплится надежда, что рано или поздно, где-нибудь в будущем, счастье будет возможно — с этим умом, с эго; тогда экстаз не случится.

Экстаз случается лишь тогда, когда вы пришли к пониманию, что с этим умом счастье невозможно; он случается лишь в абсолютном осознании факта, что ум движется кругами. Он никогда не будет тем, что вы ищете, он никогда не будет блаженством, благословением. Когда вы понимаете это абсолютно ясно, ум внезапно отпадает! Как вы можете цепляться за него без надежд? И помните, не ум цепляется за вас — вы цепляетесь за него. Как может такая мертвая вещь, как ум, цепляться за вас? Вы цепляетесь за него, потому что существует надежда! Тотальное разочарование разрушает все надежды, человек становится безнадежным.

Нужно понять это различие. Вы тоже много раз теряли надежду, но это было не тотально. Даже где-то в вашей безнадежности пряталось семя надежды. Оно вновь начинает прорастать. Вы покончили с этой женщиной или с этим мужчиной, вы разочарованы; но вы не покончили с женщиной как таковой или с мужчиной как таковым. Вы расстались с этой конкретной женщиной или с этим конкретным мужчиной, но не с женским родом, не с феноменом женственности. Где-то в глубине вашего разочарования также таится надежда, что должна

существовать женщина, созданная именно для вас. И с ней вы можете быть счастливым. Вы разочарованы в конкретном случае, но не универсально.

Разочарование тотально, когда вы разочарованы во всем. Тогда энергия движется внутрь. Она начинает поворачивать внутрь. Тогда она не идет наружу.

Вы можете разочароваться в *этом* доме, в котором вы живете — но не в *том* дворце, в котором живет кто-то другой. Тогда вы попытаетесь ликвидировать разрыв, превратить хижину во дворец. Вы можете быть разочарованы в деньгах, которые у вас есть, но не в деньгах как таковых; во власти, которой обладаете, но не в жажде власти как таковой. Тотальное разочарование означает, что вы действительно разочарованы. Внезапно вы оказываетесь в ситуации, когда идти некуда, абсолютно некуда — лишь тогда энергия поворачивает внутрь, и этот поворот есть экстаз.

Вот почему я называю это «инстаз», а не «экстаз» — потому что это поворот внутрь, движение внутрь, движение к собственному существу. Теперь вы не смотрите в разные стороны. Вы не ориентированы на будущее. Вы просто пытаетесь узнать, кто вы. Весь мир исчез. Всего этого кошмара больше нет. Произошло пробуждение. Это пробуждение станет целью, и тогда вы будете тотально экстатичны.

Когда я говорю «тотально экстатичны», вы можете понять меня неправильно, потому что вы жили в страдании, и все, что я говорю, вы будете понимать с точки зрения несчастного человека. Когда я говорю «экстатичный», вы представляете нечто противоположное несчастью, нечто вроде счастья. Тогда вы понимаете неправильно. Это не похоже ни на счастье, ни на несчастье. Это другое — абсолютно другое, категорически другое, диаметрально противоположное — это совершенно другое явление. Блаженство — это ни счастье, ни несчастье. И то и другое исчезли, дуальность ушла, вы дома.

И вы не чувствуете, что вы экстатичны, помните. Если вы чувствуете, что экстатичны, значит, у страдания еще есть возможность вернуться, так как вы не едины с экстазом, вы все еще отделены. Вы еще *испытываете* его. Это нечто отличное от вас, это не *вы*.

Если вы спрашиваете Будду: «Ты экстатичен?» — он пожмет плечами. Сам вопрос не имеет смысла, он неуместен. Вот почему Будда в ответ на многие вопросы молчал — потому что он понял, что все, что он скажет, будет понято неправильно. Если вы спрашиваете меня: «Ты счастлив?» — что я должен вам сказать? Если вы спрашиваете меня: «Ты несчастен?» — что я должен сказать? Кто-то спросил: «Ты говоришь, что ты в раю; есть ли в раю боль или нет?» Боли нет, но мне немедленно хочется добавить: наслаждения тоже нет. Боль и наслаждение — две стороны одной монеты. Наслаждение оборачивается болью, боль оборачивается наслаждением. Это не две разные вещи.

В Японии есть история, которую я хотел бы вам рассказать. В Японии белая мышь считается хорошей приметой. Если кто-то видит белую мышь, он очень счастлив — с ним случится что-то хорошее.

Однажды случилось следующее. Отец с сыном сидели за обедом, и вдруг сын увидел позади отца белую мышь. Он сказал отцу:

— Не оборачивайся резко, за твоей спиной гость — очень добрая примета. Повернись потихоньку и посмотри.

Отец осторожно обернулся и увидел белую мышь; они оба были счастливы, потому что это был действительно добрый знак — произойдет что-то прекрасное.

Белая мышка начала бегать вокруг них, и поскольку они не мешали ей, она начала танцевать и отряхиваться; и когда она отряхнулась, она неожиданно стала обычной серой мышью. На самом деле, она упала в коробку с мукой, белой мукой, вот почему она казалась белой; когда она начала танцевать, она стала обычной серой мышкой. И отец, и сын закрыли глаза, потому что хорошая примета исчезла — но даже если вы закрыли глаза, серая мышь здесь.

Это прекрасная история. Именно так и бывает. Не смотрите на счастье слишком долго, иначе белая мука осыпется, и внезапно вы скажете: «Это серая мышь!» Избегайте этого! Пусть белая мышь танцует за вашей спиной! Не смотрите слишком пристально и слишком долго, потому что в жизни хорошее и плохое — не две разные вещи. День превращается в ночь, ночь снова переходит в день. Это круг, который движется подобно колесу телеги: одни и те же спицы вновь и вновь поднимаются наверх и опускаются вниз.

Если вы спрашиваете меня, счастлив я или несчастен, я не могу ответить вам в этих терминах. Они неуместны. Самое большее, что я могу сказать — только то, что я *есть*. И это «я есть» тотально экстатично. Но экстаза как такового нет. Это не переживание. Это мой способ существования в этом моменте. Это не нечто, что происходит со мной, это сама природа.

Когда вы приходите к себе, когда вы возвращаетесь домой, когда вы входите в сокровеннейшее ядро своего существа, с вами не происходит ничего нового — это происходило всегда; вы впервые осознаете это.

Реализация может быть новой, но сам факт — очень и очень древний, древний как мир, древний как боги. Это было здесь с самого начала. Но вы были слишком заняты болью и наслаждением внешнего мира, все ваше сознание двигалось наружу.

Закройте двери, закройте окна, обоснуйте внутри, и внезапно, однажды, вы начнете смеяться; однажды вы улыбнетесь факту, что вы искали то, что всегда было здесь.

Я читал жизнеописание одного христианского миссионера. Он впервые приехал в восточный поселок. Бунгало и церковь находились за его пределами. Там было только два бунгало; он занял одно — и с самого первого дня, с самого утра, когда он огляделся, чтобы осмотреть окрестности, его заинтересовало соседнее бунгало. Оно было очень красивым. Там было много цветов, и деревья были очень зелеными. Он обошел бунгало кругом — он хотел узнать, кому оно принадлежит, хотел познакомиться, представиться; но там никого не было.

Он сдержал свое любопытство, но каждый день оно становилось все больше и больше. Однажды он не смог удержаться — это случилось, наверное, через месяц после его приезда — он вошел в сад, подошел к центральной двери, но она оказалась заперта. Он обошел вокруг дома — никаких признаков жизни, дом был абсолютно пустой и тихий. Он немного встревожился — в чем дело? Он пошел к выходу. В воротах была небольшая записка — он не заметил ее, когда входил: «Ключ в соседней двери». Он очень удивился, потому что этой «соседней дверью» был его собственный дом! Других домов там не было, только эти два.

Он вернулся, спросил, и его жена сказала:

— Да, ключ здесь — почему ты не спросил меня? В день, когда мы приехали, кто-то пришел и сказал: «Возьмите этот ключ. Я уезжаю на несколько месяцев. Я скоро вернусь, но мой сын ушел на войну и может тем временем вернуться; возможно, он захочет остаться и отдохнуть несколько дней — поэтому возьмите ключ». Ключ был в доме.

Миссионер начал смеяться; он сказал:

— Вот это шутка! Целый месяц этот дом преследовал меня, и я хотел войти в него, но сдерживался... это нехорошо — входить, вмешиваться, вторгаться на чужую территорию... Но сегодня я не смог сдержать любопытство, и сказал: «Ладно, я должен пойти и посмотреть, в чем дело». А ключ всегда был в доме!

Ключ у вас. Сокровище у вас. Вы забыли и то и другое. Когда энергия поворачивает внутрь — это ключ. Энергия, повернувшая внутрь — это ключ, он отпирает дверь; и внезапно сокровище всех сокровищ — здесь.

Вы сказали, что когда два существа любят, между ними возникает общность. Почему же мир называет это «падением» в любовь (англ. fall in love), если это такое экстаичное явление, а во все не падение на более низкий план?

Мир называет это падением в любовь потому, что мир управляется

головой, а сердце находится ниже головы.

Когда кто-то влюбляется, он падает из головы к сердцу. А сердце есть уже в детстве; голова появляется позже. Голова — это более позднее образование. Вы рождены с сердцем, а не с головой. Вы рождаетесь только с возможностью головы, но не с головой.

Рассудок нужно учить; любовь нельзя учить. Рассудок нужно навязывать вам, ваш ум должен быть обусловлен. Школы, колледжи, университеты существуют для рассудка; для любви нет ни школ, ни колледжей, ни университетов — они не нужны! Человек рождается с сердцем, которое уже функционирует совершенно. Голова — это только возможность. Если ее учить, обуславливать, она будет работать; если нет, она вообще не будет функционировать.

Поэтому, когда в юности вы движетесь в любовные отношения, вы тоже ощущаете, что это похоже на падение, потому что ум чувствует: вы движетесь назад, вы снова движетесь к сердцу. А голова осуждает сердце; это осуждение тоже проявляется в термине «падение». Голова говорит: «Что за глупость ты собираешься сделать? Ты что, сумасшедший? Это падение! Избегай этого!»

Для головы любовь — величайший враг, потому что, когда вы любите, вы становитесь иррациональным. Посмотрите на двух влюбленных — они говорят глупости, они ведут себя глупо, они почти безумны; а голова постоянно осуждает: «Что ты делаешь? Ты опускаешься». Вот почему мир называет любовь «падением». Но падать — хорошо. В другом смысле — не в смысле осуждения — это также падение, потому что оно ведет вас в глубину. Рассудок поверхностен. Сердце — более глубокий феномен, оно ведет вглубь; это ныряние в ваше существо.

Не осуждайте любовь. Общество осуждает ее потому, что общество смотрит на любовь как на анархичное явление. Мы учим мальчика или девочку, мы тратим на них столько денег; и вдруг однажды он влюбляется, и вся структура нарушена.

Говорят, что мать годами внушает ребенку мудрость; а потом он встречает другую женщину и в считанные минуты снова становится дураком.

Не осуждайте это, потому что в глупости есть своя красота. На самом деле, человек, который не может иногда быть глупым, недостаточно мудр. Всегда быть мудрым — двадцать четыре часа в сутки и семь дней в неделю — глупо. Иногда вам необходимо взять выходной у своей мудрости и вести себя как дурак. Только тогда есть равновесие. Дурак — тоже часть жизни.

В старину при дворе каждого короля был дурак. Это был уравновешивающий фактор, потому что при дворе было слишком много мудрецов, и иногда оказывается, что слишком много мудрецов — все равно, что слишком много поваров на кухне. Они портятся. Они — всего

лишь «рассудки», у них нет корней в сердце. Нужен дурак — при каждом крупном дворе был дурак. Он привносит юмор, он привносит чувство юмора; без него мудрецы ходят с вытянутыми лицами, печальные, серьезные.

Конечно, серьезность хороша, но лишь иногда; есть моменты для нее, и есть моменты, когда нужно быть немножко глупым. Действительно мудрый человек, по-моему, спонтанен: когда нужна мудрость, он мудр, а когда нужна глупость, он — полный глупец.

Если вы не можете двигаться в противоположности, вы — застывшее и мертвое явление. Нужно быть способным двигаться, текучим. Вы должны уметь глубоко размышлять и также быть способными упасть в иррациональность. Расчет и любовь. Арифметика и поэзия. Мудрость и старость, глупость и молодость. Когда ребенок и старик встречаются, когда мудрец и дурак стали одним целым, вы достигаете величайшего роста. Помните это. Всегда поддерживайте способность влюбиться, быть дураком, вести себя глупо.

Для меня лишь дурак — человек, который всегда мудр.

Жизни необходимы противоположности и соразмерность. Глупость очень освежает. Она очищает ваши глаза, дает вам перспективу.

Она возвращает невинность ребенка. Она снова дает вам спонтанность. Тогда вы не застываете по готовому образцу, вы течете.

Но не старайтесь быть дураком постоянно — это тоже глупо. А уму легко цепляться к одной крайности. Самое трудное для ума — это выбрать противоположности, потому что это нарушает ваш стиль. Вам хочется быть фиксированными в соответствии с некой моделью — это путь наименьшего сопротивления. Вы выучили эту модель и затем остаетесь фиксированными в ней. Вы остаетесь закрытыми в известном. Вы не хотите идти в неизвестное. Вы не хотите учиться, вы не хотите быть открытыми для новых явлений.

Ум всегда хочет быть или левой, или правой, или тем, или этим — но *быть чем-то*. А жизнь течет — *быть ничем*; способность быть всем и не быть ничем; способность идти в любую роль и не фиксироваться на ней. «Не-роль» должна стать стилем вашей жизни. Вы должны уметь двигаться, сбрасывать роль, как вы сбрасываете одежду.

Роли нужно просто использовать, и если вы не фиксируетесь на них и они не становятся для вас тюрьмой, вы вновь обретаете свободу и текучесть, вы поддерживаете способность наслаждаться жизнью во всей ее тотальности. Мудрость хороша, глупость тоже. Арифметика прекрасна, поэзия тоже. Это парадокс.

Пользуйтесь головой, пользуйтесь сердцем; и если вы можете пользоваться тем и другим, произойдет потрясающая революция. Если вы можете пользоваться тем и другим, вы осознали, что вы — это третья сила: ни то, ни другое. Вы — ни голова, ни сердце, потому что, если вы так легко можете переходить из одного в другое, вы не можете

быть ни тем, ни другим; вы должны быть отдельными от того и другого — тогда возникает свидетельство, тогда отождествление разрушено. И это свидетельство — вся суть медитации.

Вы часто говорите: «Я с вами», но в страдании я сталкиваюсь только с одиночеством. Происходит ли это оттого, что я не созвучен вам, или оттого, что путь к центру — это путь уединения?

Когда я говорю, что я с вами, я имею в виду именно это. Я с вами.

Но вы найдете меня только будучи в праздничном настроении. Когда вы несчастны, вы слепы. Я с вами, но вы не можете видеть. Ваши глаза полны слез. А что я могу сделать, если вы не видите? Я могу только ждать.

Есть старая поговорка: когда вы плачете, вы плачете одни; когда вы смеетесь, весь мир смеется с вами. В смехе есть нечто религиозное. Может быть, поэтому во всех церквях он под запретом — в нем есть нечто религиозное.

Если вы хотите почувствовать меня, почувствовать, что я с вами — больше смейтесь, больше наслаждайтесь, принимайте жизнь в шутку, не будьте серьезны.

Я знаю — этот вопрос от Йоги Лалиты, она серьезна. Немного слишком серьезна. Серьезность становится угрюмой; серьезность становится похожей на болезнь; серьезность патологична; это недуг. Смех — это здоровье.

Я не прошу вас быть неискренними. Искренность полностью отличается от серьезности. Нужно быть искренним и подлинным; лишь тогда жизнь будет раскрывать более глубокие тайны. Но нет причин быть серьезным и печальным. Иначе *вы упустите меня*, и это означает, что вы упустите жизнь.

Когда вы печальны, вы закрыты, закупорены, вы не связаны с миром. Розовый куст продолжает цвести, но вы не имеете к нему никакого отношения — на самом деле, он для вас не существует. Луна продолжает свое шествие в небе, но для вас ее нет. Птицы продолжают петь, и их пение будет казаться только помехой, оно будет раздражать вас. Вы печальны, вы отрезаны от мира. Печаль рушит все мосты с жизнью.

Когда я говорю, что я с вами, я имею в виду именно это; но вы поймете это только тогда, когда вы счастливы и танцуете. Когда я говорю «счастливы и танцуете», я не подразумеваю, что в жизни у вас не будет печальных моментов. Но если вы умеете быть счастливыми, вы сможете наслаждаться также и мгновением печали. Им стоит на-

слаждаться. В нем есть нечто — потому что в жизни нет ничего такого, что не драгоценно. Нужно только научиться наслаждаться им.

Смех прекрасен, но мелок. Печаль выглядит уродливо, но она очень глубока. Если вы умеете наслаждаться смехом, вы научитесь наслаждаться также и грустью. Тогда, если вы наслаждаетесь, печаль не становится разрушительной силой; тогда вы не оторваны от существования. Более того, и в печали вы глубоко связаны с ним.

Тогда вы посмотрите на цветок — вы смотрели на него, когда смеялись, танцевали и праздновали, и цветок был прекрасен; но сейчас у этого цветка есть глубина, которой никогда раньше не было. Теперь вы смотрите на луну... луна теперь не двухмерна, она становится трехмерной. У смеха два измерения; печаль трехмерна. Но нужно начинать учиться со смеха, и тогда вы сможете наслаждаться всем, даже печалью. Вы можете наслаждаться всем: даже когда вы нездоровы, вы можете наслаждаться этим; в нем есть своя красота.

Иногда бывало, что люди становились просветленными во время болезни. Лежа в постели с высокой температурой, ничего не делая, они внезапно пробуждались в совершенно ином измерении. Если лежать в постели, ничего не делая, ничем не заниматься — делать нечего, — ум безмолвствует; глубокий покой. И они, должно быть, наслаждались им.

Жизнь меняет цвет в соответствии с вашими интерпретациями. Болезнь кажется врагом. Если вы знакомы только с аллопатическим подходом, то болезнь — враг. Но если вам известен гомеопатический подход, то болезнь — не враг, а друг. Она очищает тело от токсинов, ядов. Температура — друг, а не недруг. Она пришла, чтобы помочь вам очистить тело, и это такое сложное дело — вот почему вам так горячо.

Если вы можете наслаждаться, вы можете наслаждаться всем. У вас есть ключ. И этим ключом вы можете открыть миллионы замков; это ключ мастера.

У вас болит голова — попытайтесь наслаждаться и наблюдать это. Неожиданно вы почувствуете дистанцию, возникающую между вами и головной болью. Стук в голове продолжается, но теперь голова — далеко. Если вы продолжите, постепенно вы почувствуете, что головная боль по-прежнему здесь, но она — не часть *вас*; где-то на самой периферии мира по-прежнему немного стучит в голову, но это не принадлежит вам. Ваше сознание — совершенно другое, оно полностью отдельно от этого. Нет никакого отождествления.

Но начните наслаждением, празднованием. Сначала попытайтесь найти меня, когда вы в хорошем, приятном настроении — это будет легче. Если вы можете найти меня, тогда постепенно, когда вы несчастны, тоже посмотрите по сторонам; попытайтесь найти меня — это будет немного трудно. Промойте свои глаза, очистите глаза от слез

и посмотрите еще раз. Мало-помалу вы увидите тень. Вскоре вы начнете чувствовать меня.

И прекрасно все. Все прекрасно таким, какое оно есть. Это должно быть *основополагающим подходом*. Как что-то может быть неправильно? Если это есть, значит, у него должно быть некое назначение. Другое дело, что вы можете этого не осознавать. Но позвольте это. И наблюдайте! *Наблюдение* должно быть ключевым словом.

В чем разница между молитвой и медитацией?

Разница очень велика. Разница огромна. В действительности, это абсолютно разные вещи. Они двигаются в разных направлениях.

В мире есть два типа религий: религии, ориентированные на молитву, и религии, ориентированные на медитацию. Христианство, иудаизм, мусульманство, индуизм — религии, ориентированные на молитву. Джайнизм, буддизм, даосизм — религии, ориентированные на медитацию.

Религии, ориентированной на молитву, нужна идея личного Бога — чтобы общаться. Для религии, ориентированной на медитацию, Бог есть бесполезная гипотеза; ее запросто можно выбросить в мусорный ящик. Она не нужна.

Будда смог достичь без веры в Бога. Даос Лао-цзы никогда не упоминает слово «Бог» — никогда! Разница должна быть огромной — постарайтесь это понять.

Молитва — это диалог между двумя личностями: Богом и вами. Вы говорите с Богом, это диалог; это не безмолвие. Слова продолжают. Вы не говорите с другим человеком, но говорите с другой сущностью; и эта сущность тоже выдумана по образу человека.

В Библии говорится: «Бог создал человека по образу своему». В реальности все как раз наоборот: человек создал Бога по своему образу. У вас есть вымышленная концепция о какой-то личности где-то там. Вы разговариваете. Вы признаетесь в своих грехах, вы просите, чтобы он простил вас. Вы молитесь. Хорошо, хорошо для сердца. Это немного помогает. Вы чувствуете облегчение, вы чувствуете свет. Возможно, Бог есть, возможно, нет — дело не в этом. Но, веря в Бога, вы можете снять с себя тяжесть, сдаться — это становится легче. Эта гипотеза полезна.

Но в христианстве, иудаизме, мусульманстве нет ничего, похожего на *мокшу*. Есть рай и ад. Ад — для тех, кто никогда и никак не общался с Богом и даже действовал против него — против его желаний, грешил; а рай — для тех, кто молился, кто работал на него, поступал в соответствии с его волей.

Но нет ничего подобного мокше — абсолютной свободе. Даже в раю Бог будет управлять; а он не демократ, он — абсолютный диктатор, потому что выше него нет никого, он — создатель: он может создать, может разрушить — он может делать все, что ему угодно.

И он кажется немного капризным. Он прощает грешников. Тогда должно случаться и обратное: добродетельные, но не молившиеся люди, должно быть, страдают в аду, поскольку люди, которые не были добродетельными, но молились, наслаждаются на небесах прекрасными женщинами, вином и всякими удовольствиями. Это кажется немного странным.

По-видимому, человек создал эту гипотезу в качестве утешения. По-видимому, весь феномен Бога возник из страха, не из знания — из вины, из человеческого несчастья, а не из понимания.

Медитация — не диалог; это безмолвие. Не с кем общаться, разговаривать. Для медитирующего молитва — глупость: «Что ты делаешь? С кем ты говоришь?»

На днях я читал книгу — женщина писала письма Богу. Вивек посмотрела на это и начала смеяться; она сказала: «Какая глупость! Письма Богу!» Но таков ум молящегося.

Я говорил вам, что в вашем существе есть три слоя. Первый — тот, где вы — всего лишь рассудок. Здесь диалог невозможен; это спор, вечная борьба. Затем — второй слой: любовь; диалог возможен. А затем следует третий слой существа: диалог снова невозможен, потому что там больше никого нет. Есть только вы, в своей кристальной чистоте. В абсолютной тишине.

Библия говорит: «В начале было Слово». Она начинает со слова. Будда не может сказать это, он не может согласиться. В начале было безмолвие. И в конце тоже будет безмолвие. Медитация — это тишина, а не диалог.

Люди, ориентированные на рассудок, голову, становятся — если их интересует религия — они становятся теологами. Они пишут теории о Боге, они говорят о Боге. Если они не религиозны, они становятся антирелигиозными; они становятся философами, атеистами, агностиками.

Затем следует второй слой вашего существа: любовь, сердце. Если человек религиозен, любовь становится молитвой. Если человек не религиозен, любовь становится поэзией, искусством, живописью, музыкой.

И третий слой — глубочайшее ядро, за пределами которого нет ничего; это сущность.

Абсолютное безмолвие; и абсолютное одиночество. Теперь нет никакой разницы между религиозностью и нерелигиозностью. В центре все становится одним. В этом безмолвии вы ни религиозны, ни антирелигиозны, потому что это термины рассудка. В этой тишине любовь

— ни молитва, ни искусство. Все стало одним. Это безмолвие и есть медитация.

Когда люди приходят ко мне... Если я вижу, что они находятся в голове, я помогаю им общаться, двигаться, влюбляться, стать немного глупыми, чтобы они спустились из своей головы, чтобы они немного спустились с трона эго. Человек должен сдаться любви. Нельзя беречь эго. Если беречь эго, любовь невозможна. Если я вижу, что они пожили, научились, испытали, что такое любовь, я говорю, чтобы они упали еще глубже, в медитацию. Это последнее падение, потому что нет пропасти глубже, чем медитация.

Если вы ориентированы на голову — двигайтесь в молитву, любовь. Но не делайте ее целью, это не цель. Вот почему христианство и мусульманство не достигают высоты буддизма. Нет, они остаются на втором уровне. Для третьего уровня нужен кто-то, подобный Будде, кто-то, подобный Лао-цзы. Они лучше обычных мирских людей, но все же не абсолютно принадлежат иному миру — они остаются в середине. Это неплохо, но недостаточно.

Если вы не можете любить, молитесь. Если вы любили и знаете, что это такое, двигайтесь в одиночество.

Есть два сорта одиночества: один — одиночество, другой — собственное одиночество. Если вы не любили и идете в уединение, оно станет одиночеством, вы будете чувствовать глубокую потребность в другом. Это не будет одиночеством. Другой будет там — как отсутствие. Вы постоянно будете чувствовать отсутствие другого, вы будете жаждать. Возможно, именно поэтому люди, недостаточно любившие, начинают разговаривать с Богом, с вымышленным феноменом — чтобы заполнить свою одиночество, чтобы занять себя кем-то.

Это фантазия, сон — хороший, религиозный, но все же сон. Нужно идти за пределы всех снов. Нужно идти в точку, где не остается сомнений в том, что другой не нужен. Я не говорю, что человек такого типа не будет любить. В действительности, только такой человек может любить. Но тогда он любит от избытка. Тогда это не *потребность*. Наоборот, он настолько полон, преисполнен, что ему хочется поделиться. Тогда он ищет людей, которые хотели бы разгрузить его, которые помогли бы ему разгрузить сердце. Величайший любящий — тот, у кого исчезла потребность в любви.

Все остальные любящие мелки; для них любовь — потребность, вроде пищи. Они не могут жить без еды и не могут быть без женщины или мужчины. Но когда вы можете жить без мужчины или женщины и быть таким же прекрасным, как бываете с ними, тогда происходит величайший феномен: если диалог начинается из безмолвия, то это величайший диалог.

Итак, нужно помнить две вещи. Если вы чувствуете, что существует глубокая жажда любви, тогда молитва — ваш путь. Пусть будет

другой — говорите с ним, будьте с ним. Предыдущий вопрос касался моих слов: «Я с вами» — это для людей второго уровня, которые нуждаются в любви.

Если вы становитесь человеком третьего типа, то я не стану говорить: «Я с вами», я скажу: «Я есть вы». Тогда не нужно быть с вами. Тогда, просто, я — это вы, вы — это я. Тогда нет двойственности.

Что вы делаете своими руками? Я ловлю себя на том, что гораздо больше эмоционально увлечен, наблюдая за ними, чем слушая слова, которые вы говорите.

Это естественно, потому что, когда я говорю, я говорю для вашей головы. Эмоции не могут вовлекаться, в голове не может быть эмоций. Я говорю для вашего разума, чтобы соблазнить его. А что я делаю руками? Говоря с вашей головой, я также непрерывно играю с вашими сердцами.

Мне приходится работать на двух уровнях. Чтобы убедить вашу голову, что ей пришло время отбросить саму себя, совершить самоубийство, что пришло время для самоубийства рассудка — я продолжаю говорить. Но одного этого недостаточно, потому что, если ваша голова неожиданно будет отрезана, а сердце еще не начнет работать, вы будете в очень и очень глубокой растерянности.

С помощью рук я постоянно работаю с вашим сердцем — вот почему в Индии жесты называют *мудрами*; когда Будда делает жест, он важен, значителен. Руки — очень, очень глубокие источники энергии. С помощью движений рук создаются энергетические модели, невидимые; но вы можете ощущать их, вы можете чувствовать; и вы будете чувствовать, что в сердце непрестанно что-то происходит.

Вот на что это похоже: вы видели горшечника, делающего глиняный горшок? Он работает обеими руками: одна рука внутри, другая — снаружи. Изнутри он постоянно поддерживает глину, а снаружи — придает форму. А круг продолжает вращаться. Словами я продолжаю разрушать вашу голову. Руками я продолжаю поддерживать ваше сердце, поощряя его работать больше, поощряя его естественное бие.

Естественно, что вы чувствуете это. Но не обращайтесь на мои руки много внимания, потому что, если вы будете придавать им слишком большое значение, вы будете связаны с моими руками через голову. Забудьте о моих руках — пусть они работают! Сердце действует в темноте. Работа и изменение сердца происходят не прямо. Это подобно корням деревьев: они действуют под землей, спрятанные в глубокой тьме. Если вы выносите их на свет, они начинают умирать.

Поэтому не обращайтесь на мои руки слишком много внимания, так как, если вы обращаете много внимания на руки, это *голова* обращает на них внимание. Тогда вы упускаете смысл. Вы можете наслаждаться этим, можете почувствовать, как в вас рождаются определенные эмоции, но реальный смысл упущен.

Обращайте внимание на мои слова! Будьте так глубоко поглощены моими словами, чтобы мои руки и ваше сердце остались наедине, чтобы вас не было между ними — иначе вы можете создать проблему, вы можете стать барьером.

А я работаю еще и на третьем уровне — который вам вообще не виден. Движения рук можно увидеть — смотрите! Я пользуюсь словами — вы можете понять их смысл. Я использую руки — вы можете только видеть движение, но не понимаете смысл. Слова — для головы, руки — для сердца; а затем есть мое существо, которое постоянно затопляет вас. Вы не можете видеть его движение. Мое существо — как облако, окружающее вас.

Но не обращайтесь на мои руки. Позвольте им действовать косвенно.

Когда человек далеко от ума, он находится в состоянии медитации; но внезапно или постепенно он снова отождествляется с умом; он снова засыпает. Это очень разочаровывает. Не могли бы вы сказать что-нибудь об этом?

Это разочаровывает, но не разочаровывайтесь. Лучше всякий раз, когда вы видите, что отождествляетесь с умом — вспомните, снова станьте бдительными, немного встряхнитесь. Вместо того, чтобы вкладывать энергию в разочарование, вложите ее во вспоминание. Вспомните снова, и вы снова будете бдительными, а ум будет далеко.

Это будет происходить вновь и вновь: вы будете засыпать снова, снова и снова, и вам придется вытаскивать себя из сна. Не отчаивайтесь. Это естественно, это само собой разумеется — вы жили с умом так долго, вы жили в отождествлении с умом так долго, что вполне естественно, что вы вновь и вновь забываете.

Но чувствуйте себя счастливыми даже в те моменты, когда вы становитесь бдительными, сознательными, осознающими — потому что есть миллионы людей, которые проживают всю свою жизнь и ни на миг не становятся осознающими, ни одного мгновения не осознают, что происходит, ни одного мгновения не знают, кто они.

Чувствуйте себя счастливыми. Не будьте разочарованы. Всегда интерпретируйте вещи позитивно, не интерпретируйте их негативно, потому что одна негативность ведет к другой; а позитивность ведет к другой позитивности. Если вы разочарованы, самовспоминание будет

приходить к вам все реже и реже, потому что оно никогда не приходит в разочарованный ум, в несчастный ум, гневный ум — оно никогда не приходит!

Тогда оно будет приходить все реже и реже, а вы будете чувствовать все большее и большее разочарование; и чем более вы будете разочарованы, тем реже оно будет приходить — оно совершенно исчезнет.

Чувствуйте позитивность; даже если это случается на одно мгновение, благодарите Бога, будьте признательны, с вами случилось нечто величественное — даже если это всего лишь миг, что с того? Если это может случиться на один миг, это может случиться на всю жизнь!

На самом деле, у вас никогда не бывает больше одного момента, у вас никогда не бывает двух моментов одновременно. Если это может случиться на одно мгновение, у вас есть ключ! Одно мгновение — это вся жизнь, одно мгновение — это вся вечность, потому что у вас никогда не будет двух мгновений одновременно, всегда — только одно.

И если вы можете помнить одно мгновение, вы можете помнить всегда. Будьте позитивны, будьте признательны и благодарны, и внезапно вы увидите, что воспоминание увеличивается. Приходит день, когда вы больше не спите. Он приходит; он приходил к таким же людям, как вы, он пришел ко мне — я такой же, как вы.

В этом нет ничего особенного. Вы так же способны на это, как любой другой. Просто относитесь немного более позитивно к тому, что происходит, и этого достаточно.

В чем разница, если она есть, между «центром» и «эго-центром»?

Центр — не *чей-то* центр, это центр целого. А эго-центр — это *чей-то* центр. В этом единственная разница, но она огромна. Когда вас нет, центр есть; но это не *ваш* центр, это центр целого.

Когда вы есть, у вас есть центр — фальшивый, псевдо-центр, который не является центром целого; но не успокаивайтесь, не останавливайтесь, пока это не центр целого. Вы во сне, не в реальности. И мы настолько привыкли к сну, что совершенно забыли, что есть реальность и что есть сон.

В восточной психологии реальность считается сном. В западной психологии сны считаются реальностью. Вот почему Фрейд, Юнг, Адлер и вся их компания постоянно интерпретируют, анализируют сны, чтобы понять вашу реальность. Сны — так важны! На Востоке никогда не интерпретировали сны, никогда не интересовались ими. Наоборот, мы говорим, что вся реальность есть сон, *майя*, иллюзия. Но есть искушение принять сон за реальность.

Мулле Насреддину однажды приснилось, что он жарит навоз. Он очень встревожился. Еще бы — любой встревожился бы на его месте! Утром он пошел к предсказателю, толкователю снов, и сказал:

— Я очень волнуюсь! Растолкуй мне смысл этого сна.

Предсказатель сказал:

— Это стоит одну рупию. Дай мне рупию, и я растолкую твой сон.

Мулла Насреддин подпрыгнул и сказал:

— Дурак! Если бы у меня была рупия, разве я стал бы жарить навоз? Я пошел бы на рынок, купил рыбу и пожарил ее!

Существует тенденция принимать сны за часть реальности; тогда вся ваша реальность становится сном. Западная психология и сам западный ум принимает сны за реальность. Это очень детский подход. Я называю его детским потому, что дети делают то же самое. Дети никогда не делают различий между снами и реальностью. Ребенок просыпается утром и плачет. Вы спрашиваете его: «В чем дело?» — а он отвечает: «У меня только что была игрушка, куда она подевалась?» Ему снилась игрушка, теперь он проснулся, и эта игрушка исчезла, и вот он плачет и кричит — он хочет вернуть ее. Он не может различить. Сон кажется реальностью.

В западной психологии слишком сильно господствует детский ум. В восточной психологии господствует старый, зрелый, мудрый ум. Ребенок думает, что сон — это реальность, мудрый старик думает, что реальность есть сон.

Вся реальность есть сон. Необходимо проснуться. Если вы можете проснуться на одно мгновение — чувствуйте благодарность. И этих моментов будет приходить больше. Не будьте разочарованными.

И всегда помните: если вы чувствуете центр как себя, значит, вы также принадлежите сну — вот в чем различие между эго и *атманом*, самостью. Эго — это вымышленный центр, центр личности, принадлежащей сну; этот центр исчезнет с исчезновением личности. Самость, или атман — реальный центр. Когда все исчезает он остается. Но он не ваш.

Вы спрашиваете меня, в чем различие, если оно есть, между центром и эго-центром — оно есть. Центр — не *чей-то*, это центр всего. А эго-центр — это *чей-то* центр, не центр всего. А все, что принадлежит вам — сон, ничто другое вам не принадлежит. Реальность принадлежит целому, она не может принадлежать части.

Когда бываешь свидетелем, ощущение такое, что часть моего ума наблюдает другую часть моего ума. Не могли бы вы сказать что-то об этом?

Это хорошо, это добрый знак. Когда человек наблюдает, он приходит к пониманию, что одна часть ума наблюдает другую часть. Теперь

вы должны осознать, кто осознает эти две части, кто осознает: «*Это — одна часть, это — другая*». Естественно, вы не можете быть ни той частью, ни другой, вы должны превзойти обе. И если вы снова чувствуете: вот наблюдает третья часть ума, — тогда вы становитесь четвертым. Если вы снова чувствуете: вот четвертая часть ума, — тогда вы становитесь пятым. *Вы — трансцендентальное*, которое всегда превосходит. Вы никогда не то, что можете наблюдать — это должно быть законом, критерием. Что бы вы ни наблюдали — вы никогда не это. Вы — наблюдатель, наблюдатель на холме.

Что должен делать человек, если он счастлив и экстаичен и хочет поделиться с другими, но обнаруживает, что окружающие его люди не расположены к празднованию?

Вы должны праздновать их печаль! Вы должны наслаждаться их печалью. Не идите против этих людей. Будьте с ними.

Есть своя красота в том, чтобы «быть с». Если люди печальны, будьте печальны — но наслаждайтесь этим, потому что у вас нет причин для печали, вам легко наслаждаться ею. Празднуйте глубоко внутри, но будьте печальны. Если они плачут, плачьте: пусть слезы текут ручьем. Но наслаждайтесь всем этим, это так прекрасно!

Плакали ли вы когда-нибудь, наслаждаясь этим? Попробуйте — это ни на что не похоже. Это превосходит все переживания. Внезапно вы видите, что можете плакать и наслаждаться! Слезы могут течь, но не от печали — через них течет нечто прекрасное. И когда вы вместе с людьми, вы тонким образом отбрасываете это.

Попробуйте «быть с». Поставьте себе цель никогда, насколько это возможно, не быть против. «Быть с» — значит быть религиозным, быть против — значит быть политиком. Поэтому, куда бы ни шли люди, просто будьте с ними.

Я расскажу вам одну историю.

Одним из величайших греческих саньясинов был Диоген. Он был красив, так как, когда человек достигает чего-то, он приобретает некую грацию. Когда вы приобретаете вещи, вы становитесь уродливыми, вы становитесь похожи на вещь. Он был абсолютно свободным человеком. Он ходил голым.

Какие-то люди поймали его — эти люди были работоторговцами. Они хотели продать его.

Им пришлось поломать голову, так как поймать его было действительно очень трудно. Они окружили Диогена, но он был очень сильный, здоровый человек; он мог одолеть, по меньшей мере, восемь человек, а эти работоторговцы — их было всего четверо, так что они слегка забеспокоились.

Диоген сказал:

— Не бойтесь, я всегда с вами. В чем дело? Скажите мне, я разрешу вашу проблему.

Они сказали:

— Проблема в том, что ты не захочешь, чтобы тебя продали!

Он сказал:

— Я не имею ничего против того, чтобы меня продали, просто скажите это!

Они сказали:

— Это наша идея — мы думали поймать тебя и сделать пленником.

Он сказал:

— Отлично! Чего же вы ждете? Начинайте — вот мои руки.

Они не могли в это поверить! Они смотрели друг на друга — это было подозрительно! А этот человек протягивал им... Он сказал:

— Не волнуйтесь! Я никогда не сопротивляюсь, я *плыву по течению*. Это мой стиль жизни. Берите меня! Делайте меня пленником. Если этого хочет целое, пусть будет так.

Им было страшно, но они все же решились. Затем они успокоились: он не собирался драться.

Он начал ходить с ними, закованный в цепь — но он был таким человеком... вы не можете сделать такого человека рабом. Эти четверо рядом с ним казались глупцами. А Диоген говорил:

— Не бойтесь, вам не нужно охранять эти цепи, потому что я всегда *плыву с рекой*. Я пойду с вами куда угодно. Я никогда не покину вас!

Они стали бояться еще больше. Что это за человек?

Но они начали делать все, что он говорил — Мастер есть Мастер, вы не можете сделать его... Мастер остается Мастером даже в тюрьме. Постепенно они начали рассказывать ему о своих проблемах — потому что он выглядел таким счастливым, таким невероятно экстаичным — не из этого мира!

Они стали друзьями — не просто друзьями: они стали учениками; к тому времени, когда они пришли на рынок, они уже были его учениками, а он — Мастером, и они говорили: «Мастер сказал нам *это...*»! А он сказал им:

— Не забудьте, что вы пришли сюда продать меня. Вы теряете сознательность. Не будьте так забывчивы, помните, зачем вы поймали меня!

Они сказали:

— Теперь мы не можем сделать это.

Но он сказал:

— Не нужно волноваться. Придерживайтесь своей первоначальной идеи. Я сделаю это для вас.

Они не могли поверить — что он будет делать?

Они пришли на рынок. Всем было интересно — весь рынок заинтересовался этим рабом, потому что никогда раньше туда не приходил такой красивый раб.

Начался аукцион. И когда Диоген встал там, и аукционист начал говорить: «Этот человек красив, он очень здоров и очень силен», — Диоген сказал:

— Стоп! Пустите меня туда. Вы не знаете, как представить человека!

Аукционист в страхе спустился вниз — потому что в этом человеке было столько силы и власти. Диоген встал там — ни на одном рынке невольников такого никогда раньше не было! — и сказал:

— Эй вы, рабы, все сюда! Хозяин пришел на продажу.

Именно так нужно течь с людьми, с жизнью, с деревьями, реками.

Не боритесь. Борьба есть единственный грех. Не сопротивляйтесь. Если люди плачут — плачьте. Если люди смеются — смейтесь. И если вы можете делать это, вы внезапно почувствуете, что вы — просто свидетель, не деятель. И в этом весь секрет.

Глава 7

ТРУДНОЕ И ЛЕГКОЕ

Лао-цзы говорит:

Достигни совершенства в недеянии.

Будь внимателен к незанятости.

Вкуси отсутствие вкуса.

Плати добродетелью за ненависть —

велика она или мала, сильна или слаба.

Берись за трудное, пока оно легко;

берись за большое, пока оно мало.

Трудные проблемы мира следует решать,

пока они легки;

великие проблемы мира следует решать,

пока они малы.

Поэтому мудрец,

никогда не имея дела с великими проблемами,

достигает величия.

Тот, кто легок на посулы,

обнаружит, что часто трудно сдержать слово.

Тот, кто небрежен во многих вещах,

столкнется со многими трудностями.

Поэтому даже мудрец считает вещи трудными,

и по этой причине

никогда не встречает трудностей.

Жизнь — не проблема. Скорее, это мистерия, которую нужно прожить, а не проблема, которую нужно решить. Но она становится проблемой; она становится проблемой потому, что вы постоянно откладываете — откладываете на завтра. То, что можно сделать сегодня, что необходимо сделать сегодня — нельзя сделать завтра. То, что сегодня могло стать прекрасным явлением, тайна, которую нужно было пережить, завтра станет очень и очень трудной и холодной проблемой, требующей решения.

Жизнь сама по себе, если жить ею здесь и сейчас — не проблема. Откладывание создает проблемы, и тогда вы продолжаете накапливать. Тогда вы нагромождаете вокруг себя так много, что жить становится почти невозможно — вы парализованы, искалечены, вы в смиренной рубашке, в заключении. Сначала постарайтесь понять это — тогда будет легко войти в эту сутру.

Несколько дней назад я говорил, что даже гений, очень талантливый человек — он может быть лауреатом Нобелевской премии, великим интеллектуалом, известным во всем мире — даже он может вести себя как ребенок.

Если утром он обнаруживает, что его тапочек нет на месте, он злится, раздражается.

Если бы он в этот самый момент обратил внимание на свой гнев, он посмеялся бы, потому что это так глупо! Смешно! Но он не обращает на это внимания.

Он идет в ванную — раздраженный, в плохом настроении, — и начинает бриться; но он почти не осознает, что не отделался от проблемы, что проблема тут, она вновь и вновь сует свой нос в его существо. И она все время растет, потому что ничто в жизни не стоит на месте. Все живое растет, и если вы живы, ваш гнев тоже жив, он растет! Он не остается тем же. С каждым мгновением он набирает все больше инерции и силы.

Он продолжает бриться, но он раздражен; он не наслаждается этим действием, его свежестью — этим прекрасным моментом облегчения, — нет, он не расположен наслаждаться. Бессознательно он отпускает бритву, она выскальзывает из его руки и падает на пол. Теперь он злится еще больше. Если бы он мог разобраться с этим сейчас же, он посмеялся бы. Злиться глупо, потому что бритва — не живое существо, бритва ни в чем не виновата — разве можно злиться на бритву? Но теперь он раздражен еще больше. Его руки движутся теперь еще более глупо, бессознательно; бритва снова падает и попадает в старинное антикварное зеркало, которое он так любит; зеркало разбито.

Теперь он перестает быть нормальным. Он выходит, налетает на шкаф, хлопает дверью, шлепает ребенка, потому что тот не сделал

уроки, начинает спорить, ссорится с женой — а все из-за мелочи, которая ничего не значит! Все из-за того, что его тапочек не было на месте.

И вот наш так называемый гений садится в машину и едет в офис, но не доезжает до него, потому что случается авария. Так всегда и бывает. А все из-за тапочек, из-за того, что их не было на месте.

Теперь он едет как маньяк — весь его гнев уходит в ногу, он все сильнее жмет на акселератор; он пьян! Опьянен своим гневом. Происходит авария. Через двенадцать или пятнадцать часов он открывает глаза в больнице. И он никогда не сможет связать вещи воедино.

А история может продолжаться все дальше и дальше: он влюбляется в медсестру — и так далее! Только из-за того, что тапочек не оказался на месте! Вся семья в смятении; развод; и весь мир уже никогда не будет прежним — лишь оттого, что его тапочки не стояли на обычном месте.

Разбирайтесь с вещами от момента к моменту, не давайте им накапливаться внутри вас. Не копите. Жизнь действительно прекрасна. Она становится уродливой. Жизнь — не проблема. Любая проблема *так мала*, что глупо называть жизнь проблемой. Это не проблема для деревьев, это не проблема для птиц, это не проблема для земли, неба; только для человека жизнь — проблема, потому что только человек научился этому фокусу — откладывать. Мелочи становятся больше. Затем наступает момент, когда вы не можете с ними справиться. Тогда *вы* становитесь такими маленькими, а проблема так велика — справиться с ней почти невозможно; и тогда вы всегда носите в голове эту тяжесть. И как вы можете наслаждаться с таким тяжелым грузом в голове? Как вы можете восхищаться? Как вы можете праздновать? Как вы можете танцевать?

А потом кто-то говорит: «Есть Бог». Вы слышите эти слова, но не можете поверить. Может быть, и есть дьявол, который заправляет всем миром, но никак не Бог. Вся ваша жизнь стала такой искалеченной, парализованной, тяжелой — вам хочется покончить с собой. Очень редко встречаются люди, которые когда-нибудь не размышляли о самоубийстве.

Психоаналитики говорят, что каждый мужчина и каждая женщина за долгую жизнь около десяти раз думают о самоубийстве. Вы не совершаете его потому, что вы трусы; нет ничего похвального в том, что вы не делаете этого. Вы размышляете о нем — этого достаточно! Это означает, что жизнь стала настолько невыносимой, что вы предпочли бы бросить ее, чем влечь дальше и дальше; вам хочется выйти из игры.

Как вы можете любить Бога? Как вы можете молиться? Ведь молитва исходит из великой признательности, молитва рождается из благодарности. Хорошо прожитая жизнь становится молитвенной. Она не

имеет никакого отношения к церквям, храмам и мечетям, она имеет отношение к качеству вашей жизни. Хорошо прожитая жизнь — прожитая от момента к моменту, осознанная, бдительная, без откладывания, становится молитвенной; а молитва мало-помалу превращается в медитацию. Тогда вы даже не молитесь, потому что слова мешают. Тогда ваша молитва становится безмолвной. Когда молитва безмолвна, это медитация.

Поэтому, чтобы понять, что существование прекрасно, священо, что существование есть блаженство, благословение, вы должны жить по-другому — не откладывая. Вот что значит жить от момента к моменту.

Снимите с себя груз прошлого. Его больше нет, оно уже уплыло вдаль, оно не существует; вы без нужды обременены призраками — их больше нет. И не отягощайте себя будущим — его еще нет. Когда оно придет, *вы* будете там, чтобы встретить его. Зачем планировать его сейчас? Оно никогда не будет таким, каким вы его планируете. Ваши планы неизбежно создадут еще большие проблемы, так как, когда вы планируете заранее, вы хотите навязать сущему свои планы.

Сущее не обязано следовать вам — вы можете следовать существованию и быть благодарным. Но существование не может следовать вам, вы не знаете целого. Вы не знаете желаний целого, его предназначения. И вы строите личные планы; они неизбежно будут противоречить целому и обречены на неудачу. Тогда ваше сердце будет разбито.

Отбросьте прошлое. И не привносите будущее. *Этот момент есть все.* Если вы проживаете этот момент бдительно, тогда вы будете иметь дело с мелочами, и через эти мелочи, с которыми вы встречаетесь, вы будете расти, и больших проблем никогда не будет.

Лао-цзы говорит, что для великого человека нет великих проблем. Вы, должно быть, всегда думали наоборот — что великие люди существуют потому, что они берутся за великие проблемы. Но Лао-цзы говорит, что для великого человека нет великих проблем, потому что он никогда не дает проблемам становиться большими; он всегда решает их, когда они очень малы, посильны; тогда что-то можно сделать. И если вы разрешаете проблемы от момента к моменту, вы всегда свежи, не отягощены их бременем; на вашем существе никогда не оседает пыль. В следующий миг вы ускользаете — свежий, юный и девственный, вы выскальзываете в следующее мгновение, как змея ускользает из старой кожи; старое остается позади — появляется свежая и молодая кожа. Тогда жизнь — тайна, а не проблема, которую нужно решить. Ее нужно проживать, и проживать тотально. Тогда вы чувствуете благодарность. Тогда это было благословением.

Запомните это, и затем попытайтесь понять сутры Лао-цзы.

Достигни совершенства в недеянии.

Будь внимателен в безуспешности.

Вкуси отсутствие вкуса.

Действуя, ничего не делай — в этом самый глубочайший секрет Лао-цзы. Он говорит: если все можно делать через недеяние, зачем вы делаете? Если все можно сделать через недеяние, то, делая, пытаюсь делать, вы только создадите себе проблемы.

Позвольте привести вам несколько примеров. Должно быть, вы слышали об Архимеде; его история знаменита. Он пытался решить некую научную проблему. Он очень старался, изо всех сил, не мог спать, не мог делать ничего другого. Король задал ему задачу, и ее нужно было решить немедленно. И он был первым, кто взялся за эту задачу — у нее не было прошлого, не было истории, так что ему не за что было зацепиться. Никогда ранее эту проблему не поднимали, это был первый прецедент.

Он усиленно работал, он стал напряженным — он напрягся изо всех сил. Но что делать? Если вы не можете решить проблему, ничего не поделаешь! Человек беспомощен — он чувствовал себя беспомощным.

Однажды, когда он принимал ванну, лежал в ванне, расслабленный — он отказался от мысли решить эту задачу, ее нельзя было решить — внезапно она решилась! И он пришел в такой экстаз — он забыл, что лежит в ванне голый, и выбежал на улицу, громко крича: «Эврика! Эврика», что означает: «Я нашел! Я нашел!»

Король подумал, что он сошел с ума — весь город думал, что он сошел с ума. Он не сошел с ума, он нашел решение. И когда король спросил: «Как?», — он ответил: «Недеянием. Я ничего не делал, я не пытался решить ее, на самом деле, я бросил ее. Я полностью прекратил что-либо делать в связи с ней, я был расслаблен».

Что случилось? Когда вы расслаблены, вы становитесь едиными с целым. Когда вы расслаблены, вы больше не эго. Когда вы расслаблены, вы больше не индивидуальность. Когда вы расслаблены, вы становитесь целым. Когда вы напряжены, вы становитесь индивидуальностью. Чем больше вы напряжены, тем больше вы концентрируетесь как эго.

Эго очень мало; как оно может что-то решить? Оно может суетиться из-за пустяков, но не может ничего решить. Когда эго нет, вы отдыхаете в ванне — внезапно проблема решена! Это случилось с Буддой.

Шесть лет он делал — и делал действительно очень много; никто не погружался в поиски сокровенного смысла жизни так глубоко, как Гаутама Будда. За шесть лет он сделал все, что можно, все, что в человеческих силах. Он ходил к учителям, всем известным учителям тех дней, и учителя становились бессильны, потому что Будда делал все,

что бы они ни говорили — и делал настолько совершенно, что они не могли сказать: «Ты делаешь недостаточно, поэтому не достигаешь». Он делал все так хорошо — лучше, чем сами мастера, — что они говорили: «Что ж, прости нас, иди к кому-нибудь еще. Это не случается, и мы больше ничем не можем тебе помочь. Поищи какого-нибудь другого учителя».

Он был сыт по горло всеми учителями, системами, философиями, техниками, методами; он начал делать что-то сам — он снова ничего не произошло.

Прошло шесть лет, шесть лет кошмарного существования; он жил в глубочайшем мучении. Затем однажды, переходя реку Ниранджана недалеко от Бодхгаи, он так ослабел от долгого поста — кто-то предложил ему выдержать длительный пост, может быть, это поможет — он так ослабел, что не мог перейти реку.

Река Ниранджана не так уж велика, но он был действительно слаб. Он цеплялся за корни дерева, иначе течение могло бы унести его. И вот, держась за корни дерева, он начал думать: «Что я делал все это время? Я просто разрушал себя, я ни к чему не пришел. С миром покончено, *это* я оставил позади; теперь, эта мокша, спасение, Бог, истина, называйте как угодно — с этим тоже покончено, мне больше нет до этого дела. Это я тоже отбросил». В этот момент он сбросил тяжесть.

Когда вы в поиске, есть напряжение. Само это напряжение становится барьером. Когда поиска не было, все расслабилось — в реке Ниранджана с Буддой произошло то же самое, что с Архимедом в ванне. Он расслабился и, расслабившись, почувствовал подъем энергии. Теперь это была не его энергия, это была энергия целого. Его больше не было. Вы существуете из-за своего поиска, жадности, желания. Когда нет жадности, нет желания, достигать нечего — этот момент самодостаточен, закончен — тогда вас нет. Это исчезает.

Будда вышел, расслабился под деревом бодхи. Он не отдыхал многие годы. Этой ночью он спал прекрасно. Впервые он действительно спал без сновидений — потому что сны есть часть желаний. Днем вы видите сны, спрятанные в ваших мыслях; в дневных грезах желания продолжают — тысяча и одно желание, неисполненные.

Сны создают некое утешение для ума: то, что не исполняется в жизни, исполняется во сне. Сны — это утешение. Но когда вы ничего не желаете, сны исчезают. И когда исчезают сны, вы впервые спите. В первый раз вы так расслаблены, что исчезаете в целом.

Он спал прекрасно; впервые он спал по-настоящему. Рано утром, когда последняя звезда почти исчезла, он открыл глаза; свежий, такой же свежий, как новорожденный ребенок, без всякой позы, без ума, через который можно смотреть, без желания — того, что Будда называет *тришна* — никакой *тришны*, никакого желания.

Этот момент был вечностью, потому что, когда вы желаете, вы всегда движетесь в будущее. Этот момент был вечностью — никакого движения в будущее, этот момент был всем. Будда стал подобен цветку. Цветок цветет здесь и сейчас. Птица поет здесь и сейчас. Человек всегда думает о чем-то другом, всегда движется в уме куда-то еще. Человек никогда не бывает там, где он есть. Вы можете найти его повсюду, но не найдете там, где он есть. Никогда!

На этот раз Будда действительно был в *этом* моменте — под деревом Бодхи. Он был там физически, ментально, духовно — вот почему это дерево стало деревом просветления.

Ни единой мысли, никакой ряби на озере его сознания, все тихо, никакого желания, никакого шума. Он посмотрел на последнюю исчезающую звезду и стал просветленным. И когда люди спрашивали его: «Как ты достиг?», — он говорил: «Когда я прекратил искать. Когда я перестал действовать — тогда, в глубоком бездействии, это случилось». Это всегда происходит так.

Иногда вы тоже, возможно, замечали — это происходило не так, как у Будды и не так, как у Архимеда — но иногда вы пытаетесь вспомнить имя; оно вертится на кончике языка, вы говорите: «Оно на кончике языка, но не вспоминается». Вы очень напряжены, но что поделаешь? Если оно не вспоминается, ничего не сделаешь! Чем больше вы стараетесь, тем более невозможным это кажется. Затем вы бросаете это занятие! Вы берете сигарету и курите или идете в сад немного прогуляться; просто чтобы чем-нибудь себя занять, вы включаете радио, прихлебываете чай или делаете еще что-нибудь, чтобы забыть об этом — и оно неожиданно возникает, вот оно.

Очень маленькое просветление — но оно обладает тем же качеством. Очень-очень маленькое сатори, крошечное, нечем гордиться — но оно той же природы.

Если вы можете понять этот процесс, вы поняли, что Лао-цзы имеет в виду под *недеянием*. Есть вещи, которых вы не можете достичь через деятельность.

Вот критерий: то, что вы можете достичь через действие, принадлежит *этому* миру; все, что можно достичь через действие, принадлежит миру материи; а все, что принадлежит миру духа, не достигается через действие. Этого можно достичь только через *недеяние*, расслабление, тотальное позволение.

Достигни совершенства в недеянии.

— достигни совершенства в тотальном позволении;

— достигни совершенства в расслаблении.

Расслабьтесь в вашем поиске истины. Когда вы идете искать истину, вы идете с мирским умом. Там нужны амбиции, усилия, потому что

конкуренция очень тяжела, вы не одни: миллионы людей борются, сражаются друг с другом, идет непрерывная война.

Мир — это постоянная война, и все воюют со всеми; сын воюет с отцом — может быть, неосознанно; отец воюет с сыном — может быть, неосознанно; мать воюет с ребенком, ребенок сражается с матерью; нации воюют с нациями, семьи воюют с другими семьями, все находится в глубоком конфликте и борьбе.

Если вы расслабитесь, вы не сможете стать премьер-министром. Если вы расслабитесь, вы не сможете стать президентом страны. Если вы расслабитесь, вы не сможете стать Рокфеллером или Фордом. Нет, это невозможно. Если вы расслабитесь, вы станете нищим, вроде Будды или Лао-цзы. В мире борьба необходима, этот мир принадлежит насилию, этот мир принадлежит эго, этот мир принадлежит тем, кто агрессивнее других.

Вы приходите из мира, в совершенстве наученные насилию, действию; нужно что-то делать!

Люди приходят ко мне и говорят: «Скажи нам, что делать, и мы будем это делать; но ты говоришь — просто расслабьтесь, не делайте. Это невозможно». Не делать что-то даже одно-единственное мгновение кажется невозможным из-за старой привычки, старой, глубоко укоренившейся модели... Всегда это — «Делай что-нибудь!» Лао-цзы говорит: «Ничего не делай».

В мире бытия делание не нужно. Вот что значит бытие — там не нужно действие. Там вы расцветаете в своей сокровеннейшей глубине, вы расцветаете до своей величайшей высоты.

Но никакие усилия не нужны. Мастер дзен говорит: «Сиди спокойно, ничего не делая — трава растет сама по себе». Он говорит о глубочайшей сердцевине вашего существа, где сидеть спокойно, ничего не делая — единственный способ делать что-либо. Трава растет сама по себе. Траву не нужно тянуть, растения не нужно тянуть вверх, они растут сами по себе. Вы просто ждете рядом. Вы ждете, трава растет.

Как только вы понимаете, что внутреннему существу не нужны никакие усилия, для вас внезапно открывается новое измерение.

Здесь нет напряжения. Религиозный человек не напряжен. На самом деле, религиозный человек не старается достичь чего-то. Если вы видите, что религиозный человек пытается чего-то достичь — он не религиозен, он такой же мирской, как и другие. Он просто поменял имя своего бога, вот и все. Раньше он называл это деньгами, теперь он называет это медитацией. Раньше он называл это материей, теперь называет по-другому — Богом. Но достигающий ум здесь, а достигающий ум — это препятствие, единственный барьер.

Достигни совершенства в недеянии.

Наслаждайтесь, не делая ничего. Это просто — но кажется трудным. Это кажется трудным из-за вас, в остальном это просто. Найдите время ничего не делать. Когда у вас есть какое-то время, просто закройте глаза и ничего не делайте. Вскоре вы узнаете вкус отсутствия вкуса. Вскоре вы вступите в другой тип существования, где живут Иисус, Кришна, где живет Лао-цзы.

Достигни совершенства в недеянии.

Будь внимателен к незанятости.

Постоянное внимание к занятии создает беспокойство. Иногда уделите внимание незанятости; не делайте ничего.

В детстве мой дедушка очень беспокоился обо мне. Он был очень любящим человеком и очень умным — старым и мудрым. Когда он видел, что я сижу — потому что именно таким и было все мое детство: ничего не делать, просто сидеть в безмолвии — он говорил: «Вставай! Делай что-нибудь! Иначе ты ничего не добьешься в жизни, ты будешь неудачником».

И он был прав! Абсолютно прав. Он говорил это из глубокого страдания. Он говорил: «Пойди хотя бы поиграй! Не сиди так, я беспокоюсь за тебя».

Так что я переходил из этой комнаты в другую и сидел там. Потому что, однажды вкусив отсутствие вкуса, вы ни с чем не сравните его — он несравненный.

Стоит вам узнать, что внимание к незанятости есть величайшее занятие в мире, как все вещи покажутся такими мелкими, такими смешными, детскими, глупыми!

Но — на Западе особенно — никогда не было учителя, который бы говорил: «Не делайте ничего».

Иисус пытался, но они убили его — а Иисус пытался говорить очень осторожно, потому что его могли вообще не понять. Если бы он говорил как Лао-цзы, никто бы не понял его.

Евреи — великие деятели. Они достигли совершенства во многих вещах. Трудно победить еврея в чем-либо; никогда не соревнуйтесь с евреем, он победит вас. Они — великие деятели. Весь мир всегда был против них. Приходили и уходили многие Гитлеры. Они пытались уничтожить евреев — ничего не вышло; они вновь поднимались, еще сильнее, чем прежде. Евреи — самый мирской народ в мире. Они верят в действие. Они не поняли бы Иисуса, и все же он говорил что-то похожее на Лао-цзы, осторожно, иносказательно — но ни один другой учитель даже не пытался это сказать. Наоборот, пословица гласит: «Когда вы ничего не делаете, вы становитесь мастерской дьявола». А Лао-цзы говорит: лишь тогда, когда вы ничего не делаете, вы становитесь мастерской Бога, а не дьявола.

Дьявол овладевает вами, когда вы хотите сделать что-то — тогда вы в руках дьявола, тогда он может овладеть вами, принуждать вас, он может заставить вас устремиться к вещам, к достижениям. Но человек, который не хочет ничего делать, который внимателен к незанятости — дьявол просто не сможет приблизиться к нему; это невозможно, потому что дьявол — деятель.

Я еще раз хочу рассказать вам — с другой точки зрения — историю о том, почему Адам был изгнан из сада Эдема, из рая.

Адам жил такой же жизнью, как звери, деревья и птицы, ничего не делая. Это был чистый восторг, просто наслаждение... как дети — они наслаждаются, ничего не делая, просто играя. А Бог сказал: «Не ходи и не ешь плод древа познания», — ибо в тот миг, когда вы вкушаете плод познания, вы немедленно становитесь деятелем: знания бесполезны, если они не действуют как средство для того, чтобы что-то делать. Знания означают технологию. Знания — это техническая помощь, позволяющая делать вещи более искусно. Знания позволяют вам стать более эффективными деятелями.

Но змей, дьявол, соблазнил их.

Сначала он соблазнил Еву. Это тоже полно смысла, потому что, куда бы вы ни отправились, вы везде найдете Ев, тормозящих своих мужей: «Иди и делай что-нибудь! Мы должны построить дом побольше и купить машину получше! Нам нужно больше бриллиантов. Иди и делай что-нибудь, не сиди дома!» Женщины постоянно подталкивают своих мужей.

Эта притча многозначительна. Если мужчине позволить, он расслабится, он станет лентяем. Он будет просто отдыхать. Он будет играть на флейте под деревом — фляжка с вином, и этого довольно! Он не будет тревожиться о мире.

Притча говорит: змей сначала соблазнил Еву: «Это дерево — дерево познания — запрещено потому, что Бог не хочет, чтобы вы стали подобны Богу. Если вы вкусите плод познания, вы станете как боги!»

Вся реклама направлена на женщин, а не на мужчин. Змей был первым рекламным агентом. Он был пионером. Он нашел верный подход. Если вы хотите получить мужа, поймите жену. Если только в ее ум войдет новая машина, трудностей не будет — она протащит ее в голову мужа.

И когда Ева попробовала плод познания, она соблазнила и бедного Адама. Они были изгнаны. Их выдворили из рая.

Смысл в том, что, став такими хитрыми, знающими деятелями, они потеряли невинность бытия, которым наслаждались раньше — тогда не было времени.

Притча говорит, что Бог, изгоняя их, сказал: «Теперь для вас будет существовать смерть». До тех пор времени не было, следовательно, смерти не могло быть. Это не значит, что Адам не должен был уме-

реть; но смерть не могла существовать. Птицы умирают, но они ничего не знают о смерти; они просто живут и просто умирают. Ни одного мгновения они не беспокоятся о смерти. Животные живут и умирают, но смерть для них — не проблема, они не сидят в тоскливых размышлениях о том, что такое смерть, и о том, есть ли жизнь после смерти; смерть — не проблема. Когда появляется время, появляется смерть. Появляется знание, приходит время, затем смерть — целая куча проблем...

Человек должен вновь стать невинным, он должен отбросить знания. Но вы можете отбросить знания лишь тогда, когда вы пришли к пониманию, что все прекрасное, истинное и доброе может случиться без делания — иначе вы не сможете отбросить знания.

Лао-цзы пытается привести вас к этому пониманию. Он пытается дать вам видение, что знания необходимо отбросить. Но тогда вы тут же спросите: «Если отбросить знания, как мы сможем делать такое множество вещей?» Он говорит: это «множество вещей» не нужно. Внутреннее существо может цвести в недеянии.

Достигни совершенства в недеянии.

Будь внимателен к незанятости.

Вкуси отсутствие вкуса.

Лао-цзы никогда не пользуется именем «Бог». Он последовательно придерживается намеков; он никогда не использует никаких прямых указаний: отсутствие вкуса. Бог не имеет вкуса, потому что вкус может существовать только в дуальности. Если что-то сладко, значит, что-то должно быть горьким. Если что-то хорошо, значит, что-то другое должно быть плохим. Если что-то божественно, значит, что-то другое должно быть злом. Отсутствие вкуса означает недуальность, то, что индуисты называют *адвайта* — не два. Отсутствие вкуса — поэтическое выражение: он просто намекает, а не дает прямое указание.

Плати добродетелью за ненависть — велика она или мала, сильна или слаба.

Это очень революционная идея. Ее нужно понять очень и очень тонко.

Должно быть, вы слышали знаменитое изречение Иисуса: «Возлюби врагов своих». Лао-цзы идет глубже. Он говорит: «Плати за ненависть добродетелью, не любовью». Было бы легче сказать: «Когда кто-то ненавидит вас, отвечайте любовью. Любите врага». Почему же он не говорит о любви?

На это есть глубокие причины. Первая: когда Иисус говорит: «Любите врагов своих», он принимает дуальность любви и ненависти,

он принимает феномен двойственности. И в глубине вы уже любите своего врага — иначе, как вы можете ненавидеть? Пока вы не полюбите врага, вы не можете ненавидеть его. Глубоко в подсознании вы уже любите врага, вот почему вы ненавидите. Любовь и ненависть существуют вместе. Когда вы любите человека, вы забываете, что также ненавидите его. Если вы начнете осознавать, вы осознаете факт, что, если вы любите человека, вы также ненавидите его, а если вы ненавидите человека, вы также любите его. Враги и друзья не слишком отличаются друг от друга. Сознательно вы любите друга, бессознательно вы его ненавидите; вы ненавидите врага сознательно, подсознательно вы любите его — потому что они не могут существовать отдельно, это две стороны одной монеты: любовь/ненависть.

Иногда вы мучаетесь от желания убить; иногда вы начинаете думать о том, чтобы убить свою жену или своего мужа, мать или отца; и вы чувствуете огромную вину — почему? Не чувствуйте себя виноватыми. Это естественно. В каждой любви прячется ненависть. Подумайте о своем враге, пойдите глубже в свою ненависть. Вы обнаружите, что любите его. Может быть, это негативный способ любви; ненависть есть негативный способ любви.

Махатма Ганди и Мухаммед Джинна, два великих индийских политика, были давними врагами — и, конечно, если вы враждуете так долго, вы должны очень привязаться друг к другу. Когда Ганди убили и Джинна услышал эту новость... человек, который принес ее Джинне, думал, что тот будет счастлив, но он опечалился — что будет делать Джинна без Ганди? Враг умер — и вы почти мертвы.

Вы скучаете не только по друзьям, вы скучаете также и по врагам. Они стали частью вашего существа.

Когда Иисус говорит: «Возлюби врагов своих», это не слишком революционно, это только кажется революционным — на самом деле, вы их уже любите; любовь скрыта, и он хочет вывести ее наружу, вот и все.

Лао-цзы говорит:

Плати добродетелью за ненависть...

Что такое добродетель? Добродетель — это равновесие. Добродетель — это сострадание, а не любовь. Различие тонко, но огромно. Когда вы любите человека, это горячее чувство. Когда вы ненавидите человека, это тоже горячее чувство. Одно одинаково: ваше отношение горячо.

Если вы безразличны к человеку, вы холодны, в вас нет никакого жара — ни любви, ни ненависти. Вы просто не имеете никакого отношения; вы не любите и не ненавидите; вас это не касается, не интере-

сует. Вы безразличны, вы идете своей дорогой. Вот почему ничто не обижает людей больше, чем безразличие.

Если вы ненавидите человека, для него это не такая большая проблема. Он знает, что вы уделяете ему внимание — может быть, негативно, но вы обращаете на него внимание. Но если вы безразличны, он глубоко обижен. Если люди просто не беспокоятся о вас — вы проходите мимо, а они не обращают на вас никакого внимания — вы чувствуете себя почти мертвым!

Убивает безразличие, а не ненависть. Ненависть дает энергию. Любовь дает энергию. Любовь — приятное чувство, ненависть — неприятное; но если вам придется выбирать между ненавистью и безразличием, вы, несомненно, выберете ненависть. Вы никогда не выберете безразличие. Безразличие абсолютно холодно, убийственно.

Сострадание не холодно, сострадание прохладно. Холод означает смерть; прохлада означает равновесие.

Позвольте мне сказать по-другому. Сострадание прохладно, безразличие холодно; если вы сравниваете сострадание с любовью и ненавистью, оно прохладно; если вы сравниваете сострадание с безразличием, оно тепло. Оно тепло по сравнению с безразличием и его холодностью. Оно прохладно по сравнению с любовью и ненавистью и их жаром.

Добродетель — это сострадание. Это не любовь, это не ненависть, это равновесие между ними. Это также не безразличие. Оно живо. Но если вы не знаете, сострадание покажется вам похожим на безразличие.

Разница очень тонка. Прохлада кажется похожей на холодность, но прохлада жива, свежа. Холодность просто мертва. Добродетель — это сострадание.

Платите состраданием за ненависть.

Берись за трудное, пока оно легко...

У всего трудного есть фаза, в которой оно легко; если вы бдительны, вы узнаете это. Очень легко уничтожить семя; очень трудно разрушить большое дерево.

Но у всего есть форма семени. Когда возникает гнев, он похож на семя. Если вы хотите отбросить его в этот момент, нет проблем; но если вы позволите ему пустить в вас корни, разрастись внутри своего существа, наполнить вас, тогда уничтожить гнев будет очень и очень трудно; это почти равносильно тому, чтобы уничтожить вас — он стал такой глубокой вашей частью.

Плати добродетелью за ненависть — велика она или мала, сильна или слаба.

*Берись за трудное, пока оно легко;
берись за большое, пока оно мало.*

А в настоящем все мало и легко. Если вы не откладываете, все легко и просто. Вы достаточно сильны, чтобы изменить, трансформировать это. Но если вы говорите: «Завтра будет видно», если вы говорите: «Некуда торопиться», если вы считаете, что это легко и говорите: «Когда-нибудь, когда у меня будет время, я займусь этой проблемой», — тогда эта проблема тем временем будет расти и пускать корни.

Не откладывайте ее, потому что потом вы уже ничего не сможете с ней сделать. Именно это вы делали до сих пор. Вы откладывали *много жизни*. А потом вы приходите ко мне и говорите: «Мы хотим быть безмолвными. Мы хотим быть спокойными», — но вы много жизней откладывали проблемы, кипящие внутри вас. Их нужно разрешить. Нужна серьезная операция.

Но вы снова так спешите. Люди медитируют несколько дней — четыре или пять — а затем приходят ко мне и говорят: «Ничего не происходит». Неужели вы не видите, что это смешно? Чего вы хотите?

Многие жизни вы откладывали. Ваше существо превратилось в руины. Вашего сада больше нет. Все разрушено, живы одни сорняки. И вдруг однажды вы хотите иметь прекрасный цветник. На это требуется время. Сорняки необходимо выколоть. Нужно выбросить их корни и семена. Нужно изменить почву. Теперь это нелегко.

Но вы можете, по крайней мере, сделать одно: начать жить от момента к моменту, чтобы не собирать хотя бы еще больше нелепостей, еще больше мусора; по меньшей мере, вы можете очистить какую-то часть сада и начать работать от момента к моменту. И как только вы узнаете, как проблемы становятся трудными, как только вы поймете, что они действительно *легки*, если вы беретесь за них сразу, все снова станет легко. Но этому чувству, этому умению нужно учиться.

Трудные проблемы мира следует решать, пока они легки; великие проблемы мира следует решать, пока они малы.

Поэтому мудрец, никогда не имея дела с великими проблемами, достигает величия.

Эти слова кажутся парадоксом — это не так. Это простые утверждения, в них нет противоречия.

Поэтому мудрец, никогда не имея дела с великими проблемами...

— потому что у него нет великих проблем. Он никогда не имеет дела с великими проблемами — вот почему он велик.

В вашем понимании все наоборот. Вы думаете, что какой-то человек велик, потому что имеет дело с такими великими проблемами. Такой великий вызов! И он преодолел их. Глупость! Великому человеку нечего преодолевать. Чем более он велик, тем меньше ему приходится преодолевать; если он действительно велик, ему нечего преодолевать. У величайшего из людей нет проблем, которые нужно решать — ни великих, ни малых, — поскольку он никогда не позволяет им накапливаться. Они становятся проблемами только тогда, когда их откладывают. Сейчас — живые — это не проблемы, они — часть жизни, и прекрасная часть!

Просто начните становиться бдительными. Когда вы видите, что возникает проблема, прекратите всякую деятельность. Посмотрите на нее, обратите на нее внимание; загляните внутрь нее, посмотрите, что это такое. Иногда улыбки будет достаточно, чтобы изменить ее — достаточно будет посмеяться, и вы выйдете из порочного круга. Иногда не будет нужно ничего, даже улыбки или смеха — просто внимание: вы всмотритесь в нее глубже, и она исчезнет, как утром, когда всходит солнце, исчезает капля росы.

Просто посмотрите. Принесите в нее солнце сознания, и она исчезнет — она так мала! А вы так велики и необъятны! Сама эта встреча — вы смотрите на нее — она полностью меняет ее качество. Это больше не проблема. Вы можете восхищаться ею, вы можете наслаждаться ею. Тогда жизнь становится спектаклем.

Тот, кто легок на посулы, обнаружит, что часто трудно сдержать слово.

Если вы понимаете жизнь, вы никогда не станете давать обещаний, потому что обещание — это откладывание. Вы должны либо сделать это сейчас, либо сказать: «Не знаю, завтра будет видно».

В «Махабхарате» есть прекрасная история. Пандавы, пять братьев, скрывались в лесу. Однажды пришел нищий. Юдхиштхира сидел возле хижины; этот нищий попросил не так уж много — крошку хлеба, несколько *чапатти*.

Юдхиштхира погрузился в размышления; и, как это всегда происходит — когда вы встречаете нищего, вы предпочитаете отложить. Вы говорите: «Приходи завтра», — просто чтобы отделаться от него. Завтра он может и не прийти. Вам не хочется быть настолько жестокими, чтобы сказать: «Я ничего тебе не дам», — к тому же, вы хотите защитить свой образ великого дающего. Поэтому вы говорите: «Приходи завтра. А сейчас не мешай мне». Юдхиштхира сделал то же самое; он сказал:

— Приходи завтра.

Бхима, другой брат, не отличавшийся большой мудростью или разумом — но иногда с не особенно разумными людьми случаются озарения... Он внезапно начал смеяться; смеясь, он выбежал из дома и побежал по направлению к городу. Юдхистхира спросил:

— Куда ты?

Тот ответил:

— Я хочу рассказать жителям города, что мой брат победил время! Он обещал нечто нищему, если тот придет завтра!

Внезапно Юдхистхира осознал. Как вы можете говорить: «Приходи завтра»? Вас завтра может не быть. Нищего завтра может не быть. Юдхистхира бросился вдогонку, поймал нищего, отдал ему все, что мог дать, и отбросил привычку обещать.

Обещание возможно только при условии, что завтра несомненно. Но кто знает что-нибудь о завтрашнем дне?

Есть прекрасная древняя китайская история.

Король очень разгневался на своего премьер-министра. Тот сделал что-то, и король приговорил его к смерти. Существовала традиция: если кого-то должны были казнить по приказу короля, королю следовало посетить приговоренного за день до казни, чтобы спросить, нет ли у него какого-нибудь желания. Последнее желание осужденного должно было быть исполнено. А это был не обычный человек — он служил королю много лет; он был его близким другом. Но что-то случилось, он сделал что-то, и король разгневался; так что на следующее утро его должны были казнить, повесить. За двадцать четыре часа до казни король пришел к нему.

Премьер-министр был смелым человеком. Он был полководцем во многих войнах. Когда пришел король, он начал плакать и рыдать — слезы катились градом. Король сказал:

— Я никогда не мог представить, что ты, такой храбрый человек, будешь плакать оттого, что утром тебя повесят. Ты боишься смерти?

Премьер-министр сказал:

— Дело не в этом. Смерти я никогда не боялся, есть кое-что другое — оставим это, теперь на это нет времени.

Королю стало любопытно. Он сказал:

— В чем дело? Скажи мне. Я здесь для того, чтобы выполнить твоё последнее желание. Я обещаю тебе исполнить его — скажи мне. Ты так долго служил королевству, и я исполню все, что ты пожелаешь; только скажи.

Премьер-министр сказал:

— Ну, если вы настаиваете, я скажу. Это долгая история. Когда я был молод, я был с одним великим Мастером; он был просветленным и знал много секретов. Одному секрету я научился. Он состоит в том,

что есть редкий вид лошади, которую можно научить летать; и всю свою жизнь я искал такую лошадь, но не мог найти — и смотрите, какая ирония судьбы! Лошадь, на которой вы приехали — та самая лошадь, а я утром буду мертв! И вся эта наука умрет вместе со мной. Этот секрет будет потерян для человечества — вот почему я плачу.

Король сказал:

— Эта лошадь может летать? Сколько времени тебе нужно, чтобы научить ее? — король заинтересовался. Если эта лошадь может летать по небу, это будет нечто сверхъестественное, необыкновенное — ни один король в мире не может этим похвастаться. Он сказал:

— Забудь о своем приговоре; скажи, сколько времени на это нужно?

Человек сказал:

— Один год.

Король сказал:

— Хорошо. Ничего плохого в этом нет. Ты можешь пробовать один год. Если лошадь полетит, тебя не только не повесят; я выдам за тебя свою дочь и разделю с тобой королевство: половина — тебе, половина — мне. Но если лошадь не будет летать, тебя казнят. Так что в этом нет ничего плохого; выходи — бери лошадь.

Человек взял лошадь, пошел домой — там плакали его жена и дети, потому что это был последний день, на следующее утро муж, отец умрет. Они не могли поверить своим глазам — он возвращался домой верхом на лошади. Они подумали, что это сон. Они вытерли глаза и спросили:

— В чем дело? Как тебе удалось выбраться?

Он рассказал им все. Жена снова заплакала и сказала:

— Ты глупец, я прекрасно знаю: ничего подобного ты не знаешь. Ты придумал обман. Но если ты собирался обмануть, почему ты сказал про один год? Тебе нужно было попросить пятьдесят лет, или, по крайней мере, двадцать! Один год пролетит быстро, и это будет сплошной кошмар, потому что весь год мы будем дрожать от страха, потому что скоро тебе снова придется умереть.

Человек сказал:

— Не бойся; год — это так долго! Король может умереть, я могу умереть, на худой конец, лошадь может умереть — не волнуйся! Не волнуйся, год — достаточно долгое время.

Лао-цзы говорит:

Тот, кто легок на посулы, обнаружит, что часто трудно сдержать слово.

*Тот, кто небрежен во многих вещах,
столкнется со многими трудностями.
Поэтому даже мудрец считает вещи трудными,
и по этой причине никогда не встречает
трудностей.*

Лао-цзы говорит: не обещайте, иначе вы потеряете веру — потому что время постоянно меняет все. Не говорите ничего определенного о будущем, потому что само будущее неопределенно. Вы можете быть уверены, самое большее, в этом моменте, и это все. А тот, кто живет в этом моменте, без обещаний, не откладывая, без планов на будущее — тот, кто живет просто жизнью, невинной жизнью... Его вера растет, его доверие растет, его благодарность растет — он становится проводником, через который течет высшее милосердие. Он становится проходом для божественного, Дао.

Но тот, кто легко дает обещания, кто с легкостью откладывает, кто никогда не считает вещи трудными...

Постарайтесь понять. Лао-цзы говорит: «Все легко, если правильно взяться за это в самом начале». Но не думайте, что это просто, не думайте, что это легко, потому что, если вы считаете это легким, появится тенденция откладывать — это так легко, зачем беспокоиться сейчас? Это можно сделать завтра. Дела легки, но считайте их очень трудными; возьмитесь за них немедленно, иначе они станут трудными.

Поэтому даже мудрец считает вещи трудными...

— прекрасно зная, что они легки. Но он относится к ним как к трудным, чтобы обуздать внутреннюю склонность откладывать.

Мелочи, очень обычные вещи — их можно сделать очень легко, но мудрец относится к ним как к трудным, и по этой причине никогда не встречает трудностей, поскольку тогда он постоянно разрешает все. Проблемы никогда не накапливаются, их никогда не бывает слишком много. Он движется от момента к моменту, абсолютно не отягощенный прошлым, абсолютно не отягощенный будущим. Он подобен зеркалу — он пуст.

«Пустое зеркало» — верное слово для мудреца. Вы можете подойти к нему — оно отражает вас. Когда вы уходите, отражение исчезает. Зеркало снова пусто, снова готово отражать что-то, если оно появится перед ним.

Зеркало никогда не говорит: «Я буду отражать завтра». Если бы зеркало могло сказать: «Я буду отражать завтра» — это была бы такая толпа, что ничто не отразилось бы. Таково состояние вашего ума.

Вы долго откладывали. Теперь перестаньте откладывать. Посмотрите вглубь проблем. Благодаря одному этому взгляду они почти решены. А мелочи, которые остались? — с ними можно справиться.

Каждый способен решить свои проблемы. Каждый должен быть способным решить свои проблемы. Если вы умеете создавать проблемы, кто еще сумеет решить их? Вы создаете, и вы можете решить.

Эти сутры Лао-цзы очень важны. Обратите на них внимание. Медитируйте на них. Пусть ваше существо пропитается ими.

ЭТО КОРОЛЕВА, КЛЕОПАТРА

Я так уверен в том, что очень скоро буду просветленным; но, кроме того, я чувствую, что будет очень приятно, если мое просветление немного задержится: мне кажется, что оттягивать просветление — это большая радость, чем быть просветленным... Почему?

Не будьте так уверены, иначе оно задержится навсегда. Самоуверенность — неподходящее качество для внутреннего путешествия; это барьер.

Во внешнем мире самоуверенность — это помощь, необходимость. Во внешнем мире без нее вы не обойдетесь, потому что нужно эго, нужна борьба, нужно некоторое безумие. Но когда вы движетесь во внутреннее, все качества, полезные во внешнем путешествии, становятся помехами. Самость не нужна, самоуверенность не нужна.

Нужно полностью утратить самость, лишь тогда есть возможность просветления. Вы никогда не станете просветленным. Когда вас нет, есть просветление. Это первое, что нужно запомнить.

И второе: как вы можете сравнивать, что лучше — просветление или его ожидание? Сравнение возможно лишь тогда, когда вы стали просветленным. Когда вы знаете и то и другое, вы можете сравнивать.

Не обманывайте себя. Не пытайтесь рационализировать. Поскольку вам приходится ждать, вы пытаетесь рационализировать: в ожидании больше красоты, счастья, блаженства. Если в ожидании столько блаженства — больше, чем в самом просветлении, — тогда те, кто достиг его, были дураками. Будда, Лао-цзы, Кришна, Иисус — глупцы, все глупцы! Тогда какой смысл пытаться достичь его?

Нет, вы пытаетесь обмануть себя. Никогда оно не казалось столь близким... а ум очень хитер и ловок; он говорит: «Куда спешить? Если оно не приходит, это просто прекрасно; ждать — хорошо, это такое блаженство!»

Теперь вы пытаетесь спрятать слабость. Таким образом, вы можете продолжать ходить кругами. Во-первых, оно откладывается — и оно будет задерживаться, оно может задержаться навсегда, если самости слишком много. Оно откладывается из-за вас! Не потому, что в ожидании есть какое-то блаженство; ожидание — всегда несчастье, ожида-

ние всегда означает подвешенное состояние, промежуточное; ожидание — всегда напряжение, страдание — иначе кто стремился бы достичь? Чего вы ждете? Вы ждете момента, когда достигнете! Ожидание не может быть прекрасным — но вы можете попытаться утешить себя.

Отбросьте самость, отбросьте ложные утешения, потому что они не обманут никого, кроме вас. Вы никого не обманете; но вы можете обмануть себя навсегда.

Отбросьте самость, отбросьте эту «уверенность» — она эгоистична, — и внезапно просветление *есть*, не нужно ждать! Ожидание существует из-за препятствий, которые вы создаете. Просветление не создает никаких препятствий на вашем пути. Бог не оттолкает вас от себя. Никто не создает для вас никаких трудностей. Если вы не достигаете, это происходит только из-за вас.

Так что отбросьте самоуверенность, отбросьте самость, и тогда, неожиданно, вы обнаружите, что просветление не есть нечто, что случается с вами; просветление — сама ваша природа, само ваше существо. Когда нет самости — оно есть; тогда оно — вы.

И забудьте все утешения.

Вы наверняка слышали — я сам много раз рассказывал — знаменитую историю о лисице и винограде. Ее написал очень необычный человек, Эзоп.

Лиса пришла к винограднику, а там было очень много винограда, он висел гроздьями. Она прыгала, она старалась изо всех сил, но не могла достать виноград, он был слишком высоко, она не могла до него допрыгнуть. Тогда она осмотрелась кругом — видел ли ее кто-нибудь? В кустах прятался маленький зайчик, и он спросил:

— Тетушка, в чем дело? Вы не можете достать виноград?

Он ответила:

— Нет, сынок, дело не в этом. Просто виноград кислый.

Вот что такое утешение.

Я говорю вам: виноград никогда не бывает кислым — по крайней мере, виноград просветления; он не бывает кислым, он всегда зрелый и сладкий; и если вы не можете достать его, не пытайтесь утешить себя тем, что вы любите ожидание, просто постарайтесь понять, почему вы вынуждены ждать. Кто заставляет вас ждать? Вы не найдете никого, кроме самого себя, кроме самоуверенности и самости.

Отличается ли хаос, окружающий нас сегодня, в нашу эпоху, от хаоса других времен? Такое чувство, что это особенное время. Или все времена — особенные?

Аа, всякое время особенно, каждое мгновение особенно. Но каждое поколение думает, что именно *это* поколение особенно. Это это эпохи. Каждое поколение всегда чувствует, что такого времени никогда раньше не было — такого революционного времени, такого хаоса, таких войн, таких знаний, мудрости — чего-то особенного.

Я слышал — не знаю, насколько это верно, но так должно быть; зная человеческий ум, это вполне можно предположить, — когда Адам и Ева были изгнаны из Эдемского сада, говорят, первыми словами, что сказал Адам Еве, выходя из ворот, были: «Дорогая, мы живем в величайшее революционное время».

Первый день в мире, даже не день — миг; первый шаг в мир — и революция! «Мы живем в величайшее революционное время.» И с тех пор это чувствует каждый Адам, и каждый Адам говорил своей Еве: «Дорогая, мы живем в величайшее время, совершенно особенное».

Почему это происходит? Эпоха — особенная; религия, внутри которой вы родились, — особенная; мастер, которому вы следуете — особенный, величайший в мире; книга, в которую вы верите, написана самим Богом, не обычным человеком; все, что касается вас — особенное. Именно так поддерживается, подпитывается это; это его *подпорки*.

Страна, в которой вы родились, — особенная. Если вы индус, значит, страна священная. Если вы англичанин, то вы прекрасно знаете, что вы — лучшие в мире. Если вы француз — то же самое.

Это бывает; и это такой хитрый метод, что вы не будете осознавать, что происходит с вами: делая свою религию особенной, *вы* становитесь особенным. Это не христианство особенное, на самом деле, это *вы* такие особенные! Из-за вас христианство кажется особенным. Дело не в том, что Индия — священная земля; это из-за вас — вы так религиозны! Ваше существо так священо! Из-за вас вся Индия становится религиозной страной, особенной. Где бы вы ни родились, происходит то же самое. Если вы родились в Голландии или в Китае, произойдет то же самое.

Попытайтесь понять это. Мир всегда либо обычен, либо необычен, потому что нет смысла говорить, что он всегда необычен — это не имеет никакого значения. Необычные моменты могут существовать только тогда, когда есть обычные. Вы можете сказать, что мир всегда обычен: время обычно, страна, религия — все; или можете сказать, что мир всегда необычен — это то же самое, поскольку тогда не с чем сравнивать, нет контраста. И мало-помалу, если вы отбросите эти подпорки, внезапно *вы* исчезнете. Ваша страна обычна? — тогда вы не можете ходить так гордо, как привыкли. Ваш язык обычен? — тогда вы будете немного запинаться. Если все обычно: ваше рождение, ваша

семья, то и это — как вы тогда можете помочь своему эго становиться сильнее? Все подпорки убраны — эго падает на землю.

Это очень тонкие фокусы.

Я слышал об одном профессоре — профессоре философии из Парижского университета. Однажды он сказал своим студентам:

— Я величайший человек в мире!

Они не могли в это поверить! Этот заурядный профессор — мало того, это был не профессор физики, а профессор философии; к нему даже не шли учиться — очень редко появлялись какие-нибудь безумцы; никого не интересовал его факультет, самый запущенный в университете, — и он — величайший человек в мире? Они засмеялись. Они сказали:

— Мы слышали, что философы всегда немного эксцентричны; теперь вы это доказали. Вы — величайший человек в мире? А как же Ричард Никсон и Мао Цзэ-дун? А Индира Ганди? Как насчет этих людей?

Он сказал:

— Подождите! Когда я говорю что-то, я доказываю это, я логик. Я докажу. У меня есть доказательство; если бы у меня его не было, я бы никогда не заявил ничего подобного.

На следующий день он принес карту мира. Он повесил ее на стену и сказал:

— Подойдите сюда, я докажу вам. Какая страна — величайшая в мире?

Конечно, это была Франция, потому что все они были французы. Итак, весь мир отбросили в сторону, осталась только Франция.

Затем он сказал:

— Какой город — самый большой во Франции?

Конечно, это был Париж, все они были парижанами. Затем он сказал:

— А какое место в Париже — самое главное?

Конечно, это был университет, цитадель мудрости. Студенты начали чувствовать легкое беспокойство, потому что он приближался к цели, и теперь его было трудно опровергнуть. А он продолжал:

— Какой факультет в университете — величайший и лучший?

Конечно, это должен был быть факультет философии — самый старый, хранящий самые тайные знания.

— И кто же — глава факультета философии? Он — величайший человек в мире.

Именно так действуете все вы. Это логично, это доказательства.

Пожалуйста, не будьте глупыми. Пусть философы' будут глупыми, вам это не нужно. Отбросьте всю эту чепуху. Все это — мусор. И как

только вы отбросите это, вы почувствуете себя такими чистыми — как будто вы приняли ванну вечности. Вы почувствуете себя такими легкими, такими юными, потому что вся эта гниль в вашей голове делает вас гнилыми. Вы больны из-за этого. Вы не можете выздороветь, пока не выбросите всю эту дрянь.

Будьте простыми, обычными. Все обычно — или вы можете назвать все необычным, это безразлично. Это утро так же необычно, как любое другое.

Люди всегда думали так. Когда вы влюбляетесь, вы чувствуете: «Эта женщина — королева. Клеопатра. Такой женщины еще никогда не было...» Но каждый влюбленный чувствует это. И больше того: вы снова и снова влюбляетесь, и снова и снова вы будете чувствовать: «Вот теперь это настоящая Клеопатра; та была никем», — и вы забудете, что говорили то же самое многим женщинам.

Каждый влюбленный испытывает расширение эго. И это было причиной многих несчастий в мире. Христиане считают себя особенными, избранниками Бога. Евреи думают, что они *самые* особенные, Бог сделал их своей избранной народом. И это создало в мире много несчастия. Если вы — избранный народ, то вам прощаются все грехи, вы можете делать, что хотите.

Никто не избранный — или все избранные! Уличная собака — тоже избранная, и обычная трава — тоже избранная, и звезды — избранные, и вы тоже избранные; либо все избранные, либо никто — как вы решите.

Но никогда не говорите: «Я избранный», — как тогда насчет других?

Безумцы вроде Адольфа Гитлера, Муссолини, Сталина — все они чувствуют себя избранными; они *созданы* для того, чтобы править, а другие созданы для того, чтобы ими управляли. Эти люди создают проблемы. Но у вас внутри есть то же самое семя; если вы позволите ему расти, вы можете стать Адольфом Гитлером.

Никто не особенный. Жизнь так прекрасна в своей обычности, так необычайна в своей обычности — зачем вносить в нее эти нелепые идеи и мешать ей?

Достоин ли грешник просветления?

А кто же еще? Святой — уже просветленный, только грешникам остается быть просветленными.

Но религии внушили вам нечто, что создает проблемы. Они осуждали вас как грешников — как вы можете стать просветленными?

Грех есть не что иное, как ошибка. В этом слове нет осуждения — это просто ошибка! А на ошибках учатся.

Все святые были грешниками. Никогда не было святого, который не был бы грешником — иначе как он мог прийти к святости? Он путешествовал, ошибался, заблуждался, падал миллионы раз и вновь поднимался. Он достиг. Весь путь он был грешником. Теперь он научился, теперь ошибок не бывает. Через грех, через ошибки он стал мудрым. Он знает. Он стал просветленным. Из ночной тьмы рождается утро.

Каждый святой был грешником, и каждый грешник станет святым. Неизбежное прошлое святого — грех, и неизбежное будущее грешника — святость. Так что различие между святым и грешником — только различие между прошлым и будущим, вот и все.

Не осуждайте себя. Довольно самого греха; зачем взваливать на себя еще и осуждение?

Будьте бдительны, вот и все. Вам придется совершить множество ошибок, но не совершайте одну и ту же ошибку вновь — вот и все. Будьте бдительны, наблюдайте — и учитесь! На самом деле, если уж вы спросили меня, я скажу вам, что мир греха — это мир учебы. Без него нельзя научиться. Нужно глубоко пойти в грех.

Это как корни дерева: чем глубже корни, тем выше ветви. Дерево вырастает на огромную высоту, но оно зависит от корней, его основа — корни, которые идут все глубже, глубже и глубже.

Если вы встречаете великого святого, будьте уверены, что ему приходилось совершать великие грехи. Корни должны пойти глубоко! Иначе как он мог бы узнать так много? Если бы он никогда не грешил, он был бы не невинным, а глупым.

Есть и глупые святые — по моему мнению, они не святые — они просто трусы, они боятся. Они никогда не грешили, никогда не заблуждались, они всегда цеплялись за правильный путь, хорошо утопанный путь — за идеологию, которую дало им общество, за идеи, которыми религия набила их ум, за условности, в которых они родились — они цеплялись за все это, они никогда не уходили в сторону, они — трусы, они ничему не научились. По моему мнению, их ценность равна нулю. Возможно, они хорошие люди, но их праведность пресна. В ней нет вкуса. Они слегка тупы и мертвы.

Вы найдете в мире два типа святых. Первый тип — святой из страха, человек, который никогда не грешит, потому что боится ада, боится последствий. Это почти глиняный святой, не настоящий, ничего не достигший; и вы не найдете в нем мудрости — откуда у него взяться мудрости? Он никогда не заблуждался, как же он повзрослеет? Он будет ребенком — невежественным, глупым дураком; он безвреден, но у него вы ничему не научитесь. Самое большее, он может научить вас своей глупости, своей трусости.

Есть и другой тип святого — если вы сможете найти святого этого типа, можете считать, что вам посчастливилось, потому что из ста

святых девяносто девять — дураки. Так и должно быть — такова пропорция между глупостью и разумом, так что эта пропорция должна сохраняться повсюду. В миру, на рынке существует та же пропорция: на девяносто девять дураков — один умный человек, мудрый, осознающий. Эта же пропорция должна отражаться также и на святых — во всех направлениях!

Если вы можете найти человека, который прожил свою жизнь, и прожил опасно, двигался во всех направлениях без всякого страха и на опыте научился трансцендировать грех... не то, чтобы он никогда не грешил — он грешил, и грешил тотально и интенсивно, вот почему он смог превзойти его; он видит грех насквозь, он понимает всю его абсурдность, вот почему он трансцендировал его. Если вы можете найти такого святого... только через него проходит дорога, путь.

Иисус мог сказать людям: «Я есть путь». Иисус — не заурядный глупый святой. Именно по этой причине он и был распят. Если бы он был обычным глупым святым, ему бы поклонялись! Евреи провозгласили бы: «Это сын Божий!» Но вся беда была в том, что его способы были не совсем верными — они не соответствовали тому, что евреи считали правильным; они были не совсем моральными.

Время от времени он был с проституткой. Святые так не поступают. Иногда он был с пьяницами, он сам часто пил вино — он любил его. Он водился со всякими людьми — его никак нельзя было назвать respectable, его совершенно не интересовало уважение. Аморальные люди, осужденные обществом, были его друзьями. Он водился со всевозможными людьми.

Именно это было причиной, главной причиной того, что все священники и все глупые так называемые святые были против него — потому что он полностью подрывал глубокие корни старой морали: «Этот человек опасен, его нужно уничтожить, потому что он несет в мир нечто такое, что приведет обычную мораль в состояние хаоса», — потому что обычная мораль живет по правилам, а святой живет в соответствии со своей осознанностью, а не по правилам.

Правила — для трусов. Святой живет в согласии со своей внутренней дисциплиной, ни в какую другую дисциплину он не верит. Его собственное сознание — единственный закон. Он следует ему. Он готов идти всюду, куда бы оно ни вело; если оно ведет в ад, он пойдет в ад, потому что таков его путь познания истины. Он следует своему собственному существу. Он никому не позволяет навязать что-нибудь. Он бунтует.

Обычные святые безобидны, но такие святые, как Иисус, опасны — для общества, для культуры, для устоявшегося образа жизни, для статус-кво, для истеблишмента. Иисус, наверное, был похож на хиппи — бунтарь, разбивающий все правила.

Именно так нужно жить! Пока вы не живете абсолютно свободно, пока вы не страдаете по своему собственному выбору, вы не превзойдете ничего. Вы останетесь глиняным святым.

Вы спрашиваете: «Достоин ли грешник просветления?» Я отвечаю: а кто же еще? Он заслужил его. Через грех он страдал. Через грех он стал взрослым. Но я не говорю, что вы достигнете просветления благодаря одному греху. Иначе все уже достигли бы! Грех плюс осознанность — вот какой должна быть формула. Грех плюс осознанность. Тогда идите куда хотите и делайте что хотите — эта осознанность вернет вас назад, эта осознанность всегда будет лестницей, благодаря которой вы сможете трансцендировать любой опыт.

Если бы Иисус родился в Индии, его никогда бы не распяли, нет. Это никогда не было в наших обычаях, потому что мы знали еще более опасных людей; Иисус — просто мелочи. Мы знали Кришну. В действительности, вполне возможно, что слово «Христос» — это искаженная форма имени «Кришна». Должно быть, у Иисуса было что-то от Кришны. В Бенгалии «Кришна» произносится как «Кристо»; во многих европейских языках «Христос» тоже произносится как «Кристо». «Христос» кажется производной формой от «Кришна»; Христос — не имя Иисуса. «Иисус Христос» означает «Иисус Кришна» — в нем было что-то от Кришны. Любовь к Марии Магдалине — нечто вроде любви Кришны к Радхе.

Евреи не могли в это поверить. Они моралисты, математичные, расчетливые; и вдруг является этот человек — он разрушит всю сложившуюся структуру!

Мы позволили Кришне шестнадцать тысяч подружек. Мы называем их *гопи*. «Гопи» лучше, чем «подружка» — это более любовное и глубокое слово. Мы позволили ему шестнадцать тысяч гопи и никогда не думали распинать этого человека. И не все они были за ним замужем; некоторые из них были чужими женами. Сама Радха была не его женой, а чужой.

Люди совершенно забыли имя жены Кришны. Ее звали Рукми. Это имя полностью забыто. Радха не была его женой. Радха была его любовницей.

И Индия никогда не стремилась убить этого человека. Наоборот, мы говорили, что он — абсолютный аватар, полнейшее пришествие Бога на землю. Почему мы называли его абсолютным воплощением Бога? Потому, что он мог грешить как грешник, величайший грешник, и оставаться святым — величайшим из всех из всех, которых знал мир. Две противоположности встретились в нем. Он тотален.

Если святой — просто святой и никогда не грешил, он односторонен. Что-то упущено. Когда у человека два полюса, когда в нем обе противоположности — он тотален и жив. Он — и день, и ночь; и жизнь, и смерть; и хаос, и космос.

Итак, вы спрашиваете: «Достоин ли грешник просветления?» Я говорю вам: да. Только грешник достоин. Но нужно привести осознанность.

Так что я не осуждаю грех. Я только поясняю: грешите, но грешите сознательно, бдительно, осознанно.

Делайте все, что хотите. Если вы хотите пить вино, пейте, но оставайтесь бдительны. Вскоре вы обнаружите, что это невозможно. Когда вы пьете вино, вы теряете осознанность; а когда вы теряете осознанность, это просто грех. Тогда в нем нет возможности для святости. Если вы можете пить и сохранять осознанность, пейте сколько хотите — это просто вода, и больше ничего.

Говорят, Иисус превращал воду в вино. Я учу вас другому фокусу — как превратить вино в воду: будьте сознательны. Тогда вы совершите более великое чудо, чем то, что совершил Иисус.

Осознавайте, и вино станет водой. Осознавайте, и секс станет любовью. Осознавайте, и любовь станет молитвой. Осознавайте, и молитва станет медитацией. Нужно просто помнить одно: делайте что хотите, но делайте это в полном сознании, и тогда вы не собьетесь с пути.

Можно ли переборщить с катарсисом?

Аа. У ума есть одна очень глубоко укоренившаяся болезнь. Я называю ее «болезнью пере-»: передозировка, перебор. Будьте внимательны к этой болезни. Вы можете делать слишком много, и тогда то, что должно приносить пользу, станет вредным.

Пища — это хорошо, пища — это жизнь; но если вы едите слишком много, она становится ядовитой. Вы можете умереть от переедания — на самом деле, медицинские исследования показывают, что от переедания люди умирают чаще, чем от голода. Газеты все время сообщают, что где-то несколько человек умерло от голода; они никогда не сообщают, сколько людей умирает от переедания — а об этом нужно сообщать в первую очередь. От переедания всегда умирает большее количество людей.

Человек может прожить три месяца без всякой еды. Но если вы переедаете три недели, вы не сможете выжить. Попробуйте. Три дня ешьте столько, сколько сможете...

Однажды Мулла Насреддин и его ученик отправились в Мекку. По обычаю странствующих дервишей они становились у дверей больших домов, и им давали пищу и воду. Насреддин обычно наедался как только мог, затем ложился спать; а у его ученика была любопытная привычка: он съедал немного, встряхивался и затем ел еще. Как-то Насреддин сказал:

— Что ты делаешь? Открой мне секрет. Разве я не твой Мастер? Ученик ответил:

— Хорошо, Мастер. Я обнаружил: если съесть немного, затем выпить воды и немножко потрястись, пища лучше укладывается, и я могу съесть больше. Это все равно, что потрясти коробку с вещами — они лучше там помещаются.

Насреддин снял туфлю, больно стукнул его по голове и сказал:

— Дурак! Как ты смел скрывать от меня такой важный секрет! Подумать только, сколько же еды пропало из-за того, что я не мог ее съесть! Я никогда не знал об этом фокусе. Ты скрывал такой важный секрет, и теперь я так несчастен — сколько еды я упустил!

Помните о болезни «пере-». Она убивает многими способами. Переедание, передозировка любви могут убить вас. Ко мне приходит много людей — они передозировуют секс. Они убивают себя. Или перееданием — они убивают себя.

Да, вы можете перестараться и в медитации. Ум всегда склонен доводить что-то до крайности. Ум — экстремист, он никогда не хочет быть в середине, потому что быть в середине означает быть без ума. Будьте точно в середине — и ума нет. Когда вы движетесь в крайность, появляется ум. Чем дальше вы уходите от центра, тем больше становится ум — он берет над вами верх. Едите ли вы слишком много или слишком много поститесь — ум будет здесь; вот почему я не поддерживаю ни обильную еду, ни пост. Просто будьте в середине. Правильное питание, точно сбалансированное... и всегда помните: все должно быть уравновешено.

Вы можете перестараться в медитации, и тогда вы будете истощены — вместо того, чтобы воскреснуть через нее, ожить и помолодеть, вы почувствуете бессилие и опустошенность. И тогда вы броситесь в другую крайность и скажете: «В этом ничего нет, в этой медитации ничего нет. Я должен прекратить, я умираю из-за нее». Вы умираете не из-за нее, вы умираете оттого, что перестарались.

Так как же узнать, что именно *это* и есть середина? Это трудно, очень трудно. Нужно быть очень и очень сознательным — только тогда узнаешь.

Когда вы едите — где середина? Середина — когда вы еще почувствуете небольшой голод, вы слегка голодны, и знаете, что, если вы съедите еще что-то, вы почувствуете тяжесть. Именно *здесь* — остановитесь. Если вы съедаете четыре *чапатти* и вам становится тяжело, ешьте три — правильно остановиться на трех. Три четверти вашего желудка будут полны, одна четверть — пуста. Это правильно — оставьте пище немного места, чтобы она могла двигаться, трансформироваться, превращаться в кровь; дайте ей немного места! Пище необходимо немного места в желудке.

Если вы медитируете и чувствуете, что слишком сильно катарсируете, катарсис станет очень и очень изнуряющим явлением.

Вы кричите в медитации; кричите до того момента, когда вы начинаете чувствовать, что теперь вы теряете энергию, вы слабеете. Если вы будете кричать дальше, вы просто останетесь без сил, и больше ничего. Остановитесь. Всегда останавливайтесь, когда чувствуете, что энергия уходит, а не прибавляется.

Если катарсис настоящий, необходимый, тогда через него вы почувствуете, что сбросили тяжесть, вы почувствуете такую легкость, как будто можете летать; но если вы будете продолжать еще и еще, думая, что это будет еще более полезно, то вскоре обнаружите, что вы просто истощены, мертвы, вы не можете двигаться.

Это нужно наблюдать. Здесь не может быть твердого правила для всех, потому что тело каждого человека обладает особым качеством, у него своя энергия, свое количество энергии; нужно наблюдать за собой.

Если вы спите меньше, чем нужно, то целый день будете сонным. Если вы спите больше, чем нужно, то и в этом случае весь день вы будете тупым — не сонным, но оупевшим. Существует точный момент; если вы встаете в этот момент, вы весь день будете бодрым, свежим — не сонным и не тупым. И вы должны найти для себя этот момент, потому что момент другого человека здесь не годится.

Вот почему все писания становятся бесполезными. Если где-то говорится: «Вставай рано утром, в пять часов», — это, возможно, подходило человеку, писавшему эти слова, но может не подходить вам. И тогда вы можете вставать в пять утра и страдать. И тогда вы будете думать: «Я грешник; это происходит из-за прошлой кармы, иначе мой мастер не называл бы точного времени — пять часов».

В ашраме Винобы встают в три часа. Многие страдают. Потом они спят весь день, или, если им не разрешают спать, они ходят сонные — они не могут быть сознательными, они ходят как в глубоком сне, как лунатики.

Это подходит Винобе. Это не значит, что это должно подходить всем. Это подходит ему, поскольку он питается так, что много спать не нужно. Он ест только простоквашу, он живет почти на одной простокваше. Даже молоко нужно переваривать, но простокваша уже переварена. Молоко сначала поступает в тело и затем становится простоквашей, а простокваша — уже почти переваренная пища.

И он ест очень мало, потому что у него язва, хроническая язва — так что это ему подходит. Но его последователи тоже питаются простоквашей; если у них нет язвы — она будет. Глупость. Они просто создают у себя в желудке повышенную кислотность. И потом, он встает в три часа потому, что не может больше спать. Они все встают в

три часа. Потом весь ашрам весь день хочет спать... Я был там, я видел лица этих людей — лунатики, как будто они под гипнозом.

Как они могут стать более бдительными, осознанными, и как они могут медитировать? Найдите свой собственный ритм — у каждого есть свой собственный ритм, и ваш ритм так же уникален, как отпечатки пальцев. Точно так же, как отпечаток вашего большого пальца отличается от всех больших пальцев в мире... в каждой индивидуальности все уникально — у вас во всем есть собственный ритм.

Я работал со многими людьми, и вот к какому пониманию пришел: каждый человек настолько отличается от всех других, что никаких твердых правил быть не может. Только гибкое понимание — больше ничего.

И вы должны найти свой собственный ритм. И в катарсисе тоже — попробуйте найти собственный ритм. Это должно быть критерием: если катарсис истощает, значит, вы перестарались. Если вы не переборщили, после него у вас будет прекрасное чувство легкости — как будто гравитация больше не действует. Вы будете ходить так, будто вы танцуете, в вашем шаге будет танец — именно это чувство вы и должны найти.

Если вы работаете правильно, бдительно, за три месяца вы можете найти свой ритм во всем: когда вам следует идти спать, когда вам следует вставать... вы должны создать собственную йогу.

Не следуйте чужому ритму, иначе вы будете в затруднении и никогда не будете здоровы.

Каковы отношения между любовью и ответственностью? Если ты любишь другого человека, означает ли это, что ты должен решать его проблемы, как свои собственные?

Если вы можете решить собственные, это уже слишком много. Пожалуйста, никогда не пытайтесь решать чужие проблемы; вы создадите путаницу. Вы не решили своих проблем. Никогда не делайте этого. Ум имеет эту тенденцию и соблазн — заниматься чужими проблемами.

Вы спрашиваете: «Каковы отношения между любовью и ответственностью?» Никаких отношений нет, потому что любовь и есть ответственность. Но с этим словом нужно хорошенько разобраться — что оно означает.

Я настаиваю на коренном значении этого слова. Ответственность означает способность отвечать. Это слово не означает долг.

Ответственность — идите в корень этого слова: оно означает быть способным ответить. Любовь — это ответ! Когда другой зовет, вы го-

товы. Когда другой приглашает, вы входите. Когда другой не приглашает, вы не вмешиваетесь, вы не входите на его территорию. Когда другой поет, вы поете в ответ. Когда другой дает вам свою руку, вы берете ее с глубоким ответом.

Ответственность означает открытость, готовность отвечать. Кто-то зовет — а вы не отвечаете, вы остаетесь закрытым. Кто-то хочет любить вас, но вы не помогаете, вы не сотрудничаете; вместо этого вы создаете барьеры. Если вы делаете это — а большинство любящих постоянно делает это — когда другой зовет, вы не отвечаете; в таком случае, когда зовете вы, другой не отвечает. Когда вас зовут, вы понимаете, что не отвечать — такой прекрасный способ усилить ваше эго. Тогда вы чувствуете, что вы — хозяин самому себе: никто не может подтолкнуть вас, никто не может втянуть вас в то, во что вы не собирались ввязываться; вы никому не подчиняетесь.

Приходит ваша возлюбленная — она счастлива, и ей хочется побыть в глубокой тишине с вами, но вы остаетесь закрытым. Тогда, когда позовете *вы*, ответа нет. Вы видели птиц, зовущих друг друга? Вот что такое ответственность. Кукушка зовет; тишина; затем другая кукушка отвечает. Своими звуками, своей песней они отвечают. Они могут находиться далеко друг от друга, на далеко отстоящих деревьях; потом они начинают слетаться поближе; они ответили. Постепенно они подлетают к одному дереву и сидят вместе, в любви.

Когда существо другого зовет: «Готовься!» — будьте готовы; отвечайте тотально. Не будьте скупым — вот что значит ответственность.

Но в любви нет ответственности в вашем понимании. Это слово испортили, разрушили, отравили. Мать говорит ребенку: «Я твоя мать, ты должен быть ответственным по отношению ко мне». Муж говорит: «Я твой муж, я работаю для тебя изо всех сил. Ты должна быть ответственной по отношению ко мне». Отец говорит сыну: «Не будь безответственным! Когда ты что-то делаешь, всегда думай обо мне». Это не ответственность, вы испортили прекрасное слово. Оно стало безобразным. Ответственность стала почти синонимом долга. А долг — уродливое слово.

Любовь прекрасна; если вы любите свою мать — вы любите, но это не может быть долгом. Если это долг, лучше не любить, потому что долг не может удовлетворить ее. И если вы исполняете свой долг... потому что она — ваша мать, она родила вас, что вы можете поделать? Вы должны заботиться о ней. Когда она больна, вы должны сидеть рядом с ней — тогда, если это долг, ваш ум все время будет против нее, вы будете задыхаться, будете чувствовать себя обремененным, рабом, вам захочется восстать и сбросить бремя. И если мать умрет — возможно, вы, никому не скажете об этом, но вы почувствуете облегчение.

Что это за ответственность — когда мать умирает, а сын испытывает глубокое облегчение? Конечно, он плачет и рыдает — конечно; и это не значит, что он плачет и рыдает только напоказ, для других — на самом деле, если вы любили свою мать, слез могло и не быть, но если вы не любили мать, теперь эта возможность упущена. Вы никогда не любили мать, и вот ее нет! Отсюда и слезы, плач и рыдания — это патология, это не здоровье. Если вы действительно любили свою мать, то о чем плакать и рыдать? Ее *нет*!

Глубокая тишина окружает вас. В этой глубокой тишине вы начинаете понимать смерть, вы начинаете осознавать свою собственную смерть. Когда умирает ваша мать — или отец — это напоминание, что вам тоже придется умереть. Тогда вы становитесь вовлеченным в смерть. Вы пытаетесь понять это.

Пока она была жива, она помогала вам понимать жизнь. Теперь она ушла, она открыла другую дверь — дверь смерти, — чтобы вы заглянули в нее, потому что она ушла, и вам придется пойти за ней.

Если вы любили человека, то, когда он уходит, вы не чувствуете освобождения — и вы не кричите, не плачете. В глубоком безмолвии вы принимаете этот факт, всю его неизбежность — а любовь продолжается, ибо любовь не кончается с телом, любовь не кончается с умом, любовь продолжает течь.

Нет, не спрашивайте, каковы отношения между любовью и ответственностью — их нет. Когда любви нет, появляется вопрос об ответственности. Когда нет любви, вы начинаете говорить о долге. Когда любовь есть, сама любовь и есть ответственность.

И дальше: «Если ты любишь другого человека, означает ли это, что ты должен решать его проблемы, как свои собственные?» Нет. Никогда не пытайтесь. Это вмешательство. Принимать человека таким, каков он есть, со всеми его проблемами — вот что такое любовь.

Если он спрашивает вас, делитесь своим пониманием, но не пытайтесь изменить его.

Это очень трудно, потому что ум — манипулятор. Он пытается манипулировать — во имя добра, ради вашего же блага; он — политик. Жена говорит: «Мне приходится бороться с тобой, потому что ты куришь; ты должен бросить курить, это нехорошо, это разрушает твоё здоровье», — но я видел, что ворчливая жена разрушает здоровье больше, чем любое курение. А жена все ворчит и ворчит, она говорит: «Это ради твоего же здоровья — я люблю тебя». И она ворчит тридцать лет.

Ученые проводили эксперименты, связанные с ворчанием, и обнаружили очень редкое явление. Они брали продукты, которые вы едите: хлеб, масло, овощи, фруктовый сок; они ставили фруктовый сок и остальную еду на поднос, и жена ворчала и ныла; это разрушает сок — на подносе! Сок становится токсичным, ядовитым. Так что поду-

майте, что произойдет в желудке. Сок в стакане разрушен — что же произойдет с этим соком в желудке? Ведь тогда он станет частью вашей жизненности, он станет частью вашей органики.

Ворчание разрушает жизнь, здоровье — но ваша жена ворчит ради вашего же здоровья, потому что вы курите. Если она действительно любит вас, как она может ворчать? Это невозможно. Как она может ныть? Если она просто любит вас, если она любит вас сильно и глубоко, то потребность в курении исчезнет.

В действительности, люди курят потому, что их не целовали по-настоящему глубоко. Если их целовали глубоко и в поцелуе струилась безмерная любовь, курение исчезнет.

Люди курят потому, что их матери не давали им грудь так тотально, как должны были давать. Им давали грудь неохотно, очень неохотно. И в уме осталось неудовлетворенное желание; теперь они удовлетворяют его через курение.

Курение очень символично. Сигарета выполняет функцию соска, а дым, идущий внутрь, выполняет роль молока, текущего из соска матери. Если бы во всем мире матери любили бы своих детей, в курении не было бы нужды — оно бы просто исчезло. Это симптом, а не болезнь. Матери должны учиться — ничто другое не может это остановить!

Сейчас в Америке решили — Конгресс решил, что на каждой пачке сигарет должно быть написано: «Министерство здравоохранения решило, что курение вредно для здоровья». Ничего не произошло. Теперь это написано на каждой пачке, но никакой разницы нет. Наоборот — продажа сигарет возросла, потому что люди склонны к самоубийству, они стремятся к саморазрушению. Сигареты могут разрушить здоровье? Очень хорошо, пусть разрушают. В их жизни нет ничего, что заслуживает бережного отношения. Так что зачем говорить, что это вредно? Люди самоубийственны. Они и ищут то, что вредно — потому что никто не принимает их, и даже они сами не принимают себя.

Если вы любите человека, вы принимаете его целиком, со всеми недостатками, потому что эти недостатки — часть этого человека. Но ваша любовь меняет — помните это: любовь никогда не пытается изменить, но меняет необычайно. Если вы можете любить, это принесет революцию — и эта революция так тиха, что не слышно даже шагов. Никто даже не догадывается, что происходит — все происходит так тихо... как открываются почки и цветы — и не слышно никакого шума. Точно так же.

И никогда не пытайтесь изменить человека, которого любите, потому что сама эта попытка изменить говорит, что вы любите половину, а другую половину человека не принимаете — вот что означает попытка изменить. Вы говорите: «Я люблю тебя, но я не люблю твой нос. Я люблю тебя, но не люблю твоего лица». Одна очень толстая девушка

говорила мне, что ее любил только один молодой человек, и он говорил: «Я люблю твою душу, но не тело».

Но все любящие постоянно говорят подобные вещи: «Я люблю тебя, но не люблю — не могу любить твое курение. Я ненавижу его!» Но это кажется неприятием. А для него курение — это часть его существа, он не может бросить его. Это его способ существования. Внезапно он оказывается расщепленным — его не принимают. Вы отравили любовь — прекрасное явление! — такой несущественной вещью, как курение. Если вы любите, вы просто любите. Если любовь несет перемены, очень хорошо. Если она не приносит перемен — тоже хорошо.

Почему любовь кажется более иллюзорной, чем ненависть?

Аа, такое чувство есть. Любовь кажется более иллюзорной, чем ненависть, потому что в любви вы должны отбросить эго, а в ненависти эго усиливается. Вот почему люди меньше любят и больше ненавидят. Даже человека, которого они любят — они находят в нем что-то такое, что они ненавидят.

Вы ненавидите девяносто девять процентов, а любите один процент. И даже этот один процент кажется похожим на сон, потому что, когда в определенные моменты эго исчезает, вас больше нет. Когда эго возвращается, оно не может точно вспомнить, что произошло, потому что его не было; это кажется сном — как будто этого никогда не было, все это вам просто приснилось.

Эго не помнит любовного опыта. Если вы действительно любите, в этот единственный момент случается экстаз; эго нет. Границы сливаются, смешиваются, встречаются, растворяются друг в друге.

После этого опыта, когда эго возвращается, границы вновь появляются, вы отделены от любимого, вам кажется, будто это переживание вы видели в фильме, читали о нем в романе — или это действительно было? Эго не было свидетелем этого.

Это так же, как утром вы чувствуете, что ночь была хороша, вы прекрасно спали, но кто-то настаивает: «Откуда ты можешь знать — ведь ты спал так крепко?» Вы пожимаете плечами, вы сами немного растеряны. Вы говорите: «Да, ты прав, осталось одно ощущение», — потому что во сне, в глубоком сне, эго исчезает.

Вот почему Патанджали в своих йогических сутрах говорит, что у самадхи и сна есть одно общее свойство — исчезновение эго. У любви и самадхи тоже есть одно общее свойство — исчезновение эго. Эго настолько отождествилось с вами, что без него вы не можете действовать, и поэтому, когда эго исчезает, потом все кажется иллюзией. Не-

ненависть кажется более реальной; кажется, что борьба предоставляет больший вызов. Это мое наблюдение: многие люди любят только ради борьбы. Люди заинтересованы в любви, если есть некий вызов; в противном случае, любовь их не интересует.

Есть женщины, которые влюбляются только в чужих мужей и никогда не влюбляются в холостяков, потому что тогда нет борьбы. Нет вызова. Есть мужчины, которые всегда заглядываются на чужих жен, но не интересуются незамужними женщинами — неинтересно, потому что, если нет треугольника, история кажется бессмысленной. Без треугольника вы не сделаете фильм, не напишете роман. Только двое — это кажется слегка скучноватым. Третий дает вызов, энергию, и тогда вы бдительны и сражаетесь.

Даже в любви вы ищете ненависть, борьбу, войну и конфликт, потому что эго питается конфликтом. Так что ненависть кажется более реальной.

Именно поэтому повсюду в мире идет война: посмотрите на лица людей — они кажутся более сияющими, в их походке появляется новое качество, они двигаются быстрее, выглядят более заинтересованными. Утром они встают и разворачивают газету, и повсюду люди разговаривают — как будто что-то происходит.

Когда войны нет, они становятся скучными. Жизнь становится рутиной.

Ненависть кажется более реальной. Так не должно быть. Если вы бдительны, будет как раз наоборот: ненависть станет нереальной, а любовь — реальной, потому что реальность можно узнать лишь тогда, когда эго исчезает. Через эго нельзя узнать реальность: эго — препятствие для реальности.

Как лучше всего сосуществовать с маленьким судьей, который живет в моей голове и стучит своим молотком: «Плохо, плохо; хорошо, хорошо»?

Не судите судью.

Что лучше — принять ванну или помедитировать?

Это спросил Доминик, гость из Франции. Насколько я знаю западников, лучше принять ванну. После ванны вы можете также помедитировать. Но сначала примите ванну — тело прежде всего. Очистите тело, потому что медитация — тоже очищение, глубокое очищение

существа. А если вы не очищаете тело, вы не будете заинтересованы в очищении души. Очистите тело — это начало; вымойте храм, только тогда вы можете вымыть бога внутри святилища.

Заслуживаю ли я просветления?

Нет, совсем нет. Но не бойтесь и не волнуйтесь. Никому не нужно заслуживать — это дар божественного, это *прасад*, милость. На самом деле, чем более достойным вы себя считаете, тем меньше возможность, что это случится. Чем более недостойным вы себя чувствуете, тем больше возможность, что это случится.

Позвольте этому произойти; вопрос не в том, чтобы заслужить. Только позвольте этому произойти.

Слушая ваши лекции, должны ли мы также следовать за интеллектуальным смыслом?

А разве в них есть интеллектуальный смысл? Его нет. Я говорю от сердца к сердцу, от существа к существу. Не теряйте путь в лесу интеллектуальности, иначе вы услышите что-то, но это будет не то, что я говорю. Если вы хотите услышать меня, слушайте сердцем — фактически, слушайте пупком, животом. Забудьте о голове, чтобы существо могло общаться с существом. Лишь тогда смысл будет моим. Если вы слушаете через интеллект, смысл будет придан вами. Вы будете слышать, но говорить это буду не я.

Последний вопрос — от Бодхидхармы:

Я чувствую, что пришел к такой пустоте, такому вакууму, что просветление может случиться в любой момент. Осталось сделать всего один шаг, но я чувствую, что этот один шаг должен прийти со стороны Гуру.

Первое: чувствовать, что последний шаг должен быть сделан со стороны гуру — хорошо. Но последний шаг никогда не приходит со стороны гуру. Последний шаг нужно шагнуть одному, без гуру, потому что, если в этом последнем шаге гуру остается с вами, для Бога нет возможности случиться. Вы должны быть один, полностью один.

Так что в последнем шаге гуру постепенно исчезает. Вы остаетесь один. Вы должны набраться смелости и прыгнуть. Или, вы должны быть смелым и остаться открытым, чтобы мог прыгнуть Бог. Но в последний момент гуру нет.

До самого последнего мгновения он может помогать вам. Он готовит вас к последнему шагу, но в последнем шаге он не может быть здесь, потому что само его присутствие будет помехой.

И когда вы приходите к последней черте, вы будете благодарны от всего сердца, вы с благодарностью склонитесь перед своим гуру, потому что в последний миг он устраняется.

Гуру помогает вам отбросить все остальное — чтобы остался лишь он. Затем гуру устраняется. Вы один. В этом тотальном одиночестве случается Бог. Другого способа нет.

Гуру хотел бы помочь вам, но сделать это нельзя. Это просто не в природе вещей.

Глава 9

НАЧАЛО И КОНЕЦ

Лао-цзы говорит:

*То, что лежит тихо, легко удержать;
то, что еще не проявилось, легко предупредить;
то, что хрупко (как лед), легко расплавить;
то, что незначительно, легко рассеять.
Разрешай проблему, пока ее нет;
предупреждай беспорядок, пока он не вошел в обычай.
Дерево, которое не охватить руками,
начинается с крохотного ростка.
Девятиярусная терраса
начинается с комочка земли.
Путешествие в тысячу ли начинается у твоих ног.*

*Тот, кто действует, портит;
тот, кто крепко сжимает, позволяет ускользнуть.
Поскольку мудрец не действует, он не портит;
поскольку он не сжимает, он не дает ускользнуть.
Людские труды часто срываются
перед самым завершением;
будь так же внимателен в конце, как в начале,
и предотвратишь неудачу.*

*Поэтому мудрец желает не иметь никаких желаний
и не ценит объектов, которые трудно достичь,
учится забывать то, что знал,
и восстанавливает то,
что утратило большинство людей.*

*Так он может участвовать в естественном ходе вещей
и не позволять себе вмешиваться.*

Китайская аллегория рассказывает о монахе, который искал Будду. Он странствовал многие годы и, наконец, пришел в страну, где жил Будда. Оставалось только пересечь реку — и он встретится с Буддой лицом к лицу. Он был в экстазе.

Он стал спрашивать, можно ли ему нанять паром или лодку, чтобы переправиться на тот берег — река была очень широкая; но люди на берегу сказали ему:

— Никто не сможет отвезти тебя туда, потому что существует легенда: тот, кто едет на тот берег, никогда не возвращается обратно. Так что никто не отважится переправить тебя. Тебе придется переплыть.

Конечно, ему было страшно, потому что река была очень широкой; однако другого пути не было — и монах поплыл. На середине реки он увидел, что к нему приближается труп — он подплывал к нему все ближе и ближе. Монах испугался; он хотел избежать встречи с этим трупом. Он всячески пытался увильнуть в сторону, но не мог — труп оказался очень ловким; как он ни старался, этот труп все приближался и приближался.

Тогда он понял, что ему не уйти — более того, им овладело любопытство, поскольку это, по-видимому, был труп буддийского монаха: ряса цвета охры, чисто выбритая голова... собравшись с силами, он позволил трупу приблизиться; на самом деле, он даже сам поплыл навстречу этому трупу.

Он взглянул на его лицо и начал смеяться как сумасшедший, потому что это был его собственный труп; он не мог поверить своим глазам, но это было так. Он смотрел снова и снова — и, тем не менее, это был его собственный труп.

А потом труп начал уплывать вниз по течению, и монах наблюдал, как вместе с ним уплывает все его прошлое: все, чему он научился, все, чем он овладел, все, чем он был... эго, центр его ума, самость — все уплыло вместе с этим трупом. Он был совершенно пуст.

Теперь ни к чему было плыть на другой берег — другой берег больше не был нужен, потому что, как только река забрала его прошлое, он сам стал Буддой. Он начал смеяться: он искал Будду снаружи, а Будда был внутри.

Смеясь, он вернулся на тот же берег, который покинул несколькими минутами раньше, но никто не узнал его. Он говорил людям:

— Я тот самый человек! — но они смеялись. Это был не тот человек.

Действительно, он не был прежним. И в этом и была причина легенды, что никто из тех, кто отправляется на тот берег, не возвращается обратно. Все вернулись, но они не были прежними — старое умерло, и вместо него пришло абсолютно новое.

Я хочу, чтобы эта аллегория как можно глубже вселилась в вашем существе. Это будет вашим будущим. Если вы действительно будете все дальше и дальше уходить в путешествие к стране Будды — чтобы стать высшим, чтобы познать конечное, — то, сегодня или завтра, вы придете к широкой реке, которая заберет все: все, что вы сделали, все, что вы можете сделать, все, чем вы обладаете, все, что обладает вами, все, чем вы были, и все, чем вы можете быть — все это уплывет по течению в океан; и вы останетесь абсолютно одинокими, без всякой собственности, без тела, без ума. В этом одиночестве расцветает цветок Будды. Вы пришли в Будда-ленд. Вы пришли к познанию Дао.

Эти сутры Лао-цзы — способы достичь внутреннего Будда-ленда. Так постарайтесь понять эти сутры.

То, что лежит тихо, легко удержать;

Тысячью и одним способом вы пытались удержать себя, контролировать себя; но вам не удалось, потому что ум не тих. Если ум не тих, вы не можете удержать его. А когда он тих, его больше нет, его нет — и это единственный способ удержать его.

Вы не можете контролировать ум. На самом деле, люди, которые контролируют ум — это люди, у которых нет ума. Неверно говорить, что они контролируют ум. Люди, у которых есть ум, никогда не контролируют его, они не могут его контролировать. Его можно контролировать лишь тогда, когда его нет — а ума нет тогда, когда он тих.

Так что, когда люди говорят: «Мне хотелось бы иметь тихий ум, безмолвный ум, спокойный ум», — они не знают, что говорят, поскольку ум может существовать лишь тогда, когда он не спокоен. Нет ничего похожего на тихий ум. Тихий ум — это не-ум!

Вы видели что-нибудь похожее на тихий шторм? Видели ли вы что-либо подобное? Если шторм тихий, его нет! Ум — это буря, ураган. Когда он тих, его вообще нет — все волны исчезли. Если есть волны, есть и ураган. Поэтому, если вы успокаиваете ум, вы, сознательно или бессознательно, движетесь к состоянию не-ума.

То, что лежит тихо, легко удержать...

В действительности, для того, чтобы удержать это, не нужны никакие усилия — это так легко. Говорить: «Это легко» не совсем верно, потому что слово «легко» тоже указывает на содержание некоторой трудности — это категория трудности. Трудное и легкое имеют одинаковое качество; они отличаются по степени, по количеству, но не по качеству. Нет, говорить «легко» неправильно — вот почему Лао-цзы

вновь и вновь говорит, что истину нельзя высказать. Когда она высказана, она перестает быть истиной.

Но ему приходится пользоваться языком — как и мне, — а в отношении внутренних феноменов, внутреннего опыта всякий язык неуместен. Язык как таковой неуместен, запомните это. Язык просто используется в качестве указки.

Я показываю вам пальцем Луну и небо. Мой палец — не Луна, это указка; не цепляйтесь к нему, забудьте о нем совершенно. Когда я показывал вам палец, я показывал не его, я показывал вам Луну; палец ни при чем, то же самое можно было сделать с помощью палки или еще чего-нибудь — любая указка может сделать это, но указка не имеет к Луне никакого отношения. Язык действует как указка. Лао-цзы приходится сказать нечто, что не совсем точно: *«То, что лежит тихо, легко удержать»*, — но он указывает правильное направление.

Если вы хотите держать себя в руках, если вы хотите контролировать себя, если вы хотите стать хозяином собственного существа, если не хотите быть рабом — и еще рабом многих господ: каждый манипулирует вами, маневрирует вами, управляет, угнетает, эксплуатирует вас... враги, друзья, родные и близкие, и просто знакомые — все манипулируют вами, пытаются контролировать вас; и если вы хотите быть хозяином самому себе, единственный путь — это сделать ум тихим, замедлить его процессы, замедлить его безумие.

Ум — такой, каков он есть — бегаёт как сумасшедший. Замедлите этот процесс. Уговорите его ходить быстрым шагом, но не бежать. Затем убедите его ходить медленно, а не быстро. Затем уговорите его не ходить вообще, а просто спокойно стоять... Постепенно склоняйте его к более медленным процессам.

Когда ум замедлится, вы сможете увидеть промежутки между двумя мыслями — и в этих промежутках вы найдете себя. В этих интервалах, когда одна мысль ушла, а вторая еще не пришла — одно облако уплыло, а второе не пришло — оно приближается; но между ними, в этом промежутке, в этом пространстве вы можете увидеть голубое небо. Это голубое небо — *вы*. И как только у вас появится проблеск того, кто вы есть, вы все больше и больше будете замедлять ум, потому что это такое блаженство!

Активность ума есть ад, неактивность ума — рай; а совершенное исчезновение ума есть *мокша*. В английском языке нет слова для *мокши*, поэтому я пользуюсь этим словом. Оно означает: превыше всех дуальностей, за пределами рая и ада, там, где нет ни боли, ни удовольствия — просто вы, в своей абсолютной чистоте и одиночестве.

*То, что лежит тихо, легко удержать;
то, что еще не проявилось, легко предупредить...*

Всегда помните: когда болезнь уже захватила вас, это трудно. Ее можно вылечить, но на это нужно время. Если бы вы осознали ее до того, как она проявилась, ее можно было бы предотвратить.

В Советской России развивается новый тип фотографии, имеющий очень и очень большой потенциал. Они называют это «кирлиановской фотографией». Кирлиан изобрел очень чувствительную пленку, на которой можно сделать снимок вашей ауры, вашего электрического тела. Благодаря этим фотографиям появилась возможность увидеть вашу болезнь — если вы должны заболеть — за шесть месяцев; фотография покажет — сегодня, — что через шесть месяцев вы заболеете туберкулезом или еще чем-то. Вы совершенно не осознаете этого, ни один врач не может сказать, что вы заболеете, вы можете казаться абсолютно здоровым человеком. Болезнь еще не проявилась. Она не вошла в физическое тело, она не вошла даже в ум, пока что она находится в электрическом теле — а это самая тонкая часть вас, то, что религии называют астральным телом.

Слово «астрал» происходит от слова, означающего звезду; «астральное тело» означает звездное тело, сделанное из света звезд; оно означает электрическое тело. Вот почему наука о звездах называется астрологией.

Так вот, Кирлиан разработал очень научный способ предсказания болезней, и его предсказания точны на сто процентов; когда он говорит: *«Приближается эта болезнь»*, — никто не может в это поверить; ни один врач не может обнаружить ее, ее нигде нет — потому что врач может проверить, самое большее, тело; и ни один психиатр не может найти ее, потому что он может проверить только ум; болезнь еще глубже, непроявленная — в астрале. И Кирлиан говорит, что ее можно лечить там — тогда она не придет.

Кажется, у этого метода очень и очень большой потенциал в будущем. Когда-нибудь в каждой больнице будут проводить эксперименты с астральным телом. Лишь тогда болезни могут полностью исчезнуть, потому что их будут лечить до того, как они дойдут до вас, еще до того, как вы осознаете, что они есть.

Именно это Лао-цзы говорит о внутренних явлениях вашего бытия. Там происходит то же самое. Если вы замедляете процесс, вы можете видеть: приближается гнев — вы видите это. У гнева три стадии: сначала гнев появляется в виде семени, в астрале; если вы очень бдительны, вы можете почувствовать приближение бури; она еще не пришла, она стучит в дверь; стук очень тонкий, но его можно расслышать. Вы не слышите его, потому что внутри вы — такая большая толпа; столько шума, болтовни, что этот тихий стук не слышен. Но если вы станете немного тише, вы узнаете о гневе до того, как он достигнет вас, тогда с ним очень легко справиться.

Вторая стадия — когда гнев овладевает вами. Теперь почти невозможно затолкать эту силу назад. Фактически, вы настолько сильно захвачены — вас нет, чтобы контролировать гнев. Когда вы в гневе, *вас* нет, есть только гнев; все ваше существо полностью охвачено им. Возможно, только на мгновение, но вы теряете себя в нем, он овладевает вами; вы сделаете то, в чем потом будете раскаиваться, но вы беспомощны — маньяк, сумасшедший.

И затем, есть еще третья стадия — когда гнев уходит: здесь все становятся сознательными. Когда гнев ушел, даже самый глупый человек начинает осознавать. Тогда он раскаивается, пытается найти причины — почему он так разгневался; он начинает объяснять гнев, старается пойти к человеку, на которого он выбросил свой гнев и мусор, чтобы извиниться, попросить прощения — это третья стадия. И на третьей стадии люди всегда клянутся, что они больше никогда не будут гневаться. Их клятвы абсолютно бессильны, они не помогут, потому что они произносятся на третьей стадии, когда гнев ушел. Тогда все становятся мудрыми.

Вы должны быть сознательными, когда гнев здесь. Завернуть его назад трудно, но, если вы стали сознательными, когда гнев здесь, вы никому не причините вреда — вы будете просто наблюдать его, и он испарится. Завернуть его назад невозможно, он уже захватил вас; он принесет вам вред, но не причинит вреда никому другому. Вы не будете гневаться на кого-то другого; вы просто будете кипеть от гнева — позвольте ему высвободиться в вакуум, в небо.

Если вы станете сознательными на второй стадии, плохо будет только вам, больше никому. Но если вы станете сознательными на первой стадии, прежде, чем он проявится, он не причинит вреда даже вам.

*...то, что еще не проявилось,
легко предупредить...*

Это можно остановить немедленно. Но тогда вам нужна очень и очень глубокая чувствительность — а вы стали почти тупыми, вы не чувствительны. Насколько я вижу, люди полностью утратили чувствительность, они почти совсем нечувствительны. Они плетутся, как во сне. Они делают что-то, не зная, зачем они это делают. Когда они уже что-то сделали, они внезапно осознают: «Зачем я это сделал?» Потом они пытаются найти и находят причины, потому что это кажется полной глупостью. Зачем вы сделали это — без всяких причин, без всякого повода? И вы много раз делали это в прошлом — и вновь и вновь повторяете.

Обычно человек — робот, автомат; он снова и снова повторяет одни и те же ошибки. Но он не сознателен.

Гурджиев часто говорил своим ученикам: если вы можете оставаться сознательными всего лишь одну минуту, этого достаточно. Он давал им часы и велел смотреть на них: «Смотрите на часы, следите за секундной стрелкой и оставайтесь бдительными: вы наблюдаете; и когда вы чувствуете, что потеряли осознанность, немедленно сообщите».

Почти невозможно было найти человека, который мог оставаться бдительным шестьдесят секунд, то есть одну минуту. Через три, четыре секунды — разрыв, вы забыли, ваш ум ушел куда-то; затем вы внезапно вспоминаете, вы снова начинаете наблюдать; но еще три, четыре секунды — и вы снова забываете.

Гурджиев говорил, что у вас — таких, какие вы есть — нет души. Он прав. Разве можно сказать, что у вас есть душа, когда у вас совершенно нет сознания? Для вас — таких, какие вы есть — невозможно ничего, поскольку все возможности открываются лишь тогда, когда вы становитесь сознательными. Станьте сознательными, станьте более alertными, настолько интенсивно, чтобы все, с чем пересекается ваш ум, было воспринято в полном осознании — вы знаете это.

Будда говорил своим ученикам: даже если вы вдыхаете и выдыхаете, вы должны осознавать, что сейчас дыхание идет внутрь, а сейчас оно повернуло и выходит наружу; вдох, выдох, вдох, выдох... Не то, чтобы вы должны повторять это — если вы будете повторять, вы забудете о дыхании; вы должны наблюдать это, не словами — осознанием. И Будда сделал это *единственной* медитацией.

Он называл это *анапанасати-йога*: йога наблюдения за входящим и выходящим дыханием. И он говорил: «Больше ничего не нужно, этого достаточно». И это делали миллионы последователей Будды. Они становились все более и более бдительными, наблюдая дыхание.

Если вы можете наблюдать дыхание, вы можете наблюдать *все что угодно*, потому что дыхание — очень тонкий феномен. С первым вдохом вы становитесь живым — это *жизнь*. Индусы называют это *праной*, потому что это самое основание жизни; без этого вы не можете существовать. Сначала приходит дыхание — это самое первое действие. Затем следует много вещей. И последнее действие тоже связано с дыханием — когда дыхание покидает тело.

Рождение начинается с дыхания, жизнь заканчивается дыханием — круг завершен. Если вы можете наблюдать дыхание, вы превзойдете и рождение, и смерть. Наблюдатель увидит: «Я — не дыхание, которое начинает жизнь, я — не смерть, не дыхание, которое прекращает жизнь; я за их пределами».

*...то, что еще не проявилось,
легко предупредить...*

Так что, если вы хотите что-то изменить в своей жизни или трансформировать, вместо того, чтобы ждать третьей стадии, будьте бдительны на первой. Когда вы чувствуете первый толчок гнева — будьте бдительны. Когда вы чувствуете первый толчок сексуальности — будьте бдительны. Когда вы чувствуете первый толчок алчности — будьте бдительны. Если вы упустите этот момент, потом справиться будет все труднее и труднее.

В первый момент все так легко — это как семя; вы можете бросить его, вам не нужно о нем волноваться, — но когда оно становится большим деревом, тогда это трудно. И внешние деревья — это одно; вы можете срубить их; но этот гнев, алчность, секс — это внутренние деревья, они переплелись с вашим существом; когда вы рубите их, у вас течет кровь; когда вы рубите их, вы страдаете.

Люди снова и снова спрашивают меня: «Когда мы понимаем, из какого источника приходит наше страдание — почему мы продолжаем цепляться за страдание?» Именно по этой причине: страдание стало частью вашего существа; если вы рубите его, течет кровь. Это не роба, из которой вы можете просто выскользнуть, это как кожа; если вы сдираете кожу, вы будете страдать. Может быть, ваша кожа больна. Может быть, у вас экзема. И все же это ваша кожа. Вы страдаете, но не можете содрать ее, потому что это будет еще большее страдание.

Люди цепляются за несчастье, потому что, по крайней мере, им есть за что зацепиться. Когда несчастье уйдет, цепляться будет не за что. И несчастье, по крайней мере, знакомо и привычно — старый друг, вы уже настроены на него, вы знаете, что оно есть... старая болезнь. Человек привыкает к нему. Вы цепляетесь за страдание, потому что отрезать его значит отрезать ваше собственное существо.

Всегда помните: нужно ловить вещи, пока они в непроявленном состоянии. Сейчас вы ловите их, когда они уже ушли. Вы просто обманываете самих себя — как можно поймать что-то, когда его уже нет? Вы становитесь очень мудрыми, когда гнев ушел — но какой в этом смысл? Вы становитесь очень и очень мудрыми, когда совершили какую-нибудь нелепость и дело уже сделано — тогда вы мудры. Такая мудрость бесполезна, такая мудрость глупа. Так кто угодно может быть мудрым.

Если вы действительно начинаете трансформировать процесс, вы должны стать сознательными, когда это здесь. Тогда что-то можно сделать. А если вы можете быть сознательными, когда это еще не появилось, можно сделать все.

*...то, что еще не проявилось, легко предупредить;
то, что хрупко (как лед), легко расплавить;
то, что незначительно, легко рассеять.
Разрешай проблему, пока ее нет...*

Кажется абсурдом. Вы тоже имеете дело с проблемой, когда ее нет; и Лао-цзы говорит, что нужно иметь дело с проблемой, когда ее нет — но раньше.

Разница — в «позже» и «раньше». Вы имеете дело с гневом, когда его нет — но он ушел; а Лао-цзы говорит: займись им, когда его еще нет, когда он еще не пришел. Займитесь проблемой до того, как она появилась, и качество вашего бытия совершенно изменится. Ваше существо будет девственным, невинным, неиспорченным.

*предупреждай беспорядок, пока он не вошел в
обычай.*

Не ждите и не откладывайте; не говорите: «Сделаем это завтра» — завтра не приходит никогда. Завтра никогда не было и никогда не будет. Это просто образ в уме. Всегда — сегодня. То, что существует, всегда — сейчас. Существует только этот момент.

Если вы хотите сделать что-то, делайте это здесь и сейчас. Не откладывайте и не говорите: «Это такая мелочь — мы можем позаботиться об этом завтра». Мелочей нет. Если вы не бдительны, к тому времени, когда наступит завтра, эта мелочь станет очень большой, великой; и тогда вам придется трудно. И завтра, быть может, вы вообще не сможете справиться с ней.

Никогда не оставляйте нерешенных проблем — именно так вы обрекаете себя. Всегда живите так, чтобы жизнь от мгновения к мгновению была завершена. Все, что вам нужно сделать — делайте это сейчас. Все, что вы должны сказать — скажите это сейчас. Все, чем вы должны быть — будьте этим сейчас. Не говорите «завтра», завтра — это страна дураков. Это способ продлить глупость — откладывать.

Если вы можете завершить все в этот момент, вы всегда свежи для следующего мгновения, осадка нет. И если к такому человеку приходит смерть, он всегда готов и счастлив, потому что он ничего не оставил незаконченным. Он всегда готов, потому что он всегда совершенен.

Если смерть придет к вам, это будет для вас бедой, потому что тысяча и одна вещь не окончена, и вам хотелось бы иметь еще немного времени — потому что вы всегда хотели сделать что-то, но никогда этого не делали.

В действительности, вы завершали бесполезные дела, а полезные всегда откладывали. Если вы откладываете на завтра гнев, это может быть и хорошо, но вы никогда не откладываете гнев на завтра. Гневаетесь вы сейчас, а любовь откладываете на завтра; жадность — вы делаете это сейчас, а поделиться — откладываете на завтра; насилие — сейчас, а сострадание — вы говорите: «Завтра посмотрим». Все нелепости вы делаете сейчас же, вы не ждете завтра; а все прекрасное вы продолжаете отодвигать на какой-нибудь далекий день.

Несчастье вы никогда не откладываете, блаженство откладываете всегда. Поэтому, когда приходит смерть, вы провели несчастную жизнь, а благословение, блаженство вы откладывали. И вот приходит смерть, и вы плачете и кричите, вы говорите: «Еще немного времени, потому что я никогда по-настоящему не жил». Делайте наоборот: блаженство — сейчас; страдание можно отложить — спешить некуда. И если вы блаженны в этот момент, страдания никогда не будет, потому что этот момент — все, в нем — все. Следующий момент приходит, и он придет из настоящего момента; если вы блаженны в настоящий момент, следующий будет еще более блаженным. И когда придет смерть, вы скажете: «Я полностью готов, потому что я откладывал только страдания — так что хорошо, что ты пришла; теперь завтра полностью исчезает».

Именно так делает мудрый человек. Он решает каждую проблему в этот момент. Он разрешает каждую ситуацию немедленно.

Если вы заканчиваете дела, высвобождается огромное количество энергии. Вы наблюдали это в себе? Если вы не закончили дело, оно остается в вашей голове — оно стучит и просит завершения. Пока вы не завершите его, оно вертится вокруг вас, преследует вас. Это может быть мелочь, но она продолжает вертеться. Покончите с ней!

Если вы можете заканчивать ее в каждый момент — и я говорю, что это можно сделать, потому что я делаю это, так что я говорю не теоретически, я говорю абсолютно практически; это можно сделать, и это делали — но очень редкие люди. Как только вы научитесь этому искусству, вы будете смеяться над собой. Это так просто — подобно тому, как вы поворачиваете ключ, и замок открывается.

Если вы понаблюдаете, вы увидите: если вы завершили все, ночью сны исчезнут, потому что сны есть незавершенные дневные переживания, которые стараются получить завершение.

И если сны исчезают, мысли тоже исчезнут, потому что сны и мысли — одно и то же. Сны — это примитивный язык визуализации, язык в картинках, а мысли есть не что иное, как усложненные, изощренные сны, дневные сны. Сновидение и мышление — два аспекта одного и того же процесса.

Вы собираетесь дать интервью. Вы репетируете в уме, что вы скажете, что люди спросят у вас — вы репетируете множество вещей. Затем вы идете туда и, внезапно, ваша репетиция не подходит.

Она и не может подойти, потому что эти люди не знают о вашей репетиции. Они спрашивают у вас что-то, но вы не присутствуете при этом, потому что вы слишком заполнены своей репетицией, своими приготовлениями. Они спрашивают у вас одно, а вы понимаете другое. Вы даете свои готовые ответы, но вас вообще не спрашивали об этом. Вы упускаете смысл. И потом, когда вы упустили смысл — вы снова, выйдя из этой комнаты, начинаете думать, что вам следовало ответить.

Процесс начинается снова — репетиция, затем запоздалое раздумье. А в тот момент, как раз в тот момент, когда вы были нужны, вас не было. Именно так вы и упускаете всю жизнь.

Есть одна дзенская история. В городе было два храма — конкуренты, как все храмы. Каждый храм не разрешал своим преданным ходить в другой храм. Между ними была лютая вражда. И у обоих священников — старых священников — было по мальчику для мелких поручений: принести что-то с рынка, или еще что-нибудь; и оба приказывали своему мальчику не разговаривать с другим — ни на рынке, ни по дороге: «Нет! Эти люди из другого храма так испорчены — не разговаривай с ними!»

Но мальчики есть мальчики, и, когда вы запрещаете мальчику делать что-то, он обязательно делает это, это естественно. Им стало интересно — в чем причина?

Итак, однажды они встретились на дороге, когда шли за чем-то на рынок. Мальчик из первого храма спросил другого:

— Куда ты идешь?

Тот ответил:

— Туда, куда понесут меня мои ноги. — Слушая великие метафизические истины, он и сам стал метафизиком; он всего лишь шел на рынок за овощами, но сказал:

— Туда, куда понесут меня мои ноги — я живу спонтанно!

Второй мальчик растерялся, потому что он был побежден: ему не удалось показать свои познания в метафизике.

Он вернулся и спросил у мастера, что делать:

— Вы запретили мне это, но я глуп; они действительно дурные люди — я задал этому мальчику простой вопрос: «Куда ты идешь?», а он начал говорить чепуху; но он победил меня. Мне обидно.

Мастер сказал:

— Так не должно быть. Завтра спроси снова. Он скажет: «Туда, куда понесут меня мои ноги», и тогда ты задай ему дзенский коан: «А если бы у тебя не было ног, куда бы ты шел?» Тогда ты поставишь его на место.

На следующий день этот мальчик ждал, пока придет другой. Тот пришел; первый мальчик был уже готов, он спросил:

— Куда ты идешь?

Другой мальчик сказал:

— Я живу спонтанно. Туда, куда отнесет меня ветер. — Он ничего не сказал о ногах.

Первый мальчик не знал, что делать: «Эти люди действительно очень хитры, на них нельзя положиться. Он изменил слова!»

Он вернулся, очень сердитый, и сказал мастеру:

— Вы правы, эти люди очень противоречивы, непоследовательны, на них совершенно нельзя полагаться. Я был готов, но этот мальчик передумал; он сказал: «Туда, куда отнесет меня ветер. Я подобен белому облаку». Что тут скажешь? У облаков нет никаких ног, ступней — как тут быть?

Мастер сказал:

— Я прекрасно знаю этих людей; они очень непоследовательны. Завтра снова спроси его: «Куда ты идешь?» Он скажет: «Туда, куда отнесет меня ветер. Я — белое облако». Спроси его: «А если ветра не будет, куда ты пойдешь?»

На следующий день мальчик снова был готов.

Этот мальчик — ваш ум. Вы снова и снова готовите его для встречи с жизнью, и он снова и снова проигрывает, потому что любой готовый ответ не имеет никакой пользы. Жизнь непоследовательна, на жизнь совершенно нельзя положиться.

Мальчик спросил:

— Куда ты идешь теперь?

Другой мальчик ответил:

— Я иду на рынок за овощами.

Что тут поделаешь?

Никогда не идите в жизнь с готовым ответом — иначе вы никогда не встретите жизнь. Вы тратите время на приготовления, подготовку, а потом вы снова тратите время — после того, как упустили жизнь.

Однажды Марк Твен возвращался со своей женой после лекции в университете. Его жена сказала — она не была на лекции и не слышала ее, она просто пришла, чтобы отвести его домой — она спросила:

— Как прошла лекция?

Марк Твен посмотрел на нее и спросил:

— О какой лекции ты говоришь? О той, которую я готовил, о той, которую я прочел, или о той, которую хотел бы прочесть? О которой из них?

Вы готовите одно, произносите совершенно другое и хотите произвести третье, а время идет — и жизнь утекает. А вы продолжаете собирать всякое гнилье.

Тогда вы боитесь смерти — в противном случае, смерть была бы прекрасным отдыхом. Вы были бы готовы расслабиться: вы прожили свой день, вы любили, жили, восхищались, праздновали — теперь

пришел час: наступил вечер, и вам хочется отдохнуть. И если целое желает, утром вы снова вернетесь: свежий, юный, снова способный жить... но это не ваша забота.

*Дерево, которое не охватить руками,
начинается с крохотного ростка.*

*Девятиярусная терраса
начинается с комочка земли.*

*Путешествие в тысячу ли
начинается у твоих ног.*

Так что не беспокойтесь о цели. Первый шаг есть также последний. Начало есть конец. Этот момент — все. Путешествие в тысячу миль начинается у ваших ног.

Не беспокойтесь о цели, просто радуйтесь, наслаждайтесь первым шагом; а второй шаг родится из первого, и за ним последует третий. Вам не нужно об этом беспокоиться. Пусть завтра само позаботится о себе. Не думайте о завтрашнем дне. Наслаждайтесь! Этот шаг прекрасен! И наслаждайтесь им так сильно, чтобы само средство стало целью.

Это необходимо понять, иначе вы всегда будете упускать, потому что устанете от путешествия и будете мечтать о цели; а разве скучное путешествие может достичь праздничной цели?

Вы можете понять простую математику? Разве скучное путешествие может привести к праздничной цели? Ведь цель родится из самого путешествия. Она будет настоящим завершением всего путешествия. Если я пережил эту цель в каждом шаге, если я праздновал цель в каждом шаге — лишь тогда я достигну цели, где я могу праздновать ее во всей ее полноте.

Но если вы плететесь кое-как — вас не волнует, что происходит сейчас, вы заглядываете в завтра, вы ищете цель, — то вы можете прийти к этой цели, но она будет такой же пыльной, как путешествие.

Цель — не *где-то снаружи*, она зависит от вас. Вы должны изменить качество своих переживаний. Так что помните, что говорит Лао-цзы:

*Дерево, которое не охватить руками,
начинается с крохотного ростка.*

Если вы хотите, вложите в это все свое существо. Если вы не хотите, лучше отрубить это сейчас, чем ждать до завтра.

*Девятиярусная терраса
начинается с комочка земли.*

Если вы хотите, все в порядке; если вы не хотите — не ждите, когда девятиярусная терраса будет готова и вам придется решать, хотите ли вы ее разрушить. Решайте сейчас. В каждом моменте есть окончательность и срочность. Вы должны действовать в этот самый момент.

*Путешествие в тысячу ли
начинается у твоих ног.*

Если вы хотите отправиться в путешествие — идите *танцуй*. Если вы не хотите отправляться в путь — *не ходите*. Но не тащите через силу.

Но все происходит именно так. Люди приходят ко мне и говорят: «Мы не знаем, мы вообще не уверены, хотим мы медитировать или нет. Но, тем не менее, мы пришли».

Если вы не уверены, хотите ли вы медитировать, тогда первое — это удостовериться. Иначе вы будете делать нечто такое, что нельзя делать вполсилы. Иначе вы будете делать что-то, о чем будете сожалеть. И потом вы, возможно, захотите разрушить это, но тогда это будет очень и очень трудно.

Научиться чему-то трудно, но не так трудно, как разучиться. Будьте уверены. Если вы не хотите медитировать — бросьте эту идею. В этом нет ничего плохого: для вас нужный момент еще не настал. Подождите. Делайте что-нибудь другое, то, что вы действительно хотите делать сейчас. Пусть это будет вашей медитацией.

Если вы хотите зарабатывать деньги — пусть это будет вашей медитацией. Вечность не спешит. Бог не спешит. Он умеет ждать! Делайте то, что хотите делать *вы* — времени достаточно. В этом смысл восточной концепции перерождения: времени достаточно; позади миллионы жизней, и впереди будут миллионы жизней. Не спешите — и будьте спокойны. Что бы вы ни хотели делать — *делайте это*, потому что только через это человек растет и становится зрелым.

Если это не подходящий момент для вашей медитации — пусть будет так. И не чувствуйте вину! А если это момент для вашей медитации, идите в нее тотально. Как можно идти в долгое путешествие с равнодушным умом? Разве можно отправляться в путешествие только частью своего существа? Другая часть будет тянуть вас назад, тянуть

вас в разных направлениях, вы попадете в беду. Именно это и произошло.

Современный ум шизофреничен, расщеплен, потому что всего так много разных сторон, его тянет во всех направлениях, и вы идете во все стороны одновременно; одна рука собирается на север, другая — на юг; ноги направляются на восток, а глаза остановились на западе — такова ситуация. Если вы рассыпаетесь на куски, это естественно, это не случайно. Если вы не чувствуете себя целым — очевидно, так и должно быть. Как вы можете быть целым?

Решайте. Будьте уверены. И решайте в момент первого шага, чтобы ни одно мгновение не пропало напрасно.

*Путешествие в тысячу ли
начинается у твоих ног.*

Тот, кто действует, портит;

тот, кто крепко сжимает,

позволяет ускользнуть.

Поскольку мудрец не действует, он не портит;

поскольку он не сжимает,

он не дает ускользнуть.

Лао-цзы вновь и вновь возвращается к одному и тому же, это его основной тон: делать, не делая, *ву-вэй*. Действие без действия. Безусильное усилие. Это трудно понять, но не трудно делать — потому что, если вы попытаетесь понять это интеллектуально, это патентованная чушь. Вы говорите бессмыслицу.

Как раз это сказал Западу Артур Кестлер. Он приехал на Восток изучать дзен; а дзен — это Будда и Лао-цзы вместе. Высочайший пик индийского понимания — Будда, и высочайший пик китайского понимания — Лао-цзы; а дзен — пересечение обоих, их общий ребенок. Поэтому дзен не похож ни на что — это редчайший цветок в мире. Ничто не достигает тех глубин, которые достигает дзен. Ничто не касается таких вершин, к которым прикасается дзен.

Артур Кестлер, один из самых проницательных интеллектуалов Запада, приехал на Восток, чтобы понять, в чем же суть дзена, и он из всех сил старался это понять — вот почему он упустил. Он сообщил: «Все это чушь». Это *действительно* чушь — с точки зрения интеллекта; если вы пытаетесь понять интеллектуально, это бессмыслица, потому что интеллект знает только одно: нечто сделано лишь тогда, когда вы *делаете* это. Если вы не делаете, это не делается.

Но есть более великий секрет: есть такие вещи — если вы делаете их, вам придется переделывать; а если вы не делаете их, они происходят.

Например, любовь. Разве ее можно делать? Если вы делаете ее, самое большее, вы можете играть — она не будет истинной, она не будет подлинной, она не будет исходить из вашего существа, она будет исходить только из вашей головы; а любовь из головы так же мертва, как и все остальное. Телодвижения будут — но бессильные, пустые; в них не будет никакого содержания. Вы будете целовать женщину, которую не любите — поцелуй будет, но только физиологически. Если вы пойдете к врачу, он скажет: «Да, эту женщину поцеловали», — потому что это можно проверить. Когда вы целуете человека, вы передаете тысячи мельчайших микробов, поэтому можно определить, кто целовал эту женщину; на ее губах можно обнаружить ваши микробы. Но врачу будет очень трудно — почти невозможно — решить, действительно ли целовавший мужчина любил ее, потому что у любви нет микробов. Любовь абсолютно невозможно проверить.

Кто-то может обнимать вас, кто-то может целовать, кто-то может даже заниматься с вами любовью без любви — все эти движения можно сделать. Они будут пусты и бессодержательны. Они будут мертвы, и ваше сердце будет знать, что этот мужчина совершает телодвижения — или женщина совершает телодвижения, но ее в них нет.

Вы не можете *делать* любовь. Она или случается, или не случается. Вы должны ждать ее. Вы не можете ее устроить или маневрировать ею, вы не можете манипулировать, потому что любовь больше вас — как вы можете манипулировать ею? Самое большее, вы можете позволить ее — или вы можете скрывать ее; но вы не можете ее заставить.

Это похоже на то, как восходит солнце: вы можете закрыть двери — тогда его лучи не войдут в ваш дом, вы можете жить во тьме; солнце не будет стучать в ваши двери и не будет пытаться силой проникнуть к вам — оно никоим образом не будет надоедать вам. Если вы счастливы за своими закрытыми дверями в темноте, солнце в полном порядке, оно не беспокоится. Вы можете открыть двери — и солнце войдет; но вы не можете внести солнце внутрь, вы не можете заставить солнце; солнце есть — вы можете закрыться или впустить его, но не можете его принудить. Вы не можете поймать лучи, наполнить ими корзину и принести в свой дом. Не получится. Вы внесете корзину, а лучи останутся на улице.

Любовь больше вас. Если вы хотите любить, вы должны быть недеятелем; это и есть *ву-вэй*, действие в бездействии.

Но забудьте о любви, потому что любовь — редкое явление. Очень многие люди думают, что они любят, но любовь так же редка, как лю-

бое великое искусство. Многие люди — певцы в ванной — считают себя певцами, но они похожи на любовников в ванной. Очень и очень редко встречаются певцы, чья песня несет их внутреннее безмолвие, которые выражают в пении то, что невозможно выразить, которые пытаются передать невыразимое — это бывает редко.

Вы можете делать поэзию, но поэты в мире редки. Кто угодно может делать стихи — в действительности, каждый человек когда-то пытался писать стихи. Существует определенный возраст, когда каждый человек настолько глуп, чтобы пытаться писать стихи. Но потом все бросают это. У вас может быть ритм, метр, грамматика — все правильно, и все-таки в этом нет поэзии, потому что поэзия не есть нечто, что вы можете *делать*, поэтом рождаются, а не становятся. Любящими тоже рождаются, а не становятся. Любящий — такое же редкое явление, как поэт, великий музыкант или великий художник. Но, что касается любви, люди могут, по крайней мере, утешать себя, что они тоже любят.

Каждый считает, что он любит, но это очень и очень редкое явление, потому что любить — значит знать великий секрет *ву-вэй*. Если вы любите, вы станете просветленным. Если вы любите, вы уже достигли, потому что вы знаете этот секрет — тот же секрет ведет вас к просветлению.

Так что оставьте этот пример, он не подходит; нужно что-то более простое и существенное, всем известное — например, сон. Если вы стараетесь заснуть, вы не сможете заснуть. Чем больше вы стараетесь, тем более это невозможно.

В этом проблема людей, страдающих бессонницей. Всегда находят советчики, которые дают им советы — делай то и это: досчитай от одного до ста, и затем возвращайся от ста к одному... Но чем больше вы считаете, тем более бдителен ум; а считать в обратную сторону — сто, девяносто девять, девяносто восемь... Вы будете еще более бдительны, чем когда-либо. Вы можете считать до миллиона и в конце обнаружите, что сон не идет.

Мулла Насреддин страдал бессонницей. Он пошел к психиатру, и тот сказал:

— Ничего особенного.

Это не значит, что психиатрии известно, что делать, просто специалист должен притворяться. Он сказал:

— Сделай вот что: ты продаешь шерсть и знаешь, что такое овцы; считай овец — продолжай считать... одна, вторая, и так далее, и так далее — и, в конце концов, заснешь.

На следующий день Насреддин прибежал к нему снова, почти безумный; он влетел в кабинет психиатра — он был так зол, что психиатр испугался и просил:

— В чем дело, Насреддин?

Насреддин сказал:

— Без вашего способа я спал хотя бы по два-три часа, но сегодня ночью я не смог поспать даже столько — я все считал и считал, тысячи овец... Потом я подумал: «Так не годится», и стал делать одеяла — это ведь мой бизнес... Десять тысяч одеял — кто их купит?! Ты совершенно свел меня с ума. Теперь в моей голове эти десять тысяч одеял. А спроса совсем нет, дела идут неважно — так трудно найти покупателей...

Так и происходит. Нет способа помочь людям, которым трудно заснуть. Единственный способ — сказать им: «Не делайте ничего. Ждите, ничего не делайте. Все, что вы делаете, мешает сну, потому что сон — феномен недеяния. Сон приходит, не принуждайте его! Внезапно вы обнаружите, что он здесь — он обволакивает вас, и вы теряетесь». Спросите тех, кто спит хорошо; они скажут: «Мы ничего не делаем, мы просто кладем голову на подушку, выключаем свет — и засыпаем. Тут нечего делать!»

И то же самое в отношении просветления — здесь нечего делать. Вы просто выключаете свет, кладете голову на подушку — и все!

Просветление — это глубокий покой. Эго — это активность, отсутствие эго — не активность, это пассивное состояние; это не мужской подход, не агрессивный — это женственное явление. И Лао-цзы продолжает настаивать: все, кто достиг высшего, достигли только тогда, когда они достигли женственного подхода.

Что такое женственный подход? Это пассивность. Женщина никогда не бывает агрессивной в любви; если она агрессивна, она не женщина — должно быть, мужских гормонов в ее теле больше, чем нужно.

Женщина ждет. Даже если она влюбилась в кого-то, она никогда об этом не говорит. Она никогда не берет на себя инициативу, она не идет и не говорит: «Я люблю тебя». Она ждет. Когда тот человек говорит: «Я люблю тебя», — даже тогда она не слишком торопится сказать «да», потому что это не женственно.

Вот почему поэты говорят: когда женщина говорит «нет», не верьте ей, потому что, когда она хочет сказать «да», она почти всегда говорит «нет».

Это путь женственности — пассивность и восприимчивость; приглашение, но не агрессия. Миру нужна агрессия; вашему внутреннему

существо не нужна никакая агрессия. Вы не можете атаковать Бога. Вы не можете завоевать Бога. Вы должны сдаться. Само слово «завоевание» в этом контексте глупо; но в мире вы должны завоевывать. Мир ориентирован на мужское начало.

Все подлинные религии женственны, должны быть женственными; все мирское ориентировано на мужественность, мужское эго — завоевать! Женственность ждет, чтобы ее завоевали — это и есть *ву-вэй*; это похоже на сон: он приходит — просто ждите, не делайте ничего. Это как любовь: вы приглашаете и просто ждете. Она приходит, когда наступает время.

Тот, кто действует, портит;

тот, кто крепко сжимает,

позволяет ускользнуть.

Поскольку мудрец не действует, он не портит;

поскольку он не сжимает,

он не дает ускользнуть.

Людские труды часто срываются

перед самым завершением;

будь так же внимателен в конце, как в начале,

и предотвратишь неудачу.

И будьте внимательны — как в начале, так и в конце; и в конце будьте так же внимательны, как были в начале. Не рассматривайте начало и конец по отдельности — это одно и то же.

Есть люди, которые полны энтузиазма в начале — люди этого типа в начале всегда полны горячего энтузиазма; когда они влюбляются в женщину, они действительно сходят с ума от счастья; но рано или поздно они успокаиваются, и тогда все счастье, все восторги, все празднование уходит. В начале любой человек может быть очень и очень восторженным, потому что...

Как раз на днях Самарпан вернулся из Штатов и сказал, что ему было все равно, и он думал, ехать ему или нет. Он был здесь несколько месяцев назад, и его ум говорил: «Медовый месяц кончился» — медовый месяц со мной. Но я сказал ему: «Со мной медовый месяц никогда не кончается, он всегда продолжается; и тебя ждет еще более великий медовый месяц...»

Медовый месяц, который приходит к завершению — вообще не медовый месяц. Настоящие любовники любят до самого конца. В последний день они так же глубоко в любви, как были в самый первый. Их любовь — не возбужденность. Возбужденность — это лихорадочное состояние; вы не можете быть в лихорадке всегда, вы должны успоко-

иться и стать нормальным. Но истинная любовь не похожа на лихорадку. Она подобна дыханию, она все длится и длится. Медовый месяц, который кончается — вообще не медовый месяц.

Если есть любовь, вся жизнь становится медовым месяцем, каждый миг — это новость, каждый момент приносит новые открытия. Поэтому я сказал Самарпану: «Подожди — медовый месяц еще впереди». И это всегда так! Но помните: к концу нужно относиться так же, как и к началу.

*Будь так же внимателен в конце, как в начале,
и предотвратишь неудачу.*

*Поэтому мудрец желает
не иметь никаких желаний
и не ценит объектов, которые трудно достичь,
учится забывать то, что знал,
и восстанавливает то, что утратило
большинство людей.*

*Так он может участвовать в естественном ходе
вещей и не позволять себе вмешиваться.*

...мудрец желает не иметь никаких желаний...

Единственное, чего стоит желать — это желание не иметь никаких желаний, потому что все желания создают несчастье. Желание означает, что вы ушли в завтра. Жизнь — здесь, а желание — всегда где-то еще. Жизнь — в этом моменте, желание — всегда где-то в будущем. Желание — это откладывание, желание — это сон и надежда. Желание не есть реальность.

На Востоке мы называем мир иллюзией, *майей*. Не потому, что эти деревья иллюзорны, нет; они так же реальны, как вы. Не потому, что горы нереальны, Гималаи нереальны — они так же реальны, как и вы, даже больше. Тогда почему мы называем этот мир иллюзорным? Под этим словом мы подразумеваем мир ваших желаний, а не вещественный мир. Мир желаний, который окружает вас — именно он есть иллюзия, майя, сон. И из-за него вы не можете жить в этом мире, реальном.

Если вы отбрасываете все желания, вы встречаетесь с реальностью лицом к лицу. Вы сталкиваетесь с реальностью. Вы начинаете жить ею. И это — благословение. Это прекрасный миг. Если вы упускаете это, вы упускаете все. Если вы достигли этого, вы достигли всего.

...мудрец желает не иметь никаких желаний...

О Джунаиде, суфийском мистике, рассказывают, что он достиг очень высокой степени в своей чистоте, в отречении. Затем, однажды, к нему пришел посланец Бога — помните, это притчи, не воспринимайте их буквально, — и этот посланник сказал:

— Бог очень счастлив, твои заслуги велики; теперь ты можешь просить все, что ты хочешь.

Джунаид начал смеяться; он сказал:

— Это глупо, потому что мой Мастер велел мне оставить и отбросить всякое желание. Поэтому я отбросил все желания — а ты приходишь ко мне, когда я уже отбросил их; тебе надо было прийти немного раньше! Это абсолютно глупо. Теперь у меня нет желаний, а ты стоишь здесь и говоришь: «Проси — все, что ты попросишь, будет исполнено». Теперь твой приход бесполезен.

Но посланник настаивал; он сказал:

— Это будет оскорблением божественного; ты должен попросить что-то, потому что, когда Бог хочет дать, ты не можешь сказать «нет». Это дар! Прими его! *Все что угодно* — но ты должен попросить.

Джунаид закрыл глаза — что делать? — он был в сложном положении, поскольку все желания были отброшены и больше у него не было ни одного желания. Затем он открыл глаза и сказал:

— Тогда скажи Богу, что мое единственное желание — никогда больше не желать. Исполни мое желание — желание быть без желаний.

На самом деле, это не желание, это отбрасывание всех желаний. Если это желание, если это настоящее желание, то его одного достаточно, чтобы стать барьером. Нет, это не желание, это просто способ выражения.

*...мудрец желает не иметь никаких желаний
и не ценит объектов, которые трудно достичь...*

Он ценит легко достижимые вещи. Вы цените вещи, которые трудно достичь; чем труднее их достичь, тем больше вы их цените. Цена Кохинора — не его ценность; он имеет такую цену только потому, что его трудно достать. Если бы кохиноры валялись на всех улицах, они никому не были бы нужны. Кто бы стал о них думать? Но Кохинор трудно достать; редкость — единственная причина его ценности: ведь вы не можете ни есть его, ни пить. Если вы будете один, если весь

мир исчезнет, и у вас будет Кохинор — что вы будете делать? Вы выбросите его, потому что какой смысл его хранить?

*Мудрец не ценит объектов,
которые трудно достичь.*

Простые вещи — он ценит их. Если он может получить пищу, когда голоден, он счастлив так, как не был счастлив даже Александр, когда он стал великим императором почти половины мира. Когда он хочет пить — если он может достать немного воды, чтобы утолить жажду, он так счастлив, что вы не поверите. Он ценит мелочи, которые не трудно получить, вот почему он живет в мире.

Вы цените трудные вещи — вы всегда будете жить в суматохе, ваша жизнь будет кошмаром; а когда вы получили эти вещи — есть вещи, которые еще труднее достать. И это продолжается до бесконечности. Этому нет конца.

...учится забывать то, что знал...

Когда вы родились, вы не знали ничего, вы не несли в себе никакой информации, никаких знаний — но в вас была сознательность, осознанность, бдительность; в вас было бытие, а не знание. Мудрец старается снова стать ребенком. Он старается познать то, чему нельзя научиться, что уже внутри вас: не нужно ходить ни в какие школы, чтобы учиться этому. Фактически, вы можете научиться другим вещам только потому, что внутри вас есть эта внутренняя сущность. Вот почему вы можете учиться другим вещам.

*...учится забывать то, что знал,
и восстанавливает то, что утратило
большинство людей.*

Что вы утратили? Невинность ребенка. Он вновь достигает ее, он восстанавливает ее. Святость не есть что-то новое, это просто восстановленная невинность ребенка.

*Так он может участвовать в естественном ходе
вещей и не позволять себе вмешиваться.*

Он хочет лишь одного — стать частью природы, а не вмешивающимся эго; плыть с природой, а не бороться с ней; идти вместе с рекой — и в нем нет никакой борьбы и сопротивления.

Если вы можете плыть вместе с рекой жизни, внезапно вы увидите свой собственный труп, плывущий вниз по течению — все прошлое уплыло, все, что вы выучили, уплыло, все, чем вы владеете, уплыло; есть просто чистое существо — это и есть Будда.

Слово «будда» означает «тот, кто пробудился, кто не спит». Увидев, как все: ваше эго, собственность, образование, знания... ваш труп, мертвое прошлое, — видя, как все это уносится рекой, вы становитесь буддой.

Если вы течете вместе с рекой, рано или поздно вы столкнетесь со своим трупом. Если вы боретесь с рекой, вы никогда не столкнетесь со своим трупом. И блажен человек, увидевший собственный труп, плывущий вниз по реке жизни.

ЧТО ДАЛЬШЕ?

Вы сказали, что в жизни нет целей. И все же все мы находимся здесь с целью просветления. Пожалуйста, скажите об этом.

Если вы здесь с целью просветления, вы не можете быть здесь. Физически может казаться, что вы здесь, но вы не со мной. Цель — в будущем, а я — здесь! Ум, ориентированный на будущее, неизбежно находится в будущем — мы никогда не встретимся.

Я знаю, что вы здесь с целью достичь чего-то — именно поэтому вы упускаете. Я здесь для того, чтобы убедить вас отбросить саму мысль о достижении чего бы то ни было — в том числе просветления, мокши, нирваны, Бога. Если вы отбросите этот ум, ориентированный на цель — а иного ума, кроме ума, ориентированного на достижение, нет — если вы отбросите его, вы — просветленный.

Просветление — это не поиск, это реализация. Это не цель. Это сама природа жизни.

Жизнь, такая, какая она есть — просветленная. К ней ничего не нужно добавлять, в ней нечего исправлять. Жизнь совершенна. Это не движение от несовершенства к совершенству, это движение от совершенства к совершенству.

Вы здесь для того, чтобы достичь чего-то. Это действует как барьер. Отбросьте этот барьер. Просто будьте здесь! Забудьте о всякой цели, у жизни нет никакой цели. Жизнь *и есть* цель — разве она может иметь какую-то другую цель? Иначе вы попадете в процесс бесконечного регресса: эта цель поведет вас к другой цели, эта другая цель — к третьей, а третья — к четвертой... У жизни нет цели, и как раз поэтому она так прекрасна.

Индусы называли ее *лила*, игра. Это даже не соревнование. Сейчас на Западе слово «игра» стало очень и очень важным; за последние два-три года изданы сотни книг, в названии которых встречается слово «игра»: «Великая игра», «Последняя игра», «Игры, в которые играют люди» — и так далее, и тому подобное. Но между игрой и соревнованием есть разница. Индусы называли жизнь *игрой*, а не соревнованием, потому что даже соревнование имеет нечто, похожее на цель: нужно добиться некоего результата, одержать победу, завоевать противника... Тогда игра становится соревнованием; она становится серьезной.

Взрослые соревнуются, дети просто играют. Игра самодостаточна. Она закончена в самой себе, в ней нет цели, добавленной извне. Жизнь — это *лила*, игра; и в тот момент, когда вы готовы играть, вы — просветленный.

Попробуйте понять это с другой точки зрения. Вы — уже то, чем стараетесь стать. Чем больше вы стараетесь, тем больше вы будете упускать. Затем вы оставляете все усилия, просто принимаете себя, становитесь этим — и внезапно оно здесь! Оно всегда было здесь, но вы искали слишком серьезно — и упускали по этой единственной причине.

Вы находитесь здесь, чтобы достичь чего-то — просветления, самадхи, сатори или еще чего-то. Для меня все эти слова — ерунда, потому что они дают вам новый ряд желаний. Она снова открывают дверь желаний.

В миру вы желаете денег, власти, престижа; потом вы пресыщаетесь ими и понимаете, что все это — просто мусор: даже если вы получаете все это, вы проигрываете, и если вы не получаете это, вы все равно проигрываете. Тогда вы чувствуете, что все это бессмысленно. Теперь вы внезапно начинаете играть в новые игры — просветление, медитация, йога, Бог, иной мир, другой берег! Ум снова чувствует себя в своей тарелке: открылся новый мир желания; теперь вы будете догонять эти цели.

А деньги не так неуловимы, как медитация. Этот мир, по крайней мере, есть нечто определенное, твердое; а тот берег, тот мир, иной мир — абсолютная фантазия. Теперь вы в еще более глубокой канаве, чем раньше. С первым вы можете понять: это бесполезно; что касается второго, понадобятся миллионы жизней, чтобы понять, что это тоже бесполезно.

Когда человек приходит к открытию, что все цели тщетны — все без исключения цели тщетны, — тогда делать нечего, остается просто *быть*. Человек расслабляется, расслабляется тотально, поскольку делать нечего — напряжения нет. Внезапно ваши ограничения тают, как тает снег на утреннем солнце. Когда делать нечего, вы исчезаете, эго исчезает. Когда делать нечего, быть нечем, достигать нечего — кем вы будете? Все отождествления испаряются. Это и есть просветление.

Тогда вы начинаете совершенно другую жизнь. Вы становитесь игривым, вы становитесь живым от мгновения к мгновению; идти некуда — что бы ни предлагала вам жизнь, вы принимаете это с глубокой благодарностью. На вас нисходит милосердие. Именно это я называю стать богом. Как только вы начинаете играть, живя в этом мгновении, вы стали богом.

Я здесь для того, чтобы убедить вас: вы уже боги. Вы, быть может, пришли сюда, чтобы стать богами — это ваше путешествие, меня это не интересует. Я знаю, для чего я здесь: только чтобы убедить вас еще

раз посмотреть на свое собственное лицо, искать внутри и не ходить вовне в поисках того, что не существует.

Жизнь есть бесцельная игра, игра бесконечных сил — прекрасная, если у вас нет достигающего ума; безобразная, если вы амбициозны и хотите стать кем-то, быть кем-то, делать что-то. Расслабьтесь. Полностью отбросьте прошлое. Лишь этот момент существует, и этот момент — вечность. И эта жизнь — единственная, не думайте о другом бере-ге.

На днях я рассказывал вам китайскую аллегорию о человеке, вернувшемся с середины реки. Почему он вернулся с *середины* реки? Потому, что другого берега нет, берег только один. И почему он начала смеяться? Потому, что неожиданно осознал, что он сам — Будда, которого он искал.

Дзенские мастера учат своих учеников: если однажды во время медитации вы встретите Будду, немедленно убейте его. Иначе он собьет вас с пути.

Они правы. Во время медитации к вам приходит Кришна со своей флейтой — это так прекрасно... Вы снова видите сон, вы снова попались в сети мечты и желания. Иисус приходит — и вы попались в паутину ума; это паучья сеть. А потом приходит Будда, и вы забываете себя.

Поэтому мастера дзен говорят: убей Будду немедленно. Очисти путь. Не пускай туда никого — это значит, не допускай никаких целей; просто будь тотален, одинок — в своей абсолютной чистоте. Это и есть просветление.

Я должен повторить это, потому что знаю: вы будете забывать, забывать и забывать — вы уже то, что вы ищете. Пусть это будет основной мантрой. Если вы смогли понять эту мантру, вы поняли все.

Испытайте ее. Цели... вы уже отдали им слишком много жизней. Теперь попробуйте жить от момента к моменту, как будто будущего нет. В начале это будет только «как будто», но мало-помалу вы начнете осознавать, что это «как будто» — единственная реальность. В начале это может быть похоже на простую игру. Вскоре вы осознаете, что эта игра есть единственная реальность.

Вы пришли с целью, но я не позволю вам оставаться с целью. Если вы не сбежите от меня, эта цель неминуемо отпадет. Просто побудьте здесь еще немного, и цель обязательно отпадет. Либо я, либо цель — вы должны выбрать.

В чем разница между реакцией и ответом?

Разница очень велика, она огромна — не только в количестве, но и в качестве. Реакция идет из прошлого, ответ рождается из настоя-

щего. Вы *реагируете*, исходя из прошлых, старых моделей.

Кто-то оскорбляет вас — внезапно начинает работать старый механизм. В прошлом люди оскорбляли вас, и вы вели себя определенным образом; вы снова ведете себя так. Вы не отвечаете на это оскорбление этого человека — вы просто повторяете старую привычку. Вы не посмотрели на этого человека и на его новое оскорбление — у него другой вкус, — вы просто действуете как робот. Внутри вас есть некий механизм; вы нажимаете на кнопку, вы говорите: «Этот человек оскорбил меня», — и реагируете; это реакция не на реальную ситуацию, это нечто спроецированное. В этом человеке вы увидели прошлое.

Однажды Будда сидел под деревом, беседуя с учениками. Какой-то человек подошел и плюнул ему в лицо. Будда утерся и спросил его:

— Что дальше? Что ты еще хочешь сказать?

Этот человек несколько растерялся — он никак не ожидал, что человек, которому вы плюнули в лицо, спросит: «Ну, и что дальше?» В прошлом он не встречал ничего подобного. Он оскорблял людей, и они приходили в ярость, они реагировали; или, если они были трусами и слабаками, они улыбались, пытались подкупить его. Но Будда не был похож ни на тех, ни на других; он не разгневался и нисколько не обиделся; и его никак нельзя было назвать трусом — это была реальная действительность; он спросил: «Что дальше?» С его стороны не было никакой реакции.

Его ученики рассердились — они отреагировали. Ближайший ученик Будды, Ананда, сказал:

— Это уж слишком, мы не можем это стерпеть; оставайся при своем учении, а мы покажем этому человеку, что то, что он сделал, делать нельзя. Он должен быть наказан. Иначе каждый начнет делать то же самое.

Будда сказал:

— Замолчи. Он не обидел меня, но ты — обидел. Он новичок, чужак — наверное, он слышал что-то обо мне от других людей и составил свое представление, мнение обо мне. Он плюнул не в меня — он плюнул в свое мнение, в свою идею, потому что он совершенно не знает меня — как он может плюнуть в меня? Должно быть, он слышал что-то обо мне от людей: что этот человек — атеист, он опасен, он выбивает людей из колеи, он революционер, заговорщик — должно быть, он слышал что-то обо мне, и составил некое мнение, идею; он плюнул в свою собственную идею. Если подумать об этом глубже, — сказал Будда, — он плюнул в свой собственный ум. Я не отношусь к нему, и могу видеть, что этот бедный человек наверняка хочет сказать еще что-то — потому что это способ что-то сказать: плевок — это способ сказать что-то.

Бывают моменты, когда вы чувствуете, что язык бессилён: в глубокой любви, в сильном гневе, в ненависти, в молитве; бывают моменты интенсивности, когда язык *действительно* бессилён. Тогда вам приходится делать что-то — когда вы в глубокой любви, вы целуете или обнимаете человека. Что вы делаете? Вы говорите нечто. Когда вы гневаетесь, сильно гневаетесь, вы бьёте человека, плюёте в него — вы *говорите* нечто.

Я могу его понять. Должно быть, он хочет сказать нечто большее — вот почему я спрашиваю: «Что дальше?»

Этот человек ещё больше растерялся.

А Будда сказал своим ученикам:

— Вы обидели меня больше, потому что вы знаете меня и жили со мной многие годы — и все же вы реагируете.

Растерянный, сконфуженный, этот человек вернулся домой. Всю ночь он не мог спать. Это трудно — когда вы видите Будду, трудно заснуть так же, как вы засыпали раньше. Невозможно. Происшествие все преследовало и преследовало его — он не мог объяснить самому себе, что случилось. Он вспотел и весь дрожал; он никогда не встречал такого человека: он разбил вдребезги весь его ум, все его модели, все его прошлое.

На следующее утро он вернулся. Он бросился к ногам Будды. Будда снова спросил его:

— Что дальше?

Это тоже способ сказать нечто такое, что нельзя выразить языком. Когда вы приходите и касаетесь моих ног, вы говорите нечто такое, что нельзя сказать обычным способом — нечто, для чего слова есть лишь маленькие стрелки, в которые оно не может поместиться.

Будда сказал:

— Посмотри, Ананда. Этот человек здесь, он говорит нечто. Он человек глубоких эмоций.

Этот человек посмотрел на Будду и сказал:

— Прости меня за то, что я сделал вчера.

Будда сказал:

— Простить? Но я не тот человек, которого ты встретил вчера. Ганг все время течет. Он никогда не бывает прежним Гангом. Каждый человек — река. Человека, в которого ты плюнул, больше нет. Я просто похож на него, но я не тот же; за эти двадцать четыре часа произошло очень много! Река утекла очень далеко. Только на первый взгляд кажется, что я прежний. Так что я не могу простить тебя, поскольку не держу на тебя зла. И ты тоже новый. Я вижу, что ты не тот человек, который приходил вчера, потому что тот человек был гневным. Он был в гневе, он плюнул — а ты склоняешься к моим ногам, касаешься моих ног — разве ты можешь быть тем человеком? Ты не прежний человек! Так что давай забудем об этом; эти двое — чело-

век, который плюнул, и человек, в которого плюнули — их обоих больше нет. Подойди ближе, давай поговорим о чем-нибудь другом
Вот что такое ответ.

Реакция идет из прошлого. Если вы реагируете — из прошлых привычек, из ума — значит, вы не отвечаете. Быть ответственным значит быть тотально живым в *этот* момент, здесь и сейчас.

Ответ — прекрасное явление; это жизнь. Реакция мертва, уродлива, сгнившая — это труп. Девяносто девять процентов своего времени вы реагируете и называете это ответом. Очень редко в вашей жизни бывает, что вы отвечаете; но когда это случается, у вас появляется проблеск; всякий раз, когда это случается, открывается дверь в неведомое.

Вернитесь домой и посмотрите на свою жену не через реакцию, а через ответ.

Я видел людей — они могли жить с женщиной тридцать, сорок лет — они переставали смотреть на нее! Они знали, что она — прежняя леди, прежняя женщина: они думали, что знают, но река текла все время. Эта женщина — не та самая, на которой они женились; та была в прошлом, ее больше нигде нет, это совершенно новая женщина.

Каждый миг вы рождаетесь заново. Каждый миг вы умираете и каждый миг рождаетесь. Но когда вы в последний раз смотрели на свою жену, мать, отца, друга? Вы перестали смотреть, потому что вы думаете, что они все такие же — какой смысл на них смотреть? Пойдите и посмотрите снова, свежим взглядом, как будто вы чужой — и вы будете удивлены: как же изменилась эта женщина!

Каждый день происходят огромные перемены. Это поток, все течет — ничто не замерзает. Но ум — мертвая вещь. Он заморожен. Если вы действуете из замороженного ума, вы живете мертвой жизнью — реально вы не живете, вы уже в могиле.

Отбросьте реакцию и позвольте все больше и больше ответов. Отвечать — значит быть ответственным. Отвечать, быть ответственным — значит быть чувствительным, но чувствительным здесь и сейчас.

Если человек не желает просветления для себя, а только для других — у него есть проблема?

Нет, у вас не будет проблемы, но вы создадите проблемы для других, и много проблем. Есть много доброжелателей; они приносят только вред. Никогда не будьте доброжелателем, потому что добро нельзя делать. Вы можете быть добром, но тогда оно течет; это не действие с вашей стороны, вы не делаете это. Когда вы делаете добро, оно приводит ко злу.

Поэтому все, кто пытается делать другим добро — это самые вредные люди; они могут называть себя слугами народа, слугами Бога, они могут выбирать для себя самые напыщенные слова — но под этими словами они скрывают совершенно противоположную действительность; они — интриганы.

Если вы не желаете собственного просветления, как вы можете желать его для других? Если это нечто по-настоящему ценное, вы в первую очередь хотите этого для себя; если это не имеет ценности, вы можете желать это другим.

Однажды случилось... Мулла Насреддин работал с начальником. Этот человек дал ему бутылку бренди. Мулла удивился, потому что его начальник никогда ничего ему не давал. Он не мог в это поверить.

На следующий день начальник спросил его, как ему понравилось бренди. Мулла сказал:

— Это совершенно правильное бренди.

Начальник не понял, что он имеет в виду, говоря «совершенно правильное», поэтому спросил:

— Что ты имеешь в виду?

Мулла ответил:

— Будь оно лучше, вы не отдали бы его мне. Будь оно хуже, я отдал бы его кому-нибудь.

Вы отдаете то, что ничего не стоит.

Вы хотите просветления для других? Как вы можете желать его другим, если вы не хотите его для себя? Если вы сами не попробовали его, как вы можете помочь другим быть просветленными? Пожалуйста, не делайте подобных глупостей. Есть множество людей, которые делают это, и именно из-за них человек живет в такой большой путанице. Сначала захотите этого для себя; и будьте уверены, что, желая просветления, вы не достигнете его, но, желая, вы придете к пониманию того, что желание нужно отбросить.

Но помните, вы не можете отбросить то, чего не имеете. Просветление достигается через отбрасывание желания просветления, но, чтобы отбросить желание, вы должны иметь его — иначе все были бы просветленными, всякий человек, который не желает просветления, стал бы просветленным. Так что не поймите меня неправильно, я не говорю, что те, кто не желает просветления, станут просветленными, нет; я говорю, что те, кто *отбросил* желание просветления — они станут просветленными; но, чтобы отбросить что-то, вам нужно сперва это иметь.

Желайте — и желайте интенсивно, совершенно сойдите с ума в этом желании, — и тогда вы сможете отбросить его. Когда вы разочарованы... перед просветлением происходит великое разочарование —

за минуту, за *секунду* до того, как кто-то становится просветленным, случается глубочайшее разочарование. Человек падает в величайший ад. Лишь потом случается просветление.

Христианские мистики называли этот момент «темной ночью души». Это *действительно* темная ночь души... перед утром ночь становится все темнее и темнее; чем темнее и чернее становится ночь, тем ближе приход утра.

Но помните, я не говорю: не желайте. Я говорю: желайте, и желайте сильно, желайте тотально, чтобы в вашей жизни наступил прекрасный миг, когда вы сможете отбросить желание и стать просветленным.

Когда вы становитесь просветленным, не нужно будет желать ничего для других, вы просто будете таким... сам ваш голос будет таким — он будет притягивать людей; все ваше существо станет дверью для тех, кто ищет. Вы ничего не делаете, с вашей стороны нет никаких действий. Я ничего не делаю здесь, я просто есть. Этого «просто есть» достаточно; это магнетическая сила; этого «*просто есть*» достаточно.

Я позволяю вам быть со мной — из этого что-нибудь выйдет.

Мастер — не более, чем катализатор. Он никогда ничего не делает; это просто его присутствие. Мастер — не деятель; он живет в абсолютной пассивности, ничего не делая, потому что владеет искусством делать, не делая. Вещи просто происходят сами собой.

Ученик думает, что мастер ему помог; мастер знает, что ничего не делал. Ученик думает, что для него сделано очень многое — и он прав, потому что с ним многое произошло; но его понимание не ясно, поскольку он думает: «Как что-то могло произойти, если ничего не делалось?» Для ученика это — проблема. Он думает: «Мастер так много сделал для меня», — потому что ученик не может понять, как могут случаться вещи — такие великие вещи — если их никто не делал: «Это сделал не я, так что, должно быть, мастер сделал это для меня».

Мастер тоже не делает. Ученик открывает себя мастеру, а мастер доступен — вот и все. Он — катализатор; его *присутствие* делает. А ученик чувствует неизмеримую благодарность — и его благодарность имеет смысл, потому что один он бы не достиг; этот человек сделал так много... Но когда он станет просветленным, он будет смеяться; в смехе он соединится с мастером.

В дзен есть традиция; это случалось много раз: когда ученик становится просветленным, он бьет мастера. Мастер бил его многие и многие годы; но когда он становится просветленным, он бьет мастера — просто чтобы показать, что все это было игрой: «Ты ничего не делал, а я думал, что ты делаешь так много и столько всего происходит — а, на самом деле, не нужно было ничего, потому что я уже был тем, что искал».

Но это очень красивый жест — когда ученик бьет мастера. Это показывает, что ученик стал частью мастера. Он сам стал мастером.

И мастер смеется, потому что ученик прибыл.

Почему привычки, которые я считаю вредными для себя — курение, переедание и т. д. — самые стойкие?

Так и будет. Если вы считаете их вредными, они будут стойкими, потому что вы создаете с ними связь. Называть что-либо плохим означает создать с ним связь.

Когда вы называете что-то плохим — почему вы делаете это? Вы называете это плохим потому, что оно побеждает вас. Это нечто сильное. Вы называете это плохим потому, что бессильны перед ним; а осуждение еще никому не помогло.

Так что первое: перестаньте осуждать! Если вы хотите курить — курите! Курите медитативно, забудьте о том, что говорят об этом другие. Курение может быть такой прекрасной медитацией. Не боритесь с ним, курите медитативно, пускайте совершенные кольца и наслаждайтесь всем этим. И однажды вы вдруг обнаружите, что эта потребность исчезла. Все это кажется такой глупостью.

Не то, что вы судите — потому что, когда вы судите, это либо хорошо, либо плохо. Когда вы не судите, нечто просто отбрасывается, если оно бесполезно. Если во время курения вы медитируете, вы обнаружите, что медитацией можно заниматься и без курения, и даже лучше. Поэтому, зачем без необходимости вставлять посредине курение? Однажды вы положите сигарету обратно на стол и никогда больше не возьмете — но это не осуждение.

Говоря, что нечто плохо, вы даете этому корни. Хорошее никогда не бывает так сильно, как плохое, потому что хорошее — это то, что велят вам делать другие, а плохое — это то, что хотите делать вы. Конечно, хорошее никогда не будет обладать такой властью, как плохое, потому что плохое — это то, что хотите делать вы, а хорошее — то, что хотят заставить вас делать другие. Вы сопротивляетесь этому. Это хорошее похоже на рабство, ограничение, а плохое похоже на свободу.

Если вас отправят в рай *силой*, вы сбежите оттуда и падете в ад; вы скажете: «По крайней мере, здесь свобода». А эти святые, так называемые святые, религиозные люди, навязывая людям доброе и полезное, нанесли человеческому сознанию такой ужасный вред, что его невозможно измерить. Лучше заставлять людей делать плохие вещи, чтобы плохое ассоциировалось с рабством, с чужим эго, а хорошее ассоциировалось с собственным эго. Тогда люди будут лучше.

Когда-то я жил с одним другом. Он стал беспокоиться, потому что увидел, как его сын курит. У него был очень маленький сын, ему было не больше десяти лет; и мой приятель очень сильно волновался — он был очень праведный и религиозный человек — он спросил:

— Что делать?

Я сказал:

— Дай мне пачку сигарет и пришли своего сына.

Я заставил мальчика выкурить двадцать сигарет; я пригрозил ему, что, если он не выкурит всю пачку, я побью его. Он плакал и кашлял, а я стоял рядом с палкой, чтобы побить его — он выкурив всю пачку! И сказал мне:

— Больше никто и никогда не заставит меня курить!

Лучше, если зло ассоциируется с рабством — но это не так. Ваш отец не хочет, чтобы вы курили, ваша мать не хочет, чтобы вы курили, министерство здравоохранения не хочет, чтобы вы курили — и внезапно рождается побуждение быть свободным от всего этого. И вам нравится курить: это дает вам ощущение свободы, независимости, это дает вам чувство, что теперь вы самостоятельны — вам нет дела до того, что говорят все эти люди. Они действительно заставляют вас курить.

Запретите что-то — и вы заставите людей делать это. Запретите что угодно — и это станет все более и более распространенным. Разрешите — и это отпадет за ненужностью.

Так что же делать? курите с медитацией, не беспокойтесь. Наслаждайтесь этим. Если вы можете этим наслаждаться, вся его власть уйдет. Эта власть очень символична — вы бунтуете против своих родителей, против общества, и это просто жесты протеста: вам не нравится все это. Но, бунтуя, вы вредите себе — вот в чем ваша глупость.

Курить не плохо, просто вредно. Это не грех, это простое невежество. Так что в нем нет ничего плохого — если вы можете наслаждаться невежеством, наслаждайтесь. Если вы проживете на год меньше — какая разница? Вы могли бы прожить семьдесят лет — а если будете курить по две пачки сигарет в день, проживете шестьдесят девять. Вы потеряете один год, но какое это имеет значение? Вы потеряете напрасно шестьдесят девять лет — а могли бы потерять семьдесят. Одним годом меньше — значит, мир лишится одного года ваших нелепых поступков. Если вы уйдете, это будет, в некотором смысле, благом — мир будет нести меньшее бремя.

Не беспокойтесь об этом и не делайте суждений. Не судите. Если вы наслаждаетесь — вы наслаждаетесь. Если вы не наслаждаетесь — вы прекращаете это делать. Не нужны никакие суждения, не нужно вносить никакой морали, чтобы изменить это — иначе вы никогда не

сможете это изменить. Чем больше вы отталкиваете, отрицаете это, тем сильнее оно будет, потому что, когда вы пытаетесь оттолкнуть от себя что-либо, вы проявляете интерес. Когда вы говорите: «Я не буду это делать», вы знаете, что ваше подсознание говорит: «Делай это, это прекрасно». Так что не создавайте таких порочных кругов.

На днях я приводил вам слова дзенских монахов: «Когда идешь — иди; когда спишь — спи; когда ешь — ешь; самое главное — не колебаться». Я бы добавил: «Когда куришь — кури; самое главное — не волнуйся». Просто примите это. Если вы просто принимаете это, что вы увидите? Вы увидите всю бессмыслицу, стоящую за всем этим.

Дело не в курении; через него вы отрицаете что-то, восстаете против чего-то. Ваш отец стоит здесь: вы были таким маленьким ребенком, а ваш отец был таким сильным, и он говорил: «Никогда не кури». А вам хотелось низвергнуть его авторитет. Вы начали курить. Была мать, священник в церкви, и в воскресной школе вам говорили: «Не кури, иначе тебя бросят в ад». Вам никогда не нравился этот священник, вы никогда не любили эти проповеди, вас заставляли ходить в воскресную школу — на самом деле, она была похожа на ад; с тех самых пор вам хотелось восстать, отстоять свои права. Все подавляли вас, все толкали, тянули и вынуждали вас, все пытались манипулировать вами — поэтому вы шли в ванную и курили — и все становилось на свои места. Вы бунтовали. Вам было хорошо!

Курение помогало вам почувствовать себя нормально, почувствовать, что вы не так уж бессильны — вы можете восстать. Отец, может быть, очень и очень силен, но вы можете обмануть даже его. А мать может быть абсолютно всезнающей, у нее может быть потрясающая интуиция, но она даже не догадывается, что вы курите.

Когда вы курите тихо, медитативно, все это откроется вам — все, как это случилось. И как только вы узнаете причину... сигарета — не причина, это просто симптом; причина очень глубока и скрыта — как только вы узнали причину, все зависит от вас.

Возможно, отец уже давно мертв, а вы все еще продолжаете мстить. Теперь вы можете понять, что он никогда не желал вам ничего плохого. Возможно, он не сделал вам ничего хорошего — возможно, он пытался делать добро таким неправильным способом, что конечный результат вышел плохим; но у него были добрые намерения, он хотел помочь вам. Возможно, он не знал, как вам помочь, фактически, он навредил вам, но вы не можете усомниться в его добрых намерениях. Внезапно вы примиряетесь со своим отцом, примиряетесь с матерью, и сигарета падает из ваших рук — без всякого участия с вашей стороны. Вы помирились. Это был бунт. Теперь нет смысла бунтовать, вы понимаете — и дело окончено.

И делайте то же относительно других вещей. Тогда вы увидите, как все постепенно меняется. Чем больше вы понимаете, тем больше воз-

можность перемен — и в этих переменах есть изящество, потому что они не насильственны.

Я не против ничего. Я только против невнимательности, неосознанности. Курите с полностью alertным умом, и вы обнаружите множество вещей, связанных с этим; это станет первичной терапией, вы все глубже, глубже и глубже будете уходить в свое детство и столкнетесь с явлениями, с которых это началось.

Как это могло настолько овладеть вами? Откуда взялись эти тиски? Наверняка это связано с сильными эмоциями! Просто курение — вдыхать и выдыхать дым... это не может иметь над вами такую силу. Столько миллионов людей курят, занимаются такой глупостью — тратят на это деньги, жизнь, страдают от тысячи болезней, но все равно продолжают курить. За этим должно стоять нечто большее, чем видно невооруженным глазом. Это не просто сигарета — она очень символична, это симптом; в глубине с ней связано много слоев самых разных вещей...

Если вы просто бросаете сигарету, а все эти причины по-прежнему остаются внутри вас, они заставят вас снова поднять ее. Поймите. И никогда не предпринимайте попыток изменить что-либо без понимания. Понимание меняет все, только понимание меняет и трансформирует. Пусть понимание будет единственным законом.

Если я ничего не делаю, я замечаю, что вместо того, чтобы чувствовать укорененность в земле, я начинаю чувствовать себя невидимкой. Возможно ли то и другое вместе?

Аа, это не только возможно, но абсолютно необходимо; когда это случится, это произойдет в этих двух направлениях одновременно — они случатся вместе.

Когда вы ничего не делаете, ваше эго чувствует себя лишенным корней, потому что эго — деятель. Чем больше вы делаете, тем лучше себя чувствует эго; оно чувствует себя укорененным, оно твердо стоит на земле, у него есть точка опоры. Когда вы ничего не делаете, эго невидимо, оно теряет свою силу — а вы отождествляетесь с эго и поэтому чувствуете, что вы становитесь невидимым, парообразным, вы испаряетесь, теряете твердость. Это одна сторона.

Другая сторона: вскоре вы начинаете осознавать, что, если вы допускаете это состояние невидимости, испарение, не впадаете обратно в состояние эго и не начинаете вновь что-то делать — вы увидите, что укоренены. Это укорененность существа и исчезновение эго. Перед тем, как эго исчезнет полностью и вы реализуете укорененность своего существа, будет промежуток. И этот промежуток — темная ночь. В

этом промежутке вы будете полны тревоги, вам будет очень страшно — что происходит? Вы сходите с ума? Вы теряете все? Ведь все, что у вас есть сейчас — это отождествление с эго; если оно ускользает из ваших рук, вы будете чувствовать, что все ушло, и у вас будет искушение уцепиться за старое, чтобы почувствовать укорененность. Не волнуйтесь. Пусть эго уйдет и растворится в небе.

Если вы сможете несколько дней оставаться в состоянии такой незаполненности... чем полнее вы принимаете это, тем меньше будет интервал; если вы можете принять это тотально, в следующую секунду вы почувствуете укорененность — но тотально принять это трудно. Вы сомневаетесь. Ум говорит: «Что происходит? старый дом разрушен, а где же новый? Старая сущность ушла — где же новая?»

Но нужно время, нужен промежуток, когда старый дом исчезнет и весь беспорядок и хаос, вызванный исчезновением старого дома, прояснится, а ваши глаза очистятся, и в них не будет дыма и пыли — и тогда вы внезапно обретаете способность видеть новый дом, сущность. Это происходит одновременно, так что не бойтесь; позвольте этому случиться, *помогите* этому случиться.

Когда я начинаю осознавать свои мысли или дыхание, они немедленно меняются. Это естественно, или это застарелая привычка не принимать то, что есть?

Это естественно. Когда вы начинаете что-то осознавать, вы придаете этому новое качество, оно меняется. Если вы начинаете осознавать дыхание, оно изменит свой ритм. Вы не пытаетесь изменить его, не нужно делать никаких усилий; вы просто становитесь внимательным к тому, как вдыхаете и выдыхаете — и вы будете чувствовать разницу: ритм будет уже не тот, потому что теперь вы дышите сознательно. Сначала вы дышали бессознательно, теперь появилось нечто новое — сознательность.

Вы идете; обычно вы ходите бессознательно — это не нужно, тело похоже на механизм; а затем вы идете сознательно, вносите в это сознательность — внезапно вы видите, что ваша походка приобретает другое качество: она более изящна, более эстетична, более красива, и вы не волочите ноги — наоборот, в глубине вы начинаете танцевать.

Когда дыхание изменится вместе с осознанием, вы внезапно почувствуете, что вас окружает тонкая тишина.

Вместе с переменой дыхания меняется все ваше витальное тело — вы чувствуете себя более живым, более интенсивно живым. Что бы вы ни делали, в этом будет больше тотальности. Если вы едите, вы будете есть более тотально, в уме будет вертеться меньше мыслей. Если вы

ходите, дыша сознательно, вы увидите, что ум более центрирован, нет внутренней болтовни. И тогда вы сможете видеть более ясно. Дыша сознательно, вы более интенсивно будете видеть красоту цветов — в них будет больше красок, чем обычно... как будто вам ввели ЛСД — вы будете видеть деревья более зелеными, и вы увидите, что каждое дерево зелено по-своему: есть тысячи видов зелени, просто вы видите только одно зеленое — потому что вы вообще не видите; иначе, каждое дерево имеет собственный оттенок зеленого, и у каждого листа есть собственное существо.

Чем более вы осознанны, тем прекраснее будет жизнь. Это космический танец, космическая симфония; но вы будете созвучны ей лишь тогда, когда ваше существо будет находиться в этой симфонии — это естественно! Но помните: становитесь осознанными очень медленно и постепенно, не форсируйте концентрацию на дыхании. Есть две разные вещи: вы можете форсировать концентрацию, и тогда то, что я говорил, не случится; наоборот, вы будете чувствовать себя истощенным. Если вы концентрируетесь на дыхании, это означает, что вы заставляете себя дышать, вы сужаете свое сознание и смотрите на свое дыхание — вы будете в напряжении. Тогда вы не сможете увидеть цветы, солнце, небо, песок и море — нет, потому что, когда вы видите их, вы забудете о своей концентрации...

Концентрация не есть осознанность. Осознанность — нечто совершенно другое: вы просто осознаете без всяких усилий. Если вы забываете, это тоже нормально — забывайте. Не чувствуйте себя виноватыми. Когда вы вспомните — снова посмотрите. Нужна расслабленная осознанность, иначе в дыхании может возникнуть такое напряжение, что оно может оказаться роковым — оно может быть опасным для тела, вы создадите себе много болезней.

Итак — не концентрация, а простая алертность; она дает действительно совершенно другое качество. Вы будете чувствовать огромную благодать, покой, гармонию.

Недавно вы сказали, что для того, чтобы достичь просветления, нужно сначала пройти через тотальное разочарование, когда человек полностью теряет надежду. Но разве можно потерять надежду, если ты знаешь, что Мастер помогает тебе своим присутствием?

Не волнуйтесь об этом. Я подумаю над этим, когда вы полностью разочаруетесь.

Лао-цзы кажется самым правдивым человеком; а Георгий Гурджиев раскрашивал воробьев и продавал их как канареек. Лао-цзы говорит: ничего не делай, и достигнешь; Гурджиев говорит: только сверхчеловеческие усилия могут помочь. Одинакова ли по величию реализация Гурджиева с реализацией Лао-цзы? Как вы объясняете их различие?

Аа, степеней просветления не существует; оно либо есть, либо его нет. И Лао-цзы, и Гурджиев — просветленные, и никаких степеней не существует; никто из них не более просветленный, ни менее просветленный. Но их работа отличается; их время отличается, эпохи, в которых они жили, отличаются; люди, с которыми им приходилось иметь дело, и их ученики — различны.

Лао-цзы жил в очень примитивном мире. Люди были очень просты, смиренны, они не были напряженными, никуда не спешили — фактически, у них не было ощущения времени, они были более естественны. Гурджиев жил в совершенно противоположное время. Лао-цзы жил на Востоке, Гурджиев жил на Западе и в двадцатом веке — самом безумном веке; почти каждый человек — невротик.

Гурджиеву приходилось изобретать разные вещи для разных людей. Людей такого типа во времена Лао-цзы просто не существовало. Может быть, очень редко, в виде исключения, он и сталкивался с такими людьми, но теперь это стало правилом; а человек, который был правилом во времена Лао-цзы, сегодня — исключение. Все изменилось.

«Лао-цзы кажется самым правдивым человеком» — так и есть. А Гурджиев не кажется вам таким правдивым; он так же правдив, как Лао-цзы, но он сострадателен, он милосерден, и если ему нужно солгать, чтобы помочь вам, он лжет. А вы — такие лжецы, что Лао-цзы не слишком поможет вам. Даже Гурджиеву трудно помочь вам, а он представляет абсолютно верный тип человека для Запада.

Лао-цзы не будет привлекательным для вас, во-первых, потому, что он слишком прост и невинен. На самом деле, если бы он родился в двадцатом веке, его бы назвали идиотом. Даже в те далекие дни многие люди считали его идиотом. Он сам говорил: «Все остальные кажутся умными-преумными, только я глуп», — а это было двадцать пять веков назад. Теперь всякий счел бы его идиотом, и этим дело бы не ограничилось: если бы он родился на Западе, его повели бы к психоаналитику и заставили лечиться, чтобы привести в норму.

Они проделали это в отношении многих других людей. Многие люди в западных психиатрических лечебницах вовсе не безумны — они просто очень невинные люди; но они не могут быть лжецами, они не

могут соответствовать этому лживому веку — в этом их единственная проблема. Гурджиев был самым подходящим человеком, ему было очень легко врать. Но его ложь была нужна, чтобы помочь вам. Вам нужна ложь.

Гурджиев говорит: нужны сверхчеловеческие усилия; а Лао-цзы говорит: никаких усилий. Когда вы совершаете сверхчеловеческие усилия, вы приходите в точку, где Лао-цзы становится для вас непосредственно важным. Только пройдя через Гурджиева, вы сможете отбросить все усилия.

Сейчас непосредственный контакт с Лао-цзы невозможен. На самом деле, вы так умны и хитры, что, если вы слушаете и читаете Лао-цзы, вы, скорее всего, не сможете отбросить усилие; скорее, вы привыкнете быть ленивыми. Я вижу здесь таких людей — когда я начал говорить о Лао-цзы, они стали задавать вопросы, «правильные» вопросы: «Тогда как насчет работы, которую нам приходится делать в ашраме? Следует ли нам прекратить работать?» Они хотят перестать работать.

Это не значит, что они не поняли — если бы они поняли, они не стали бы спрашивать об этом. Лао-цзы не говорит: перестаньте работать; он говорит: перестаньте совершать усилия. *Делайте*, не совершая усилий, делайте естественно. Он не помогает вам стать ленивыми, он не говорит: «Просто ложись и ничего не делай», — даже это было бы хорошо, если бы вы не ждали, когда другие придут накормить вас — даже это хорошо; но вы смотрите по сторонам — идут ли к вам люди, чтобы отдать вам почести как великому *парамахансе*, великому реализованному? Вы станете ленивы.

Гурджиев совершенно прав; он говорит: совершайте сверхчеловеческие усилия; он заставляет людей делать усилие. Он приводит их к такой точке, откуда идти уже некуда. Тогда усилие отпадает само собой — *вы не можете отбросить его*, вы цеплялись к нему так...

Однажды я читал в чьих-то воспоминаниях. Гурджиев строил ашрам недалеко от Парижа, в Фонтенбло. Строили здание, и он сказал одному человеку работать без перерыва — это был плотник, его ученик — он сказал ему:

— Не спи. Продолжай работать.

Он работал восемь, десять, двенадцать, двадцать четыре часа... через тридцать шесть часов Гурджиев вдруг бросился к тому месту, где он работал. Ученик сидел на самом верху крыши — он спал глубоким сном, держа в руках свои инструменты. Малейший шум — и он мог бы свалиться оттуда; это было опасно, поэтому Гурджиев попросил всех соблюдать тишину.

Как кошка, он взобрался на крышу, схватил этого человека в охапку и встряхнул его. Ученик открыл глаза — он не мог поверить, что находится на крыше, не мог понять, что происходит. Тридцать шесть часов непрерывной работы... В этот день Гурджиев сказал ему:

— Теперь тебе не нужна работа. Она *отпала сама собой*.

Если бы этот человек отбросил работу, он спустился бы вниз, чтобы лечь спать; если бы он сам отбросил усилие, он спустился бы вниз, потому что это было опасно — если вы сидите на крыше, вы можете упасть. Но это не было вопросом сознательного решения; сознательно он сделал все, что мог, а затем наступил какой-то момент, и он просто соскользнул в сон. Он ничего не делал со своей стороны. Все остановилось. Даже инструменты остались у него в руках. Со своей стороны, он по-прежнему был готов работать. Возможно, он даже работал во сне. Но в этот день Гурджиев освободил его; он сказал:

— Теперь начинай медитировать.

Иногда он заставлял людей делать такие бессмысленные вещи, что это могло свести вас с ума. Он мог приказывать им сегодня копать канаву, а завтра засыпать ее землей; на третий день — снова копать ее, а на четвертый — закапывать. И это могло продолжаться месяцами. Люди слишком рационалистичные говорили: «Это абсурд». Они уходили. Только по-настоящему сдавшиеся люди продолжали работать без всяких вопросов.

Если вы можете следовать мастеру до такой степени, что не задаете вопросов, что у вас не возникает вопросов — вы просто думаете, что в этом должно что-то быть...

Когда он говорит: «Копай канаву целый день, — это было десять часов работы, — потом засыпь ее, а затем снова копай и снова засыпь», — что он делает? Он пытается вытащить вас из ваших рассуждений.

Сверхчеловеческие усилия. Делать одно и то же в течение трех месяцев — понятно, что после этих трех месяцев человек будет совершенно другим; теперь он готов к медитации.

Гурджиев не давал вам медитацию с самого начала. Сначала он проверял вас со всех сторон — он проверял каждый уголок вашего существа; он смотрел, можете ли вы сдать — в том числе и абсурду? Он помог многим людям. Он был очень подходящим человеком для этого века — особенно на Западе.

Не старайтесь увидеть какие-то противоречия между двумя этими людьми — их нет. Все пробужденные демонстрировали одно и то же, говорили одно и то же; их слова отличаются, они могут показаться вам противоречивыми — но они не могут противоречить. Если они кажутся вам противоречивыми, значит, что-то в ваших рассуждениях невер-

но. Идите глубже. Однажды вы придете к такому слою, где вы увидите, что они говорят одно и то же.

Гурджиев говорит: *делай* все, что только можешь; Лао-цзы говорит: *не делай*, позволь вещам случаться... Они говорят одно и то же, потому что, только сделав все, что можно, вы сможете понять Лао-цзы. Лао-цзы прекрасно понял бы Гурджиева. Если бы они работали вместе, это было бы самое лучшее.

Именно это пытаюсь делать я: Гурджиев и Лао-цзы — вместе. Вот почему вы увидите во мне много противоречий. В Лао-цзы нет противоречий; в Гурджиеве нет противоречий. Если вы соедините их, вы увидите противоречие. Но во мне вы каждый миг будете видеть противоречия. Чтобы обнаружить мои противоречия, не нужно приводить другого просветленного. Я противоречив, потому что жизнь полярна.

Вас нужно заставить сделать все, что только возможно — только тогда происходит сдача, становится возможным позволение.

Как лучше всего человеку достичь звезд?

 Это не нужно; вы уже находитесь на звезде — Земле. Никуда идти не нужно. И куда бы вы ни отправились, вы будете тем же. Двигайтесь внутрь.

Земля сама — звезда; вы не видите ее, поскольку она находится слишком близко к вам. Если вы отправитесь на другую звезду, вы не увидите ее — она будет слишком близко к вам; из этого далекого места Земля будет казаться вам звездой. Человек не видит того, что близко. Человек может видеть лишь то, что очень далеко и недоступно.

Постарайтесь увидеть то, что близко. Фактически, постарайтесь увидеть то, что есть вы. Вы уже находитесь на звезде, не нужно куда идти.

И все эти поиски — полеты на Луну и на Марс — в тонком смысле глупы. Настоящая цель — это изменить себя, а не ходить куда-то, потому что вы останетесь прежним; куда бы вы ни попали, вы создадите там тот же самый мир, такой же несчастный мир. Звезды не помогут; помочь может лишь внутренняя трансформация.

Когда я слышу, как вы говорите: «Если время еще не пришло и вам пока не нравится медитировать — нет никакого вреда в том, чтобы делать что-то, что вас интересует», — я чувствую такую огромную свободу и любовь. Но,

к сожалению, некоторые ваши ученики, которые не медитируют, заставляют других заниматься медитацией — порой через скрытое критическое отношение, — как будто это обязанность!

Потому, что они испытывают к вам большое сострадание. Возможно, вам нравится то, что я говорю, но, пожалуйста, делайте то, что говорят они — это будет полезно для вас. Вы сможете понять то, что я говорю, лишь тогда, когда сделаете то, что велят мои ученики.

Когда я говорю: «Будь свободен», это всегда приятно слышать; если я говорю: «Не делайте ничего», если я говорю: «Вы уже есть то, что нужно достигнуть», — это очень приятно, это очень усиливает эго. А когда мои ученики говорят: «Медитируй, делай что-нибудь», это трудно, потому что вы не хотите ничего делать, вы хотите быть лентяем.

И если вы будете в таком положении, вы не сможете понять меня — то, что я говорю. Когда я говорю: «Ничего не нужно делать», я говорю чистую правду. Но вы можете понять меня неправильно. Когда мои ученики что-то говорят, они говорят нечто практическое, что вы не можете понять неправильно. Либо вы это делаете, либо не делаете. И когда они говорят: делайте, в этом есть некий смысл. Это говорят не они — это снова я говорю вам через них: делайте это.

И не беспокойтесь о том, медитируют они сами, или нет; это мое дело — думать об этом; вам не нужно беспокоиться. Если вы можете сделать что-либо сами, этого достаточно. А то, что я говорю, станет понятно вам лишь тогда, когда вы уже глубоко медитировали — иначе вы не поймете.

Это вопрос не саньясина, а посетителя. На самом деле, меня не очень интересуют посетители, потому что они, скорее всего, не поймут меня. Пока вы не работаете со мной очень тесно, пока вы не готовы отправиться в глубочайшие глубины своего существа, то, что я говорю, может быть для вас даже вредно, потому что я говорю это для тех, кто работает, кто прилагает все возможные усилия, чтобы изменить свое бытие. Они смогут правильно понять то, что я говорю.

Но приходят и гости... Слушать приятно, потому что вам не нужно ничего делать; я говорю — а вы просто сидите и слушаете; вы становитесь более знающим, вы приезжаете домой — вы знаете больше. Ваше эго усиливается. Но если кто-то говорит вам: «Медитируй», тогда возникают проблемы, и особенно у индусов. Они считают, что знают о медитации все — только потому, что родились в Индии. Вы не знаете!

И будьте внимательны: скоро Запад будет знать больше, чем вы, потому что у вас слишком много эгоизма, слишком много веры в то, что вы уже знаете — зачем же делать? У Запада больше скромности, чтобы учиться, искать и практиковать. Самое большее, вы готовы слушать — и даже это слишком много; вы будете слушать только то, что вам подходит. Если что-то вам не подходит, значит, этот человек ошибается. *Вы* всегда правы.

Если вам что-то подходит, значит, это верно; если не подходит, значит, это должно быть неправильно — потому что истина всегда на вашей стороне.

Эта ограниченность ума стала падением восточного мира. Восточное сознание с каждым днем опускается все ниже и ниже, и скоро придет тот несчастный момент, когда вам придется ехать на Запад, чтобы учиться медитации.

Но пока еще остаются некоторые возможности. Не теряйте их.

Слушать очень приятно, потому что ничего не нужно делать, вы просто сидите; вы можете слушать даже во сне, вы можете отдыхать. Но заниматься медитацией означает пойти во внутренний беспорядок, хаос, которого вы боитесь: что скажут люди? Другие будут смеяться: *вы* — и эти прыжки, танец, катарсис? Нет, это для дураков, это не для вас; вы и так уже слишком много знаете.

Отбросьте все эти знания, иначе то, что вы слушаете меня, не очень-то поможет. То, что я говорю, верно, но сначала вы должны сделать очень много — лишь тогда вы сможете понять то, что Лао-цзы называет «делать через недеяние».

Как возможен прогресс — в цивилизации, культуре или религии, — если мы принимаем жизнь такой, какая она есть и не ищем никаких возможностей изменить ее?

Никакой прогресс не нужен. Прогресс — это самый фальшивый бог, созданный человеком. Он не нужен.

Что означает прогресс? В глубине прогресс означает жертвование настоящим во имя будущего. Вы жертвуете сегодняшним днем ради завтрашнего; а завтра — это снова не завтра, это сегодня, и вы снова жертвуете этим сегодня ради завтра. Отец жертвует всем ради детей, дети жертвуют ради своих детей, и никто не живет.

Одно поколение жертвует ради другого, потому что должен быть прогресс; и тогда никто не живет. Никакой прогресс не нужен. Само

слово «прогресс» переносит вас в будущее. И этому не может быть конца. Вы не можете прийти к состоянию, когда вы говорите: «Теперь прогресс достигнут», потому что прогресс невозможно достичь, поскольку прогресс — не нечто, что можно достичь, это процесс. Так что это положение вещей — «Теперь все могут наслаждаться, прогресс достигнут» — никогда не наступит! Прогресс всегда остается процессом.

Именно так пыталось жить человечество до сих пор. Во имя прогресса приносилось в жертву всякое блаженство. Не нужно больше жертвовать. Забудьте о будущем. Вы живете для себя! Пока есть время — живите тотально. Ваши дети будут жить своей собственной жизнью — не приносите себя в жертву, потому что жертва отцов очень опасна — они никогда не прощают своих детей; и дети всегда против своих отцов, потому что они не могут простить такого отношения, они не могут простить вам вашей жертвы. Всех учат быть мучениками ради кого-то другого.

Это глупо, это просто явная глупость; но это продолжается во имя прогресса. Не беспокойтесь о прогрессе. Птиц не волнует прогресс — и что в этом плохого? Что они теряют? Деревья не волнуются, Гималаи не волнуются — что они теряют? Они наслаждались тысячей лет раньше, они наслаждались всегда, они наслаждаются сейчас, они будут наслаждаться в будущем, во веки веков — только человек заболел болезнью под названием «прогресс». Это раковая опухоль.

Вы продолжаете жертвовать; вы говорите: «Как я могу наслаждаться? Сегодня я должен работать изо всех сил, чтобы завтра были деньги — тогда я буду наслаждаться» — но завтра никогда не приходит. Как же вы можете наслаждаться? У вас есть дети, вы должны работать изо всех сил, чтобы ваши дети могли наслаждаться; а у них будут свои дети, и у этих детей тоже будут дети — когда же придет время, чтобы вы могли наслаждаться? Ваша мать принесла себя в жертву, она была мученицей, она не знала ни одного мгновения восторга, потому что работала для вас и жертвовала собой ради вас; а теперь — *наслаждаетесь ли вы?* Ведь ваша мать пожертвовала собой ради вас? Вы не наслаждаетесь, потому что она научила вас этому трюку — жертвовать собой ради кого-то еще: страны, религии, человечества — но *жертвовать*. Боги были разными, но жертва оставалась прежней. Иногда — во имя нации, иногда — во имя человечества, иногда — во имя христианства или ислама — но *жертвуй!*

Один секрет всегда оставался с человеком — и он убивал человека, отравлял его. Нет, не говорите больше о жертве. Не говорите больше о прогрессе! Вы живете своей жизнью — если из этого что-то

вышло, хорошо; если ничего не вышло, вы не несете за это ответственности. Не *вы* двигаете миром.

Все, что вы называете прогрессом — высокие дома, технологии, большие машины — прибавили ли они человечеству блаженства? В действительности, наоборот — они убили всякую возможность блаженства. Вы можете жить во дворце, но дворец — это не счастье; вы можете ездить на роллс-ройсе, но ездить на роллс-ройсе не значит быть блаженным. В роллс-ройсе вы можете быть так же несчастны, как в любом другом месте.

Весь вопрос в том, как сделать человека более счастливым — а если этот прогресс продолжает отравлять вас, человек не может быть счастлив. Это трюк, это заговор, направленный на то, чтобы заставить вас совершить самоубийство — ради других, а затем заставить этих других убить себя ради других. Весь мир превратился в ад.

Отбросьте это безумие прогресса. Все хорошо таким, каково оно сегодня, и вы здесь только ради того, что есть сейчас — *живите* этим. И если из этого что-то получится, прекрасно — а я говорю, что это получится. Но не называйте это прогрессом, потому что самое это слово уродливо. Оно ориентировано на будущее. Я скорее назову это ростом, а не прогрессом.

Живите этим мгновением, и из этой жизни вырастет новое мгновение — конечно, оно будет прекраснее и богаче, чем первое. Затем живите еще глубже, потому что вы научились жить глубоко, вы постоянно учитесь — и каждое мгновение становится все более и более интенсивным. Из каждого мгновения рождается следующее; из сегодня рождается завтра — оно богаче, блаженнее, экстатичнее; от вас рождаются ваши дети, и вы рождаете их в экстазе. На самом деле, вы не пытались дать им рождение, вы наслаждались своей любовью! На самом деле, вы не заботились непосредственно о них; они родились из вашего экстаза, из вашего оргазмического переживания.

Вы делите с ними свой экстаз, они растут вместе с вами, они учатся быть экстатичными, быть блаженными. Их дети будут расти вместе с ними. Это — рост, не прогресс.

Прогресс — это рост несущественного, в прогрессе существенное умирает. В росте несущественное — это несущественное: если оно есть, хорошо, если его нет — еще лучше. А существенное растет.

Что существенно? Существенное — блаженство, существенное — ваше внутреннее счастье, существенное — оргазмические переживания, *вершинный* опыт.

У вас нет больших дворцов, но есть пиковые переживания. Это прекрасно. Вы можете жить в лачуге — этого достаточно! У вас может

не быть дорогих одежд, но они не нужны — у вас богатая сущность. Рост открывает другое, совершенно другое измерение.

Вплоть до последнего поколения в человеческом уме доминировал прогресс, но для нового поколения более важным и значительным стало слово «рост». Все группы роста — столкновение, тренировки роста, терапии роста — не заботятся о прогрессе; они заинтересованы в росте. И для меня это слово важно.

Рост основан на настоящем. Прогресс ориентирован на будущее. Рост происходит из жизни, а прогресс — из жертвы. Рост есть жизнь, прогресс есть самоубийство.

ДХАММАПАДА

ВКУС ВЕЧНОСТИ

Глава 1

АКТУАЛИЗАЦИЯ
НЕ-СЕБЯ

*Человек рождается не для мастерства.
Мастер никогда не горд.
Он не говорит с другими свысока.
Ничем не владея, он ничего не лишен.*

*Он не боится.
Он не дрожит.
Ничто не сковывает его.
Он бесконечно свободен.*

*Так разруби
Пути, ремни и веревки,
Ослабь узы.
Отопри двери сна
И проснись.*

*Мастер выносит
Оскорбления и любое обращение
Не реагируя.
Ибо его армия — его дух.*

*Он никогда не гневен.
Он исполняет обещания.
Он никогда не колеблется, он решителен.
Это мое тело — последнее, говорит он!*

*Как вода на листе лотоса,
Как горчичное семя на острие иглы,
Он не цепляется.*

Человек рождается лишь семенем, не цветком. Цветения еще предстоит достичь; не следует принимать его за данность. Само по себе рождение — это лишь возможность жизни, не сама жизнь. Ты по-прежнему можешь упустить жизнь — и миллионы упускают, — по той простой причине, что думают, что родиться достаточно, чтобы быть живым. Родиться недостаточно. Это необходимо — без этого не было бы жизни — но рождение не синонимично жизни. Ты должен быть дваждырожденным.

Иисус говорит: «Пока вы не родитесь заново, вы не войдете в мое Царство Божье».

Необходимо своего рода рождение заново. Обычное рождение — это рождение телесноумственного механизма, но дух находится в состоянии потенциала — он должен быть претворен в реальность. Абрам Маслоу назвал этот процесс «актуализацией себя». Гаутама Будда назвал бы тот же процесс «актуализацией не-себя». Абрам Маслоу не имеет не малейшего понятия о предельном; он думает, рассуждает о нем. Он наткнулся на определенную истину, но не знает, как ее выразить. Он не пережил ее сам; это только интеллектуальное понимание, вот откуда название «актуализация себя».

Но первое, что исчезает в этом предельном цветении, это «я». Фактически, «я» является единственным препятствием к этому цветению. «Я» это преграда, не помощь. «Я» окружает тебя как стена; это не мост.

Когда ты действительно рождаешься, рождаешься в жизнь или рождаешься в Бога — для меня это одно и то же — тебя больше нет, нет того, под кем ты понимаешь себя. Царит вакуум, полная пустота, молчание, которое беззвучно. Конечно, это музыка, но без всякого звука. Люди дзен называют этот звук звуком хлопка одной ладони. Это «не-я» — твое изначальное лицо. Когда тебя нет, ты есть, и есть в первый раз.

Если бы Абрам Маслоу пережил предельное состояние цветения, он никогда не назвал бы его «актуализацией себя». Ты рождаешься как «я», как эго. Это семя, и семя должно исчезнуть, прежде чем может прорасти росток. Семя должно умереть в почве; тогда, и только тогда начнет проявлять себя скрытая в семени жизнь.

Это чудо! Ты слеп, вот почему ты не видишь. Вокруг происходит столько чудес. Когда семя становится побегом, происходит великое чудо. Если разрезать семя, ты не найдешь у него внутри никаких листьев, цветов, деревьев, ты не найдешь вообще ничего — просто пустота. Анализируя семя, ты не придешь ни к какому заключению. Но если позволить семени упасть в правильную почву, если позволить семени умереть и исчезнуть, из этого ничто возникает нечто безмерно прекрасное и происходит нечто невозможное. Появляются листья, рас-

тут ветви, вырастает большое дерево. В таком маленьком семени содержится такое большое дерево! Теперь сотни людей могут сидеть в его тени, сотни птиц могут свить в нем гнезда и каждую ночь находить у него приют; расцветут тысячи цветов.

Одно семя способно сделать зеленой всю Землю. В нем такой потенциал — бесконечный потенциал, потому что из одного семени возникнут миллионы, и так далее, и так далее. Если есть одно семя, вся Земля может быть садом. Почему только Земля? — садом может быть вся вселенная! Потенциал бесконечен; ты должен лишь найти правильную возможность для его выражения, проявления, реализации.

Будда говорит:

Человек рождается не для мастерства.

Каждый человек рождается рабом. Знать это больно; мы хотели бы слышать, что рождаемся мастерами. Мы верим, что мы мастера — никто не подвергает этого сомнению. Люди, подвергающие сомнению свое мастерство — это единственные люди, способные однажды стать мастерами. Ты сомневаешься во всем, кроме собственной власти над собой, а это более всего достойно сомнения, более всего сомнительно. Какая у тебя власть? Ты раб, полный раб биологических инстинктов, секса, гнева, жадности, амбиций. Ты полон всем этим, тебя окружает зловоние. И все же ты продолжаешь верить, что глубоко внутри владеешь собой.

Вместо того, чтобы предпринять попытку разрушить это рабство, ты начинаешь доказывать свою власть другим. Ты пытаешься стать Александром Великим, Чингисханом или Тамерланом. Это попытка обмануть себя. Это попытка доказать нечто такое, чего на самом деле нет. Ты пытаешься представить доказательства своей власти. Конечно, если ты приобретешь достаточную власть над другими людьми, тебе будет легче верить в то, что ты хозяин себя. Александру легче верить, что он хозяин себя, хотя эта вера и не имеет никаких оснований. Он настолько же раб, что и любой другой человек; может быть, его рабство гораздо глубже.

По пути в Индию Александр встретил редкого человека, Диогена. Если бы Диоген родился в Индии, его считали бы буддой; он был одним из пробужденных. Даже на Александра он произвел огромное впечатление. Совершенно голый, он жил на берегу реки. Когда Александр пришел увидеться с ним, было раннее утро; Диоген лежал на берегу голый и загорал. Видя этого человека, чувствуя его присутствие, Александр впервые почувствовал, что в нем возникает чувство собственной

неполноценности. Он сталкивался со многими королями, он побеждал многих королей, но перед ним стоял настоящий король — мастер.

Столкнувшись с мастером, невозможно не почувствовать его присутствия — если только ты не абсолютно слеп, абсолютно глух, абсолютно мертв. Наверное, у Александра была некоторая чувствительность, некоторая бдительность, иначе он не пришел бы к этому голому факиру. Сам факт, что Александр отклонился с пути, чтобы его посетить, показывает, что в нем было глубокое чувство, что никакие владения не смогут принести ему удовлетворенности: «Должен быть какой-то другой способ быть удовлетворенным. Жизнь не может состоять только из владений и власти; в ней должны быть и другие секреты».

Он много слышал о Диогене: «Он носит с собой днем зажженную лампу. Он ходит голый, только одна вещь у него в руках — лампа, зажженная лампа. И люди спрашивают его: «Почему ты носишь лампу?» И он говорит: «Я ищу настоящего человека; пока я не видел ни одного. Я ношу эту лампу, чтобы его не проглядеть»».

Настоящий человек? Неужели это такая редкость? Наверное, Александр размышлял над этим. Наверное, он подумал: «Я настоящий человек. Схожу-ка я и увижусь с Диогеном». Он слышал о нем много рассказов: «Он кажется самым блаженным человеком в мире. Никто никогда не видел его в тревоге, в тоске, в страхе; он совершенно бесстрашен».

Александр слышал, что однажды его поймала банда — потребовалось восемь человек, чтобы поймать этого простака — но он сказал им:

— Не нужно столько усилий. Что вы хотите? Просто скажите.

Они сказали:

— Мы хотим продать тебя на рынке рабов.

— Нет необходимости в таких усилиях — я терпеть не могу причинять кому-то неприятности. Я иду с вами.

И он пошел с ними, впереди них. Они следовали за ним, как будто были его последователями. А когда они добрались до рынка, где продавали и покупали людей, этот красивый человек привлек внимание каждого. Он встал на платформу и закричал:

— Слушайте, вы, все собравшиеся здесь рабы: продается хозяин! Хочет ли кто-нибудь купить хозяина?

Истории о Диогене носились в воздухе... Мало-помалу Александр заинтересовался и пошел увидеться с ним. Сам его интерес показывает, что где-то в нем было чувство тщетности всех трудов по завоеванию мира. И, видя Диогена, он тотчас же почувствовал себя ничтожеством, тогда как Диоген был подлинным существом. Все же он попытался обратить все в шутку.

Диоген сказал:

— Прекрати смеяться! Не пытайся одурачить себя! Ты видишь тот факт, что упускаешь жизнь.

И Александр сказал:

— Да, господин, я это чувствую. Впервые я вижу действительно живого человека. Что я могу для тебя сделать? У меня достаточно денег, я могу все. Только скажи, и я сделаю это.

Диоген сказал:

— Мне ничего не нужно. Даже если у тебя есть все деньги мира, у меня нет никаких желаний, поэтому все твои деньги абсолютно бесполезны. Но одно ты можешь для меня сделать: отойди в сторону, потому что ты загораживаешь солнце. Вот и все, о чем я тебя попрошу: пожалуйста, будь так добр и отойди в сторону.

Он больше ничего не попросил. Александр сказал ему:

— Если бы мне пришлось снова родиться в мир, я попросил бы Бога сделать меня Диогеном, а не Александром Великим.

— Зачем ждать следующей жизни? Ты можешь быть Диогеном прямо сейчас! Разве ты не понимаешь? — сказал Диоген. — Чтобы быть Диогеном, ничего не нужно. Ты совершаешь столько усилий, пытаешься завоевать мир, и даже если ты достигнешь успеха, что ты от этого выиграешь? Ты будешь так же несчастен, как и всегда, фактически, еще несчастнее, потому что сейчас твой ум занимает эта идея, амбиция завоевать мир. Как только ты его завоюешь, ты придешь в растерянность. Лучше остановись сейчас!

— Я могу понять — ты прав, — но не могу остановиться на полпути. Я решил завоевать мир.

— Тогда иди, не останавливайся — но смерть остановит тебя на полпути. Она каждого останавливает на полпути, и ты ничего не можешь сделать. Тогда ты вспомнишь меня. И твои победы ничем тебе не помогут. Когда смерть стучится в дверь, раб, бедняк, великий король, завоеватель мира — все они равны, все они равны в глазах смерти. В мою дверь не может постучать смерть, — сказал Диоген. — Послушай и посмотри мне в глаза. Я завоевал смерть. Это настоящая победа, потому что я познал свое настоящее существо, которое бессмертно. Я пережил свое сознание, которое было до того, как я родился, и которое останется, когда меня не станет. Я вечен.

И в день смерти Александр вспомнил Диогена — с горькими слезами, конечно, потому что Диоген был прав: вся его жизнь была пустой растратой. Он сражался, и сражался напрасно.

Вы слышали поговорку: «Ничто так не успешно, как успех» — это абсолютно неправильно. Я предлагаю другую: «Ничто так не безуспешно, как успех». Поскольку успеха добиваются очень немногие люди, очень мало кто об этом знает. Те, кто добивается успеха, всегда осознают полное бессилие успеха.

Будда говорит:

Человек рождается не для мастерства.

Первое, что нужно понять: ты раб бессознательных сил. Это начало, первый шаг к мастерству — признать свое рабство. Увидеть, что ты бессознателен — начало сознания. Но ты продолжаешь перекладывать ответственность на других, ты никогда не смотришь вовнутрь; ты ни в каком случае не смотришь вовнутрь.

Судья сурово посмотрел на обвиняемого.

— Молодой человек, спиртное и только спиртное повинно в вашем теперешнем плачевном состоянии.

— Рад это слышать, Ваша Честь, — ответил тот со вздохом облегчения. — Все остальные говорят, что виноват я.

Никто не хочет признать, что сам повинен в своем плачевном состоянии. Ты всегда пытаешься найти какой-то предлог. Подойдет любой; если ты ничего не можешь найти, то всегда можешь выдумать. Но ты никогда не чувствуешь себя ответственным.

Вот начало религиозной жизни: принять всю ответственность на себя. Кем бы ты ни был, за это ответственен ты и никто другой. И твоя жизнь в хаосе.

Слышали ли вы о поляке, который пытался броситься на пол... и промахнулся?

Вся твоя жизнь — это поражение, что бы ты ни пытался делать, даже броситься на пол, — и причина в том, что ты совершенно не сознателен, совершенно не осознан. Ты живешь в такой бессознательности, ты почти что машина.

Гурджиев часто говорил своим ученикам: «Вы не люди, вы машины». И люди очень обижались; никому не нравилась идея о том, что он машина. «Я, и машина? Я — машина? Может быть, другие!» Но Гурджиев говорил нечто очень существенное: человек действительно машина. Все остальные видят это в тебе — кроме тебя самого. Но это не поможет, пока ты сам это не увидишь.

Три путешественника — еврей, индус и итальянец — искали место ночлега. Они постучались к фермеру. Фермер сказал, что в доме есть только одна комната, в которой могут разместиться двое, но еще один может спать в сарае. Еврей согласился спать в сарае.

Все легли спать. Через некоторое время раздался стук в дверь. Фермер открыл; на пороге стоял еврей. Он извинился и сказал, что в

сарая была свинья, свиньи не кошерные, поэтому ему неприлично провести ночь в одном месте с ними. Индуист сказал, что в сарае будет спать он, так как его не беспокоят свиньи.

Снова фермер лег спать. Через некоторое время раздался стук в дверь; это был индуист. Он извинился и сказал, что, к сожалению, в сарае есть корова, а так как коровы для него священные животные, ему неприлично спать в одном месте с ними. И вот итальянец вызвался отправиться в сарай, потому что у него не было проблем ни со свиньями, ни с коровами.

Снова фермер лег спать, но через некоторое время в дверь опять постучали. Усталый фермер встал и открыл дверь. На пороге стояли свинья и корова!

Даже коровы видят, даже свиньи чувствуют, что ты итальянец — но не ты сам! Ты никогда не смотришь на себя, ты всегда смотришь на других. Ты сфокусирован на других. Ты настолько экстравертен, что не знаешь, как повернуть глаза вовнутрь. Необходим поворот на сто семьдесят градусов. Пока ты не начнешь видеть себя, в твоей жизни не будет возможности мастерства; ты останешься рабом.

Когда ты влюбляешься, ты думаешь, что ты хозяин. Так ли это, или это просто биологическое, химическое явление? Если это биологическое, химическое явление, ты не хозяин. Когда кто-то тебя оскорбляет, и ты злишься, *ты* ли злишься, или просто являешься жертвой какой-то бессознательной силы, которая высвобождается в тебе? Когда ты гневен, взбешен, ты почти что временно сходишь с ума; ты можешь сделать что угодно. Ты можешь разрушить, убить, покончить с собой. И что бы ты ни сделал, если ты переживешь этот момент, потом ты будешь раскаиваться. Ты скажешь: «Не могу поверить, что это случилось, как я мог такое сделать? Я сделал это вопреки самому себе!»

Это выражение значительно. Когда ты говоришь: «Я сделал это вопреки самому себе», ты признаешь, сам того не зная, свое рабство: в тебе происходят вещи, в которых ты не участвуешь — ты просто жертва.

Никто не рождается мастером, но в каждом есть огромный потенциал мастерства. Каждый может быть мастером, но очень редко люди реализуют этот потенциал. Очень редко люди достигают максимальной вершины, кульминации своего существа.

Психологи говорят, что обычный человек за всю жизнь использует всего лишь от семи до десяти процентов своего потенциала; девяносто процентов остаются неиспользованными. И это обычный человек. Психологи говорят, что даже талантливые люди, очень талантливые, не используют больше двенадцати — тринадцати процентов. А те, кого мы называем гениями, используют не больше пятнадцати процентов.

Только подумай, если бы все человечество использовало сто процентов потенциала — того, на что оно способно — не нужно было бы воображать рай, мы могли бы устроить его здесь. Мы будем жить в раю, если каждый использует свой потенциал полностью. Но если ты его не используешь, он остается мертвым грузом. Вместо того, чтобы помогать тебе в жизни, он становится тяжестью, камнем у тебя на шее. То, что могло бы стать лодкой, заставляет тебя тонуть.

Религия в своей основе заботится о том, чтобы помочь тебе привести свой потенциал в действие, претворить потенциал в реальность, чтобы он не оставался семенем, но стал цветком, и высвободился прекрасный аромат. Именно это случилось с Гаутамой Буддой, именно это случилось с Иисусом Христом. Эти люди были точно как ты, сделаны из того же теста. В них нет ничего особенного, они не особенные существа. Забудь эту идею. Священники проповедовали эти веками — что они особенные, что Иисус — единственный едиnorodный сын Бога. Это сущий вздор. Ты такой же сын или дочь Бога, что и Иисус Христос, не больше и не меньше — между тобой и Христом нет никакой разницы. Что касается потенциала, он абсолютно одинаковый. Но Иисус претворил его в жизнь, а ты даже не коснулся, он просто лежит неиспользованный. Это сокровище, которым никто не пользовался, а все, что долгое время не используется, умирает, застаивается. Оно покрывается плесенью и становится на тебе мертвым грузом, делает тебя тяжелым и больным.

В Будде нет ничего особенного. Конечно, буддистские священники говорят, что он особенный. Почему эти священники постоянно говорят, что Будда особенный, Махавира особенный, Иисус особенный, Кришна особенный? Почему? — по одной простой причине: это помогает им защитить свои эго. Они особенные, что мы можем сделать? Если они стали просветленными, так и должно было быть, у них была особенная способность. Мы обычные человеческие существа, они были аватарами. Они были прямыми потомками Бога, мы — дальние родственники, и расстояние так велико, что его нельзя преодолеть. Они происходили прямо сверху; они были посланцами Бога, мессиями, пророками, тиртханкарами — а мы обычные люди. Это способ защитить наши эго — очень логичный способ, очень рациональный способ.

Думаешь ли ты, что отдаешь Иисусу дань уважения, называя его едиnorodным сыном Бога? Ты не отдаешь дань уважения, ты хитришь; ты пытаешься защитить себя. Ты говоришь: «Ты особенный, а мы обычные, нам приходится вести себя обычно. Ты можешь вести себя как просветленный. Что мы можем сделать? Мы так устроены. За это ответствен Бог, не мы. Нам не предназначено быть Буддой, Кришной или Лао-цзы. Нам не дано быть Заратустрой. Им было дано, а нам нет. Поэтому, если что-то происходит с ними, это неизбежно, и если ничего

не происходит с нами, то это потому, что нам ничего не предназначено».

Это уловка, стратегия. Будда хочет напомнить вам, что вы сделаны из того же теста, из той же крови, плоти и костей, из того же сознания. Единственная разница в том, что вы не работаете над собой, не используете возможность, не трансформируете себя. И продолжаете находить предлоги: «Как мы можем что-то делать? У нас столько детей, жена, муж, родители. Мы должны работать в мире и зарабатывать деньги на жизнь». Вы продолжаете придумывать предлоги.

Именно поэтому я настаиваю на том, что никто из моих саньсяинов не должен покидать обычный мир. Они должны стать просветленными в обычном мире, чтобы этот предлог, традиционный предлог, был отброшен навсегда.

Были люди, которые стали просветленными, прожив очень обычные жизни. Кабир был отцом и мужем и работал всю жизнь — он был ткачом — и все же стал просветленным. Он не отрекся от мира, не бежал. Или Райдас, он был башмачником. Он продолжал работать, оставаясь в мире — и стал просветленным.

И таких было много, но вы удивитесь: священники мало говорят об этих людях, потому что эти люди опасны. Они говорят об отречении Будды, который отрекся от мира и ушел в леса; они говорят о Махавире, который отрекся от своего царства. Прежде всего, чтобы отречься, тебе нужно иметь царство. Где царство? А если царства нет — в этой жизни, по крайней мере, тебе не стать просветленным. Даже если царство есть, сначала от него нужно отречься.

Иисуса выставляют в таком свете, что становится почти невозможно воспринять его как человеческое существо. Он родился от девственной матери — какая ерунда! Ты не родился или не родилась от девственной матери, значит, по крайней мере, в этой жизни твой поезд ушел. В следующей жизни выбери девственную мать, потому что с этого начинается все! Прежде всего, ты выбрал неправильный поезд... Но есть и трудности: если ты выбираешь девственную мать, это делает тебя убудком. Если Иисус выбирает девственную мать, он просто исключителен — это милость Божья.

Священники стараются создать дистанцию между тобой и просветленными, чтобы тебе жилось спокойнее. А усилие всех будд в том, чтобы не дать тебе спокойно спать, сделать тебя беспокойным, сделать тебя божественно неудовлетворенным, заставить осознать, что ты способен к невероятному блаженству и упускаешь его, заставить тебя осознать, что это твое врожденное право, и ты не востребовал его.

*Человек рождается не для мастерства.
Мастер никогда не горд.*

Но Будда тотчас же во второй сутре говорит нечто очень важное, потому что велика вероятность быть непонятым — отсюда это второе утверждение. Он говорит, что мастерство — это достижение, но не в обычном смысле слова, потому что, чего-то достигнув, ты начинаешь гордиться; ты говоришь: «Я этого достиг». Если мастерство — это достижение — а это, несомненно, так — то в совершенно другом смысле, нежели другие. Это не то, что стать президентом страны или самым богатым человеком в мире — это совершенно другое. Разница в том, что самом этом достижении достигший умирает.

Помни это и никогда не забывай; иначе твоя духовность может стать новым путешествием эго. Поэтому, тотчас же, Будда добавляет:

Мастер никогда не горд.

Он не может быть гордым — потому что его больше нет! Это очень странное достижение: в самом процессе достижения эго плавится, исчезает. Фактически, это происходит только когда эго больше нет. Это очень парадоксальное достижение: несомненное достижение, в котором нет достигающего. Точно как кусок сахара растворяется в чае, достигающий растворяется в своем достижении. Его больше нигде не найти. Он становится единым со своим достижением. Это не такое достижение, которым можно хвастаться, это просто естественное цветение. Он не гордится им.

Розы не гордятся, лотосы не гордятся, конечно, как бы красивы они ни были. Рассвет не гордится, закат не гордится, звездная ночь не гордится, полная луна не гордится. Это естественно; об этом нечего сказать. Именно так должно быть. Нет речи о том, чтобы этим гордиться, в этом нет никакого увеличения собственной значимости.

Остерегайся собственной значимости. Если ты начнешь похваляться своими духовными достижениями, ты упустил всю суть. В этом больше нет ничего духовного; это снова прежняя игра, проигрываемая с новыми словами. Изменились только слова, на самом деле ничего не изменилось; не произошло никакой трансформации.

И люди играют в игру эго множеством путей. Индеец думает, что он самый святой, самый духовный человек в мире; это та же самая игра. Американец думает, по другим причинам, что он особенный, что он выше всякого другого. И так с каждым. Ты не найдешь в мире ни одной расы, ни одной нации, которая не считала бы себя особенной. Теперь та же самая игра носит имя нации, расы.

Каждая религия думает: «Вот единственный путь, истинный путь; все остальные пути ложны». Если спросить джайна, он думает, что все другие пути ложны. Если спросить христианина, у него то же самое представление: «Не будучи христианином, ты не спасешься, ты будешь страдать в аду». Спроси мусульманина... И ты будешь удивлен: они

принадлежат к разным религиям, но действительно ли они принадлежат к разным религиям, или к одной — религии эго? Все они принадлежат к одной религии: религии эго.

Белый человек считает себя особенным, черный считает себя особенным...

Я слышал историю о докторе Радхакришнана. Он был президентом Индии. Он разговаривал с друзьями.

Один из белых сказал:

— Мы лучше всех — иначе почему Бог сделал нас белыми?

Радхакришнан сказал белому:

— Вы недожарены, вот почему вы белые!

При этом присутствовал и черный; он очень обрадовался. Он сказал:

— Это правильно. Мы лучше всех!

Радхакришнан сказал:

— Вы пережарены — почти сожжены! Мы лучше всех, мы точно посредине, ни белые, ни черные. Ни недожарены, ни пережарены.

Люди постоянно пытаются защитить свои эго всеми возможными способами.

Египетский и индийский археологи соревновались друг с другом.

— Наши недавние раскопки обнаружили длинные провода, и мы сделали из этого вывод, что в древнем Египте существовала телефонная связь, — похвастался египтянин.

— А мы копали и копали, но так и не нашли никаких проводов, — сказал его индийский коллега. — И мы пришли к выводу, что в те времена в Индии телефонная связь была сотовой.

Остерегайтесь! Мы играем в те же игры во имя религии, во имя нации, во имя расы, во имя цвета, но игра остается прежней. И имя этой игры — эго.

Духовный человек — это тот, кто прекратил играть в эту игру. Он мастер.

Мастер никогда не горд.

Он не говорит с другими свысока.

У него не написано на лице, что он святее-чем-ты. Но посмотрите на своих так называемых святых — все они смотрят на вас с глубоким осуждением. Они знают, что вы грешники, а они святые. Они — высшие существа, превосходящие существа; вы — обыденные, мирские, обычные. Что вы сделали? На какую добродетель вы можете претендо-

вать? Они могут указать, что годами постились, соблюдали безбрачие, что едят только раз в день, спят три или четыре часа за ночь. Они изобрели для себя множество пыток. И конечно, эти пытки веками считались путем духовности. Это мазохизм, чистый мазохизм: это не имеет ничего общего с духовностью. Но когда человек мучит себя, конечно, он чувствует, что это удовлетворяет его эго. Ты не можешь этого делать, а он может. И, несомненно, ты начинаешь чувствовать, что ты ниже, потому что тебе сделать это было бы трудно.

Видя человека, лежащего на ложе из колючек, ты понимаешь, что не можешь этого сделать. Конечно, он выше, у него есть высшие силы. И если он смотрит на вас как на осужденных, как на тех, кто обречен на ад, конечно, вам придется это принять, потому что он зарабатывает заслугу. А что сделали вы? Ничего подобного. Ты не можешь спать на ложе из колючек; ты обычное человеческое существо. У него стальная воля — посмотрите на его силу воли!

И это ничего не значит. Он просто глупее, тупее тебя, его тело менее чувствительно, чем твое. Есть методы сделать тело менее чувствительным. Если сидеть голым на солнце, тело сгорает; мало-помалу все чувствительные участки тела, которые были очень хрупкими, становятся твердыми — им приходится стать твердыми. Ты становишься толстокожим, и чем толще кожа, тем легче лежать на ложе из колючек.

Вы не замечали? Женщинам легче, чем мужчинам носить одежду без рукавов, по той простой причине, что их руки менее чувствительны — более красивы, но менее чувствительны. Даже в холодных странах они легко ходят без рукавов; мужчине это трудно. Тело мужчины во всех смыслах более чувствительно и хрупко. В холодных странах ему нужен галстук, чтобы воздух не попадал под одежду. Посмотрите на женщин — их одежда почти исчезает!

Их тела менее чувствительны; им приходится быть менее чувствительными, потому что они должны быть матерями. Родить ребенка с чувствительным телом было бы трудно, очень больно. Знаете ли вы... если тело очень чувствительно, носить в животе ребенка девять месяцев — это сплошное мучение. Просто представь, что ты девять месяцев носишь в животе ребенка — ты покончишь с собой! Это невозможно. Природа делает женское тело менее чувствительным и компенсирует это большей красотой и округлостью. Тело мужчины не так красиво, не так округло, но более чувствительно — чувствительно к холоду, к теплу, ко многому другому.

Это одна из причин постоянного конфликта между мужчиной и женщиной: женщина достигает оргазма очень медленно; ее чувствительностью гораздо ниже. Ей требуется гораздо больше времени, чтобы достичь оргазма. Мужчина кончает быстро; его тело очень чувствительно. И разница в темпах мужского и женского тела создает

огромную проблему. Если только мужчина не очень бдителен и не заботится о том, чтобы двигаться медленно, в ритм с женским телом, женщина никогда не будет удовлетворена.

И ее неудовлетворенность проявится во многом: чай будет холодный, а в овощах будет слишком много соли. Целый день с кухни будут доноситься звуки разбиваемой посуды, как будто ты живешь среди землетрясения! Дело не в том, что она делает это сознательно, даже это абсолютно бессознательно — никто никогда не мастер, все рабы, — но она по-своему мстит.

Поэтому каждый раз, когда ты хочешь заниматься с женщиной любовью, у нее болит голова, она устала, ей больше не интересно — по той простой причине, что она никогда не достигает оргазма. Почему она должна участвовать в игре, в которой она всегда оказывается проигравшим? Лишь недавно мужчины стали осознавать различие; это различие преодолимо, но необходимо некоторое искусство.

Попроси жену проткнуть тебе спину иголкой, и ты будешь удивлен: некоторые участки абсолютно нечувствительны — укол вообще неощутим, а в некоторых местах ты почувствуешь укол. Некоторые участки ничего не чувствуют. Люди, лежащие на колючках, просто подстраивают так, чтобы колючки приходились на эти нечувствительные участки. Это своего рода искусство; в нем нет больше ничего, ничего святого.

Ты можешь есть один раз в день. Есть племена — многие туземные племена в Индии, Северной Африке, в Гималаях — в которых едят один раз в день. Тело так легко перестраивается: если есть один раз в день, оно будет есть слишком много. Ты можешь есть два или три раза, тогда оно делит количество пищи. Ты можешь есть пять раз... и, фактически, есть пять раз гораздо научнее, чем один, потому что слишком редкий прием пищи перегружает организм. Лучше разделить эту нагрузку. И если человек действительно произошел от обезьяны, посмотри на обезьян — они едят целый день! Американцы делают то же самое, поэтому, прав ли Дарвин вообще или нет, он прав в отношении американцев!

Ты можешь есть один раз в день; тело подстроится под это. Такие вещи не имеют ничего общего с духовностью, но именно такими вещами все время хвастаются ваши так называемые святые.

*Настоящий мастер никогда не горд:
Он не говорит с другими свысока.*

Настоящий мастер — это тот, кто узнал, что в каждом есть такой же потенциал. Как он может говорить с другими свысока?

Будда сказал, что когда он стал просветленным, тотчас же он увидел, что вся вселенная стала просветленной вместе с ним. Это правда,

что касается его. Конечно, вся вселенная не стала просветленной — ты еще не стал просветленным — но что касается Будды, это абсолютно верно. Он увидел потенциал, он увидел, что каждый такой же, как и он. Только некоторые люди пробуждены, а некоторые спят; это единственное различие, и не такое уж большое различие. Не поднимай вокруг него большого шума.

И если ваши святые и не говорят прямо: «Мы святее чем вы», они постоянно говорят это тысячами косвенных способов.

Каждый раз, когда ковбой проезжал мимо индейской деревни, он махал старому вождю. В ответ старик показывал ему средний палец, традиционно поднятый вверх, затем поворачивал руку, так что средний палец торчал горизонтально.

Через несколько недель ковбой больше не мог сдерживаться. Он остановил лошадь и сказал краснокожему:

— Я знаю, что означает палец, поднятый кверху, но что это значит, когда ты наклоняешь руку?

— Мне и твоя лошадь не нравится! — ответил вождь.

Есть прямые методы и косвенные методы, жесты. То, как святые смотрят на вас — может быть, даже не говоря ни слова, — то, как они себя ведут, — все это указывает на одно: они выше вас. И они удерживают вас в постоянном страхе ада. Они говорят вам: «Берегитесь ада. Вы обречены на ад». Они предупреждают вас заранее.

Проповедник Питтс посвятил это утро описанию конгрегации ужа-сов ада.

— Братья и сестры, — возвестил он, — некоторые из вас видели расплавленное железо, вытекающее из горнила, верно? Оно раскалено добела, оно булькает и шипит. Так вот, в том месте, о котором я говорю, такими вещами обкладывают мороженое!

Все усилия в том, чтобы как можно сильнее вас напугать. Посмотрите на эту потрясающую идею с мороженым! А если вы хотите отправиться на небеса, следуйте их советам, следуйте их отпечаткам след в след, станьте подражателями. А подражатели — это поддельные люди. Настоящий мастер — это никогда не подражатель.

Поэтому я говорю вам: никогда не становитесь христианами, будьте христом, никогда не становитесь буддистами, будьте буддой. Ваш потенциал — это такая бесконечная возможность, зачем довольствоваться мелким? Всего лишь быть христианином — это бедный суррогат: почему бы не быть христом? Почему не быть самим буддой? Зачем быть буддистами?

Но ваши проповедники говорят вам: «Будьте христианами, будьте буддистами, будьте джайнами, будьте индуистами!» Они не говорят вам о вашем высшем потенциале, они хотят, чтобы вы были последователями. И, конечно, если под рукой нет ни Будды, ни Христа, они становятся представителями. Они создали стратегию: «Следуй Иисусу!» Конечно, тебе придется следовать Папе — где Иисус? Его представляет Папа, и Папа непогрешим. Посмотрите на глупость всего этого. Только дурак может говорить, что он непогрешим — даже Бог не непогрешим.

Погрешимость — это часть радости жизни, должно быть, сам Бог погрешим; иначе он не создал бы вас! Наверное, Бог погрешим; иначе как и почему ему удалось создать человека? И с тех пор он больше ничего не создавал; он остановился — видя, что он натворил, он остановил процесс. С тех пор о нем ничего не слышно: где он, что он делает.

Библия говорит, что за семь дней он создал мир — ладно; на седьмой он отдыхал. И как насчет следующей недели? Наступил ли понедельник? И что он делал с тех пор? Наверное, видя, какую он совершил ошибку, он убежал как можно дальше.

Сейчас ученые говорят, что мир, вселенная расширяется. Причина в том, что Бог убегает, и, конечно, мир расширяется вместе с ним; граница расширяется с огромной скоростью. Знаете, с какой скоростью он убегает от вас? Сто восемьдесят шесть тысяч миль в секунду! С такой скоростью расширяется вселенная; наверное, это скорость его бегства. И я не думаю, что вы когда-нибудь сможете его догнать; кажется, невозможно создать космические корабли, движущиеся с такой скоростью, потому что это скорость света, и все, что движется с такой скоростью, тотчас же превращается в свет. Поэтому, если вы движетесь с такой скоростью, самолет, пилот и пассажиры — все исчезнет; они просто станут чистым светом. На такой скорости все плавится и становится светом. Если только мы не найдем какой-нибудь способ не следовать за ним, но найти его с другой стороны...

И, я думаю, это и есть путь будд. Они не пытаются догнать Бога, не гонятся за ним, они просто стоят на месте в молчании. Это другой путь, окольный путь — потому что сколько он может убежать? Если вселенная тоже круглая, в конце концов он снова окажется там, где стоят эти люди — и есть возможность встречи.

Он не говорит с другими свысока.

Ничем не владея, он ничего не лишен.

Будда просто пользуется, мастер пользуется. Он ничем не владеет, он не владелец. Он либо не владеет ничем, либо владеет всей вселенной — это значит сказать одно и то же разными словами. Ему не

нужно ничем владеть — он пользуется. Ты пользуешься солнцем, пользуешься луной; тебе не нужно ими владеть. Поэтому, если в один день солнце скрыто тучами, тебе не нужно беспокоиться, не нужно сходить с ума, не нужно волноваться: «Что происходит с моим солнцем?» Оно не имеет с тобой ничего общего. Если однажды происходит лунное затмение, ты не беспокоишься, потому что луна тебе не принадлежит; если она твоя, это создает проблемы. Если у тебя есть сад и розы не цветут, это вызывает тревогу; если он тебе не принадлежит, ты просто наслаждаешься.

Мастер наслаждается существованием, но ничем не владеет; поскольку он ничем не владеет, он ничего не лишен.

Он не боится.

Ему нечего терять, чего ему бояться?

Он не дрожит.

Серен Кьеркегор говорит, что каждый человек дрожит внутри, продолжается постоянная дрожь — и он прав. Страх смерти заставляет тебя постоянно дрожать. Ты можешь отвлекаться тысячей занятий и забыть эту внутреннюю дрожь, но она по-прежнему есть.

Серен Кьеркегор — один из самых важных мыслителей западного полушария. То, что он говорит, должно быть, исходит из его личного опыта; он очень боялся смерти. Он боялся только двух вещей: смерти и денег. Он никогда ничего не зарабатывал. Отец оставил ему определенный счет в банке; на эти деньги он жил. Первого числа каждого месяца он шел в банк, снимал определенную сумму и жил на нее. Он жил очень экономно, но очень боялся: рано или поздно деньги кончатся — это было его постоянной тревогой. Люди в Копенгагене видели, что он идет в банк и возвращается домой, постоянно дрожа.

И затем, смерть... смерть, несомненно, связана с деньгами. Люди, которые очень боятся смерти, начинают копить деньги в качестве защиты — как будто деньги могут защитить! Люди, которые не боятся смерти, не очень заботятся о деньгах; они используют деньги, но не заботятся о них.

И случилась странная вещь: Сирен Кьеркегор умер на дороге в тот день, когда снял последнюю сумму денег в банке. Он возвращался из банка; это были последние деньги, счет был исчерпан. Менеджер сказал: «В следующем месяце можете не приходить — деньги кончились». Он упал посреди дороги — он не дошел до дома — и умер на месте. Если деньги кончились, жизнь кончена! Наверное, он был человеком безмерного страха.

Когда он был молод, он любил одну женщину, очень красивую женщину, Регину. Три года продолжался их роман, и в конце концов, когда они собрались пожениться, он отказался. Это было очень странно, потому что Регина была красивой женщиной, а он был безобразен. Если бы Регина отказала, это было бы логично, но почему отказал Кьеркегор? Из-за страха, «Если мы поженимся и возникнут проблемы, что тогда?..» Испуганный возможностями будущего, он просто отказался. Он отказался жить! Он никогда не покидал город, он так боялся несчастных случаев. И когда он говорит, что человек внутри дрожит, он говорит это из собственного опыта.

Будда говорит: «Мастер не дрожит». Вся его дрожь исчезает, потому что он знает, что смерти нет. Познав себя, он трансцендировал смерть. В нем нет страха перед будущим, потому что он живет в настоящем. Он не собственник; поэтому у него ничего нельзя отнять.

*Ничто не связывает его.
Он бесконечно свободен.*

Поскольку он не собственник, ничто не связывает его. Он есть свобода, абсолютная свобода.

*Так разруби
Пути...
Ослабь узы.
Ототри двери сна
И проснись.*

Наши оковы в трех вещах: тело, ум, самость — Так разруби... Осознавай, что ты ни тело, ни ум, ни самость. Осознанность — это меч, который позволит прорваться.

И ослабь узы: похоть, жадность, гнев, ненависть, амбиции, ревность, собственничество.

Ототри двери сна: пробуди себя, стань сознательным.

В битком набитом метро хорошо сложенная чернокожая секретарша почувствовала позади себя присутствие сексуально взволнованного собрата. Она попыталась отодвинуться, но ее движения лишь еще более осложнили дело. В конце концов она развернулась и бросила:

— Мистер, вы вульгарны!

— Я не сделал ничего дурного, милая! — ответил негр. — Но я могу понять, почему ты немного не в себе. Мне сегодня заплатили, и у моего босса не было ничего, кроме мелкой монеты, и поэтому у меня шишка на кармане штанов. Поверь мне, детка, в этом все дело.

— Я думаю, — сказала женщина, — ты предлагаешь мне также поверить, что все время, пока мы здесь стоим, твой босс прибавляет тебе зарплату!

Просто посмотри на свой секс, гнев, жадность. Ты полностью в их власти, беспомощно в их власти.

Будда не метафизик; он психолог высшего класса. Он был первым, кто создал психологию будд.

Он говорит: Прорвись сквозь все это рабство.

Ототри двери сна и проснись.

Миссис Рэффerti сидела дома в Дублине со своими детьми, ожидая, пока глава семьи придет домой с работы в местной пивоварне. Раздался стук в дверь. Когда миссис Рэффerti открыла, то увидела Мика, стоящего с опущенными глазами и печальным лицом.

— Плохие новости, — сказал он. — Сегодня Пэт упал в чан с пивом и утонул.

Миссис Рэффerti и дети заливаются слезами горя, но ей удается прошептать:

— О господи, он очень страдал? Была ли это мучительная смерть?

Мик почтительно кашлянул и снял шляпу.

— Нет, мэм, — сказал он. — Не думаю. Он дважды вылезал писать!

Бодрствуй. Просто видь, что ты делаешь, видь, из чего состоит твоя жизнь. Есть ли в ней какая-то осознанность, или это просто бессознательная игра бессознательных сил? Не остаешься ли ты просто жертвой сил, которых не осознаешь — ни откуда они приходят, ни что они делают с тобой? Собираешься ли ты умереть таким?

*Мастер терпит
Оскорбления и любое обращение,
Не реагируя.*

Мастер не может реагировать. Он откликается, но никогда не реагирует. Реакции исходят из прошлого, отклик спонтанен; он происхо-

дит в настоящем. Раб реагирует, мастер откликается. Бессознательный ум реагирует, сознательный человек откликается. У него нет заготовленных заранее ответов. Он сталкивается с ситуацией, он отражает ситуацию. Он принимает вызов ситуации — и действует соответственно. Его действие рождается из настоящего.

И помни один фундаментальный секрет жизни: если действие рождается из настоящего, оно никогда не связывает; если оно приходит из прошлого, оно связывает, это карма. Если действие исходит из настоящей осознанности, это не карма, не оковы. Ты это делаешь, и с этим покончено, ты делаешь это и выходишь из этого; ничто никогда не накапливается в тебе. Мастер никогда не накапливает прошлое; он в каждое мгновение умирает для прошлого. В каждое мгновение он рождается заново.

*Мастер выносит
Оскорбления и дурное обращение,
Не реагируя.
Ибо его армия — его дух.*

Ему не нужно реагировать. Оскорбления не могут его оскорбить, дурное обращение только вызывает у него сострадание, потому что он знает, что осознанность — это крепость, приют, который несокрушим. Это высочайшая защита; в своей осознанности он в полной безопасности.

*Он никогда не гневен.
Он держит свои обещания.
Он никогда не заблуждается, он решителен.
Это мое тело — последнее, говорит он!*

*Как вода на листе лотоса,
Как горчичное семя на острие иглы,
Он не цепляется.*

Он ни за что не цепляется — будь то тело, ум или самость. Он не цепляется, его больше нет, чтобы цепляться. Он просто чистая пустота. И из этой чистой пустоты возникает невинность, из этой чистой пустоты возникает божественность.

*Ибо он достиг конца страдания
И сложил с себя бремя.*

Согласно Будде, единственным бременем является самость, эго. Отложи бремя в сторону, и ты абсолютно свободен. Он не говорит о Боге; он говорит только о бремени, эго. Отложи его в сторону, и ты узнаешь, что такое Бог. Не нужно говорить о Боге; говорить о Боге совершенно бесполезно. Он подчеркнуто избегает говорить о Боге; это тщетно. Он дает правильный метод: испытать божественность.

Вы боги. Лишь семя должно умереть, «я» должно умереть, и вы начнете расти. Этот рост божествен. Религия — это процесс внутреннего роста, процесс актуализации потенциала, процесс рождения заново. Пока ты не родишься заново, ты не можешь войти в мое Царство Божье.

На сегодня достаточно.

ПРОСТО ВЫБРОСЬ ВСЕ РАЗОМ

Первый вопрос:

Любимый Мастер,

Ты говоришь, что просветление может случиться в любое мгновение. Я же чувствую, что это очень медленный процесс обучения и осознания бессознательных частей моего существа. Можешь ли ты сказать что-нибудь об этом?

Дхармаприя,

Просветление — это не процесс обучения; напротив, это процесс разучения. Все, что ты знаешь, должно быть отброшено. От знания и знающего ума следует отречься.

Если бы это был процесс обучения, конечно, он занимал бы время, был бы постепенным. Но если дело в том, чтобы что-то отбросить, это не происходит постепенно, времени не требуется. Ты можешь просто отбросить это немедленно.

Однажды это случилось:

К Шри Рамакришне пришел человек с подарком в десять тысяч монет. Рамакришна принял жертвование и сказал:

— Теперь эти монеты мои — пойдя на берег Ганга и выброси их в реку.

Рамакришна жил в храме прямо на берегу Ганга.

Человек был в шоке. «Десять тысяч золотых монет, чистое золото, а этот дурак говорит: «Выброси их в реку»! А я всегда думал, что этот человек стал просветленным — он просто сумасшедший!» Он колебался.

Рамакришна сказал:

— Раз ты мне их отдал, они больше тебе не принадлежат. Почему ты колеблешься? Я могу послать кого-то другого их выбросить. Пожалуйста, сделай это сам.

И человек пошел на берег, конечно, неохотно, и не вернулся. Прошел час. Шри спросил:

— Что случилось с этим человеком? Он сбежал с деньгами? Пойдите и узнайте.

Кого-то послали узнать. На берегу собралась большая толпа, он собрал целую толпу, бросая каждую монету отдельно, одну за другой, и считая их!

Когда Рамакришне сообщили: «Вот что происходит — на это потребуется еще несколько часов», Рамакришна пришел сам, ударил человека по голове и сказал:

— Ты что, сумасшедший? Если ты копишь монеты, конечно, ты копишь их по одной, это постепенный процесс. Но когда ты их отбрасываешь, зачем считать? Просто выбрось все разом! Десять тысяч их или нет, неважно. Ганг не обратит на это никакого внимания!

Такова ситуация. Когда ты прекращаешь накапливать знание, ты разучаешься медленно не потому, что разучение должно быть медленным. Это просто твой цепляющийся ум. Именно ум не хочет отречься от знания, поэтому он продолжает откладывать. Он находит прекрасные рационализации.

Идея постепенного просветления — это одна из самых красивых рационализаций, она привлекательна для ума, потому что все, что знает ум, постепенно. Весь язык ума — это язык времени. Все, что может сделать ум, делается со временем, требует времени.

Но просветление не происходит во времени. Когда я говорю, что оно может случиться за мгновение, пожалуйста, не понимай меня неправильно: мгновение — это совершенно не часть времени! Я говорю, что оно может случиться немедленно; на него вообще не требуется времени, не требуется ни единого мгновения. Оно может случиться сейчас... но ты цепляешься. Ты говоришь: «Как это возможно? Я должен постепенно стать бдительным, медитативным, осознанным. Кусок за куском я должен трансформировать свое бессознательное существо. Я должен отбросить жадность, гнев, похоть, ревность, собственничество, ненависть, тысячу и одну вещь, и каждая из них потребует времени. Я должен отбросить страх, я должен отбросить отождествление с телом и умом, я должен отбросить привязанности...» И этот список почти бесконечен. Чтобы стать просветленным тебе потребуется целая вечность; фактически, ты никогда не станешь просветленным. Сама идея, что это должно быть постепенным процессом — это только уловка ума, направленная на откладывание.

Просветление всегда внезапно. Это вопрос понимания, прозрения, озарения. Оно подобно внезапной молнии. Оно всегда случалось именно так.

Гаутама Будда пытался достичь просветления шесть лет; это был длительный процесс. Он следовал многим методам, путям. Он делал все, что было в человеческих силах, но ничего не происходило. Он ходил кругами; он оставался там, откуда начал, он ни к чему не пришел.

Он устал, совершенно устал. В конце концов, однажды вечером с ним случилось внезапное озарение, и все его усилия потеряли смысл.

Просветление — это не какое-то достижение; человек не может его достичь. Чтобы оно случилось, человек должен исчезнуть. Это происшествие, и оно происходит только в отсутствие эго. А когда ты что-то делаешь, эго становится сильнее и сильнее. Эго — это делающий, а просветление происходит в состоянии не-делания. Это просто осознание того, кто ты такой; это не дело достижения. Ты уже это! Лишь пробуждение, обращение вовнутрь!

Видя суть, Будда расслабился; он отбросил все методы. Это единственная польза методов: ты от них устаешь, тебе они совершенно надоедают. Однажды из сущей скуки ты отбрасываешь все методы.

В тот вечер он отбросил весь духовный поиск. Шесть лет назад он отбросил все мирские поиски, но это одни и те же поиски: ищешь ли ты деньги или медитацию, ищешь ли ты власти или просветления, гонишься ли ты за престижем или за Богом — это одно и то же! Уму нужен какой-то объект для преследования. Ум хочет чего-то хотеть. Он хочет объективной цели; чем бы ни была эта объективная цель, это неважно — X, Y, Z, подойдет что угодно.

Видя суть... «Это один и тот же ум — я отрекся от мира, но не отрекся от ума, а ум — это и есть настоящий мир. В эти шесть лет я только переменял объекты желания, но не отбросил желание. Вместо денег теперь я желаю просветления. Вместо власти теперь я желаю высшей истины. Но в чем разница? Это тот же самый желающий ум, то же самое амбициозное эго; фактически, оно стало более тонким. Раньше оно было грубым, теперь оно очень тонкое...» Видя это, он рассмеялся. Эти шесть лет он не смеялся, он был очень серьезен. Он смеялся над всей смехотворностью усилий.

Духовное усилие нелепее мирского. В мирском усилии есть некоторый смысл, но в духовном усилии смысла нет.

Он расслабился — очевидно, естественно. Не то, чтобы он приложил усилие к расслаблению: расслабление пришло к нему, потому что было нечего достигать, некуда идти. Расслабление просто пришло к нему; нечто спустилось из запредельного. Он погрузился в глубокий покой.

Этой ночью он впервые спал без снов. Когда нет желаний, нет и снов; сны — это отражения желаний. Этой ночью ему не снились кошмары; шесть лет он страдал от кошмарных снов. Кошмарный сон просто означает, что ты хочешь невозможных вещей; поэтому твоя ночь беспокойна, твой сон беспокоен. Нет покоя; он лихорадочный, патологический, не здоровый. Впервые в жизни он расслабился и заснул крепко, totally, как новорожденный ребенок.

Глубоко отдохнув, утром он открыл глаза. На небе исчезала последняя звезда. При виде исчезновения последней звезды в нем исчез-

ли последние следы эго. Он нашел — но нашел без всяких усилий. Это случилось, но случилось не как достигнутая цель, не как достижение — это случилось в глубоком расслаблении.

Но помни, не начинай пытаться расслабиться; это самая абсурдная вещь в мире. Многие глупые люди пишут книги о расслаблении. Я натолкнулся на одну книгу — она называется «Ты Должен Расслабиться!» Одного слова «Должен» достаточно, чтобы удерживать тебя в напряжении. Расслабление не может быть «долгом», не может быть усилием.

Как-нибудь вечером попытайся заснуть, и это покажется более и более невозможным. Каждый вечер ты так легко засыпаешь. Если хочешь страдать бессонницей, это верный метод. Попытайся, приложи усилие к тому, чтобы заснуть. Вертись, переворачивайся, глубоко дыши, считай овец, бегай по комнате, принимай ванну, делай Трансцендентальную Медитацию. И тогда, естественно, сон станет невозможным, потому что все эти вещи будут беспокоить, отвлекать. Как ты засыпаешь? Если тебя кто-то спрашивает, можешь ли ты объяснить? Как это тебе удастся? Каждую ночь, засыпая, ты совершаешь чудо! Ты движешься от действия к не-действию, от делания к не-деланию. Как это тебе удастся? Что это за искусство? Как ты ему научился? Что это за трюк? Попробуй думать об этом, и тогда ты никогда не сможешь уснуть.

Я слышал об одной сороконожке — у нее было сто ног. Сороконожка совершала утреннюю прогулку, и ею очень заинтересовался паук. Наверное, этот паук был кем-то вроде математика. Он сказал:

— Тетушка, удовлетвори мое любопытство. Как это тебе удастся? Сто ног! Какую поставить первой, какую второй, и так далее... сто ног! Ты не падаешь, не путаешься? Ты что, все время считаешь про себя? Если бы у меня было сто ног, я бы, конечно, не смог ходить. Все мои ноги запутались бы, и я тут же бы упал.

Сороконожка рассмеялась. Она сказала:

— Вы, математики, вечно задаете бессмысленные вопросы! Ты знаешь, я прекрасно справляюсь — но я никогда об этом не думала. Дайка мне об этом подумать.

Она попыталась идти и думать — и тут же упала. Она очень рассердилась на паука и сказала:

— Слушай! Никогда больше не задавай этого вопроса сороконожке — теперь у меня на всю жизнь проблемы! Я никогда об этом не думала, и все было прекрасно. Я никогда не задумывалась об этом. Теперь, когда ты меня спросил, я никогда не успокоюсь, пока не найду ответа. Пытаясь это сообразить... ты видишь, в какой я путанице! Пожалуйста, никогда больше ни о чем не спрашивай сороконожек. Ты покалечил

меня на всю жизнь. Теперь, наверное, я никогда не смогу ходить. Сто ног! Конечно, ты прав, и я сама не знаю, как это у меня получалось.

Если кто-то спросит тебя, как ты засыпаешь, не пытайся найти ответа; иначе с этого дня ты начнешь страдать бессонницей. Все что нужно людям, страдающим бессонницей — это забыть о сне; о нем не нужно беспокоиться. Если тебе не хочется спать, радуйся, наслаждайся. Почитай что-нибудь, послушай музыку, потанцуй, сходи погуляй — тебе повезло больше, чем другим, которые спят и громко храпят. Но забудь о сне. Смотри на звезды, наслаждайся звездами и чувствуй себя счастливее других, и ты уснешь без всяких усилий со своей стороны. Но не прикладывай никаких усилий.

Просветление — это нечто подобное. Дело не в том, чтобы прикладывать усилия.

Дхармаприя, ты говоришь: *Я чувствую, что это очень медленный процесс.* Это вообще не процесс — это прыжок, квантовый прыжок! И это не имеет ничего общего с учением; это *разучение*. Ты обусловлен. Просветление означает снова стать безусловным, снова стать ребенком. Однажды ты был ребенком, значит, ты снова можешь стать ребенком. Тебе просто нужно отложить в сторону всевозможный мусор, которым ты себя окружил. Ты должен из него выпрыгнуть, вот и все. Это не дело медленного процесса учения, дело просто в том, чтобы увидеть суть.

Но мы хитры, ум очень хитер. Он не может принять простой факт, что мы все еще хотим избежать просветления. Мы не хотим быть просветленными, мы боимся этого факта, но хитрим и не можем его принять. Поэтому мы находим пути — пути обмануть себя тем, что это медленный процесс, очень медленный процесс; что, чтобы стать просветленным, требуется не одна жизнь, но много жизней. Это вообще не занимает времени — что говорить о многих жизнях? Это не имеет ничего общего с временем. Это немедленно — это может случиться сейчас!

Увидь суть. Позволь расслаблению случиться, не пытайся расслабиться. Просто расслабься, не делай из этого «долга». Отдохни... и если ты в покое, ты начнешь падать в глубокую пропасть собственного существа, и рано или поздно ты достигнешь дна самого себя. Пережить дно самого себя значит быть просветленным, быть буддой, быть христом.

Именно поэтому я снова и снова настаиваю на том, что это может случиться в любое мгновение, — чтобы напомнить тебе, что ум очень хитер. Он может обмануть других, он может обмануть тебя. Остерегайся ума! Он окружает тебя тучами, он никогда не позволяет тебе видеть вещи такими, как они есть.

Просветление — это твоя природа, поэтому нет речи о том, чтобы учиться, нет вопроса о том, чтобы куда-то прийти. Ты уже там, это уже случилось. Это само твое существо, сама твоя основа. Это в каждом твоём дыхании, в каждом ударе твоего сердца.

Второй вопрос:

Любимый Мастер,

Почему я ничему не удивляюсь в жизни? Все кажется таким тупым и тусклым.

Гьяно,

Я дал тебе имя Гьяно: *гьяно* значит «знание». Ты слишком знающий, ты слишком много знаешь. А когда человек слишком много знает, жизнь теряет качество таинственности. Тогда ты никогда ничему не удивляешься. Твое знание постоянно обеспечивает тебя всевозможными ответами; не успел ты спросить, как уже есть ответ, и кажется, ты знаешь все. Ничего не зная, ты веришь в заимствованное знание, и мало-помалу это заимствованное знание настолько гипнотизирует тебя, что ты забываешь, что не знаешь. Ты начинаешь верить в собственное знание — а оно не твое собственное, оно только заимствованное. Может быть, ты читал Библию, Гиту, Коран...

Кришна знал, о чем говорил, но когда ты читаешь, ты не знаешь. Иисус знал, о чем говорил, но когда ты читаешь Нагорную Проповедь, ты просто собираешь, накапливаешь слова — слова, которые для тебя вообще не имеют смысла, которые не могут иметь никакого смысла, потому что смысл приходит из опыта.

Иисус говорит: «Если кто-то бьет тебя по одной щеке, подставь другую». Ты можешь это прочитать, это простое утверждение. Ты можешь даже попытаться этому следовать — тысячи христиан пытаются этому следовать.

Я слышал об одном христианине, который слишком много говорил об этом изречении. Какой-то озорник подошел и ударил его по щеке. Конечно, верный своему учению, святой подставил ему другую щеку, надеясь, что тот поймет: «Он увидит, какой я великий, какой сострадательный, какой рассудительный и полный любви!»

Но озорник был тоже великим дьяволом; насколько был велик святой, настолько был велик и он. Он ни в чем не уступал святому. Он ударил его по другой щеке еще сильнее.

Это было уже слишком! Святой тут же набросился на него и стал бить. Озорник был удивлен. Он сказал:

— Что ты делаешь? Что случилось с твоим учением? Как же Иисус?

— Иисус сказал: «Если кто-то ударит тебя по одной щеке, подставь другую». У меня только две щеки, поэтому с учением все кончено — теперь я свободен от учения. Я покажу тебе, кто я такой! Я последовал учению точно и буквально.

Однажды Будду спросили:

— Сколько раз человек должен прощать?

Этого вопроса достаточно, чтобы показать качество этого человека. Он говорит: «Сколько раз?...» Если ты спрашиваешь: «Сколько раз», ты не человек сострадания.

Будда сказал:

— Семь раз.

— Ладно, — ответил человек.

Поскольку он согласился, Будда сказал:

— Постой — семьдесят раз!

Человеку семьдесят раз понравилось меньше, но неохотно он сказал:

— Ладно.

Будда сказал:

— Я беру свои слова обратно. Тебе придется прощать бесконечно; даже семидесяти раз недостаточно. По тому, как ты это принимаешь, кажется, что после семидесяти раз ты отомстишь. Ты можешь повредить одним ударом, ты можешь отомстить одним ударом. Ты не человек сострадания. Ты не понимаешь меня, дело не в том, сколько раз.

Ты можешь читать Будду, «Дхаммападу», ты можешь повторять ее каждый день; ты станешь знающим. Все вопросы исчезнут, потому что у тебя будут всевозможные ответы, но все эти ответы будут заимствованными. Поэтому они разрушат красоту жизни, разрушат твоё чувство трепета и удивления, а это самые существенные религиозные качества.

Если кто-то спросит меня, какое самое важное религиозное качество, я скажу: «Способность удивляться». И знание убивает способность удивляться. Ты начинаешь знать все обо всем, и чем больше ты знаешь, тем более твоя жизнь тупа и тускла, потому что скапливающаяся вокруг тебя пыль настолько затуманивает твоё подобное зеркалу сознание — столько слоев знания, что ты теряешь качество детского удивления. Ты не можешь видеть красоту цветов, ты не можешь видеть красоту заката, ты не можешь видеть чудо мироздания. А мироздание полно чудес, и удивительное везде, всюду вокруг.

Просто посмотри, но посмотри открытыми глазами. Знающий человек слеп; самый слепой человек в мироздании — знающий человек.

Гьяно, я дал тебе это имя, чтобы снова и снова напоминать тебе, что это твоя проблема, что это твоя основная характеристика. Гурджиев говорил своим ученикам: «Первое, что должен узнать ученик — это свою основную черту». Твоя основная черта — чрезмерное знание.

Оглянись вокруг, не нося бремени знания, и ты будешь постоянно наталкиваться на новые и новые неожиданности, и жизнь снова станет достойной того, чтобы жить, достойной радости. Жизнь снова станет тайной, которую нужно жить и любить. Это не проблема для разрешения, это таинство, которое нужно прожить.

— Братья, — сказал цветной проповедник, — предмет моей сегодняшней проповеди — «Лжецы». Кто из присутствующих читал шестьдесят девятую главу Евангелия от Матвея?

Почти каждый поднял руку.

— Именно вы те люди, которым я собираюсь проповедовать. Такой главы нет!

Но никто не хочет признавать, что не знает. Шестьдесят девятая глава Евангелия от Матвея... Все хотят притворяться. И я не скажу, что они делают это очень сознательно, намеренно. Может быть, они думают, что читали ее, может быть, они верят, что читали, и видя, что поднято столько рук, наверное, они убеждаются, что да, такая глава есть.

В старые времена на Юге в прислуге священника был негр по имени Эзра. Эзра был умный и честолобивый, но не умел ни писать, ни читать.

Однажды в воскресенье священник заметил Эзру в церкви, старательно царапающего что-то на бумажке в продолжение всей проповеди. Когда проповедь кончилась, священник спросил его:

— Эзра, что ты делаешь в церкви?

— Конспектирую, сэр, — ответил тот. — Очень хочу учиться.

— Давай-ка посмотрим, — сказал священник и заглянул в заметки Эзры, похожие более на китайский, чем английский язык.

— Но, Эзра, — воскликнул он, — это же бессмыслица!

— Это и я думал, — сказал Эзра, — все время, пока вы это проповедовали!

Ваши проповедники отравили вас. Ваше знание отравило вас; оно отняло простую радость не-знания. Получи снова эту простую радость не-знания. В этом вся цель медитации: выйти из знания, как змея выскальзывает из старой кожи.

Выскользни из своего знания, Гьяно, и тогда жизнь полна сюрпризов. В каждое мгновение ты столкнешься со столькими прекрасными вещами. Семя, превращающееся в побег, станет чудом. Распускающийся утром бутон станет чудом. Цветок, испускающий аромат, станет чудом. Звездная ночь... какие еще чудеса тебе нужны? Все существование — это постоянное празднование!

И все же ты говоришь: «Я чувствую себя таким тупым и тусклым»?

Тогда, наверное, в тебе есть какой-то изъян; никто другой за это не ответствен. Но мы цепляемся за наше знание, потому что оно удовлетворяет эго.

Д. Х. Лоуренс разговаривал в саду с маленьким ребенком. И, как все дети, ребенок спросил:

— Почему деревья зеленые?

Д. Х. Лоуренс был одним из тех людей, которых я люблю и уважаю. Д. Х. Лоуренс — один из людей этого столетия, достигших глубочайших прозрений в суть вещей. Он задумался на мгновение, закрыл глаза, раздумывая.

Ребенок сказал:

— Разве для тебя это такой трудный вопрос? Разве ты не знаешь, почему деревья зеленые?

Д. Х. Лоуренс сказал:

— Деревья зеленые, потому что они зеленые.

— Правильно! — сказал ребенок. — Это правильный ответ.

Но ты не согласишься; ни один знающий человек не согласится с Д. Х. Лоуренсом. Он скажет, что деревья зеленые из-за хлорофилла или еще какой-то чепухи. Но его ответ безмерно красив: «Деревья зеленые, потому что они зеленые!»

И ребенок был совершенно счастлив. Он сказал:

— Правильно, я чувствую то же самое. Мы в этом сошлись!

Отбрось свое знание, стань более подобным ребенку и верни в свою жизнь радость. Радоваться жизни — вот что такое саньяса. Моя саньяса — не отречение: это радость, это празднование.

Третий вопрос:

Любимый Мастер,

Ты меня раскусил. Пришло время раскрыть мою страшную тайну! Я один из Твоих Поляков. What to do!?

Прем Вичи, это самое прекрасное в поляках, что я очень люблю. Ты не первый полек, который объявил об этом. Аша написала мне: «Любимый Мастер, я тоже полячка». Анупама написала мне записку, что ее бой-френд, Амиабх, поляк. И многие другие. Это прекрасно! Посмотрите, что делают англичане. Одна английская леди, Прем Лайза, написала мне: «Мы действительно высшая нация, что мы можем сделать?»

Вичи, прекрасно быть поляком. Прекрасно быть немного дураком, не таким высшим, как англичане.

Почему в Польше нет ледяных кубиков?

Потому что женщина, знавшая рецепт, умерла.

Один поляк приехал в Нью-Йорк в поисках славы и состояния. Идя по улице, он заметил огромную лестницу, идущую вдоль дома, тянущуюся насколько видел глаз. Он пошел было мимо, но голос из облаков сказал ему:

— Взберись по лестнице к успеху!

Немного нервничая, он стал подниматься, ступенька за ступенькой, пока не добрался до пятидесяти шестого этажа. Там наверху сидел стройный, светловолосый голубоглазый мальчик и мило улыбался ему.

— Привет, — сказал он. — Я Сесс²!

Ч

етвертый вопрос:

Любимый Мастер,

Если Бог — она, почему ты продолжаешь называть ее «он»? И другой вопрос: Англичанок ты называешь леди, итальянок женщинами. Куда бы ты отнес немецкую особь женского пола?

Прем Прагита, немецкие особи женского пола именно это и есть — особи женского пола — ни леди, ни женщины. «Особь женского пола» более научно и по-немецки, педантично, нейтрально; в этом нет оценки.

А Бог, по сути, ни он, ни она.

¹ Osho English: Что делать?

² «to success» означает «к успеху», звучит как «сосать у Сесса».

Поэтому, если ты скажешь, что это он, я скажу она; если ты скажешь, что это она, я скажу он — просто чтобы поколебать твои убеждения.

Однажды это случилось:

Будда пришел в одну деревню. Один человек спросил его:

— Есть ли Бог?

— Нет абсолютно никакого Бога, — ответил он.

Днем другой человек спросил его:

— Есть ли Бог?

— Да, абсолютно да, — ответил он.

Вечером пришел третий человек и спросил:

— Есть ли Бог?

Будда закрыл глаза и остался в полном молчании. Человек тоже закрыл глаза. Нечто было передано в этом молчании. Через несколько минут этот человек коснулся ног Будды, поклонился, выразил почтение и сказал:

— Ты первый человек, ответивший на мой вопрос.

Спутник Будды, Ананда, был очень озадачен: «Утром он сказал нет, днем он сказал да, вечером он вообще не ответил. В чем же дело? Что на самом деле истинно?»

И когда Будда ложился спать, Ананда сказал:

— Сначала ответь мне, иначе я не усну. Ты должен быть немного сострадательным и ко мне. Я был с тобой целый день. Эти три человек не знают других ответов, но я слышал все три. Как насчет меня? Это меня беспокоит.

Будда сказал:

— Я обращался совсем не к тебе! Ты ничего не спрашивал, и я отвечал не тебе. Первый человек был теистом, второй — атеистом, а третий был агностиком. Мой ответ не имел ничего общего с Богом, он был связан с человеком, задавшим вопрос. Я отвечал задавшему вопрос; это не имело ничего общего с Богом.

Человеку, который верит в Бога, я скажу, что Бога нет, потому что хочу, чтобы он отбросил свою идею о Боге, хочу, чтобы он освободился от своего представления о Боге — которое заимствованно. Он его не пережил. Если бы он его пережил, он ни о чем не спрашивал бы меня; не было бы необходимости.

Человек, который верил в Бога, пытался найти во мне подтверждение своего верования. Я не собирался говорить ему «да» — я не собираюсь подтверждать ничьи верования. Мне пришлось сказать «нет», мне пришлось отрицать просто чтобы разрушить его верование, потому что все верования являются преградой к познанию истины. Теистические или атеистические, все верования, индуистские, христианские или мусульманские, все верования — преграды.

А человек, в ответ на вопрос которого я промолчал, был правильным искателем. У него не было никаких верований, поэтому не нужно было ничего разрушать. Я промолчал. Это было моим посланием ему: оставайся в молчании и узнай. Не спрашивай, не нужно спрашивать. Это не тот вопрос, на который можно ответить. Это не вопрос, но поиск, жажда. Будь в молчании и знай. Я ответил и ему; своим молчанием я передал ему сообщение, и он немедленно ему последовал — он тоже пришел в молчание. Я закрыл глаза, он закрыл глаза; я посмотрел вовнутрь, он посмотрел вовнутрь, и нечто было передано. Именно поэтому он был так ошеломлен, почувствовал такую благодарность — по той простой причине, что я не дал ему интеллектуального ответа. Он пришел не за интеллектуальным ответом; интеллектуальные ответы доступны и очень дешевы. Ему нужно было нечто экзистенциальное — ему нужен был вкус. Я дал ему вкус.

Помни это: Бог не мужчина и не женщина; он не может быть мужчиной или женщиной. Либо он оба, либо никто. Бог — это все мироздание. Он достаточно обширен, чтобы содержать обе противоположности; все противоположности в Боге становятся взаимодополняющими.

Поэтому не цепляйся за мои ответы; это не ответы. Я совершенно не учитель. Я не учу вас здесь определенной догме, определенному кредо. Я просто пытаюсь тебе помочь освободиться от бремени знания, чтобы ты мог быть в молчании вместе со мной. И я тороплюсь, потому что вскоре я хочу уйти в молчание, поэтому и ты поспеши. Не медли слишком долго. Не продолжай откладывать, потому что я не буду говорить вечно. Вскоре я хочу быть в молчании. Тогда вы можете сидеть со мной в молчании, петь, вы можете играть музыку, танцевать, но я хочу прекратить все интеллектуальное общение между мной и вами. Я хочу, чтобы вы были связаны со мной экзистенциально. Я просто подготавливаю почву — я просто выпалываю сорняки.

Поэтому все зависит от тебя: что бы ни было твоим верованием, я его разрушу. Я против всех верований. Именно поэтому оказалось, что христианские священники против меня, католический папа против меня, индуистский шанкарачарья против меня, мусульмане против меня, даже коммунисты против меня; по той простой причине, что я против всех верований, коммунистических или католических, индуистских или буддистских — не имеет значения; верование есть верование.

Я хочу, чтобы ты был в состоянии не-верования. Я хочу, чтобы ты действовал из этого состояния не-верования, из этой невинности. Только в невинности ты сможешь познать. Поэтому, если в тебе есть коммунистические сорняки, я их вытащу. Если мне потребуется прибегнуть к помощи католических инструментов, я использую католические инструменты, чтобы вытащить коммунистические сорняки. Если

ты католик и нужны коммунистические инструменты, я использую коммунистические инструменты, чтобы выдолбить католические сорняки.

Моя функция здесь — хирургия. Меня не интересует, какие инструменты использовать — нужно сделать операцию. Нечто нужно из тебя вытащить. Твоя почва должна быть полностью расчищена от всех камней и сорняков. Лишь тогда твоя природа начнет распускаться в розы.

Поэтому ты будешь озадачен. Много раз ты найдешь мои слова противоречивыми — они такие и есть, и я не хочу скрывать этот факт. Они противоречивы, они абсурдны! Потому что в одно мгновение я говорю одно — и противоречу этому в следующее. Я совершенно не последователен — я последователен только в одном: в своей непоследовательности, это моя единственная последовательность. Я последовательно непоследователен, вот и все. Я всегда противоречив по той простой причине, что вы пришли сюда из разных бэкграундов, а я пытаюсь разрушить все бэкграунды, все обусловленности. Поэтому все зависит от вас.

Бог — это не мужчина и не женщина. По сути, Бог — это вообще не личность. Само представление о Боге как о личности антропоцентрично. Нет никакого Бога; фактически, есть лишь божественность. Отбрось идею о Боге как о личности. Все вы носите это детское представление о том, что Бог — это сверхотец, витающий где-то в небе на золотом троне, тянущий каждого за ниточки — актер театра марионеток или что-то в этом роде, менеджер, супербосс, сверхначальник, инженер, архитектор. Вот ваше представление о Боге.

Бог — это вообще не личность; Бог — это предельная гармония мироздания. Помни эту гармонию, созвучие, музыку, мелодию, дальний приглушенный зов кукушки... и вот божественность. Этот крик птицы... вот божественность. Это молчание здесь, в котором вы все утопаете... вот божественность. Божественность, несомненно, существует.

Я совершенно согласен с П. Г. Уэллсом: он сделал наиважнейшее утверждение о Будде. Он сказал, что Будда был самым безбожным и в то же время самым божественным человеком, который только ходил по Земле. Самый безбожный и самый божественный?

Да, именно таково существование. Это существование лишено Бога, но в то же время безмерно божественно. Божественность нужно помнить, о Боге нужно забыть. Если ты помнишь Бога, ты пойдешь в церковь, храм, мечеть и будешь делать всевозможные глупости, которые делались веками. Если ты помнишь божественность, дело не в том, чтобы идти в Каабу или Каши; тогда дело в том, чтобы прожить ее. Тогда живи так, как это божественно. Живи в гармонии, живи красиво, живи эстетично, живи чувствительно, живи любяще. Пусть твоя жизнь будет бесконечным любовным романом.

Тогда не нужна молитва, потому что ее некому услышать. Дело в медитации, не в молитве. Тогда не продолжай звать Бога; ты тратишь время впустую. Будь в молчании, будь более и более молчаливым и живи из этого молчания, действуй из этого молчания. Встречай людей, животных, деревья и скалы глубоким почтением, потому что все божественно.

Существование есть не что иное, как Бог.

Существование синонимично Богу.

Пятый вопрос:

Любимый Мастер,

Я турист. Я здесь только на один день. Могу ли и я получить твою милость?

Том,

Так ты пришел! Я всегда ждал. Где Дик и Гарри? Ты из Калифорнии — конечно, откуда ты еще можешь быть? Калифорния состоит только из туристов!

«Турист» — это новая разновидность; они не обычные человеческие существа. Это новая разработка, прорыв — или срыв. Турист — это странное существо: он всегда спешит, сам не зная, куда — из одного места в другое. Когда он в Кабуле, он думает о Пуне, когда он в Пуне, он думает о Гоа, когда он в Гоа, он думает о Катманду. Он никогда не там, где он находится, он где-то еще; он везде где угодно, кроме того места, в котором находится. Он никогда не дома. Он никогда не найдет свой дом; он всегда где-то бродит, всегда мечтает о других местах.

Турист продолжает упускать все; он так торопится, что не может ничего увидеть. Чтобы видеть вещи, ты должен быть немного более расслаблен, немного более спокоен. Но турист всегда в движении. Он завтракает в Нью-Йорке, обедает в Лондоне, а страдает расстройством желудка в Пуне!

Он неизбежно носит с собой фотоаппарат, потому что ничего не может видеть прямо сейчас, и продолжает фотографировать. Впоследствии он сделает альбомы — он бродяга, а делает альбомы! И потом, когда все уже кончилось, он смотрит на вершины Гималаев, на пляжи Гоа — а когда он там был, он там не был! Фотоаппарат делал всю работу. Ему не нужно было присутствовать; фактически, зачем вообще делать себе труд? Эти фотографии можно купить где угодно, и эти фотографии будут лучше, потому что он любитель; профессионалы уже делают эти фотографии. Он может купить прекрасные фотоальбо-

мы, и, сидя дома, смотреть их. Но проблема в том, что он не может сидеть на месте.

Это одна из тех способностей, которую некоторые люди безвозвратно утратили: сидеть на месте. Они должны что-то делать, куда-то идти, и идти быстро. Они не хотят терять времени даром — хотя теряют всю жизнь, пытаясь не терять времени даром! Они ничем не смогут восхититься, потому что для восхищения нужна близость.

Если ты хочешь восхититься цветком, тебе придется сесть рядом, медитировать, позволить цветку высказаться. Тебе придется пережить радость, танец цветка на солнце, на ветру, под дождем. Тебе придется увидеть все настроения цветка утром, днем на солнце, вечером под полной луной. Тебе придется увидеть все настроения цветка. Тебе придется познакомиться, создать дружбу. Тебе придется поздороваться с цветком; тебе придется начать диалог, экзистенциальный диалог. Лишь тогда может цветок открыть тебе свои секреты.

Но турист патологичен. Почему он торопится? — по той простой причине, что он не знает, что с собой делать, если он останется один, если не нужно никуда идти, если нужно просто сидеть в молчании. Он не знает, что с собой делать. Он чувствует неловкость, смущение; он должен что-то сделать.

Человек стал деятелем. Он утратил качество свидетеля, наблюдателя.

Турист не может понять подход дзен, основу буддистского подхода: сидеть в молчании, ничего не делая — и приходит весна, и трава растет сама собой.

Люди дзен сидят годами, ничего не делая — просто сидя, наблюдая... то, что снаружи и то, что внутри, наблюдая дыхание...

Турист подумает, что это абсолютно смехотворно. Зачем наблюдать дыхание? Какой во всем этом смысл? Почему бы не посмотреть телевизор, какой-нибудь фильм ужасов? Они приклеиваются к своим креслам только когда телевизор уводит их в какую-то историю о мучениях, убийстве, сексуальной оргии, во что угодно, чтобы они смогли стать участниками. Они больше не зрители, они отождествляются с персонажами. Они становятся частью сюжета.

Сейчас на Западе развиваются новые спектакли, в которых могут участвовать сами зрители — по той простой причине, что зрители не могут спокойно сидеть три часа, — и им позволяют выходить на сцену. По крайней мере, они могут зайти с одной стороны и уйти с другой, а представление продолжается. Или они могут что-то сказать, немного поболтать с актерами — на сцене! Теперь разрабатывают даже новые техники... сцена должна быть среди зала, и кто хочет, может подняться на сцену, посидеть, что-то сказать, принять какие-то позы йоги... Представьте, в постановке по Шекспиру кто-то выходит и становится на голову... это поможет! Те, кто уснул, проснутся — что-то происходит!

Иначе кто будет смотреть постановку по Шекспиру? Университеты до смерти наскучили людям своим Шекспиром; их тошнит от Шекспира. Как только они выходят из университета, они даже слышать не хотят о Шекспире. Такое чувство, что это грязное слово! Но настоящая причина в том, что люди не могут сидеть три часа; они хотят что-то сделать. Им нужно позволить какую-то деятельность; они не могут просто сидеть.

Человечество приобрело странное качество, очень ненормальное качество: никто не может сидеть и молчать. А именно в этом и заключается вся медитация.

Ты спрашиваешь меня: *Я турист. Я здесь только на один день.*

Я благодарен тебе за то, что ты здесь хотя бы один день, Том, потому что есть туристы, которые не проводят здесь даже одного дня.

«Могу ли и я получить твою милость?», спрашиваешь ты.

Моя милость доступна, но доступен ли ты для моей милости?

Американский турист глазел на кратер греческого вулкана.

— Выглядит как ад, — сказал он.

— Ах, эти американцы, — сказал его гид, — везде-то вы побывали.

Куда ты? Какая спешка? Ты не можешь пробыть здесь еще немного? Ты поедешь в Гоа — это почти определенно, предсказуемо. Что ты будешь делать в Гоа? Все эти глупые вещи ты можешь делать здесь!

Мы проводим почти сто терапевтических групп — для чего? Просто для людей, которые не могут сидеть и молчать, просто чтобы их утомить. И их толкают и тянут, делают им массаж и Рольфинг. Знаешь, какое было последнее усовершенствование в аду? — Рольфинг! Выучи его здесь, потому что иначе там тебе будет трудно. Ида Рольф умерла и попала в ад; теперь она тренирует людей там! Но здесь нам удалось создать все возможные группы. Если ты пройдешь все эти сто групп и выживешь, тебе больше не нужно бояться ада. Фактически, Дьявол и его ученики будут бояться тебя! Как только они видят, что идут оранжевые люди, они тут же закрывают двери. Они говорят: «Идите в другое место!»

Кроме того, здесь мы делаем все эти глупости профессионально. В Гоа ты будешь любителем! Здесь у нас есть лучшие эксперты в мире — и комплексный подход!

Том, просто останься здесь немного подольше...

естой вопрос:

Любимый Мастер,

Я не могу решить, хочу ли я быть психиатром или писателем.

Витраг, почему бы не бросить монету — орел или решка?³ Дошло?..

Седьмой вопрос:

Любимый Мастер,

Я думал, что нашел a nice-a box-a⁴, а она оказалась an ice-a box-a⁵. Какую карму должен отрабатывать этот нью-йоркский еврейский мальчик с немецкими женщинами?

Прем Самвид,

Каждая nice-a box-a в конце концов превращается в ice-a box-a; в тебе нет ничего особенного. «Nice-a box-a» — это только этикетка, ice-a box-a — реальность! Но вы дурачки, и вас продолжают дурачить этикетки. Никто другой за это не ответствен.

Каждая ice-a box-a носит прекрасный фасад, на котором написано большими неоновыми буквами: NICE-A BOX-A. Как только ты пойман, ты знаешь: каждая женщина монахиня!

Хэтти и Арета стояли на углу улицы и говорили. Мимо прошли две монахини.

— Скажи, — спросила Хэтти, — почему этих дам называют nuns⁶? — Потому что, — отвечает Арета, — у них ничего⁷ не было, ничего нет и никогда ничего не будет.

— Неудивительно, что они носят траур!

Но каждая женщина монахиня по своей основе — а ни один мужчина не монах! В этом вся проблема. Бог любит проблемы! Он создает головоломки. Нет способа их разгадать; человек просто учится принимать как есть.

³ «Heads or tails» может также значить: «головы или сказки?»

⁴ Osho English: слова «прелестная коробочка», произнесенные с итальянским акцентом. Речь идет о шутке в предыдущей книге, когда Ошо отвечает этими словами саньясину, задавшему шутливый вопрос, как будет по-итальянски «девушка».

⁵ Osho English: ледяная коробочка; ответ Ошо на вопрос того же саньясина, как будет по-итальянски «мороженое».

⁶ «монахиня» звучит как множественное число от «попе».

⁷ ...попе.

Самвид, прими ice-a box-a. И летом тебе пригодится ice-a box-a! А когда придет зима, тогда посмотрим. Кто знает, что будет завтра? Может быть, к тому времени тебя одурачит другая box-a.

И никакая карма здесь не при чем; это просто сущая глупость мужского ума. Женщины привлекательны, когда они для тебя недоступны. Они соблазнительны, они кокетливы. Это естественно, это естественная часть их женственности. И мужчина постоянно в дураках, снова и снова. Как только он оказывается в дураках, на несколько дней он задумывается и становится очень мудрым — но лишь на несколько дней. Эта мудрость длится недолго; через несколько дней он снова обманывается. Он начинает думать: «Может быть, не все женщины одинаковы». Но я тебе говорю: все женщины одинаковы, и все мужчины одинаковы!

Будь более осознанным. Либо прими вещи как есть... тогда ты не расстраиваешься об этом, потому что у тебя больше нет ожиданий; ты знаешь, как все произойдет... глубокое принятие вещей такими, как они есть. Или не обманывайся снова, если тебе посчастливится выбраться из мышеловки на этот раз — что непросто, очень непросто. Попасться в ловушку всегда легко.

И вся прелесть в том, что именно мужчина всеми силами старается попасться в ловушку. Женщина знает, что нет никакой необходимости бегать за тобой, она просто ждет. Она всецело верит в твою глупость: ты придешь. Чем более она остается отстраненной, тем более тебя привлекает. Как только женщина начинает бегать за тобой, ты убегаешь, ты пугаешься. Это все равно что мышеловка, гоняющаяся за мышью! Мышеловка просто сидит на месте, прекрасно зная, что мыши обязательно придут. Куда им еще идти? И они ходят вокруг нее кругами... В мышеловке есть все возможные приманки — хлеб, масло, что угодно... спагетти! И как только мышь вошла, обратного пути нет — выхода нет!

Жан-Поль Сартр описал ад как «Нет Выхода». Однажды попав вовнутрь, ты остаешься там навсегда, ты не можешь выбраться. Именно поэтому это называется адом. И даже если случайно ты выберешься, то почувствуешь себя очень одиноко. Ты привык к удобствам и безопасности мышеловки. Есть определенная защищенность: когда ты внутри мышеловки, тебя не может поймать ни одна кошка. Ты видишь защищенность, безопасность! Вне мышеловки всегда опасно. И рано или поздно ты войдешь в другую мышеловку — другого цвета. Волосы будут другие, другой нос, другое тело — просто несколько отличий, но внутри все будет тем же самым.

Как только это понято — что каждый мужчина и каждая женщина выполняют определенную программу — как только это понято, ты мо-

жешь депрограммировать себя, разобусловить себя. Тогда ты можешь оставаться с одной женщиной; в этом нет никакой проблемы. Она превращается в *an ice-a box-a*, потому что ты по-прежнему хочешь, чтобы она была *a nice-a box-a*. Если ты не хочешь, чтобы она была *nice-a box-a*, какая разница, какая она? Пусть будет *nice-a box-a* или *ice-a box-a* — все в полном порядке! Ты становишься спокойным и умиротворенным.

И та же самая проблема у женщины с ее стороны. Раз за разом она думает, что этот мужчина подойдет, что этот мужчина доставит товары. Никакой мужчина никогда не доставляет товаров, и никакой мужчина к этому не способен, это за пределами его возможностей. И ни один мужчина, на самом деле, за это не ответствен, просто ваши ожидания так высоки, что никто не может им соответствовать. Они неосуществимы; никого на них не хватает. Каждая женщина рано или поздно обнаруживает мужа под каблуком и больше ничего. А кто любит подкаблучников? Ни одна женщина не может любить подкаблучника.

Просто наблюдай свою жизнь, мужчина ты или женщина, наблюдай свою программу, биологическую программу. Осознавай ее, чтобы ее можно было аннулировать. Тогда, кем бы ты ни был, ты будешь от нее свободен, потому что ты будешь свободен от ожиданий.

 Последний вопрос:

*Любимый Мастер,
Я русский. Не расскажешь ли ты мне шутку о
русских?*

Даршан, я никогда не скуплюсь на шутки. Если ты просишь у меня одну, я расскажу две. Первая:

Брежнев, глава Русской Коммунистической Партии, приглашает свою старую мать, живущую в деревне, навестить его в Москве. Когда она приезжает, он гордо показывает ей свою роскошную квартиру в Кремле... бесценные персидские ковры, импортную шведскую мебель, антикварное серебро, хрустальную посуду и новейшие машины из Америки.

— Это прекрасно, сынок, — говорит она.

— Это еще не все, мама, — отвечает он.

И он везет ее в своем огромном лимузине с шофером в загородную дачу под Москвой и показывает свой личный лес, бассейн, конюшни со скаковыми лошадьми и штат прислуги в пятьдесят человек.

— И что ты об этом думаешь? — спрашивает он, обводя рукой свои владения.

Мать выглядит немного обеспокоенной и шепчет:

— Но, Леонид, что ты будешь делать, когда коммунисты вернутся?

И вторая:

Ивану, маленькому русскому мальчику, с большим трудом давались основные принципы советского коммунизма. Проведя несколько часов в объяснениях, его отец в конце концов сказал:

— Ладно, послушай вот что. Представь, что я, твой отец — это партия, твоя мать — родина, братья и сестры — союзы, а ты — народ.

Иван по-прежнему не мог понять отношения между этими институтами, и в приступе ярости отец запер его в шкафу родительской спальни.

Позднее этой ночью, забыв, что Иван по-прежнему в шкафу, отец занимается любовью с матерью. Когда в конце концов смущенный отец выпускает его из шкафа, Иван говорит:

— Теперь я знаю, что ты имел в виду, папа. Партия насилует родину, пока союзы спят, а народ все видит и страдает!

На сегодня достаточно.

Глава 3

С ЛЮБОВЬЮ СРЕДИ НЕЛЮБЯЩИХ

Он глубоко заглядывает в вещи
И видит их природу.
Он различает
И достигает конца пути.

Он не медлит
Ни с теми, у кого есть дом,
Ни с теми, кто блуждает.
Ничего не желая,
Он идет дальше один.

Он ничему не вредит.
Он никогда не убивает.

Он движется с любовью среди нелюбящих,
В мире и непривязанности...
Среди голодных и склочных.

Как горчичное зерно с острия иглы —
Ненависть осыпалась с него,
И похоть, и лицемерие, и гордость.

Он никого не оскорбляет,
И все же он говорит правду.
Его слова ясны,
Но никогда не жестоки.

Что бы ни оказалось чужим,
Он отказывается от этого,
Хорошо оно или плохо, велико или мало.

Он ничего не хочет от этого мира
И ничего не хочет от следующего.
Он свободен.

Мастер смотрит в вещи глубоко
И видит их природу.
Он различает
И достигает конца пути.

Только мастер может смотреть, потому что только у мастера есть глаза. Без медитации ты слеп. Ты можешь видеть, но лишь самое поверхностное, лишь поверхность вещей, лишь периферию, и никогда не центр. Ты не можешь проникнуть в природу вещей. А истина остается скрытой в самой сердцевине.

Медитация дает мастеру прозрение в самого себя, и то же самое прозрение становится выходом ко всему существованию. Он больше не слеп. Лишь человек медитации не слеп. Пока ты не достиг медитации, ты можешь видеть только наружу. А настоящая природа у тебя внутри; это твоя внутренность, это твоя субъективность.

Ты живешь снаружи дома своего существа; ты никогда не входил в его сокровенный алтарь. Не зная себя, ты не знаешь ничего. И если ты не знаешь даже себя, что еще ты можешь знать? Все, что ты думаешь, что знаешь, есть всего лишь допущения — не знание, не подлинное знание, но догадки.

Все твое знание основано на догадках. Иногда в результате совпадения это срабатывает, иногда нет. Когда оно срабатывает, ты думаешь, что ты очень разумен, когда оно не срабатывает, ты думаешь, что судьба против тебя. Но ты никогда не осознаешь того факта, что у тебя нет глаз, чтобы видеть вещи.

Два человека впервые ехали на поезде. У одного из них была связка бананов. Он предложил один другу и стал чистить другой для себя. Как раз в этот момент поезд въехал в тоннель.

— Ты уже попробовал банан? — спросил первый человек, очень встревоженный.

— Еще нет, — ответил его друг.

— Ради всего святого, не делай этого! — сказал первый. — Я откусил один раз и ослеп.

Вот что такое твое знание — заключения, выведенные из совпадений.

Только вчера я рассказывал вам шутку о поляке, который приехал в Нью-Йорк заработать имя, славу, власть и престиж. Он услышал голос, зовущий сверху: «Взберись наверх к успеху!» После некоторых колебаний, немного испуганный, он попытался; он стал карабкаться на лестницу, пролет за пролетом. Он достиг самой вершины и увидел молодого человека, который сказал: «Привет, меня зовут Сесс!» И, поверьте ли вы, вчера вечером молодой человек пришел принимать саньясу! Первый раз за всю мою жизнь ко мне пришел принимать саньясу человек по имени Сесс! Наверное, я дал саньясу более чем ста тысячам человек; среди них были тысячи Джонов и Питеров, но Сесса я вижу в первый раз! И, я думаю, может быть и в последний.

Жизнь полна совпадений; в этом нет ничего эзотерического. И он выглядел точно как описание! Но он оказался разумным человеком — он захотел изменить имя.

Вы продолжаете предполагать. Предположения — это не знание, предположения — это только догадки. Да, иногда они могут подтвердиться, но чаще всего они оказываются неправильными. Знание совершенно иное; это никогда не угадывание, это ясное прозрение в вещи, в саму природу вещей. Увидеть саму природу вещей — вот вся цель медитации.

Медитация — это не нечто оккультное, она очень научна. Это способ сделать глаза чистыми, придать ясность, сделать тебя бдительным. Ваши умы так полны предубеждений, что вы не можете видеть. Ваши умы так полны заготовленных заранее заключений, что все, что вы видите, окрашено этими вашими заключениями, вашей обусловленностью. Ваше наблюдение не чисто; оно загрязнено, оно отравлено. Вы не видите, как есть, вы продолжаете видеть то, что хотите видеть, что подготовлены увидеть, что обусловлены видеть. Это не настоящее видение.

Медитация означает удалить все ваши предрассудки, отложить в сторону все ваши заключения — видеть без всяких преград, видеть без всякой завесы, видеть ясно без всякого посредничества мысли, видеть без Будды, стоящего между вами и реальностью, без Кришны или Христа.

Именно поэтому Будда, по рассказам, сделал такое странное утверждение; только человек калибра Будды мог такое сказать. Он сказал: «Если вы встретите меня на своем пути, убейте меня. Не позволяйте мне встать между вами и истиной. Немедленно убейте меня, удалите меня; иначе я буду препятствием».

Истинный мастер тот, кто помогает ученику в конце концов избавиться и от самого мастера, чтобы ученик мог столкнуться с реальностью прямо, непосредственно. Ложный мастер тот, кто создает в ученике большую и большую зависимость, делает его рабом, чтобы ученик и подумать не мог о том, чтобы быть без мастера.

Именно это происходит во всем мире. Поэтому многие так называемые святые продолжают создавать в вас зависимость; все их усилия направлены на то, чтобы поработить людей. Они обуславливают вас таким образом, что их заключения становятся вашими заключениями. Они не дают глаз, они дают идеи.

Настоящий мастер дает тебе глаза, не идеи. Он дает тебе прозрение в реальность и оставляет тебя в тотальной свободе действовать из этого прозрения.

Будда говорит:

Он глубоко заглядывает в вещи

*И видит их природу.
Он различает
И достигает конца пути.*

«Различение» — это одно из самых важных для понимания слов. Будда использовал это слово неоднократно; он говорит *вивек*. В слове «вивек» гораздо более глубокое значение, чем в английском слове «различение»¹. «Вивек» включает в себя осознанность, различение через осознанность. Человек может различать, не будучи осознанным; тогда, согласно Будде, это не будет различением. Может быть, тебе сказали, что правильно, а что неправильно, и ты различаешь: «Это правильно, а это неправильно», но, поскольку это не твоя осознанность, это не различение. Пока ты не видишь, что правильно, а что неправильно, это мало чем поможет.

Десять Заповедей для тебя бесполезны, если только они не переданы тебе самим Богом, а не Моисеем. Может быть, они имели безмерную ценность для Моисея, потому что он пришел к этим прозрениям сам, независимо от всего прошлого, независимо от всей традиции. Но вы просто повторяете, как попугай.

С самого детства мы начинаем учить детей, что правильно, а что неправильно, что нужно делать, а что нельзя. И они становятся такими обусловленными, что совершенно забывают, что это не их собственный голос. Они начинают думать, что это их совесть — это не так. Это стратегия священников и политиков, заговор против человека. Они создали в тебе совесть, и, создав совесть, они помешали росту твоей собственной совести. Твоя собственная совесть исходит из твоего сознания; она не может прийти снаружи. Никто не может тебе ее дать, она может случиться в тебе лишь в глубоком одиночестве.

Будда говорит: «Мастер знает, что ложно, а что истинно». Он знает это по собственному праву, не опираясь ни на кого другого. Он знает не согласно Корану, он знает не согласно Талмуду, не согласно Ведам — он знает сам. И лишь когда ты знаешь сам, твое знание имеет действенность, подлинность — подлинность, которая может тебя трансформировать, которая может дать тебе новое рождение.

И достигает конца пути.

В то мгновение, когда в тебе возникает подлинное прозрение, рождается твое сознание, рождаешься *ты*. Это второе рождение. Ты рождаешься снова. Ты достиг конца пути, больше идти некуда. Ты прибыл домой.

¹ ...discrimination.

*Он не медлит
Ни с теми, у кого есть дом,
Ни с теми, кто блуждает.
Ничего не желая,
Он идет дальше один.*

В Индии люди делятся на две категории; это традиционное разделение. Так было и во времена Будды, это очень древнее разделение. Будда пытается разграничить, сделать своих учеников третьей категорией. Старых, древних категорий две. Первая: мирской человек, домовладелец, тот, у кого есть дом. Их называют домовладельцами по той простой причине, что они живут в иллюзии защищенности, безопасности — безопасности, которая, как они считают, исходит от денег, власти, престижа, защищенности, которая, как они считают, приходит из отношений. Жена думает, что она в безопасности с мужем, муж думает, что он в безопасности с женой, родители думают, что они в безопасности со своими детьми. Эта безопасность ложна, потому что ни семья, ни деньги, ни что другое в этом мире не могут спасти тебя от смерти.

Когда приходит смерть, все разбивается вдребезги; она разбивает все твои песочные замки. Домовладелец живет в своего рода мире мечтаний, в мире собственных проекций. Это не правда, это не соответствует реальности; это его собственная проекция. Жена думает, что муж ее защищенность, а муж думает, что его защищенность — жена. На самом деле, они оба незащищены. Как могут два незащищенных человека дать друг другу защищенность? Два незащищенных человека вместе будут вдвойне незащищенными, но создается иллюзия.

Это первая категория: *грихастха*, домовладелец.

И вторая категория — те, кто отрекся от первой, кто перешел в другую крайность — кто не живет в собственном доме, кто не живет в семье, кто не зарабатывает деньги, кто даже не касается денег, кто полностью перешел в противоположную крайность. Они известны как саньясины. Они бродили по стране большими или малыми группами.

Джайнским монахам не разрешается двигаться самостоятельно. Во времена Будды были тысячи джайнских монахов, потому что джайнизм существовал до Будды, по крайней мере, три тысячи лет. Тысячи джайнских монахов — им не разрешается двигаться одним, они должны перемещаться небольшими группами, по меньшей мере, в пять человек, по той простой причине, что человеку, который движется один, нельзя доверять. Он может впасть в какую-то ошибку, и, зная, что с ним никого нет — кто знает? — он может где-то начать пить вино, или влюбиться в женщину, или пойти к проститутке, или сделать еще что-то... Но, двигаясь с четырьмя другими, все это невозможно; остальные четверо постоянно наблюдают.

Такой была стратегия, направленная на то, чтобы помешать кому-либо получить какую бы то ни было свободу, разрешение, — психологическая стратегия. Если только все пятеро не сговорятся... а это очень трудно, почти невозможно. Известно, что грешники дружат друг с другом, святые — нет. Они не знают, что такое дружба, они не могут сговориться. Они будут следить друг за другом, пытаться выискать друг в друге всевозможные недостатки и доложить мастеру. И индуистские монахи обычно двигались — и делают то же самое сейчас — большими группами, по нескольким сотен.

Будда говорит: «Ты отбросил маленькую семью, а теперь переместился в большую — ты стал членом другой семьи». Ничто не изменилось. Сначала ты думал, что то было твоей защищенностью, теперь ты считаешь своей защищенностью это, — но сохраняется старое понятие о защищенности.

Он говорит, что быть саньясином значит принять естественную незащищенность жизни. Это принятие и есть саньяса — принять: «Я родился один и умру один, и между этими двумя одиночествами все идеи о том, чтобы быть вместе с кем-то — это лишь фантазии. Я одинок даже пока жив». Человек рождается один, человек живет один, человек умирает один.

Будда очень настаивает на этом факте твоего одиночества; он хочет, чтобы ты осознавал его. Как только ты его осознаешь, ты будешь поражен его красотой, его радостью. Ты не будешь испуган; ты будешь наслаждаться им, потому что в нем есть свобода, в нем есть экстаз, в нем есть чистота и невинность. Зачем жаждал защищенности?

Жизнь небезопасна по самой своей природе, поэтому вот простая логика: те, кто хочет быть более живым, должны жить в незащищенности. Чем больше незащищенность, тем больше в тебе жизни; чем больше ложные иллюзии, так называемая защищенность, тем меньше в тебе жизни.

Именно поэтому вы видите в мире так много мертвых людей, почти мертвых, — по той простой причине, что они стали слишком привязаны к идее безопасности. И чем более ты мертв, тем больше твоя защищенность. Не делай ничего, что может создать опасность, оставайся привязанным к знакомому, никогда не выходи за его пределы. Ты никогда не узнаешь экстаз выхода за пределы. Ты никогда не узнаешь экстаз исследования неизвестного и непознаваемого.

Согласно Будде, обе категории — одни и те же люди. Конечно, они экстремисты, и кажутся противоположными друг другу, но не обманывайтесь. Они, на самом деле, не противоположны; они нашли защищенность разного рода.

Один джайнский монах написал мне, что хотел бы прийти сюда. Он читал мои книги и хочет стать саньясином, но боится потерять всю свою защищенность, потому что сейчас джайнское сообщество под-

держивает, кормит, уважает его и заботится о нем. Как только он отбросит монашество, джайнское сообщество не будет больше его поддерживать.

Он спрашивает меня, готов ли я взять его жизнь в свои руки, буду ли я его защищенностью. Он хочет отбросить одну защищенность ради другой, он не может совершить прыжок в незащищенность. А моя саньяса — незащищенность.

Настоящая саньяса — это всегда незащищенность, потому что настоящая жизнь незащищена. В незащищенности — величайшая защищенность. Отбросив идею защищенности, ты защищен самим целым, Богом, тотальным. И тогда твоя жизнь полна трепета, потому что ты не знаешь, что будет дальше.

Будда говорит, что мастер... *не медлит с теми, у кого есть дом.* Он не медлит с первой категорией, с теми, кто одержим деньгами, властью и престижем. Он не тратит время попусту с этими людьми, он не задерживается среди этих безумных людей.

И он говорит: *...ни с теми, кто блуждает* — с теми, кто продолжает бродить по стране группами, потому что это защищенность другого рода, более тонкого вида — но ум остается прежним. Он хочет принадлежать, он не может быть один.

Он говорит:

*Ничего не желая,
Он идет дальше один...*

потому что настоящий мастер не имеет желаний, даже желания жить; поэтому он не боится смерти. Он не желает ни этого мира, ни иного; поэтому он не озабочен созданием для себя какой-либо гарантии безопасности. Его это не заботит. Он может быть один, совершенно один. Он не пытается хитрить и ловчить с существованием; он доверяет существованию.

Люди пытаются хитрить с существованием, хотя эту хитрость они называют разумностью. Они всегда дают хорошие имена уродливым вещам. Просто посмотри на свою жизнь, посмотри, каким ты пытаешься быть хитрым — даже с существованием. С одной стороны, ты идешь в церковь и молишься, с другой стороны, ты пытаешься схитрить где только можешь, добиваясь своих целей, принося всех остальных в жертву своим целям, ни о ком не заботясь, совершенно бесчувственный, не имеющий никакого уважения, любви, почтения к жизни. И, с одной стороны, вы продолжаете молиться в церквях и храмах; это тоже часть вашей хитрости. Вы знаете, что делаете в жизни; чтобы компенсировать это, вы идете в церковь каждое воскресенье, идете в Каабу...

По крайней мере, один раз в жизни каждый мусульманин должен побывать в Каабе. Зачем? — чтобы раскаяться в грехах, которые он совершил, чтобы быть прощенным. Индуисты приходят к Гангу как можно чаще, просто чтобы нырнуть в Ганг, потому что они думают, что Ганг очищает от грехов. Ты совершаешь грехи, а Ганг обязан смыть с тебя грехи. И что будет с Гангом, принимающим столько чужих грехов? Наверное, это будет самая загрязненная река в мире, самая грязная! Каждая капля Ганга, наверное, полна миллионами грехов. Столько индуистов столько тысяч лет смывали с себя грехи его водой. Держитесь от Ганга подальше! Даже если случайно вы окажетесь на его берегу, бегите от него как можно скорее!

Однажды к Рамакришне пришел один человек; он шел к Гангу, чтобы совершить омовение, святое омовение. Он спросил Рамакришну:

— Парамахансадева, благослови меня — я иду совершать святое омовение. Думаешь ли ты, что все мои грехи будут смыты?

Рамакришна был очень вежливым человеком. Он сказал:

— Конечно, когда ты погружаешься в Ганг, он смывает с тебя все грехи; ты освобожден.

Человек сказал:

— Если это говоришь *ты*, я верю. И я пойду.

Рамакришна сказал:

— Туда стоит пойти, но помни одну вещь: погрузившись в Ганг, не выныривай.

— Что ты говоришь? — сказал человек. — Ты что, с ума сошел? Я вынырну, я не могу выжить под водой дольше нескольких секунд!

Рамакришна сказал:

— Тогда это бесполезно, потому что когда ты вынырнешь... ты видел высокие деревья по берегам Ганга?

— Да, видел.

— Знаешь ли ты их предназначение?

— Нет, не знаю. Ничего подобного не упоминается в писаниях.

Парамахансадева сказал:

— Я раскрою тебе секрет. Когда ты погружаешься, когда ты ныряешь, всем грехам приходится тебя покинуть из-за чистоты Ганга, но они садятся на эти деревья и ждут тебя. Когда ты возвращаешься, они снова набрасываются на тебя! И опасность в том, что на тебя могут прыгнуть и другие грехи, которые прежде не были твоими. Поэтому будь очень осторожен — если ты нырнешь, не выныривай!

Люди нашли хитрые способы продолжать жить как живут. Все ваши так называемые религии — это ваши хитрые, коварные способы избежать Бога, не найти Бога.

Молодой служащий телеграфной конторы женился, и через пару лет оказался на грани того, чтобы стать отцом. Он не был уверен, родится мальчик или девочка. Как бы то ни было, он хотел держать все это в секрете от сослуживцев, чтобы удивить их новостью, что он стал отцом мальчика.

Когда приблизились роды, он отправил жену в дом своего отца и попросил ее прислать ему телеграмму. Телеграмма, сказал он ей, должна содержать только следующие слова: «велосипед доставлен», чтобы он знал, что роды окончились благополучно.

Когда пришло время, она родила девочку. Так как телеграмма «велосипед доставлен» должна была быть послана только после рождения мальчика, жена оказалась в затруднении: что делать? К счастью, ее брат был умным человеком, и он отправил следующую телеграмму: «велосипед доставлен с проколом передней шины».

Такие люди считаются умными. Всевозможные хитрые и коварные люди считаются разумными. Вы должны наблюдать свое коварство. Быть коварным не значит быть разумным; быть интеллектуальным не значит быть разумным. Разум имеет совершенно другой оттенок, нежели интеллектуальность. Разум имеет оттенок медитации — только мастер разумен.

Ничего не желая,

Он идет дальше один.

Он видит, что домовладельцы живут в состоянии самообмана, в придуманном ими мире; а так называемые монахи и монахини живут в другом самообмане, но это тоже придуманный мир. Он движется один — это должно быть не только внешним действием, но и внутренним чувством.

Быть одному — это самая фундаментальная вещь для медитирующего — испытать опыт одиночества, сидеть в молчании и просто быть собой, просто быть с самим собой, не жаждая никакой компании, не жаждая другого. Наслаждайся своим существом, наслаждайся своим дыханием, биением своего сердца. Наслаждайся внутренним созвучием, гармонией. Наслаждайся просто тем, что ты есть, и будь в полном молчании в этом наслаждении.

Люди находят тысячу и один способ избежать одиночества; есть мирские способы и духовные. Мирской человек начинает слушать радио или включает идиотский язык — телевизор. Он не может быть один. А духовный, религиозный человек начнет молиться или читать Библию. Он делает то же самое.

Ты должен постоянно осознавать и эти религиозные способы избежать самого себя — нерелигиозные способы, религиозные способы, все

виды способов избежать самого себя. Религиозный человек начнет диалог с Богом. Он начнет формальную молитву — христианскую молитву, молитву Господу, или еврейскую молитву, индуистскую молитву, или будет повторять мантру как граммофонная запись, ничего не имея в виду. Все, что он хочет — это чем-то себя занять. Все, что он хочет — каким-то образом перестать чувствовать себя одиноким. Все, что он хочет — чтобы где-то был Бог: «Если нет никого, по крайней мере, есть Бог; я не одинок».

Вся идея Бога как личности — это вымысел, созданный людьми, которые не могут быть одни; поэтому они должны были создать Бога. Когда никого нет, по крайней мере, всегда есть Бог; тебе не нужно об этом беспокоиться, он везде. Чтобы иметь идиотский ящик, тебе нужны деньги, к тому же, ты не можешь носить идиотский ящик за собой всюду, но Бог всегда следует за тобой, как тень. Он всегда с тобой. Даже когда ты в ванной, он недостаточно джентльмен для того, чтобы оставить тебя в покое; он идет с тобой. Ты лежишь в ванне голый, а он сидит рядом. Он Любопытный Том — он все время на тебя смотрит! Ты занимаешься любовью со своей женой, а он стоит рядом; вы не позволяете ему никакой тактичности. Не обязательно, чтобы он был англичанином, но если в нем есть хоть капля такта, в этом нет ничего плохого.

Эту идею Бога вы создали из страха — страха одиночества. Когда ты закрываешь глаза, ты один, но Бог есть. Даже во внутреннем существе он продолжается, он настаивает на своем. Это насилие! Но никакого Бога нет — это ваша фантазия.

Точно так же, когда ты один и идешь ночью по темной дороге, ты начинаешь свистеть — просто чтобы себя подбодрить. Это просто глупо. Свистишь ты, больше никого нет, но даже это помогает. Ты начинаешь свистеть, напевать, гудеть — чтобы забыть, что ты один, чтобы забыть, что ты потерялся.

Все ваши молитвы — не что иное, как свист в темноте.

Будда не сторонник молитв. И это различие нужно понять: он абсолютный сторонник медитации, но никогда не сторонник молитв. Молитва — это старый трюк, старая игра, которая не позволяет тебе быть одному. Медитация — это искусство быть одному. Он говорит:

*Ничего не желая,
Он идет дальше один.*

Одиночество — это не заброшенность, помни это. Одиночество — это не изоляция. Одиночество означает быть одному. Это безмерно прекрасно; это невинно, потому что нет ничего, чтобы его загрязнить, чтобы беспокоить, потревожить. Это чистый покой, это молчание. У него есть собственная музыка.

Как только ты слышишь музыку собственного одиночества, тебе больше не понравится никакая другая музыка. Тогда любая другая музыка — это только шум; как бы красиво она ни была сложена, это шум.

*Он ничему не вредит.
Он никогда не убивает.*

Для него невозможно причинять боль или убивать, потому что теперь он знает, что не отделен от существования, что теперь нет никого другого. Все едино, одно органическое единство. Все мы — волны в одном и том же океане. Причинить боль другой волне значит причинить боль самому себе. Это все равно, что ударить собственную руку другой рукой. Это инфантильно, это безумно. Иногда дети делают это. Если им причиняет боль стол, они изо всех сил бьют стол; им становится еще больнее, но это приносит радость. Они думают, что наказали стол.

Когда ты кого-то наказываешь, тем самым ты наказываешь себя. Когда ты кого-то мучишь, ты мучишь самого себя — потому что нет никого другого. Мастер знает это. Для него это не только верование, это его опыт. Достигнув своего центра, он достигает центра всего существования.

Это фундаментальное правило нужно помнить: что касается периферии, мы все разные, но что касается центра, у нас только один центр. Этот один центр ты можешь назвать Богом, истиной или нирваной.

*Он движется с любовью среди нелюбящих,
С миром и непривязанностью
Среди голодных и лишенных.*

Он движется с любовью среди нелюбящих...

Его работа трудна. Он говорит со своими бодхисаттвами, заставляет их осознать трудность их работы. Это не будет легко, это не будет дешево, потому что пробужденный должен двигаться среди тех, кто крепко спит. Человек, у которого есть глаза, должен жить с теми, у кого нет глаз. Общение становится невозможным. Он говорит одно, они понимают что-то совершенно другое. Он пытается им помочь, а они чувствуют себя оскорбленными. Он пытается всеми возможными способами их спасти, но они думают, что их пытаются эксплуатировать или что-то в этом роде.

Только несколько дней назад один друг из Германии принял саньясу. Его звали Ричард; я назвал его Вит Ричард. Ричард значит «жесткий»; немецкие имена все такие. Странно, сколько бы я ни сталкивался с немецкими именами, они все значат либо «жесткий», либо «сильный», либо «мужественный», либо «медведь», либо «походка льва» — Вольфганг. Я сказал ему: «Выйди за пределы своей жесткости. *Vit* значит “выйти за пределы”. Стань мягким, стань немного менее немцем».

И вчера он прислал мне вопрос: «Пока ты давал мне саньясу, я смотрел на твои плечи и не мог поверить: “Этот человек — мой мастер”». Какое отношение имеют мои плечи к тому, мастер я или нет? Это что-то новое! Я сталкивался с тысячами определений мастера, но ни Будда, ни Лао-цзы, ни Заратустра, ни Иисус — никто ничего не говорил о плечах! А он смотрел на мои плечи, не в глаза — я просил его смотреть в глаза.

Но именно так и бывает. Когда ты движешься среди людей, которые крепко спят, у них обо всем свои идеи. Тогда, Вит Ричард, тебе лучше пойти к Мухаммеду Али! Найди какого-то глупого борца и стань его учеником. Теперь я в недоумении — что я ему говорил, стоило ли это говорить? Я просто тратил впустую мое и его время. Нет никакой возможности общения. Он находился в своем собственном мире; может быть, он искал Адольфа Гитлера или кого-то еще. Я не Адольф Гитлер и не Мухаммед Али, но, наверное, он получит какую-то идею...

Каждый носит какую-то идею — странные идеи. И я не могу соответствовать вашим идеям. Вы такие нелюбящие, я продолжаю изливать на вас свою любовь, и кажется, нет никакого ответа.

Люди пишут мне такие уродливые письма, что если бы вы прочитали эти письма, это привело бы вас в шок. Одна женщина написала мне на днях: «Либо ты сумасшедший, либо дурак!» Мадам, разве я не могу быть обоими сразу? Какое здесь противоречие? Не все дураки сумасшедшие, это правда, не все сумасшедшие дураки, тоже правда, но некоторые люди могут быть теми и другими одновременно. Я принадлежу к этой третьей категории. И, конечно, я совершенно безумен; иначе зачем бы я стал работать с вами? И, должно быть, я дурак, полный дурак; иначе я не посвятил бы эту мадам в саньясу. Вы к ней не принадлежите.

Но проблема в том, что каждый, кто приходит ко мне — спящий, нелюбящий, и они не видят своего сна, не видят того, что они нелюбящие, не видят собственных предрассудков.

Пришло столько писем от английских леди и джентльменов: «Английская леди — это только миф, ты не должен выражать такого интереса к мифу. Это не реальность — британской леди не существует». Но те же самые люди верят, что существуют поляки, существуют

итальянцы, существуют евреи; это не мифы... потому что, когда я подшучиваю над евреями, итальянцами или поляками, никакие английские леди и джентльмены не пишут мне, что это миф: это реальность.

С другой стороны, ни один еврей, итальянец или поляк не пишет мне, что английская леди — это миф. Почему об этом пишут только англичане? Вы видите суть? И если это миф — а я знаю, что это миф! — почему бы не наслаждаться этим? Зачем так беспокоиться об этом? Где-то глубоко внутри вы верите, что это не так, иначе зачем? Посмейтесь от души и покончите с этим!

Но вы озабочены тем, чтобы поставить меня в известность, что английских леди не существует... Я знаю это! Я окружен английскими леди! Вокруг меня больше английских леди, чем евреев, поляков и итальянцев, вместе взятых. Я знаю, что это миф — но какой красивый миф!

И одно хорошо в английских леди: они никогда тебя не разочаровывают, потому что они с самого начала *ice-a box-a*. Это нужно сказать в их пользу. Итальянская леди поначалу *nice-a box-a*; в конце концов, когда уже слишком поздно, ты находишь, что она не *nice-a box-a*, она *ice-a box-a*. Но английская леди ясна с самого начала; она никого не разочаровывает. Она очень правдива, искренна. Если хочешь *ice-a box-a*, это твоя ответственность.

Будда говорит:

Он движется с любовью среди нелюбящих...

Да, мастер должен двигаться среди поляков, итальянцев и евреев, англичан и французов... он должен двигаться с людьми, которые ничего не знают о любви, хотя все они верят, что любят. Любовь мастера так отличается от их любви, что они не могут понять его любовь. Его любовь очень прохладна; тебе она кажется холодной, потому что ты знаешь только две категории: горячее и холодное. Ты не знаешь третьей категории, прохладного, — ни холодного, ни горячего.

Прохлада — это не холод, помни. Мастер никогда не холоден, но, конечно, он и не горяч. Ты знаешь любовь, которая горяча, страстна, полна похоти, и знаешь любовь, которая умерла, остыла — все стало замерзшим, превратилось в труп. Но ты не знаешь третьей возможности: прохлады любви, и свежести этой прохлады. И в этой прохладе есть парадоксальное качество. Если сравнить ее с холодом, она прохладна; если сравнить ее с жаром, она тепла. Она точно посередине, где тепло и прохлада — одно. Мастер обладает теплотой, которая очень прохладна, и прохладой, которая очень тепла, но это очень трудно понять людям, которые живут в крайностях.

Он движется с любовью среди нелюбящих,

В мире и непривязанности...

Он любит, но он никогда не привязан, а ты не можешь понять любви, которая непривязана. Для тебя любовь и привязанность всегда связаны друг с другом; разделить их невозможно. Для тебя любовь — это всегда и привязанность; чем глубже привязанность, тем более ты считаешь ее любовью. Любовь мастера глубоко непривязана. Он любит, но все же он этим не скован. Он любит, но он не связывает тебя. Ты знаешь любовь, которая приносит волнение. Любовь мастера — это совершенный покой; нет никакого волнения. В ней нет ничего романтического.

Он движется... среди голодных...

Людей, которые всегда желают большего, Будда называет голодными, постоянно голодными. Они продолжают набивать себя всевозможными вещами и никогда не удовлетворены. Их голод неутолим, их жажда неутолима. Чем больше ты даешь, тем больше они хотят. Они никогда не благодарны.

...и склочных.

И, конечно, если они постоянно голодны, они будут затевать склоки друг с другом. Мастер никогда не склочен, никогда не голоден. Он совершенно удовлетворен, предельно удовлетворен, абсолютно удовлетворен. Он прибыл! Он ничего не просит. Поэтому вам становится труднее и труднее его понять.

*Как горчичное зерно с острия иглы —
Ненависть осыпалась с него,
И похоть, и лицемерие, и гордость.*

Самое важное, что нужно помнить: эти вещи упали с него. Он не отбросил их, они опали. Если ты их отбрасываешь, они будут продолжать на тебе висеть. Он не подавил их, он их трансцендировал — и разница огромна. Если ты подавляешь эти вещи, они всегда останутся с тобой. Если ты подавляешь похоть, она распространится глубоко внутри твоего существа, как рак. Если ты подавляешь лицемерие, ты создашь более глубокое лицемерие, вот и все. Если ты подавляешь гордость, ты станешь благочестивым эгоистом.

Остерегайтесь этого. Миллионы одурачены этим, потому что подавление легко, это может каждый. Для этого не требуется разума; нужна лишь упорная глупость, и ты можешь это сделать. Тебе только нужно быть немного упрямым, ты должен настаивать, ты должен затолкать что-то внутрь себя. Ты должен надавить, сесть сверху. Но тог-

да ты будешь в напряжении. Это будет оставаться там всегда, кипя, готовое взорваться в любое мгновение.

Поэтому Будда говорит:

*Как горчичное зерно с острия иглы —
Ненависть осыпалась с него...*

Он не отбросил и не подавил; она опала сама собой.

И похоть, и лицемерие, и гордость.

Как происходит это чудо, что эти вещи опадают сами собой? Они опадают сами собой, потому что ты начинаешь их осознавать — нужно не подавление, но осознанность. Подавление делает их еще более бессознательными и более опасными. Стань более сознающим, наблюдай их, медитируй на них. И по мере того, как ты становишься способен наблюдать всевозможные мысли у себя в уме, ты будешь становиться более и более отстраненным от них. Ты узнаешь, что наблюдатель отделен от наблюдаемого, что мысли похожи на транспорт на дороге, а ты только зритель. Они не имеют с тобой ничего общего, они не часть твоего существа. Подави их — и они станут частью твоего существа. Подави их — и они будут приобретать большую и большую власть над тобой. Ты останешься в страхе всю жизнь, подавив что угодно. Подавление создает страх, потому что ты знаешь, что все осталось на местах — при малейшей возможности оно снова проявится.

Таков и мой подход: ничего не подавляй — наблюдай. Ничего не нужно подавлять, все нужно наблюдать. Просто в наблюдении все начнет отпадать само собой. И тогда появится красота, потому что к тебе придет молчание, к тебе придет тишина, которая не навязана, не привита.

*Он никого не оскорбляет,
И все же он говорит правду.
Его слова ясны,
Но никогда не жестоки.*

Он никого не оскорбляет — он не может, потому что все насилие исчезло из него, — но он говорит правду. Если правда оскорбляет тебя, здесь он беспомощен. В его намерение не входит тебя оскорбить, но если ты живешь во лжи, правда тебя оскорбит. С этим мастер ничего не может сделать, он должен сказать правду. Фактически, он говорит только правду; иначе он вообще не заинтересован в том, чтобы что-то говорить.

Маленький ребенок вел себя очень тихо. Он никогда не плакал, не улыбался, не говорил «папа» или «мама».

Когда ему исполнилось три года, родители стали беспокоиться о том, что он вообще не заговорит.

В конце концов, когда ребенку было семь лет, внезапно он заговорил. Когда вся семья сидела за ленчем, он сказал:

- Недосолено.
- Боже правый! — воскликнула мать. Затем она спросила:
- Но почему ты семь лет не говорил ни слова?
- До сих пор все было в порядке!

Мастер говорит, только когда что-то не так; иначе он хранит молчание, остается в молчании. Он говорит только если что-то не в порядке. Но это может тебя обидеть, причинить тебе боль. Показать, что с тобой что-то не в порядке, кажется оскорблением. Ты любишь, чтобы тобой восхищались, не критиковали. Ты любишь, чтобы тебе льстили, не критиковали. Тебе нравится, чтобы твою ложь поддерживали, не разрушали. Но с этим мастер ничего не может сделать. Он должен разбить твою ложь, он должен довести до твоего сведения истину. Если истина ранит, это другое дело; иначе в намерения мастера не входит никого обидеть.

*Его слова ясны,
Но никогда не жестоки.*

— Как прошел прием у леди Хастингс? — спросили лорда Питера.

С отсутствующим взглядом, устремленным вдаль, он ответил:

— Если бы суп был таким же теплым, как вино, вино таким же старым, как курица, курица такой же нежной, как служанка, а служанка такой же напористой, как сама леди, прием был бы великолепен!

Мастер не будет говорить так туманно. Он просто скажет ясно, но не будет жесток. Но тебе он может показаться жестоким — это твоя проблема. Он всегда мил, но если иногда он кажется тебе жестоким, размышляй над этим: почему он показался жестоким? Может быть, что-то у тебя внутри закололо, заболело. Может быть, у тебя внутри была рана, которую ты продолжал прятать, а мастер ударил по этой ране. Он должен бить по вашим ранам. Он должен извлечь столько гноя из твоего существа. Это больно. Мастер — это хирург.

Сам Будда говорил снова и снова: «Я не проповедник, я врач».

*Что бы ни оказалось чужим, —
Он отказывается от этого,
Хорошо оно или плохо, велико или мало.*

Именно в этом определение медитации, согласно Будде и другим буддам. Наблюдай свой ум и все, что не твое, хорошо оно или плохо,

велико или мало, — не отождествляйся с этим, не принимай этого, продолжай отказываться.

На Востоке этот метод называли — даже до Будды — *мети, мети*, ни то, ни это. Продолжай говорить: «Я не это, я не то и не вот это». Продолжай отвергать внутри своего существа все, что ты видишь как не свое.

Мало-помалу, уничтожая все, что не является тобой, однажды ты увидишь, что осталось только то, что есть ты. Этот день будет днем великого празднования. Тогда наблюдатель обращается к самому себе. Нечего больше наблюдать, и он начинает наблюдать самого себя. В это мгновение ты становишься мудрецом. В это мгновение взрывается твоя мудрость. В это мгновение исчезает тьма, а остается свет, свет, и ничего кроме света.

*Он ничего не хочет от этого мира
И ничего не хочет от следующего.
Он свободен.*

Как только ты узнаешь, что содержимое ума — это не ты, что все, чего жаждет ум — это не ты, что все, за чем гонится ум — это не ты, ты становишься свободным. Мало-помалу желания исчезают. Видя, что все желания тщетны в самой основе, что все желания кончаются разочарованием, видя это сам — не потому, что это говорю я или говорит Будда, — когда ты видишь это сам, желания испаряются. Ты остаешься без всяких желаний, дым желаний рассеивается. Твое пламя осознанности горит ярко, и свобода — аромат этого цветения осознанности.

Обычно мы живем как роботы. Обычно мы живем механически. Мы совсем не сознательны, хотя и считаем себя сознательными. Мы совсем не сознательны. И поскольку мы не сознательны, если мы отбросим желания этого мира, то начнем желать что-то в другом. Это абсолютно смешотворно.

Посмотрите на ваших так называемых святых и махатм, желающих того же, что они отбросили в этом мире: теперь они жаждут то же самое в другом... Мусульмане верят, что в их раю текут реки вина. Это кажется очень нелогичным! Здесь вино — это грех, там — награда, награда за добродетели. И не нужно даже идти в паб — потоки текут всюду! Здесь женщина — это ад, от нее нужно отречься, а там?..

В индуистском раю доступны красивые женщины, всегда молодые, застрявшие в возрасте шестнадцати лет; они не становятся старше. Фактически, я всегда недоумевал, как им удалось дорасти до шестнадцати! Наверное, они родились в возрасте шестнадцати лет из материнского чрева. С тех пор они не росли. И у них тела из золота — кажется, отлиты из золота! И не из американского, имейте в виду, из чистого, в двадцать четыре карата! А глаза сделаны из изумрудов, чистых зеленых изумрудов. И их тела, разумеется, не потеют, как они мо-

гут потеть? Если тело из золота, оно не может потеть. Они могут расплавиться на солнце, но не вспотеть!

Здесь от женщин нужно отречься. Индуистские писания говорят: «Женщина — это двери в ад». А там махатм обеспечивают прекрасными *апсарами*, красивыми женщинами. Что это за чепуха?

И то же самое со всеми религиями. Поскольку во времена Мухаммеда, когда был написан Коран, в арабских странах был широко распространен гомосексуализм, были обеспечены поставки и для голубых духовных людей! В мусульманском раю доступны не только красивые женщины, но и красивые мальчики. У них никогда не вырастают усы, они остаются прежними — юными. А здесь во всех мусульманских странах гомосексуализм остается одним из величайших преступлений. Гомосексуалистам отрубают головы, приговаривают к смертной казни. Видите ли вы абсурдность этого? В раю вам обеспечат всевозможных красивых мальчиков! Я не против гомосексуализма, я просто против этого абсурда. Это совершенно нормально, щедро — но почему вы против этого здесь?

Это глупый, бессознательный человеческий ум. Он готов отказаться от чего угодно в этом мире, но тогда он перемещается в другую крайность. Он расстаётся здесь, отрекается здесь, но тогда он начинает просить это в другом мире — то же самое. Проблема не меняется. От одной проблемы он переходит к другой, от одного желания к другому.

Толстая большезадая итальянская женщина заходит в кабинет врача со своим мужем:

— Мой муж нет а-дерьмо! — восклицает она.

Врач дает ей бутылочку касторового масла со словами:

— Дайте это ему сегодня вечером, и завтра он будет в полном порядке.

Но на следующий день женщина возвращается и говорит:

— Мой муж нет а-дерьмо!

Врач дает ей большую бутылочку с теми же инструкциями.

На следующий день женщина приходит снова:

— Мой муж нет а-дерьмо!

В конце концов врач дает ей огромную бутылку касторового масла. На следующий день женщина приходит снова:

— Доктор, доктор! — восклицает она. — Нет муж, только а-дерьмо!

Но проблема остается прежней; теперь это другая крайность.

Искатель истины должен быть очень наблюдателен, чтобы не бросаться из одной крайности в другую, из одного желания в другое. Он должен быть очень бдительным и осознанным. Он должен деавтоматизировать себя. Он должен стать человеком, не продолжать жить как машина. Ты рождаешься машиной, и, если только ты не приложишь

огромных усилий, умрешь машиной. Приложи все усилия к тому, чтобы стать осознанным, и перестать быть машиной. Тогда рождается настоящий человек.

На Диком Западе ковбой покупает лошадь у местного священника.

— Эта лошадь особенная, — объясняет священник. — Когда ты кричишь: «Слава тебе, господи!», она бежит галопом как сумасшедшая, и единственный способ ее остановить — это сказать: «Аминь!»

Ковбой тут же вскакивает на лошадь и кричит:

— Слава тебе, господи!»

Лошадь стрелой мчится по пустыне. Внезапно ковбой понимает, что перед ним глубокий каньон.

— Черт возьми! Я забыл вторую команду, — говорит он. — Что же мне делать, если я не смогу остановить эту безумную лошадь?

Чертыхаясь, покрывшись холодным потом, он приближается к глубокому каньону, и в последнее мгновение вспоминает: «Аминь!» Лошадь останавливается на самом краю обрыва. Дрожа от облегчения, со слезами на глазах, ковбой смотрит вверх и говорит:

— Слава тебе, господи!

На сегодня достаточно.

МУЗЫКА БЛИЖЕ ВСЕГО

Первый вопрос:

*Любимый Мастер,
Действительно ли пробужденным так трудно
работать с нами, слепыми, как говорит Гаута-
ма Будда?*

Асима,

Да, это даже труднее, чем говорит Будда, потому что человек стал гораздо более слепым, чем когда-либо раньше — он стал более знающим. В этом его слепота. Сейчас он живет в иллюзии того, что знает, а это величайшая из всех иллюзий. Как только ты начинаешь считать, что знаешь, работа пробужденного становится почти невозможной.

Пробужденному легко работать только когда ты готов признать, что ничего не знаешь, что твое знание заимствовано, что это просто информация, что это ни в каком смысле не внутреннее цветение твоего существа, что это не твоя собственная музыка, что это не твой собственный опыт. Как только человек это принимает, все становится очень просто. Само признание невежества есть начало ученичества.

Но с течением времени человек накапливал больше и больше знания, его ум приобретал все большую и большую способность к запоминанию. Он стал ходячей энциклопедией. Сегодня человек знает больше, чем когда-либо, поэтому сегодня трудность больше, чем когда-либо раньше.

Глаза слепы пропорционально тяжести знания, которое ты носишь. Дети не слепы. Чем младше ребенок, тем более ясно он видит, гораздо более ясно. Его взгляд на вещи совсем не такой, как у так называемых взрослых.

Как раз на днях пришло письмо от мальчика из Германии. Месяц назад он тоже написал — он хочет стать саньясином. Ему только шестнадцать лет, и я сказал ему: «Спроси родителей, попроси их разрешения; иначе они создадут тебе проблемы. Если они позволят, пожалуйста».

От него пришел ответ, и то, что он ответил, безмерно красиво. Он говорит: «Любимый Мастер, мои родители никогда не поймут тебя. Мы

пошли смотреть фильм о твоём ашраме — я был единственным в нашей семье, кто понял его. Мои отец и мать абсолютно неспособны его воспринять: что это такое? И я боюсь, что если я стану более взрослым, таким, как они, я тоже упущу эту возможность. Более того, — говорит он, — я уже покрасил всю свою одежду в оранжевый цвет, так что я уже наполовину саньясин — нужна только мала».

Он говорит: «Я понял фильм полностью, но моих родителей он просто привел в замешательство. Я пытался им объяснить, но они, кажется, неспособны его понять». Еще он говорит: «Я боюсь, что если именно это происходит, когда человек взрослеет, я тоже могу упустить возможность стать саньясином. Поэтому, пожалуйста, пришли мне малу немедленно, пока я сам не ослеп!»

Ребенок не обременен знанием. Ты должен снова стать ребенком; тогда работа Гаутамы Будды очень проста. Это самая простая работа в мире — потому что Будда не собирается заставлять тебя чего-то достигать, он просто помогает тебе увидеть то, что уже есть. Что может быть проще?

Но взрослые люди действительно слепы, совершенно глухи. Их сердца закрыты, они не могут чувствовать, они подвешены в головах, а чтобы общаться с Буддой, нужно открытое сердце. Люди заключены в капсулы своих мыслей, и до такой степени, что они живут в собственном мире, в постоянном тюремном заключении своих идеологий, слов. С ними нельзя разговаривать. Ты говоришь одно, а они немедленно понимают что-то другое.

Только на днях я получил письмо от 18 апреля из отеля Ритц в Майсоре:

«Уважаемый сэр,

Я очень расстроен, потому что один из ваших преданных, живущий в нашей гостинице, друг Свами Ананда Хасью, сообщает мне, что вы потешаетесь над нашим новым президентом Преподобным Каноником Бананом в своих ежедневных Суфийских танцах. Мне сказали, что ваших преданных учат петь: «Ты для меня банан». Это очень неуважительно. Как бы вам понравилось, если бы в Зимбабве мы учили наших людей петь: «Ты не мой Багван»?

Надеюсь, вы без промедления разберетесь в этом...»

Вот эта песня:

«Ты можешь влюбиться в звезду,

Ты можешь влюбиться в дерево.

Я люблю тебя таким, как ты есть.

Ты для меня тайна».

Или, если партнер кажется серьезным, скажи: «банан» вместо «тайна».

Наш суфийский танец продолжался годами, а этот парень, Преподобный Банан, стал президентом только 7 апреля, в этом месяце, неделю назад. Фактически, самой нации Зимбабве только неделя отроду. 11 апреля он был избран президентом, 17 апреля он фактически стал президентом. Мы использовали слово «банан» много лет; оно не имеет ничего общего с Преподобным Бананом.

Автор этого письма прислал фотографию Преподобного Бананы, и он *выглядит* как банан, поэтому я очень хорошо понимаю, почему он расстраивается!

Ему лучше обратиться в Объединенные Нации с просьбой изменить английский язык; бананы больше не должны называться бананами. И что делать с выражением: «Он пошел в бананы?»¹ Теперь придется говорить: «Он пошел в Преподобные Бананы». Это будет гораздо лучше. Все остальные бананы будут очень довольны.

Эти глупые люди по всему миру...

И поверите ли вы, как зовут самого этого человека? Его зовут Израиль Томэйтоу²!

Теперь я ожидаю письма от какого-нибудь Майкла Потэйтоу³. И вообще все это меня очень беспокоит. Я люблю бананы, я люблю помидоры, я люблю картошку. Теперь есть их будет значить быть людоедом!

Я тут же пошел в сад и спросил связку бананов:

— Что вы думаете? Что я должен сделать?

Бананам было стыдно, и они не сказали ни слова. Я потряс их и сказал:

— Вы должны высказаться!

Они сказали:

— Нам очень жаль, но иногда банан падает... Но этот человек пал так низко! Пожалуйста, не включай его в нашу семью. Ни один банан никогда не был политиком. Да, мы падали и совершали много грехов, но *это* уже слишком. Нам стыдно!

Я спросил помидоры, они такие невинные люди — выглядят так медитативно, почти как дзенские мастера, сидящие в молчании, ничего не делая. И все они рассмеялись и сказали:

— Не волнуйся. Продолжай нас есть. Для нас это единственный способ стать буддами!

А он говорит: «Как бы вам понравилось, если бы в Зимбабве мы учили людей петь: «Ты не мой Багван или Бхагван»? Я был бы в восторге — пожалуйста, так и делайте! В *любом* случае, если ваши люди начнут упоминать меня, это будет хорошо. Фактически, дети моих

¹ Свихнулся.

² Помидор.

³ Картофель.

саньясинов уже называют меня Баван, и это звучит так красиво! Гораздо глаже, чем Бхагван — никаких изъянов.

Но этот парень не дал своего адреса; а то я думал прислать ему ответ! И такие люди есть во всем мире.

И теперь мои южноафриканские саньясины очень довольны, потому что они раз за разом писали мне: «Любимый Мастер, ты никогда ничего не говоришь о южноафриканцах». Вина, Видья, Витраг — все они очень беспокоились, потому что я говорил об итальянцах, евреях и англичанах, но ничего не говорил о южноафриканцах. Этот Томэйтоу дал мне возможность что-то сказать.

Доктор советует африканцу каждый день пробегать две мили.

Через две недели парень сообщает, что чувствует себя гораздо лучше; его единственная жалоба в том, что он в ста сорока милях от дома!

Один африканец пришел поступать на пост посыльного в частном доме. Госпожа попросила его поднять штанины, чтобы убедиться, что его ноги будут выглядеть достаточно красиво в коротких бриджах. Он так и сделал. Она выглядела удовлетворенной, но попросила его показать и рекомендации.

— И тут, — говорит он, вспоминая это событие, — я сделал большую ошибку и все испортил.

Дошло?

— Почему вы злитесь? — спросил доктор роддома у африканского отца. — Вы должны гордиться тем, что у вашей очаровательной жены родились двойняшки.

— Ну уж конечно, — зарычал африканец. — Дайте мне только добраться до второго парня!

Африканских сержант дал команду всему взводу поднять правую ногу. Один смущенный новобранец по ошибке поднял левую ногу. Сержант посмотрел вниз и увидел поднятую левую ногу новобранца рядом с поднятой правой ногой его соседа.

— Кто в середине шеренги мудрая задница? — сказал он. — Кто поднял обе ноги?

А мистеру Томэйтоу я хотел бы сказать, что у меня нет никакого уважения к политикам; африканские они, американские, индийские или европейские, неважно.

Людоед прибежал в деревню с вестями, что отряд охотников поймал политика.

— Хорошо, — сказал один из людоедов, — я всегда хотел попробовать бутерброд с языком.

Три хирурга были в пабе, болтая о своих переживаниях.

Первый сказал:

— Один парень, попавший ко мне, побывал в автомобильной аварии и потерял обе ноги. Я вылечил его, и сегодня он чемпион по бегу.

— Вот это да, — сказал второй. — А у меня был пациент, которого переехал поезд, и все его тело было раздавлено. Мы сделали ему операцию, и сегодня он известный танцор.

— Это ерунда, — сказал третий. — Ко мне пришел один парень — он был специалистом по обезвреживанию бомб. Однажды бомба взорвалась, и все, что от него осталось, это только задница да пара ушей... сегодня он президент!

Второй вопрос:

Любимый Мастер,

Я музыкант, и за многие годы сталкивался со многими учителями музыки. Но теперь кажется, что нашел не только мастера, но и лучшего из учителей музыки. Возможно ли это? И не скажешь ли ты что-нибудь о музыке и медитации?

Харишаран,

Музыка к медитации ближе всего. Музыка — это путь к медитации, и самый красивый путь. Медитация — это искусство слушания беззвучного звука, искусство слушания музыки молчания — то, что люди дзен называют звуком хлопка одной ладонью. Когда ты предельно молчалив, ни одна мысль не проходит у тебя в уме и нет ни тени ряби чувства в твоём сердце. Тогда ты начинаешь, впервые, слышать молчание.

В молчании есть собственная музыка. Оно не мертво, оно очень живо, неопишимо живо. Фактически, ничего не живее молчания.

Музыка помогает тебе снаружи попасть в резонанс со внутренним. Музыка — это средство; она была изобретена буддами. Все, что есть прекрасного в этом мире, все, что есть ценного в этом мире, было открыто буддами. Лишь они могут открывать, потому что они путешествовали по внутренней стране, по внутренней, неизмеримой вселен-

ной. Что бы они ни нашли во внутреннем мире, что бы они ни пережили во внутреннем мире, они пытались создать нечто подобное снаружи для тех, кто еще не может войти во внутреннюю сторону своих существ, кто еще не осознает, что есть внутренний мир. Можно создать средства, которые могут помочь.

Слушая великую музыку, внезапно ты становишься молчаливым — без всякого усилия. Сонастроившись с музыкой, ты теряешь это без всякого усилия. Ты приходишь в состояние расслабления, глубокого покоя. Ты бдителен, пробужден, и все же, в тонком смысле, пьян.

Однажды это случилось:

Великий музыкант пришел ко двору одного короля. Музыкант, наверное, был пробужденным мастером, буддой. Он сказал королю:

— Я буду играть на своих инструментах, если ты выполнишь мои условия. Если условие не выполнено, я не смогу играть.

— Какими бы ни были твои условия, они будут выполнены, — ответил король. — Назови их.

Он и не подозревал, каким будет условие: «Может быть, он попросит много денег — это можно легко устроить — или еще о каком-то одолжении, которое можно легко осуществить». Король долгое время ждал этого человека.

Но условие было очень эксцентричным. Вот какое это было условие:

— Пока я буду играть, никто не должен двигать головой. Если кто-то пошевелит головой, ему должны отрубить голову. Поэтому аудитория должна быть предупреждена заранее, чтобы люди знали, что играют с огнем. Если они начнут кивать в такт музыке, им отрубят головы — разъясни это каждому, кто придет. А вокруг аудитории поставь, по меньшей мере, сто солдат с обнаженными мечами, чтобы все оставались осознанными и не забыли.

Король так хотел услышать игру этого музыканта — он слышал о нем много лет, — и хотел любой ценой услышать его и не упустить возможность. Конечно, его требование было просто безумно, но король пришлось согласиться. Он сказал:

— Ладно, это будет выполнено.

Всю столицу оповестили об этом. Тысячи людей хотели прийти, но побоялись — только тысяча человек собралась слушать этого музыканта. Даже увидев эту тысячу, король был изумлен: «Столько влюбленных, готовых рискнуть жизнью!» Вокруг поставили тысячу солдат с обнаженными мечами и объявили:

— Вы должны помнить и постоянно смотреть на эти мечи — они ждут вас. Никто не сможет бежать.

Вокруг стояли специальные часовые и записывали: кто пошевелит головой, тот не доберется до дома живым.

Музыкант начал играть, и он был таким мастером! Через несколько минут несколько голов стали двигаться в такт музыке мастера. Король очень испугался. Он видел, что головы шевелятся, раскачиваются — люди пьянели. Он сам боялся за свою голову! Но в нем возникло огромное желание, и он не мог ему противиться. Он сам стал раскачивать головой, он забыл условие. Что говорить об аудитории? Сами люди, стоящие с обнаженными мечами, стали раскачивать головами, раскачивать мечами!

Королева была очень встревожена. Она видела, что сотни людей будут напрасно убиты. Но рано или поздно каждый приходил в опьянение от этой музыки.

Когда среди ночи он перестал играть, люди, которые должны были записывать, доложили:

— Не было ни души, кто не качал бы головой, и нам жаль признаться, что мы сами в этом списке!

Король сказал:

— Теперь, Мастер, что ты хочешь? — чтобы все эти люди были убиты, зарезаны? Я тоже в этом списке, и моя жена, и весь мой двор!

Мастер рассмеялся и сказал:

— Я ждал этих людей. Это правильные люди, ради которых я могу играть. Забудь все об этом условии! Это была только уловка, чтобы помешать прийти тем, кто не готов рискнуть жизнью, трусам. Вот люди, для которых я готов играть. И не только сегодня — я останусь в этом городе на несколько месяцев, потому что это *мои* люди. Они забыли о своих жизнях, и даже если они помнили, то не смогли сдержаться. Радость была так огромна, что они готовы были даже пойти на этот риск; они полностью осознавали риск. Вот люди, ради которых я живу, потому что это люди, которые могут обратиться вовнутрь. Они были полностью осознанны, и все же пьяны.

И в этом весь секрет медитации. Парадокс исчезает — парадокс осознанности и опьянения. И первый опыт может случиться в музыке легче, чем в чем-либо другом. Музыка, танец... все это средства, открытые пробужденными мастерами. Они попали в неправильные руки.

Быть учителем музыки — это совсем другое; он может научить тебя технике. Я не учитель музыки — я не могу научить тебя технике, — но могу помочь тебе слушать внутреннюю музыку, и это настоящая музыка.

В Китае есть поговорка: «Когда музыкант становится совершенным, он выбрасывает свои инструменты» — потому что они больше не нужны. Он может закрыть глаза, он может обратиться вовнутрь и слушать музыку, которая уже там есть и была всегда. И когда лучник становится совершенным, он выбрасывает лук и стрелы; они больше не нужны. Когда любое искусство совершенно, оно кончается медитацией — оно

должно кончаться медитацией. Если оно не ведет тебя к медитации, что-то пошло не так.

Именно поэтому многое в современном искусстве — не искусство, а просто безумие. Многое в современной музыке не музыкально; эта музыка просто волнует тебя сексуально. Это прямая противоположность настоящей музыке. Настоящая музыка помогает тебе трансцендировать биологию, физиологию, психологию. Настоящая музыка уводит тебя за пределы мира — Будда называет это дальним берегом, за пределами запредельного.

Гурджиев называл настоящее искусство «объективным искусством». Современное искусство, в этом смысле, не объективно. В прошлом пробужденные мастера использовали все возможные средства: живопись, скульптуру, музыку, танец, драму. Все средства использовались, чтобы вам помочь, потому что есть разные типы людей, которым может помочь разное: кому-то музыка, кому-то живопись, кому-то поэзия.

И в этом моя функция здесь: создать поле будды, коммуну, в которой используются все возможные средства. Но цель одна, цель единственная, устремленная к одному. Все эти дорожки ведут тебя к одной цели — к твоему внутреннему существу.

Харишаран, ты пришел в правильное место. Я не учитель музыки, потому что я не учу технике музыки, но, несомненно, я мастер внутренней музыки. Я слышал ее и могу помочь тебе ее услышать — и не только услышать, но быть ею.

А быть ею значит в первый раз быть. Быть ею значит родиться заново. Быть ею значит познать, что такое блаженство и что такое благословение.

Третий вопрос:

Любимый Мастер,

Два года назад я был калифорнийским туристом. После всего этого времени ты по-прежнему наполняешь меня удивлением и благоговением. Я люблю тебя.

Дева Нартано,

Я не последовательный человек. С последовательным человеком тебе уже было бы скучно, потому что последовательный человек продолжает повторять одно и то же. Я так непоследователен, ненадежен, непредсказуем, что ты никогда не знаешь, что я скажу или сделаю. Что случится в этой коммуне завтра, этого никто не знает — даже я!

Я узнаю, только когда я это уже сделал. Я узнаю, только когда я это уже сказал.

Поэтому ты можешь пробыть здесь всю жизнь, и твои удивление и благоговение не исчезнут; фактически, они будут становиться глубже и глубже.

И я не передаю тебе информацию, потому что она убивает удивление. А удивление это ценное сокровище; никакая информация этого не стоит.

Я здесь не для того, чтобы помочь тебе что-то изучить; напротив, моя работа в том, чтобы помочь тебе разучиться. Если ты становишься знающим, естественно, что бы ты ни узнал, это тебя больше не удивляет. Твои благоговение и удивление исчезают, становятся старыми. Ты знаешь это — как ты можешь этому удивляться? Ты можешь чувствовать удивление только если остаешься в состоянии не-знания.

Именно это я называю медитацией: состояние не-знания. Я очищаю тебя. Я не позволяю никакой пыли скопиться на твоих зеркалах. Я хочу, чтобы ты оставался свежим и молодым. В то мгновение, когда ты становишься знающим, ты теряешь способность удивляться. В то мгновение, когда ты становишься знающим, ты теряешь связь со мной.

Это место не для пандитов и эрудитов. Это место для тех людей, у которых есть это качество и храбрость — оставаться невинным перед безграничной тайной существования.

Уинслоу вошел в салун и заказал двойной бурбон. Внезапно он поднял глаза и осознал, что за стойкой стоит в фартуке и прочих причиналах большая собака.

— В чем дело? — спросила она. — Ты что, никогда не видел собаку за стойкой бара?

— Нет, не в этом дело, — ответил Уинслоу. — Что случилось с лошадью? Она что, продала тебе бизнес?

Так реагирует знающий человек — ничто не может его удивить.

Мак-Карти вошел в салун, где не было никого, кроме бармена, собаки и кошки.

Когда Мак-Карти заказал напиток, собака встала, зевнула и сказала:

— Ладно, пока, Джо.

И вышла.

— Ты это слышал? — сказал Мак-Карти бармену. — Собака говорила!

— Не будь придурком, — сказал тот, — собака не может говорить.

— Но я слышал своими ушами.

— Это тебе показалось. Собаки не разговаривают. Это был вон тот умник, кот — он чревовещатель.

В то мгновение, когда ты начинаешь чувствовать, что что-то знаешь, помни, ты теряешь связь с существованием. Знание — это преграда, единственная преграда, мешающая твоему единству с Богом. Оставайся невинным, оставайся невежественным. Продолжай умирать для прошлого, продолжай умирать для всех своих переживаний и опытов. Не собирай их, не будь накопителем. Помни это каждую ночь, когда ложишься спать, покончи с этим днем, покончи тотально. Засыпай как ребенок, просыпайся как ребенок. И ты никогда не потеряешь глаза, полные удивления, и сердце, которое может чувствовать благоговение.

И это я называю основным качеством религиозного человека: не то, что ты знаешь догму, не то, что ты знаешь кредо, но что ты ничего не знаешь или знаешь только одно — что ты ничего не знаешь. Лучше быть дураком с деревьями, реками, горами, чем быть ученым, потому что если к деревьям приблизится ученый, они просто перестанут общаться, закроют двери. Когда ученый подходит к цветку, это не тот же самый цветок; он прекращает посылать аромат. Если ты подходишь как дурак, ты можешь сказать дереву «Привет!», спросить, как дела, и дерево радуется: «Вот человек, с которым стоит поговорить, с которым у меня может быть диалог». Сиди с деревом, обними дерево, поцелуй дерево, почувствуй дерево. Конечно, люди подумают, что ты сумасшедший. Пусть думают! Это неважно. Что о тебе думают люди, абсолютно несущественно; не обращай на это никакого внимания. Но подружись с деревьями, потому что они могут открыть более глубокие секреты. Подружись со скалами, почувствуй их поверхность, их прохладу, их тяжесть, их возраст. Соединись с природой, и вскоре ты будешь удивлен тем, что чем более доступным ты становишься для природы, тем более доступной она становится для тебя. И не только ты говоришь «привет» — дерево отвечает. Оно посылает сообщение явственно и громко.

Сейчас даже ученые осознали, что деревья ведут себя по-разному с разными людьми. Когда приходит дровосек, дерево дрожит в страхе. Сейчас есть такие приборы, как кардиограф, который может засечь эту дрожь; они показывают на графике, что происходит с внутренним существом дерева. Видя, что приближается дровосек с топором, дерево боится, дерево в гневе, дерево полно ненависти, дереву не нравится этот человек. Если бы дерево могло убежать, оно убежало бы от этого человека. Если бы оно могло на него напасть, то напало бы, из чистой самозащиты. Но поскольку дерево укоренено и ничего не может сделать, по крайней мере, оно может стать совершенно мертвым.

Но когда садовник приходит полить дерево, кардиограф показывает другой график. Дерево танцует и раскачивается, оно совершенно открыто для садовника, будто готово обнять и поцеловать его. Если бы дерево могло заниматься любовью с садовником, оно сделало бы это. Оно полно любви. Когда приближается садовник, аромат его цветов становится сильнее.

Это научные факты — хотя есть мифологические истории о том, что вокруг Будды деревья становились зеленее, когда он садился и медитировал. Это возможно — сейчас это можно сказать научными фактами, это могло быть возможным. Будда, сидящий под деревом — может ли быть большее счастье? И дерево, под которым Будда стал просветленным, наверное, чувствовало огромную радость.

Сейчас ученые говорят, что дерево, под которым Будда стал просветленным — это самое разумное из всех деревьев, дерево бо. У него более всего тех веществ, которые делают человека способным быть умным. Ни одно другое дерево не содержит такого количества этих веществ. Наверное, Будда выбрал это дерево. И дерево было сохранено, оно все еще есть. У него другое качество, но это качество могут ощутить лишь те, кто невинен.

И то же самое правда обо всем существовании: оно наполнено Богом, полно до краев, переполнено Богом. Все, что тебе нужно, чтобы его принять — это невинное сердце. Ты не открыт, ты закрыт.

Вот мое послание для тебя: действуй из состояния не-знания, и ты познаешь истину — не в знании, но в невинности.

Нартано, я счастлив, что ты говоришь: *Два года назад я был калифорнийским туристом. После всего этого времени ты по-прежнему наполняешь меня удивлением и благоговением. Я люблю тебя.*

Калифорнийскому туристу это действительно трудно, потому что Калифорния так легковерна, что там собрались всевозможные дураки — Муктананда в Палм-Бич... всевозможные глупые люди со всего мира. Их словно влечет в Калифорнию какая-то магнетическая сила. Там любой дурак может собрать учеников. Все, что нужно знать — это какую-то эзотерическую чепуху. Ты говоришь о семи чакрах, семи планах, о кундалини, змеевидной силе, говоришь о *сиддхах*, духовных силах, об астральных путешествиях и видишь, что к тебе тянутся люди — разумные люди, гораздо более разумные, чем сами эти Муктананды. Фактически, это чудо!

Я встречался с Муктанандой. Однажды я шел мимо его ашрама, и он пригласил меня войти, и несколько минут я пробыл там. Я встречал многих глупцов — среди них он чемпион! Но в Калифорнии у него столько последователей. И что он там делает? — организовывает индуистские свадьбы! Подойдет любая глупость — как будто в индуист-

ских свадьбах есть что-то духовное. Это самая абсурдная вещь в мире, но люди готовы сделать что угодно, если это что-то иностранное.

Калифорнийскому туристу это трудно, но тебе это удалось. Это действительно достойно похвалы. Я это ценю, потому что, чтобы быть со мной, нужно иметь хребет. Человек должен быть готов отбросить всю ерунду. А калифорнийцы носят с собой столько ерунды, потому что ходят от одного так называемого гуру к другому так называемому гуру и собирают дерьмо отовсюду. Там есть и тибетские ламы, и индуистские монахи, и японские дзен-гуру, и так называемые суфии...

Фактически, настоящий мастер никогда никуда не едет. Ученик должен ходить и искать, ученик должен сам прийти к настоящему мастеру. Жаждающий человек идет к колодезю; колодец не гоняется за тем, кто хочет пить.

Если два года не разрушили тебя и твою невинность, это значит, что ее не может разрушить ничто. Даже если ты не здесь, ты испытал красоту молчания, ты испытал красоту и радость невинности. Где бы ты ни был, никогда никому не позволяй разрушить свою невинность, разрушить свою красоту.

Будь бдительным. Если ты можешь просто жить обычную жизнь с радостью, если ты можешь наслаждаться обычными вещами жизни, не нужно ничего другого. Религия — это не что-то экзотическое, не что-то сверхъестественное. Это самый обычный опыт пребывания молчаливым и невинным, полным удивления и благоговения.

Четвертый вопрос:

*Любимый Мастер,
В чем смысл невинности?*

Прем Лалит, зрелость означает то же самое, что и невинность, но с одним различием: это вновь обретенная невинность, возвращенная невинность. Каждый ребенок рождается невинным, но каждое общество развращает его. Каждое общество до сих пор имело на каждого ребенка развращающее влияние. Все культуры были основаны на эксплуатации невинности ребенка, эксплуатации ребенка, порабощении ребенка, обуславливании его в своих целях, ради своих причин — политических, социальных, идеологических. Все их усилие до сих пор было в том, чтобы превратить ребенка в раба и применить для своих целей. Эти цели определяются интересами круговой поруки. Священники и политики состояли в глубоком заговоре, который связывает их друг с другом.

В то мгновение, когда ребенок становится частью вашего общества, он теряет нечто безмерно ценное; он начинает терять связь с Богом. Он становится более и более подвешенным в голове. Он забывает все о сердце. А сердце — это мост, ведущий к существу; без сердца ты не можешь достичь существа, это невозможно. Из головы нет прямого пути к существу; ты должен пройти через сердце. Все общества стремятся разрушить сердце; они против любви, они против чувств. Они осуждают чувства как сентиментальность. Они веками осуждали влюбленных по той простой причине, что любовь не исходит из головы, она принадлежит сердцу. И человек, который способен на сердце, обязательно рано или поздно обнаружит свое существо. А когда человек нашел свое существо, он свободен от всех структур, от всех образцов. Он свободен от всех оков. Он — чистая свобода.

Каждый ребенок рождается невинным, но каждого ребенка общество делает знающим. Для этого существуют школы, колледжи, университеты; их функция в том, чтобы разрушить тебя, развратить тебя.

Зрелость означает обрести вновь потерянную невинность, вернуть себе рай, снова стать ребенком. Конечно, это по-другому, потому что обычный ребенок обречен на развращение, но когда ты обретаешь детство заново, развратить тебя становится невозможно. Никто не может тебя развратить, ты стал достаточно разумным. Теперь ты знаешь, что сделало с тобой общество, ты бдителен и осознан и не позволишь этому случиться снова.

Зрелость — это рождение заново, духовное рождение. Ты рождаешься заново, ты снова ребенок. Свежими глазами ты смотришь на существование. С любовью в сердце ты подходишь к жизни. С молчалием и невинностью ты проникаешь в свое глубочайшее ядро. Ты больше не только голова. Теперь ты используешь голову, но это твой слуга. Сначала ты становишься сердцем, затем ты трансцендируешь даже сердце...

Выйти за пределы мыслей и чувств, стать чистой естеством — вот что такое зрелость. Зрелость — высшее цветение медитации.

Иисус говорит: «Пока вы не родитесь заново, вы не войдете в мое Царство Божье».

Он прав, ты должен родиться заново. Весь процесс саньясы — это процесс перерождения.

Однажды Иисус стоял на рыночной площади, и кто-то спросил его:

— Кто достоин войти в Царство Божье?

Он оглянулся. Рядом был раввин, и раввин, наверное, выдвинулся вперед, думая, что будет избран — но он не был избран. Там был самый добродетельный человек в городе — моралист, пуританин. Он немного выдвинулся вперед в надежде, что будет избран, но не был избран и он.

Он оглянулся вокруг. Тогда он увидел маленького ребенка, который не ожидал, что его выберут, который не выдвинулся ни на шаг. Не было никакой идеи, не было даже речи о том, что его выберут. Он просто наслаждался всей этой сценой — толпа, Иисус, люди говорят, он слушает.

Он подозвал ребенка, взял его на руки и сказал толпе:

— Те, кто как этот маленький ребенок, только они достойны войти в мое Царство Божье.

Но помните, он сказал: «Те, кто как этот маленький ребенок...» Он не говорит: «Маленькие дети». В этом есть огромная разница. Он не говорит: «Этот маленький ребенок войдет в мое Царство Божье», потому что каждый ребенок обязательно будет развращен, заблудится. Каждый Адам и каждая Ева будут изгнаны из Эдемского сада, собьются с пути. Это единственный способ заново обрести детство: потерять его. Это очень странно, но именно так устроена жизнь. Это очень парадоксально, но жизнь — это парадокс. Чтобы познать настоящую прелесть детства, сначала нужно его потерять; иначе ты никогда не узнаешь ее.

Рыба никогда не знает, где океан — если не вытащить рыбу из океана, не бросить на горячий песок под жарким солнцем; тогда она узнает, где океан. Теперь она жаждет океана, прилагает все усилия, чтобы снова оказаться в океане, прыгает в океан. Это та же самая рыба, и все же не та же самая. Это тот же океан, и все же не тот же самый океан, потому что рыба усвоила урок. Теперь она осознает, она знает: «Это океан, это моя жизнь. Без него меня не будет — я его часть».

Каждый ребенок должен утратить невинность и снова ее достичь. Утратить невинность — это только часть процесса. Многие ее потеряли, но очень немногие достигли снова. Это несчастье, большое несчастье. Каждый ее теряет, но иногда Будда, Заратустра, Кришна, Иисус добиваются ее снова.

Иисус — это не кто другой, как вернувшийся домой Адам. Магдалина — это не кто другой, как вернувшаяся домой Ева. Они вышли из моря и увидели страдание, глупость. Они увидели, что быть вне океана не приносит блаженства.

В то мгновение, когда ты осознаешь, что быть частью любого общества, любой религии, любой культуры значит оставаться несчастным, оставаться узником, — в тот самый день ты отбросишь все цепи. Приближается зрелость. Ты снова достигаешь невинности.

Но не каждый ребенок — святой. Конечно, каждый святой — настоящий святой — ребенок. В ребенке есть то же качество, но он не

осознает его. А какой смысл что-то иметь, если ты это не сознаешь? Ты можешь владеть великим сокровищем, но не осознавать этого; тогда это все равно что у тебя ничего нет. Есть оно или нет, это не имеет значения.

Очень богатый человек был очень озадачен, потому что всю жизнь он стремился быть богаче, богаче и богаче, и в конце концов этого добился. Он стал богатым, он стал самым богатым человеком в мире, но блаженства не было. А он думал, что с богатством немедленно приходит блаженство. Он был очень разочарован. Это судьба всех успешных людей. Он стал ходить и искать какого-нибудь мудреца, который помог бы ему достичь блаженства.

Кто-то предложил сходить к суфийскому мастеру. Он поехал к суфийскому мастеру на прекрасном коне. Он принес с собой большую чашу, полную бриллиантов, может быть, самых драгоценных камней в мире, и сказал мастеру:

— У меня есть эти бриллианты, но ни капли блаженства. Как мне достичь блаженства? Не можешь ли ты мне помочь?

Мастер вскочил — богатый человек не мог поверить своим глазам — выхватил у него чашу и убежал. Богатый человек бросился за ним, крича:

— Меня ограбили! Меня обманули! Этот человек не мастер, этот человек вор — хватайте его!

Но в деревне мастер прекрасно знал все дороги, проселки и улицы, и он скрылся от богатого человека. Тот никогда ни за кем не бегал; это было трудно. Стала собираться толпа. Они знали суфийского мастера, они знали, что у него очень странные методы.

В конце концов они пришли к тому же самому дереву, под которым сидел мастер, когда его нашел богатый человек. Мастер снова сидел под тем же деревом с чашей в руках. Богатый человек подошел, и мастер отдал ему чашу, и богатый человек прижал ее к сердцу со словами:

— Какое блаженство. Я так рад, что нашел свое потерянное сокровище!

И мастер сказал:

— Не испытал ли ты немного блаженства? Пока ты ничего не потеряешь, ты не ощутишь его. Я заставил тебя ощутить его. Это способ испытать блаженство — что-то потерять.

Если ты можешь потерять эго, ты приобретешь себя — то, что Будда называет «не-я». Он называет это «не-я» по той простой причине, что это больше не старое эго. В этом нет ни следа эго; поэтому он

называет это «не-я». Потеряй эго, обрети себя или не-себя — и внезапно ты зрелый. Потеряй ум, обрети сознание — и ты зрелый. Умри для прошлого, будь рожден для настоящего — и ты зрелый.

Быть зрелым значит жить в настоящем, полностью бдительным и осознающим всю красоту и великолепие существования.

Пятый вопрос:

Любимый Мастер,

Как ты называешь американских особей женского пола?

Бивек,

Они тоже леди, но не в британском смысле. Англичане придают слову «леди» одно значение; американский английский — это совсем другое дело. Леди — это та, кто *good lay* — вот американское значение!

Американский палач приходит домой и говорит жене:

— Это ужасно, дорогая. Я собираюсь переменить профессию.

— Почему? — спрашивает жена.

— Мне так надоело смотреть, как кто-то висит!

— Мне тоже, — говорит жена. — Вот почему я собираюсь с тобой развестись.

Сегодня американец — это самое живое существо на земле. Он самый живой по той простой причине, что «американец» — это не национальность, — это смесь, смесь всех рас. Это место встречи — место встречи всех стран. Америка стала богатейшей страной по той простой причине, что смешение крови рождает самых лучших детей. Другие нации — это маленькие пруды, смешивающиеся внутри себя; это все равно, что смешивать кровь внутри собственной семьи. Чем меньше раса, тем ниже становится ее стандарт разума. Именно поэтому братьям не разрешается жениться на сестрах — по той простой причине, что ребенок будет просто тупым, в нем не будет никакой соли. Он не будет действительно человеком, он будет скорее бананом или помидором! У него не будет никакого разума.

Разум приходит от смешения рас. И в этом смысле Америка — это самая счастливая страна, потому что вся ее история насчитывает всего

лишь триста лет, а в ней уже встретился весь мир. Это будущее мира; именно таким будет весь мир. Все остальные страны должны чему-то научиться; смешение рас должно стать нормой. Женись на том, кто отстоит от тебя как можно дальше. Но люди женятся по противоположному принципу. Они находят кого-то по соседству, принадлежащего к той же религии, к той же расе, того же цвета. Это разрушает человечество.

Спросите любого животновода — они улучшили качество животных. Спросите людей, которые работают над тем, чтобы улучшить качество овощей и фруктов: они улучшили качество фруктов и овощей по той простой причине, что использовали смешение. Но в отношении человека мы очень ненаучны и суеверны.

В Америке все эти суеверия сломлены. Им пришлось, потому что это новая страна, и в этой новой стране пересекся весь мир. Люди из каждой страны, из Испании, Португалии, Италии, Франции, Голландии, Польши, даже Англии... здесь собрались люди отовсюду. Родилось совершенно новое человеческое существо, которое более разумно, более здорово, живет дольше и обладает огромной жадой приключений, храбростью. И оно создало самую богатую страну мира.

Индиец, англичанин и американец разговаривали на кладбище.

— Когда ты умрешь, рядом с кем ты хотел бы быть похороненным? — спросил американец.

— С Махатмой Ганди, — ответил индеец.

— С Уинстоном Черчиллем, — ответил англичанин.

— А я, — сказал американец, — хотел бы быть рядом с Ракель Уелш.

— Подожди минуту, — сказал индеец, — но она же еще не умерла!

— Я знаю, — ответил тот. — Но я тоже еще не умер!

Даже маленькие дети в Америке проявляют глубокие прозрения и разум, как ни в каком другом месте.

Джимми решил, что пришло время прочесть лекцию маленькому сыну, у которого были немного не все дома.

— Боб, — сказал он, — ты превращаешься в молодого человека и, я думаю, пришло время начать относиться к жизни серьезнее. Только подумай, если бы я внезапно умер, где бы ты оказался?

— Я был бы здесь, — ответил ребенок. — Вопрос в том, где был бы ты?

Последний вопрос:

Любимый Мастер,

*Значит, это не сумасшедший дом, как я думал,
— это зоопарк! Сегодня паук, сороконожка,
мышь, кошка (не говоря уже об обезьянах на
крыше), вчера свинья и корова, а раньше рыбы,
лягушки, принцессы... Ты что, Ной?*

Премананда,

Ты натолкнулся на истину. Я Ной, а это Ноев ковчег!

Ты говоришь: *Значит, это не сумасшедший дом, как я думал.*

В этом ты неправ. Это действительно сумасшедший дом, просто теперь ты сам стал одним из питомцев! Именно поэтому ты больше не чувствуешь, что это сумасшедший дом. Ни один псих не увидит, что он в психушке. Конечно, это и зоопарк. Столько вещей...

И ты говоришь: *Сегодня паук, сороконожка, мышь, кошка (не говоря уже об обезьянах на крыше)...*

И в этом ты неправ. Это были не обезьяны... это были американские туристы на пути в Гоа!

И ты упомянул паука, сороконожку, мышь, кошку, обезьян, свинью, коров, рыб, лягушек, принцесс... ты забыл уток, поэтому я расскажу тебе шутку об утках; иначе многие оранжевые утки на тебя рассердятся. Никто не хочет, чтобы о нем забывали. Мне напоминают каждый день. Австралийцы пишут каждый день: «Ты что, нас забыл?» Норвежцы, шведы, швейцарцы — все пишут письма: «Любимый Мастер, когда наша очередь?»

Когда отец умер, каждый из трех братьев получил в наследство утку. Они решили продать уток и посмотреть, кто выручит больше денег.

Первый брат продал утку за пять долларов.

Второй продал утку за десять долларов.

Третий брат шел по дороге и встретил хорошенькую молодую девушку.

— Дам тебе утку, если ты позанимаешься со мной любовью.

— Конечно, — ответила девушка.

Когда они кончили, девушка была так довольна, что сказала:

— Я верну тебе утку, если ты снова будешь заниматься со мной любовью.

— Конечно, — сказал третий брат.

Снова оказавшись на дороге, утка вырвалась у брата из рук и убежала на дорогу, по которой ехала машина. Машина сбила утку. Водитель согласился заплатить пятнадцать долларов за мертвую утку.

Когда все братья собрались, первый брат сказал:

— Я получил за свою утку пять долларов.

— Я получил десять, — сказал второй.

Тогда оба они посмотрели на третьего и спросили:

— А ты сколько получил за свою утку?

Третий брат ответил:

— *I got a fuck for a duck, a duck for a fuck, and fifteen dollars for a fucked-up duck*⁴.

На сегодня достаточно.

⁴ Ритмическая игра слов: Ай гот а фак фор э дак, э дак фор э фак, энд фифтин долларз фор э факд-ап дак: я трахнулся за утку, получил утку за то, что трахнулся, и пятнадцать долларов — за затраханную утку.

Глава 5

ОН — ЛУНА

*Ничего не желая, ни в чем не сомневаясь,
За пределами суждения, и отчаяния,
И удовольствий чувств,
Он вышел за пределы времени.
Он чист и свободен.*

*Как он ясен.
Он — луна.
Он безмятежен.
Он сияет.*

*Ибо он путешествовал
Жизнь за жизнью
По грязной и предательской дороге иллюзии.*

*Он не дрожит,
Не думает, не колеблется.
Он нашел мир.*

*Спокойно
Он отпускает жизнь
Дома, удовольствия и желания.*

*Ничто человеческое не может его удержать.
Ничто божественное не может его удержать.
Ничто во всем мироздании
не может его удержать.*

*Желание покинуло его,
Чтобы никогда не возвращаться.
Отчаяние покинуло его,
Чтобы никогда не возвращаться.*

Р аутама Будда описывает неопишемое. Он описывает внутренний мир мастера. Он описывает, что такое мастер, каково качество его сознания. Где он существует? — во времени за пределами времени, в пространстве за пределами пространства? Есть ли у него ограничения? пределы? Или он лишь чистый простор, простор неба? Само это явление так таинственно, что оно за пределами слов, которые мы используем, любых слов, которые мы можем использовать. Но все же можно дать несколько намеков. Это только намеки — не цепляйся за эти намеки. Это не научные утверждения; думай о них как о чистой поэзии. Да, пальцы показывают на луну, но забудь о пальцах и помни луну.

Ни одно слово недостаточно адекватно, чтобы описать мастера. Все слова несправедливы к мастеру, потому что слова предназначены, чтобы описывать обычное, а мастер трансцендирует обычное. Слова принадлежат миру; мастер в мире — и все же больше не от мира. Он существует здесь, но все же не существует здесь. Он — только отражение в озере. Он только тень, задержавшаяся на этом берегу; реальность уже достигла другого берега.

Если ты можешь это помнить, тогда даже эти слова окажут огромную помощь; иначе ты обязательно поймешь их неправильно... Я говорил вам снова и снова, что жизнь — это тайна, которую нужно прожить, а не проблема для разрешения. И Прем Мукта сообщает мне: «Ошо, это действительно случилось: я слышала, как один итальянский саньясин комментирует после лекции: "Ошо действительно знает, что такое жизнь. Это правда — то, он говорит: "Жизнь — это не проблема для разрешения, но несчастье, которое нужно прожить"».

Слова опасны! Ты можешь услышать в них нечто такое, чего в них нет. Ты можешь спроецировать в них нечто такое, что принадлежит тебе, и невозможно установить, что ты это делаешь. Хорошо, что этот саньясин сказал это кому-то другому... есть тысяча и одна вещь, которых ты никогда никому не скажешь — тогда это просто остается частью твоего внутреннего мира. И если ты понял совершенно неправильно, ты можешь, прежде всего, сделать из этого фундамент своей жизни. Слова могут быть опасны.

Правдивая история:

Кто-то услышал, как две матери говорят о своих сыновьях.

— Мой сын занялся медитацией, — сказала одна.

Другая ответила:

— Я думаю, это все лучше, чем сидеть и ничего не делать.

Но именно это и есть медитация: сидеть и ничего не делать — действительно ничего, даже внутри, даже не думать, даже не чув-

ствовать. Когда действие как таковое тотально прекращается, начинается медитация. Когда делание прекращается полностью, категорически, когда в твоём существе нет движения, тогда впервые происходит цветение медитаций.

Слушайте эти слова. Эти слова красивы, если их понять правильно — что очень трудно, потому что ты так бессознателен, так слеп. Ты живешь в состоянии ступора. Ты почти пьян — хотя никогда так не думаешь. Ты можешь видеть опьянение других, но никогда не думаешь, что ты тоже пьян — пьян жадностью, похотью, амбициями, эго. Все эти вещи алкогольнее, чем спирт.

Вот одна из величайших проблем человека: он очень легко видит, что другие неправы, но не может увидеть, что он сам в той же лодке.

Два розовых слона вошли в паб.

Бармен поднял глаза и сказал:

— Он еще не пришел!

Дошло? Он думает о каком-то другом пьянице, который видит розовых слонов. Он не пьян; какой-то другой парень напивается и видит розовых слонов. Теперь он видит их сам, но говорит слонам: «Подождите, он еще не пришел. Он придет немного позже».

В то мгновение, когда ты начинаешь видеть свое собственное состояние, устанавливается великая, радикальная перемена.

Слушай эти сутры с огромной бдительностью, осознанностью, не в полусонном, полупробужденном состоянии. Люди, в основном, находятся в таком состоянии двадцать четыре часа в сутки: наполовину спят, наполовину проснулись. Что-то они слышат, что-то всегда упускают. И проблема в том, что все, что важнее всего, всегда упускается, потому что это за пределами их способности воспринимать. Все несущественное они немедленно слышат, понимают; это в их силах. Но они продолжают забывать существенное — даже если слышат его.

Просто наблюдай себя. Понимание Будды, Христа, Кришны — одно из величайших упражнений в осознанности.

Жарким сверкающим солнечным днем Пол ехал на велосипеде. В конце концов усталость и жара так измучили его, что он остановился и сел на обочине дороги. Через несколько минут рядом остановился небольшой мерседес.

— Что-то не в порядке? — спросил человек за рулем.

— Нет, сэр, я еду в город, — ответил черный мальчик. — Я просто устал.

— Как ты видишь, внутри у меня недостаточно места для тебя и твоего велосипеда, — сказал обитатель мерседеса. — Но если ты привяжешь велосипед к заднему бамперу, я возьму тебя на буксир.

Через несколько секунд машина тронулась с места с велосипедом на буксире и выехала на хайвэй. На первом же светофоре рядом затормозил ягуар.

— Эй, — сказал человек внутри. — Хочешь устроить гонки?

— Вот это дело! — был ответ.

Вскоре они мчались со скоростью более ста двадцати миль в час, и водитель мерседеса совершенно забыл о черном мальчике на велосипеде.

Когда обе машины вышли на скорость сто сорок, встретила патрульная машина. Озадаченный полицейский схватил рацию:

— Эй, сержант, вы не поверите! — закричал он. — ягуар гонится за мерседесом на полной скорости, а за ними на той же скорости едет какой-то черный мальчик на велосипеде!

Слушайте эти прекрасные сутры очень осторожно, медитативно, в безмерном почтении, в глубоком доверии, потому что Будда раскрывает величайшие секреты жизни.

*Ничего не желая, ни в чем не сомневаясь,
За пределами суждения, и отчаяния,
И удовольствий чувств,
Он вышел за пределы времени.
Он чист и свободен.*

Двигайтесь медленна — каждое слово важно.

Ничего не желая, ни в чем не сомневаясь...

Священники веками говорили вам: «Не сомневайтесь, отбросьте сомнение». Но почему, прежде всего, вы сомневаетесь? Вы сомневаетесь, потому что желаете. Будда приводит к вашему сознанию самый корень проблемы. Если человек ничего не желает, у него нет причины ни в чем сомневаться; именно желание приводит за собой сомнение.

Это что-то очень особенное, никто не говорил этого так ясно. Фактически, никто не говорил этого до Будды. Если ты желаешь, ты не можешь избавиться от сомнения, потому что желание приносит верование, а верование порождает сомнение. Они ставят тебя в трудную ситуацию, которую невозможно поддерживать. Если ты веришь, ты обречен на сомнение; все верующие сомневаются. Это великое прозрение Будды: ни один верующий не может избавиться от сомнения.

Верование в самой основе значит, что есть сомнение, и ты покрыт этим сомнением. Сомнение сохраняется как рана, и ты закрываешь эту рану прекрасными цветами верования. Но, скрывая рану цветами, ты

не излечиваешь ее, она не исцеляется. Фактически, скрывая ее, ты делаешь ее еще более опасной. Она будет расти у тебя внутри, она будет продолжать распространяться; в конце концов она станет раковой опухолью. Почему, прежде всего, ты веришь? Если ты не сомневаешься, какая необходимость верить?

Подход Будды всегда очень фундаментален; он подходит к самому корню проблемы. Ты веришь, потому что сомневаешься. А почему ты сомневаешься? Он на этом не останавливается. Почему ты веришь, почему сомневаешься? — потому что ты желаешь.

Например, ты веришь в загробную жизнь, но также и сомневаешься. И вера, и сомнение существуют в тебе бок о бок. Ты веришь в загробную жизнь, потому что желаешь; ты полон великой похоти к жизни, ты не хочешь умирать. Поскольку ты не хочешь умирать, любой священник может тебя эксплуатировать. Он может сказать: «Не волнуйся, умирает только тело; твоя душа останется всегда. Твоя душа бессмертна». И ты тут же готов поверить. Почему? Не исследуя такой важный вопрос, ты веришь какому-то глупому священнику, который ничего об этом не знает, который ничего не пережил сам, который не проник глубоко в собственное существо. Может быть, он знает писания, он может цитировать Библию, Коран и Гиту, ну и что? Зная Гиту, Коран или Библию он тем самым не узнает, что душа бессмертна. Откуда ему знать? Какой авторитет он имеет это говорить? Авторитет Христа? — он заимствован. Авторитет Кришны? — он не его собственный. И пока он не его собственный, в нем наверняка есть сомнения.

Пока какой-то опыт не возникнет в твоём собственном существе, сомнение нельзя рассеять. Ты можешь продолжать верить в свет, сидя в темной комнате, но это не значит, что темнота рассеется только потому что ты веришь. Ты можешь цитировать Гиту и говорить о свете, но темнота сохранится. Ты можешь обманывать себя, веря в свет, ты можешь говорить, что темноты нет, ты можешь притвориться, что темноты нет, но ты знаешь, что она есть. Иначе зачем ты вообще говорил бы о темноте, если бы ее не было? Почему ты говоришь, что темноты нет? Если темноты нет, темноты нет! Зачем впустую тратить время?

Почему священники постоянно учат людей, что душа бессмертна? Они знают, что люди боятся смерти и хотят жизни. Страх смерти и желание жизни — это две стороны одной монеты.

Будда говорит: «Если ты чего-то желаешь, тебе придется верить». Почему ты веришь в Бога? Видел ли ты Бога? Пережил ли ты Бога? Ты можешь сказать, что Иисус видел Бога, но, может быть, он заблуждался. Либо он сам жил в иллюзии, либо обманул тебя. Кто знает? Как ты можешь быть уверен, что он знал? Какие у тебя основания верить, что кто-то вообще видел Бога?

Если ты страдаешь от головной боли, никто другой этого не знает, кроме тебя самого. Да, ты можешь сказать это, люди могут тебе посочувствовать. Они могут этого не говорить — они могут согласиться с тобой, могут не согласиться — но откуда они знают, что у тебя действительно головная боль? Знаешь только ты.

Заезжий психиатр, обходя палаты сумасшедшего дома, увидел пациента, который свернулся в углу и непрерывно чесался.

— Простите, — сказал доктор, — но почему вы так чешетесь?

— Потому что, — ответил человек, — я единственный, кто знает, где у меня чешется.

Этим вещам можно доверять, только если они становятся твоим личным опытом.

Но ты боишься смерти, ты веришь в загробную жизнь, ты желаешь загробной жизни. Ты боишься быть один, ты хочешь защиты. Ты хочешь Бога, ты хочешь фигуру отца. Ты все еще инфантилен. Ты не можешь жить сам по себе, ты не можешь стоять на собственных ногах. Твой настоящий отец, может быть, умер, или не умер, но ты прекрасно знаешь, что он так же ограничен, как и ты — у него есть собственные страхи, собственная дрожь. Ты не можешь верить в него так же, как верил, когда был маленьким ребенком; тогда отец был всезнающим, всемогущим.

Каждый ребенок хвастается своим отцом, говоря: «Он величайший человек в мире!» Но рано или поздно он находит просто обычного человека, и никого другого. Он знает: «Он страдает теми же страхами, что и я». Теперь он больше не защита.

Ты больше не можешь спрятаться за спиной матери... Тебе нужен больший отец, откуда проекция Бога. Это только твоя потребность, жажда защищенности, безопасности, защиты. Ты еще недостаточно зрел; поэтому ты веришь в Бога.

Посмотри на качества Бога: вездесущий... очевидно. Если его нет везде, какой смысл в него верить? Ты можешь упасть в канаву, а его там нет, ты можешь кричать, а он не услышит, он занят чем-то другим. На этой земле есть миллионы людей, и это не единственная земля. Ученые говорят, что есть, по крайней мере, пятьдесят тысяч обитаемых земель, миллионы звезд. Если он не вездесущий — ты такой маленький, а вселенная такая большая — как он о тебе позаботится? Конечно, ты веришь, что он вездесущий, он везде, и когда бы он тебе ни понадобился, он тотчас же приходит на помощь, немедленно.

Итак, он может быть вездесущим, но что, если он не всемогущий? Может быть, он недостаточно силен, чтобы тебе помочь; может быть, у него только две руки, а много ли можно сделать двумя руками? Поэтому есть люди, которые верят, что у него тысячи рук. Но даже тысяч

рук недостаточно, поэтому ты должен верить, что он бесконечен, что его власть бесконечна, что он может все.

И не только это: ты также должен верить, что он всевидящий, потому что если он только вездесущий и всемогущий, он может позаботиться только о настоящем. Это значит, что если ты упал в канаву, только тогда он может помочь, — но ты уже сломал ногу, у тебя перелом. Он всевидящий, он может видеть будущее, он может видеть все, поэтому прежде, чем ты упадешь в канаву, он может тебе помочь.

Только посмотри на качества, которые ты придаешь своему Богу. Это не качества Бога, это твои пожелания о нем. Тогда ты можешь в него верить; если в этом списке чего-то не хватает, начинают возникать сомнения. И Бог должен быть непогрешимым; если он погрешим, это опасно. Как ты можешь верить в погрешного Бога? Ты не можешь верить в погрешного Бога, потому что он может не справиться, все испортить. Вместо того, чтобы тебе помочь, он может создать еще больше проблем. Он должен быть непогрешимым. А если Бог непогрешим, должен быть непогрешимым и его сын Иисус Христос, потому что если отец непогрешим, как может быть погрешным сын? И тогда его представитель, папа в Ватикане, должен быть непогрешимым.

Видишь, куда ведет твоя логика... но она укоренена в желании. Ты веришь в такие глупости — что папа непогрешим. И даже сейчас, через две тысячи лет, ты все еще веришь, что папа непогрешим. А все папы делали такие глупости.

Галилей сказал, что Земля вращается вокруг Солнца, не наоборот... Библия говорит, что Солнце вращается вокруг Земли, все писания мира говорят, что Солнце вращается вокруг Земли, потому что так кажется. Во всех языках есть эти слова — «восход солнца», «закат солнца». Мы переживаем это каждый день; каждый день мы видим, что солнце восходит утром и заходит вечером. Мы видим все движение солнца от востока к западу, затем ночью оно исчезает; оно ушло на другую сторону земли, оно вращается вокруг земли. Это наш опыт! Именно это мы знаем, поэтому до Галилея все писания мира верили, что Солнце вращается вокруг Земли.

Галилей был первым человеком, который сказал, что реальность прямо противоположна: Земля вращается вокруг Солнца. Это противоречит Библии, а находить недостатки в Библии опасно. Если в Библии может быть одна погрешность, как насчет других вещей? Может быть, они тоже неправильны; может быть, нужен еще один Галилей, чтобы это установить. Чем это может кончиться? И если пророки погрешимы, что говорить о папе? И все папы верили...

Галилей был вызван на суд папы. Его заставили — он был очень стар, ему было семьдесят лет, он был болен — его привели в суд в цепях. Он лежал в постели и был так болен, что мог в любой момент

умереть. После этого он не прожил долго. Его заставили извиниться. И Галилей, наверное, был человеком великого прозрения. Он сказал:

— Конечно, если в так говорится Библии и с этим согласны все пророки, и если папы, которые непогрешимы, говорят, что Солнце движется вокруг Земли, я приношу свои извинения, сожалею.

Папа был очень доволен, суд был очень доволен тем, что они привели грешника в чувство.

Тогда Галилей сказал:

— Но одно я должен вам сказать: я могу извиниться, я могу сказать, если хотите, что Солнце вращается вокруг Земли — но Солнце не послушается меня, и Земля не обязана следовать моим приказам. Земля по-прежнему будет продолжать вращаться вокруг Солнца, несмотря на мои извинения. Я приношу извинения, но что я могу сделать? Если Земля движется вокруг Солнца, я не могу ее остановить.

И эти папы мешали всему научному росту. И все же в двадцатом веке миллионы католиков продолжают верить в непогрешимость папы. Но это действительно логическое следствие: если ты веришь, что Бог непогрешим, тогда, конечно, непогрешим и его сын, непогрешим и представитель его сына.

Но почему глубоко внутри ты веришь в эту чепуху? И это верно не только в отношении католиков; это верно и в отношении индуистов, мусульман, джайнов, даже буддистов. Все они продолжают верить в сушущую чепуху.

Буддисты верят, что Будда родился, пока его мать стояла в саду; она вышла на прогулку. И мало того, он сам родился стоя. Он вышел из чрева, встал на землю, прошел семь шагов и сказал: «Я пробужденный!» Двадцать пять веков буддисты верили в эту ерунду. Ни один ребенок не может этого сделать, но подвергнуть это сомнению значит подвергнуть сомнению писания. Если усомниться в писаниях, в тебе возникает великая дрожь, потому что ты пугаешься. Сомневаться нехорошо, сомневаться нерелигиозно; человек должен верить. И чем абсурднее верование, тем труднее испытание для верующего.

Будда говорит:

Ничего не желая, ни в чем не сомневаясь...

Мастер ничего не желает, поэтому он ни в чем не сомневается — потому что ни во что не верит. Мастер живет без желания, без верования, без сомнения. И все, что остается во внутреннем существе мастера — это доверие. Доверие — это не вера; это отсутствие и веры, и сомнения. Будда назвал это *шраддха*. Это можно перевести только как «доверие» — доверие к существованию.

Верование укоренено в желании, и каждое верование несет в себе, как тень, вторую половину — сомнение. Доверие — это отсутствие желания, верования, сомнения. Это чистота сердца, невинность сердца. В этом невинном сердце встречается и сливается вселенная. Это доверие; оно не имеет с тобой ничего общего. Не ты доверяешь; тебя больше нет, есть лишь доверие.

*Ничего не желая, ни в чем не сомневаясь,
За пределами суждения, и отчаяния...*

Мастер выходит за пределы суждения; поэтому нет речи о веровании или сомнении. Он никогда не судит; он никогда не говорит: «Это правильно, а это неправильно». Он отбросил ум, который является постоянным процессом суждения. Ум постоянно судит; его суждения становятся одержимостью.

Ты видишь цветок розы, и не успеваешь ты его увидеть, ум говорит: «Он красивый». Ты видишь, что мимо идет человек, и не успеваешь ты увидеть его правильно, как ум говорит: «Этот человек безобразен». Суждение мгновенно, кажется, оно не занимает времени. Ты постоянно судишь.

Мастер смотрит на факты, но не имеет суждений, потому что, фактически, красота и уродство — это наши проекции. Когда ты говоришь, что роза красива — это твоя идея, ничего больше. Роза это роза это роза; она ни красива, ни уродлива, она — это просто она. Безобразный человек не безобразен, красивый человек не красив; дело только в твоём представлении о красоте. Отсюда различия в том, что люди считают красивым.

В Китае у красоты один цвет, одна форма; в Индии другая форма и другой цвет, в Европе, очевидно, третья. В каждой стране собственное представление о красоте, и эти представления постоянно меняются, приходят и уходят — как мода. Одна вещь сегодня красива, а завтра становится уродливой; сегодня она уродлива, завтра внезапно становится красивой.

Можете ли вы поверить, что двести лет назад картины Пикассо сочли бы красивыми? Невозможно! Во всем мире не нашлось бы ни одного человека, который сказал бы, что они красивы. И каждого, кто сказал бы это, сочли бы сумасшедшим.

Винсент Ван Гог не смог продать ни одной картины, ни единой, по той простой причине, что все считали их просто безумными — не только уродливыми, но и безумными. Сейчас сохранилось только двести картин, и каждая имеет такую ценность, что если бы эти люди вернулись и увидели, что картины Винсента Ван Гога продаются за миллионы долларов, они не смогли бы поверить своим глазам: что случилось с человечеством? «Что за красоту люди внезапно нашли в

картинах Винсента Ван Гога? Никто не считал их красивыми». Представление о красоте переменялось.

Современная поэзия не красива в том смысле, в котором была красива поэзия Шекспира; она не красива в том смысле, что поэзия Калидаса или Бхавабхути, Байрона и Шелли. Это совершенно другая красота. Просто наше представление! Если человек исчезнет с земли, не останется ничего красивого и уродливого. Сорняки будут такими же ценными, что и розы; не будет никакой разницы, будет просто равенство.

Мастер — это тот, кто отбросил все человеческие идеи о вещах, поэтому у него нет суждений. Он живет в не-суждении. И видите ли вы? — когда ты живешь в не-суждении, ты естественно достигаешь безмятежности; ничто не беспокоит тебя, ничто не обижает, ничто не привлекает, ничто не волнует.

За пределами суждения, и отчаяния...

Будда говорит: «Если ты действительно хочешь выйти за пределы отчаяния, выйди за пределы суждения». Но выйти за пределы суждения значит выйти за пределы ума. Ум полон суждений; если ты живешь в уме, он будет удерживать тебя запутанным во всевозможных суждениях. Если ты отбрасываешь ум, внезапно все существование становится тебе доступным. Впервые ты не затянут облаками.

— Ну, давай, пора трахаться, — сказал итальянец девушке через пять минут после того, как зашел за ней.

— О, ты такой изощренный, Петро, — сказала она.

«Такой изощренный» — всего через пять минут! Но в Италии это может быть изощренным; через пять минут в Индии — было бы изнасилованием, и девушка стала бы звать полицию. Чтобы охмурить женщину, убедить, вернуть ее на землю, потребуются месяцы. Это очень долгий процесс. Но в Италии, кажется, все происходит быстро: пять минут, и она говорит: «Ты такой изощренный, такой культурный!» Все зависит от ваших представлений.

*Ничего не желая, ни в чем не сомневаясь,
За пределами суждения, и отчаяния,
И удовольствий чувств,
Он вышел за пределы времени.
Он чист и свободен.*

Эти четыре вещи нужно понять. Первая: ощущения и их удовольствия; это низшая форма жизни. И помни, называя их «низшими»,

Будда их не осуждает, это не оценка — это просто констатация факта. Точно как ты говоришь «низшая ступенька лестницы» — в этом нет суждения. Это не плохо, ничем не ниже высшей ступеньки. Это просто констатация факта. Это нужно постоянно помнить, иначе ты забудешь; ты начнешь думать, что сам Будда судит. Тогда мастер он или нет? Он не судит, он просто констатирует факт.

Ощущения — это самое низшее, потому что это периферия, это часть тела. Есть люди, живущие только в ощущениях, они все еще живут как животные. Снова помни, это не осуждение: животные не плохие, животные не аморальные. Нет речи ни о какой иерархии. Но животные живут в теле, и человек, живущий только чувствами, живет животной жизнью. Он живет на пороге своего дворца. Он не аморален, но, несомненно, неразумен. Он мог бы жить во дворце, а живет на пороге — страдая от жаркого солнца, дождей и холода. Он мог бы быть в безопасности, удобстве и уюте дворца. Ему принадлежит дворец, но он живет на пороге, считая, что это все, что есть в жизни.

Человек, живущий только в чувственности, похоти, одержимый едой, одержимый телом, постоянно думающий о теле — это еще не человек. Это хорошее животное, но совершенно слепое к потенциалу, с которым оно рождено, совершенно слепое к тому, кем оно может стать, бессознательное ко всему спектру своего существа.

Второй круг, более глубокий, чем тело — это ум. У ума есть собственные удовольствия, которые немного выше. Снова, помните, это не имеет ничего общего с суждением. Он немного глубже, немного ближе к внутреннему алтарю. Он реализует небольшую часть твоего потенциала. Человек, который наслаждается математикой, наукой, философией, несомненно, испытывает более глубокое чувство радости. Радость Платона глубже радости Нерона.

О Нероне говорят, что, уходя на войну, он брал с собой четырех врачей и постоянно держал их при себе. Эти четыре врача должны были помогать ему вызвать рвоту, потому что каждый день он слишком много ел. Столько есть невозможно; всему есть предел. Можно есть три раза, четыре раза, самое большее, пять раз; больше невозможно. Тело не сможет все это содержать, оно лопнет. Поэтому после еды врачи помогали ему вызвать рвоту, чтобы он снова мог есть. Он ел, по крайней мере, двадцать раз в день. Наверное, он был величайшим едоком в мире. Но что это за жизнь? — двадцать раз есть и двадцать раз извергать! — как будто жизнь заключена только во рецепторах языка, вкусовых рецепторах.

Конечно, Платон гораздо глубже. Он наслаждается созерцательной жизнью: он созерцает звезды, созерцает рассвет и закат, созерцает возможности человеческого прогресса. И он наслаждается этим — наслаждается настолько, что часто забывает поесть, совершенно забывает, что пропустил еду.

Однажды это случилось:

Альберту Эйнштейну принесли завтрак, а он был в глубоком размышлении — наверное, он был погружен в великую математическую задачу — и сидел с закрытыми глазами. И слуга не стал его беспокоить; он оставил завтрак перед ним и ушел.

Через некоторое время к нему пришел друг. Он тоже увидел, что тот глубоко погружен в мысли, и подумал: «Будет лучше... завтрак остывает». И он съел завтрак и отодвинул в сторону тарелки.

В этот момент Эйнштейн открыл глаза, посмотрел сначала на пустые тарелки, потом на друга и сказал:

— Извини, но ты немного опоздал. Я уже позавтракал.

Это гораздо лучше, чем быть Нероном. Но есть третий слой, еще выше, еще глубже: слой сердца — любви, музыки, поэзии, танца. Люди, которые наслаждаются искусством, люди, которые наслаждаются и восхищаются гармонией, цветом, люди, которые видят какую-то поэзию в жизни и существовании, которые способны чувствовать продолжающееся вокруг празднование, — конечно, они идут еще глубже. Рабиндранат... поэт глубже математика, музыкант глубже философа. Но все это концентрические круги вокруг центра.

Четвертых — мистиков — в Индии называли просто четвертыми, «турийя» — мир существа, внутреннего ядра. Те, кто наслаждается медитацией, не едой, не философией, не поэзией, кто вышел за пределы всего этого и вошел в мир полного молчания, абсолютной пустоты, кто умеет не быть... Да, вот в чем вопрос: «Быть или не быть?» Те, кто выбрал не быть, — они медитаторы. Они переместились из чувств в самадхи, и это высочайший опыт жизни:

Будда говорит:

*Ничего не желая, ни в чем не сомневаясь,
За пределами суждения, и отчаяния,
И удовольствий чувств,
Он вышел за пределы времени.*

Человек, который переместился в свое существо, переместился за пределы времени. Время существует для тела, для ума, для сердца, но для существа времени нет. Ты внезапно переживаешь безвременность — или можешь назвать это вечностью. Только в этом состоянии, когда ты трансцендировал ум, трансцендировал время, ты чист и свободен. Впервые ты знаешь, что такое чистота. Это не нечто привитое; это нечто подобное аромату глубокой медитации. Радость, песня, празднование рождаются из этого молчания, звук беззвучного молчания — эта чистота, эта невинность; ты снова стал ребенком. Это и зрелость, это

и рост. Ты достиг совершеннолетия. Ты действительно родился, родился заново.

Как он ясен.

Теперь мастер приобретает ясность, потому что все облака рассеялись, облака, созданные телом... Тело создает самые темные облака, самые густые, тяжелые. Когда ты идешь дальше вовнутрь, облака менее темны, менее густы, менее плотны. Когда ты достигаешь турийи, четвертого, все облака исчезают; остается чистая ясность. Ты видишь насквозь. Все существование становится прозрачным. Ничто больше не скрыто от тебя.

Как он ясен.

Он — луна.

Он безмятежен.

Он сияет.

В этот момент в его энергии происходит алхимическая перемена. Обычно человек живет как солнечная энергия; мастер живет как лунная энергия. Это только метафоры, но это очень важные, выразительные указания. Луна значит холодная энергия, солнце значит горячая энергия. Когда ты живешь в страсти, похоти, гневе, ревности, собственничестве, ненависти, ты живешь как огонь. Не только другие сгорают в тебе, но и ты сам. Фактически, если ты хочешь обжечь других, сначала ты должен обжечь себя; лишь тогда ты можешь обжечь других. Ты в постоянной лихорадке. Солнечная энергия лихорадочна, она создает безумие, она сводит тебя с ума. Она заставляет тебя продолжать гоняться за иллюзиями.

Медитация — это чудо, преобразующее солнечную энергию в лунную. Луна каждую ночь создает волшебство. У луны нет собственных лучей, она просто отражает солнечные лучи. Она поглощает солнечные лучи и отражает их; луна действует как зеркало. Поэтому луна символизирует две вещи; во-первых, это зеркало. Мастер — это зеркало. Медитация делает тебя зеркалом — без всякой пыли, абсолютно ясным и чистым, так что все отражается как есть, без всякого суждения — но просто как есть, в своей абсолютной фактичности.

И во-вторых, луна, просто отражая их, преобразует горячие солнечные лучи в прохладную энергию. Именно это происходит в мастере. Он поглощает ту же самую энергию, что и вы, ест ту же пищу, пьет ту же самую воду, вдыхает тот же самый воздух, но в нем постоянно происходит некая алхимическая перемена.

Ты от пищи становишься более и более сексуальным, в дыхании ты становишься более и более горячим. Мастер вдыхает тот же воздух, но внутри его происходит какое-то чудо, которое недоступно для твоего восприятия. Тот же самый воздух не создает такого же воздействия, какое оказывает на тебя, та же самая пища не вызывает тех же проблем, какие создает для тебя. Мастер не живет в другом мире; он живет в твоём мире, и живет так же, как живешь ты.

Те, кто бежит от мира, не настоящие мастера; они боятся мира. Они боятся поглощать эту безумную энергию. Мир её полон; поэтому они бегут в Гималаи. Но само это бегство просто показывает, что они еще не мастера. Настоящий мастер живет здесь, в мире. Он поглощает ту же безумную энергию, но когда она возвращается, когда она отражается от него, она больше не безумна. Она становится грациозной, она становится прохладной. Он изливает тысячу и одно благословение даже на тех, кто недостоин, даже на тех, кто не восприимчив, даже на тех, кто никогда не будет благодарен, даже на тех, кто причинит ему вред.

Иисус поцеловал Иуду и помыл ему ноги, зная, что этот человек предаст его. Он прекрасно это знал, потому что прежде, чем помыть Иуде ноги, он сказал ученикам:

— Сегодня один из вас предаст меня.

Но он не может по-другому; он может только поцеловать, он может только помыть ноги. У него нет эго, он совершенно скромен. Фактически, у него нет «себя»; он стал не-собой. Будда использует слово *анатта* — «не-я». И он постоянно излучает прохладную энергию луны.

Ибо он путешествовал

Жизнь за жизнью

По грязной и предательской дороге иллюзии.

Он знает по собственному горькому опыту. Он полон сострадания к тебе. Если ты глубоко в грязи, у него есть для тебя только сострадание. Он приложит все усилия, чтобы вытащить тебя из грязи, потому что многие жизни он был в этой грязи сам. Он путешествовал по тому же пути, тысячи раз сбивался с дороги, так же страдал.

Это одна из самых красивых вещей в учении Будды, потому что все религии пытались доказать обратное. Индуисты говорят, что Кришна, Рама и все *аватары* спустились с небес и являются частями Бога, инкарнациями Бога. В этом смысл слова «аватара»: «аватара» значит «спустившийся сверху». Они не такие, как мы, они пришли как посланцы Бога. Они не путешествовали по той же грязной дороге. Как они могут понять наше страдание? Они никогда не страдали от тех же проблем. То же самое в иудаизме. И помните, это две единственные

религии; все другие религии родились из этих двух. Иудаизм тоже исповедует ту же идею: что Бог посылает посланцев, мессий, пророков. Это особенные люди, не обычные, не такие, как вы.

Подход Будды безмерно гуманен; он был первым гуманным мистиком. Он говорит: «Я путешествовал по тому же грязному пути, я страдал так же, как страдаете вы, я совершил те же ошибки. Поэтому я могу понять вас, я могу понять, что вы неспособны понять меня, потому что я сталкивался со многими буддами в других жизнях, многими; я никогда не понимал их, всегда понимал неправильно. Поэтому, если вы меня не понимаете, не стоит поднимать из-за этого большого шума. Это просто, это естественно, это неизбежно. И что бы вы ни сделали со мной, — говорит Будда, — все в порядке. По-прежнему я буду осыпать вас цветами, потому что мне больше нечем вас осыпать».

Будда не аватара. Он не пришел сверху, не поднялся снизу. Он лотос; он вырос из той же грязи, в которой вы барахтаетесь. И я совершенно согласен с ним. Индуистская и иудаистская концепция совершенно бесчеловечна; эта концепция ошибочна. Она не может помочь человечеству быть трансформированным.

Будда приносит совершенно новое прозрение. Его подход не мифологический, его подход очень научный.

Ибо он путешествовал

Жизнь за жизнью

По грязной и предательской дороге иллюзии.

Поэтому он знает и понимает тебя. Ты можешь его не понять, но он понимает тебя.

Маленькую девочку бабушка слишком быстро везла в машине.

— Не поворачивай так резко, бабушка! — попросила она.

— Делай как я, милая, — ответила та, — закрывай глаза!

Слепые ведут других слепых; они создали всевозможные суеверия, мифологии, религии. Вести способен только будда, только пробужденный, только тот, кто до этого принадлежал к вам. Вы спите, а он пробужден, это единственная разница; другой разницы нет. Он может помочь тебе тоже проснуться, потому что знает, как просыпаться, знает, как это трудно, с какими проблемами придется столкнуться. Он знает твоё состояние.

Забинтованный пациент в больнице сквозь сон разговаривал с пришедшим навестить его другом.

— Ч-ч-что случилось?

— Вчера ты выпил слишком много и поспорил, что выпрыгнешь из окна и облетишь квартал.

— Почему же ты не остановил меня? — закричал тот.

— Черт возьми! Я поставил на тебя двадцать пять долларов.

Служащий приемной пятизвездочной гостиницы поднимает телефонную трубку:

— Могу я вам помочь?

— Да, — раздался ответ, — не скажете ли вы мне, во сколько открывается ваш бар?

— Да, сэр. Бар открывается в пять часов.

— Спасибо.

Через час телефон звонит снова, и тот же голос спрашивает:

— Н-н-не скажете ли вы мне, во сколько открывается в-ваш бар?

— В пять часов, сэр, — говорит служащий.

— С-с-спасибо!

Проходит еще час, и телефон звонит снова.

— Пожалуйста, скажите, к-когда... к-к-когда... к-когда открывается (икота) в-ваш бар?

— Повторяю, в пять часов, — отвечает раздраженный служащий.

Через час телефон снова звонит.

— Ик! Ик! Алло!

— Опять вы! — кричит служащий, — я же вам сказал, что бар открывается в пять, но в таком состоянии мы не можем впустить вас в бар!

— Но... н-но... н-ноо — ик! — я и не хочу в него входить! — кричит голос. — Я хочу из него выйти!

Только если кто-то побывал внутри, он знает все входы и выходы. Только тот, кто был так же пьян, как ты, может тебе помочь. Именно поэтому так помогает организация Анонимных Алкоголиков. Она помогла тысячам пьяниц по той простой причине, что помогают другие пьяницы. Они понимают друг друга, понимают проблему. Они не стоят высоко вверх, глядя на них глазами, полными осуждения, и проповедуя быть хорошими, смотря на них с этим глупым видом «святее-чем-ты». Они побывали в таком же положении, они много страдали; они понимают язык друг друга.

Поэтому Будда помог большему числу людей стать просветленными, чем кто-либо другой в истории человечества. Я не думаю, что Кришна помог кому-то стать просветленным; он был просветленным, но не смог помочь никому другому. И я боюсь, что Иисус не смог никому, даже среди двенадцати апостолов, помочь. Они остались обычными до самого конца; ни один из них не стал просветленным.

Будда кажется очень исключительным мастером — фактически, первым мастером, которого действительно можно назвать мастером, потому что благодаря ему тысячи людей стали просветленными. И причина, делающая Будду таким привлекательным, в том, что он не был притворщиком. Он не мессия, он не спустился сверху, он ни на что не претендует. Он не единственный единственный Сын Бога; он вообще не говорит о Боге. Он не говорит никакой чепухи. Он очень здоровый и земной. Он дельный. И он может безмерно помочь. Он говорит:

Ибо он путешествовал

— *мастер путешествовал* —

Жизнь за жизнью

По грязной и предательской дороге иллюзии.

Когда же ты проснешься? Ты продолжаешь откладывать, ты говоришь: «завтра». И ты делал это веками, и завтра так и не пришло. Когда же оно придет? Перестань откладывать. Откладывание — это трюк ума.

После мягкого взлета капитан Боинга-707 приветствовал пассажиров:

— Дамы и господа, добро пожаловать на борт. Я Капитан Кук, я и моя команды желаем вам приятного полета. Мы приземлимся в Амстердаме примерно через пять часов.

Через несколько минут в колонках громко прозвучал тот же голос:

— Черт возьми, Джонни, как бы мне хотелось холодного пива и good screw...

Стюардесса побежала на корму сообщить пилоту, что он не выключил громкоговоритель. Пассажир схватил ее за руку и сказал:

— Эй, детка, куда так спешить? Нам еще лететь пять часов!

Мы всегда думаем в терминах будущего. Перестань думать в терминах будущего; это не способ жить, продолжать, получать питание. Будущее — это питание для ума. В то мгновение, когда ты становишься решительным в отношении настоящего, ум начинает умирать. Это начало конца, конца ума. А конец ума — это начало твоего настоящего существования, твоей настоящей жизни.

Как ты не видишь, что эта жизнь была очень предательской, что она обманывала тебя раз за разом? Все же ты продолжаешь обманываться. Как ты легковверен! И ты продолжаешь падать в одни и те же ямы, — они даже не разные — попадаться в те же самые ловушки.

Еврей и поляк сидели вместе в купе поезда. Еврей ел яблочные косточки.

Через некоторое время поляку стало любопытно, и он спросил:

— Почему ты ешь яблочные косточки?

— Яблочные косточки придают ума!

Поляк, еще более заинтригованный, спрашивает:

— А они не продаются?

— Да, конечно, ты можешь получить эти косточки всего за пять долларов.

Поляк соглашается и начинает есть косточки. Внезапно поляк поворачивается к еврею и говорит:

— Эй, ты, послушай, за пять долларов я мог бы купить пять килограмм яблок!

Еврей поворачивается к нему с удовлетворенной улыбкой и отвечает:

— Вот видишь — они уже начали работать!

Ты продолжаешь совершать те же самые ошибки. Тебя продолжает эксплуатировать предательская жизнь, тебя окружают всевозможные ловушки. И императоры, и нищие находятся в одной и той же лодке; нет никакой разницы. Бедный и богатый находятся в одной лодке; нет никакой разницы, потому что все полны желаний. И пока существует желание, существует и эго, а когда существует эго, создается иллюзия, потому что эго есть величайшая иллюзия. Даже в нищем, у которого ничего нет, ты найдешь такое же эго, что и в Александре Великом, потому что желание одно и то же. Может быть, у Александра Великого есть много денег и много власти, но это не имеет значения; он все еще желает. Может быть, у нищего ничего нет, но он тоже желает.

Расстояние между тобой и твоим желанием остается прежним. Оно подобно горизонту: расстояние между тобой и горизонтом всегда остается прежним. Ты можешь продолжать двигаться к горизонту всю жизнь; расстояние не сокращается, оно остается прежним. Ты можешь отречься от мира, ты можешь начать убегать от горизонта, но тогда снова ты окажешься лицом к горизонту. И теперь желание достичь другого горизонта... Если ты направлялся на запад, теперь ты идешь на восток, но горизонт остается прежним — на севере или на юге. Ты можешь пойти в любом направлении — горизонт один и тот же. Бегство не поможет. Ты можешь отречься от мира — это не изменит тебя.

Есть только одна перемена — единственная перемена, единственная революция — и эта революция заключается в том, чтобы отбросить иллюзию эго. Именно эго заставляет тебя идти по грязной и предательской дороге иллюзии.

И помни, не дурачь себя тем, что «Александр Великий эгоист. Я бедный человек, скромный человек. Я каждое воскресенье хожу в церковь — как я могу быть эгоистом?» Ты в той же лодке, на той же дорожке. У тебя такое же эго.

Роллс-ройс, управляемый шофером, остановился на светофоре, и в окно машины постучался бродяга и протянул руку. Несколько образованный английский джентльмен на заднем сиденье опустил окно и сказал культурным тоном сказал: «Не одалживай и не проси... Уильям Шекспир». И роллс-ройс тронулся с места.

Бродяга, видя, что роллс-ройс остановился на следующем светофоре, подбежал к нему и постучался в окно. Джентльмен опустил окно, и бродяга сказал: «Fuck you. Д. Х. Лоуренс»

*Он не дрожит,
Не думает, не колеблется.
Он нашел мир.*

В нем нет страха. Когда не стало желания, страх не может существовать. Пока было желание, ты всегда боялся — получится ли у тебя на этот раз? Или, если ты достигал цели желания, ты боялся, сможешь ли ты удержать ее навечно. Если ты хочешь стать президентом, приходит страх — получится ли это? Миллионы людей хотят быть президентом. Есть столько невротичных людей — ты не единственный. Весь мир безумен; ты не единственный сумасшедший. Получится ли у тебя? И ты должен быть на самом деле безумнее всех, чтобы получилось, потому что тебе придется соревноваться с другими сумасшедшими. Ты всегда дрожишь.

И если случайно — это всегда случайно — если благодаря какому-то совпадению ты становишься президентом, возникает новый страх: сможешь ли ты удержаться? — потому что тебя пытаются сбросить столько людей. Тебя тянут за ноги, люди выталкивают тебя из кресла. Вокруг тебя столько людей, и каждый опасен, потому что каждый хочет сидеть в этом кресле, но в кресле помещается только один человек. Теперь в тебе возникает такой страх, что ты не можешь спать. Фактически, теперь ты боишься больше, чем раньше; ты знаешь, что рано или поздно они тебя потопят. Их так много, а ты один. Они соберутся вместе и утопят тебя.

Но в мастере нет дрожи, потому что в нем нет желания. И он ни за что не цепляется, потому что знает, что ничто не достойно того, чтобы за него цепляться; у него есть такая ясность видения. Все, что его, всегда его, никто не может это отнять. Теперь он видит. И все,

что не его, будет отнято, цепляется он или нет, — так какой смысл цепляться? Зачем тратить время даром?

Он никогда не колеблется — такова его ясность. Для мастера нет вопроса выбора между альтернативами; он просто видит... и действует. Это не вопрос или-или. Никогда! Он видит дверь и выходит через нее. Дело не в том, чтобы выбрать, пройти ли через стену или через дверь. Для тебя вопрос всегда в том, пройти через стену или через дверь. Фактически, стена выглядит более привлекательной, потому что миллионы раз ты пытался пройти сквозь стену, ты очень сердит на стену и собираешься доказать, что однажды сможешь ее победить. Эта тупая стена побеждала тебя раз за разом; ты хочешь отомстить. Фактически, ты не видишь дверь; ты видишь только ту стену и эту стену. Ты всегда должен выбирать, через какую стену тебе пройти.

Для мастера дело никогда не в выборе. Он живет не выбирая, потому что он живет сознательно. Он бдителен, у него есть глаза, чтобы видеть, а ты слеп; поэтому ты всегда колеблешься. Поскольку в нем нет страха, нет цепляния, нет колебаний, он *обрел мир*. Естественно, в его существе царит безмерный мир.

Спокойно

Он отпускает жизнь

Дома, удовольствия и желания.

Спокойно

Он отпускает жизнь...

Он не поднимает вокруг этого никакого шума, не хвастается отречением. Все, что он видит как тщетное, он отбрасывает. Фактически, даже сказать, что он отбрасывает, неправильно — он отпускает, позволяет упасть. Он не сопротивляется, вот и все. Он не делает усилия удержать. Его жизнь лишена усилий.

Дома...

Дом символизирует безопасность — он отбрасывает идею безопасности. Какая может быть безопасность, когда смерть отнимет все? В этой жизни не может быть никакой безопасности, на этом берегу не может быть никакой безопасности; поэтому он не беспокоится о безопасности.

...удовольствия...

потому что он знает, что удовольствие всегда приносит боль. Он увидел ясно, что удовольствие — это только фасад; за ним скрывается боль. Он видит насквозь; и он отпускает.

...и желания.

ради которых он жил много, много жизней и увидел, что они невыполнимы. Он всегда хочет большего: чем больше у тебя есть, тем больше просишь. Это абсолютно абсурдное упражнение в бесполезности.

Увиденные, все эти вещи исчезают из его жизни. Он не отрекается... Именно поэтому я настаиваю: никогда ни от чего не отрекайся. Если что-то ничего не стоит, оно отпадет само собой. А когда вещи отпадают сами собой, в этом безмерная красота, потому что они оставляют тебя мирным, спокойным, тихим, собранным и центрированным.

Ничто человеческое не может его удержать.

Ничто божественное не может его удержать.

Ничто во всем мироздании не может его удержать.

Если нет желания, что может его удержать? Что может сделать его узником? Ни этот мир, ни другой, ни земля, ни рай.

Все религии мира говорили о небесах и аде. Будда говорит, что есть нечто за пределами небес и ада, и это и есть истинное существование. Он называет его нирваной. Ни одна другая религия не говорит о нирване; нирвана — это совершенно другое видение. Это значит, что ты не преследуешь небесных желаний, небесных радостей и удовольствий, потому что это та же самая глупость в большем масштабе, на более высоком уровне, — но глупость остается прежней.

Мастер знает тщетность желания; поэтому в нем нет желания рая, в нем вообще нет желания. Ничто не сковывает его, ничто не удерживает.

Желание покинуло его,

Чтобы никогда не возвращаться.

...Потому что он увидел, что это тщетно. Если ты отбросишь его, потому что это говорю я, оно будет возвращаться снова и снова. Если

ты отбросишь его из собственного опыта, полученного в медитации, оно ушло навсегда, *чтобы никогда не возвращаться.*

*Отчаяние покинуло его,
Чтобы никогда не возвращаться.*

И отчаяние — это лишь тень желания. Всегда помни это: все, что должно случиться, случается с тобой в твоём собственном опыте.

Последними словами Будды, обращенными к ученикам, были: «Будь светом самому себе». Как ты можешь быть светом самому себе? Выйди за пределы тела, ума и сердца. Найди центр своего существа, и внезапно — свет. Он уже есть, он уже ярко горит. Это само твоё существо; ты должен только его открыть.

Открыв его, человек открывает истину.

Открыв его, человек открывает покой.

Открыв его, человек находит блаженство, нирвану.

На сегодня достаточно.

Глава 6

ЖИЗНЬ, ЛЮБОВЬ, СМЕХ

Первый вопрос:

Любимый Мастер,

Рамакришна оставался в теле, постоянно проявляя интерес к еде. А теперь скажи мне правду — не шутки ли удерживают Тебя здесь?

Ананд Маста,

Да, в определенном смысле это правда. Религии веками недоставало многих вещей. Одной из них, и самой важной, был смех; религия была слишком серьезной. Серьезность это своего рода болезнь: это рак души. Она очень разрушительна, она суицидальная. Поэтому, если ты не видишь не Земле религиозного цветения — хотя есть триста религий, миллионы церквей, храмов, мечетей, все же Земля остается лишенной религиозного сознания — по той простой причине, что эта серьезность убила религию.

Серьезность имеет тенденцию становиться печальной. Ты не можешь быть серьезным, не будучи печальным; это две стороны одной монеты. И ты можешь быть серьезным и печальным, только если ты упустил свои корни в жизни и существовании. Только патологические люди серьезны; здоровые, цельные никогда не серьезны, не могут быть серьезными.

Одной из самых несчастных случайностей в человеческой истории было то, что религия стала ассоциироваться с серьезностью. Эта ассоциация должна быть разрушена, безжалостно разрушена. Религия должна быть освобождена из этого заключения серьезности. Лишь тогда она может быть здоровой, лишь тогда она может петь, танцевать и радоваться. Серьезная религия всегда была укоренена в идее о том, что в жизни что-то неправильно, что-то неправильно в самой ее основе, что жизнь это наказание.

Жизнь это дар Бога, не наказание. И в жизни нет ничего неправильного. Если и есть что-то неправильное, то в тебе. Ты не знаешь искусства жить, ты неспособен двигаться в глубины и тайны жизни. Наверное, ты трус; поэтому ты цепляешься за берег, за известное, знакомое. А жизнь всегда продолжает двигаться в неизвестное. Жизнь полна приключений, а ты трус, поэтому ты вскоре становишься частью кампании. Жизнь продолжает двигаться путем приключений, а ты цеп-

ляешься за свою безопасность. Цепляясь за безопасность, ты становишься мертвым, а когда ты мертв, жизнь кажется унылым, тупым мероприятием. Фактически, ты потерял контакт с жизнью.

Это все равно что выкопать розовый куст из земли — вскоре он начнет умирать, потеряет зелень, розы увянут. Ничто не неправильно в кусте, ничто не неправильно в земле, но ты их разъединил. Розовому кусту необходимо питание, и тогда он может расцвести тысячами цветов, он может стать более зеленым, чем весь мир, и более алым, и более золотым. Человек это тоже розовый куст. Ему нужна своя почва, ему нужны корни в существовании.

Когда ты рождаешься, ты рождаешься лишь как потенциальная возможность существовать, выжить, без искусства сделать жизнь радостью, блаженством, празднованием. Этому искусству нужно научиться. Для меня, религия это и есть это искусство, высшее искусство: искусство трансформации низшего в высшее. Религия для меня это алхимия. Это процесс трансформации потенциального в реальное. Человек жил по минимуму; поэтому он выглядит таким тупым. Человек может жить по максимуму, и тогда в нем будет великий блеск, великое сияние и великое цветение.

Смех так же драгоценен, как и молитва, или еще более драгоценен, потому что человек, который не может смеяться, не может и молиться. Молитва, которая не исходит из радостного сердца, уже мертва. Она не может достичь Бога, не может покинуть Землю, у нее нет крыльев. Она как камень: она снова упадет на Землю, она не сможет взлететь в небо.

Религия жила без смеха, именно поэтому религия превратилась в труп. Вы поклоняетесь трупам в своих церквях, храмах и мечетях, вы стали почитателями трупов. Вместо того, чтобы поклоняться жизни, вы поклоняетесь смерти.

Мой подход совершенно другой — я приношу вам новое видение. Религия против смеха, против любви, против радости, против празднования. Религиозный человек, так называемый религиозный человек, осуждает все в этом мире; он живет, окруженный тысячей и одним осуждением. Он живет в страхе, постоянно дрожа. Он не живет, он существует как овощ.

Ваши так называемые святые и махатмы не настоящие люди, у них нет хребта, чтобы быть реальными, они фальшивы. Но вы поклонялись им так долго и продолжаете им поклоняться. И причина в том, что они так мертвы, так серьезны, так уродливы, потому что сам их подход к жизни отрицателен. Они против жизни, против любви, против смеха — как они могут быть за Бога? Только в любви и смехе и безмерной радости жизни ты начинаешь чувствовать присутствие чего-то запретного.

Когда жизнь становится приключением, танцем экстаза, лишь тогда ты двнешься за пределы ограничений тела и ума и паришь в бесконечное.

Да, Маста, ты можешь сказать, что живу вашим смехом. Я наслаждаюсь, видя вас танцующими, поющими и смеющимися. Я наслаждаюсь, видя вас в глубокой любви. Я наслаждаюсь, видя, как вы отбрасываете многовековой мусор, гнилые, глупые многовековые суеверия. Я наслаждаюсь, видя, как вы выбираетесь из старого, рождаетесь заново.

Все религии были рождены тысячи лет назад; все изменилось. Эти религии больше не подходят, не имеют смысла, их контекст исчез. Но продолжают сидеть у вас на шее, тяжелыми горами, они не позволяют вам двигаться. Фактически, чем старше религия, тем более драгоценной вы ее считаете. Это не так: чем старше религия, тем менее она адекватна.

Религия должна быть новой, как сама жизнь. Религия должна быть новой каждый день, в каждое мгновение. И именно так живет религиозный человек: он продолжает умирать в каждое мгновение, он рождается заново в каждое мгновение. Он движется вместе с жизнью. Он не цепляется за Веды, Библию, Коран. Он может читать их как прекрасную литературу, но не цепляется за них. Те, кто цепляется за них, поступают глупо, потому что если в этом и был бы какой-то тысячи лет назад, теперь его нет. И ты это прекрасно знаешь, но тебе не хватает храбрости выйти из старого стада.

Вся круговая порука против того, чтобы ты выбрался из старого стада. Вся круговая порука хочет, чтобы оставался преданным прошлому, потому что тогда тебя легче эксплуатировать. Если ты не предан прошлому, священники исчезнут, потому что они представляют прошлое. Кто станет обращать какое-то внимание на папу или шанкарачарью? Они станут посмешищем! Фактически, они забавны, очень забавны. Все их идеи настолько устарели, а вы продолжаете их терпеть только потому, что сказать, что они устарели, рискованно. Это рискованно, потому что вы можете что-то потерять в своем бизнесе, в своих вложениях. Вы можете начать откалываться от общества. Вы боитесь быть индивидуальностями, вы хотите оставаться частью толпы.

А вся цель религии в том, чтобы сделать вас индивидуальностями. Религия теряет всякий смысл, когда начинает делать вас, фактически, принуждать вас, быть частью толпы. Христиане, индуисты, мусульмане, буддисты — все это толпы. Вы не выбрали быть христианами; в результате случайности ты родился христианином, евреем или индуистом. Как религия может быть случайной? Может ли такое важное дело определяться случайностью рождения? Ты должен быть постоянно бдительным, выбирая свой путь к Богу. Ты не выбрал свой путь, ты не

выбрал даже Бога. Тебя заставили выбрать, и ты позволил этому случиться. Это оковы! То, что ты христианин — оковы.

Люди, собравшиеся вокруг Христа, были настоящими христианами, единственными христианами, потому что они выбрали. Они шли против толпы, рисковали жизнями, двигались в опасность. Они родились евреями. Им было бы удобнее и безопаснее не следовать Иисусу. Следовать Иисусу было опасно. Это оказалось опасным для самого Иисуса; он был распят. Его ученики подвергались всевозможным гонениям. Это были настоящие люди, подлинные люди. Сейчас быть христианином ничего не значит.

Люди, собравшиеся вокруг Гаутамы Будды, были настоящими буддистами. Они были религиозными людьми, потому что пойти против целой толпы индуистов, против всего образца общества и последовать очень бунтарскому человеку, быть с ним, значило принять опасную жизнь. Они были истинными, подлинными искателями. Но человек, который родился буддистом, ничем не рискует; это просто одно из удобств его рождения.

Если бы в детском возрасте тебя усыновил мусульманин, ты был бы мусульманином; если бы тебя усыновил еврей, ты был бы евреем. И никогда не узнал бы, кем ты был от рождения, потому что никто не рождается христианином, буддистом или индуистом — каждый рождается свободным. Бог дает свободу выбирать.

Но общество не хочет, чтобы ты был свободен. Ни государство, ни церковь, ни другие члены круговой поруки не хотят, чтобы ты был свободным. Они хотят покалечить и парализовать тебя, они хотят разрушить твой разум. Они не хотят и чтобы ты был слишком счастливым, потому что счастливые люди могут быть опасными. Несчастные люди хороши, несчастные люди всегда подконтрольны, несчастные люди всегда готовы к тому, чтобы их поработили. Они так несчастны, они всегда ищут кого-то, кто сможет дать им поддержку, кто может сделать их жизнь немного легче. Счастливый человек становится независимым; чем он счастливее, тем более он независим.

Иисус, Будда, Кришна или Конфуций — это самые красивые люди, которых только знала Земля. Это совершенно независимые люди. Они ни капли не заботятся о том, что говорят другие; они не заботятся о мнениях других по той простой причине, что ни от кого не зависят. Их блаженство — внутреннее.

А общество не хочет, чтобы вы были действительно блаженными. Оно хочет, чтобы вы были печальными и больными; оно хочет, чтобы вы были патологичными, невротичными. Только невротичное общество может быть под контролем священников и политиков. Только те люди, которые утратили всякий разум, могут идти за такими идиотами как Адольф Гитлер или Бенито Муссолини. Люди, у которых есть разум, не пойдут за такими людьми. Эти люди ненормальны! В лучшем мире

не будет никакой возможности Адольфа Гитлера. В то мгновение, когда появляется такой человек, он будет помещен в приют для умалишенных: ему нужно лечение, он сумасшедший. Но прямо сейчас эти сумасшедшие имеют большое влияние. Их безумие дает им власть. Они так безумны, что даже те, кто не безумен, начинают им следовать. Они выглядят как лидеры.

Безумие отличается лишь в степени. Кто-то безумнее тебя, а ты немного менее безумен; конечно, тот, кто безумнее тебя, будет твоим лидером. Он будет более упорным, более догматичным, он будет казаться решительнее, проявлять больше силы воли, будет иметь определенное гипнотическое влияние, но это возможно лишь если ты потерял всякий разум.

Мое усилие здесь в том, чтобы отдать тебе то, что действительно твое. Я не хочу, чтобы вы становились частью какой-либо религии. Я просто хочу, чтобы вы были религиозными — ни христианами, ни индуистами, ни мусульманами — просто религиозными. Этого достаточно! Не нужно выбирать никакую конкретную доктрину. Религия не имеет ничего общего с доктринами, она более экзистенциальна.

И пока ты не любишь жизнь, ты не сможешь любить и Бога. Если он создатель, чтобы любить его, тебе придется любить и созданное им. Ненавидеть творение и высказывать любовь к творцу абсурдно. Осуждать творение и превозносить творца совершенно глупо, нелогично, неразумно. Если ты любишь музыку, лишь тогда ты любишь и музыканта, не наоборот. И это существование так красиво!

Кроме человека, ты ни в ком больше не найдешь печали. Деревья не печальны, животные не печальны, звезды не печальны, даже скалы не печальны, печален только человек — потому что только человеком можно манипулировать, только человека можно эксплуатировать, увести прочь от центра.

Да, Маста, когда я вижу, как вы смеетесь, любите, радуетесь, танцуете, поете, мне хочется ради вас задержаться немного дольше в этом теле.

Я дал тебе имя Ананд Маста. *Ананд* значит «блаженство», *маста* значит «безумец» — безумно блаженный, совершенно пьяный блаженством. Очень немногие саньясины осуществляют свои имена так глупо, как ты. Я абсолютно доволен тобой, с тобой все мои благословения. Становись более и более пьяным!

Бог недалеко. Когда ты теряешь себя в любви, он так близко, как это только возможно. Когда ты теряешь себя в танце, когда ты бросаешь себя в танце, когда эго растворяется в танце, он твой партнер по танцу — никто, кроме него. Кем бы ни был твой партнер, это он. Когда твое сердце трепещет от радости и экстаза в пении, он в твоём сердце, в самом ядре твоего существа. А когда ты смеешься, если смех тотален, если каждый фибр твоего существа смеется...

Именно поэтому я люблю шутки. Шутки очень религиозны, очень духовны! Все шутки духовны, потому что они внезапно запускают в процесс, в котором ты забываешь всю серьезность. На мгновение ты снова невинный ребенок, снова полный удивления и благоговения. И смех переполняет тебя, ты тонешь в смехе. Эго больше нет, если ты в глубоком смехе. А когда исчезает эго, есть Бог.

Помни это как один из самых фундаментальных законов: когда бы ни отсутствовало «я», присутствует Бог — они не могут существовать вместе. Отношения между «я» и Богом подобны отношениям тьмы и света. Если присутствует свет, темнота не может быть, потому что темнота это не что иное как отсутствие света. Как вместе могут существовать отсутствие и присутствие? Если есть темнота, света быть не может.

Есть древняя притча:

Много миллионов лет спустя Тьма приблизилась к Богу и сказала:

— Это уже слишком! Я была достаточно терпелива, но совершенно без причины Молчание постоянно меня мучит, преследуя меня каждое утро. Я еще не отдохнула, а оно возвращается, и начинается погоня. И мне приходится бежать, а оно бежит за мною. Я начинаю уставать. Я не сделала ничего плохого этому Солнцу. Почему оно так притесняет меня? Почему оно так враждебно?

Бог тоже подумал, что это несправедливо. И он позвал Солнце. Солнце пришло и сказал:

— Я не знаю, о чем идет речь. Ты что, сошел с ума? Какая темнота? Я никогда не встречало никакой Тьмы. Я никогда ее не видело, ни когда ее не встречало, и, конечно, никогда ее не преследовало — зачем? Я даже ее не знаю! Где она? Приведи и поставь ее передо мной! Как я могу ответить, если ты ее не приведешь? На суде должны присутствовать обе стороны. Сначала я должно увидеть, кто такая эта Тьма, которая жалуется на меня и с которой я даже не знакомо. За все эти миллионы лет, с тех пор как ты меня создал, я даже не встречало ее. Я даже не знаю, где она сейчас находится.

И Бог сказал:

— Это правильно. Я ее позову.

И с тех пор прошли миллионы лет, а Бог все пытается. Вы слышали, что Бог всемогущий — это не так, потому что он так и не смог поставить их рядом. Да, иногда Тьма приходит и жалуется, а иногда приходит Солнце и говорит:

— Это несправедливо — позволь присутствовать нам обоим.

Но даже Бог на это не способен. И дело продолжается, протокол не закрыт. Однажды, просматривая протоколы, я его нашел, и я думаю, что оно останется в протоколах навсегда.

Тьма и свет не могут присутствовать одновременно. Это есть тьма; отсутствие сознания есть эго. Когда ты становишься сознательным, эго исчезает. Когда сознание тотально, эго вообще нет. И тотальность сознания это другое название для опыта Бога.

Бог это не личность, позвольте мне снова напомнить — Бог это только опыт абсолютной осознанности, предельного экстаза. Поэтому я говорю: смейся глубоко, люби глубоко, живи глубоко. Риски всем ради любви, смеха, жизни. Пусть твоя жизнь будет великим исследованием, продолжай двигаться в неизвестное и непознаваемое.

Никто другой никогда не использовал шутки в духовных целях; поэтому иногда люди шокированы. Когда они впервые приходят слушать меня, естественно, они шокированы, потому что они хотят услышать что-то очень серьезное — как будто они уже недостаточно серьезны! Они хотят услышать что-то очень эзотерическое, не осмысленное, не могущее для них никакого смысла; тогда они думают, что в этом скрыт великий смысл. Когда что-то для них непостижимо, они думают, что это великая философия! Когда они сталкиваются с чем-то, написанном на глупом жаргоне, эзотерическом, оккультном, духовном, их это очень интересует. Они думают, что найдут в этом какое-то сокровище.

Сокровище скрыто не в больших словах, сокровище скрыто в вас. И оно должно быть открыто не в великих словах, оно должно быть открыто в бессловесном, оно должно быть открыто в молчании.

Не чувствовал ли ты после глубоко смеха внезапное молчание, приходящее следом? — тишина после шторма. На мгновение ум будто бы прекращает функционировать... ты совершенно расслаблен, в глубоком покое.

В эти мгновения, Маста, ты начинаешь чувствовать присутствие Бога. Это первые проблески того, что Бог есть. Другого доказательства нет.

Поэтому моя коммуна будет оставаться шоком для традиционных людей. Они видели много духовных коммун, но все они были серьезны. Иисус поймет, что я говорю, но не папа в Ватикане, потому что эти дураки продолжают говорить, что Иисус никогда не смеялся. А я говорю вам, опираясь на собственный авторитет, что он, наверное, был одним из самых веселых людей. Кто еще может смеяться так красиво, как Иисус? У кого еще есть это право? Он не был мертвой разновидностью святого; он жил, и жил очень близко к земле. Он жил со всеми видами обычных людей — с пьяницами, игроками, сборщиками податей, проститутками — и любил есть и пить.

Индийские духовные притворщики очень против спиртного. Именно поэтому они не могут поверить, что Иисус просветленный. Многие джайнские монахи спрашивали меня:

— Почему ты говоришь, что Иисус просветленный настолько же, что и Будда и Махавира? Он пил вино!

В этом нет ничего плохого, человек только должен научиться искусству пить вино. Он не должен пить слишком много; нужно следовать золотой середине. Никто никогда не слышал, чтобы Иисус лежал среди улицы! Наверное, он знал, сколько пить и когда, а когда не пить.

Кроме того, вино абсолютно вегетарианское; гораздо более вегетарианское, чем молоко, которое индуистские, джайнские и буддистские монахи считают чистой пищей. Это животная пища! Она ближе к невегетарианской пище, чем к вегетарианской. Это часть человеческого тела и тела животного. В вине нет ничего плохого. А если человек дурак, он может выпить слишком много воды и попасть в беду. Дело не в том, чтобы пить или не пить.

И что плохого в том, чтобы наслаждаться едой? Наверное, он наслаждался едой, потому что у нас много упоминаний о том, что каждый вечер его ученики собирались и сидели допоздна за едой и питьем... И думаете ли вы, что он ел и пил, ученики ели и пили, и все сидели серьезно, мрачно и праведно? Разве так пьют, едят и наслаждаются? Наверное, они шутили шутки, сплетничали и разговаривали как человеческие существа.

В этом смысле он был очень человекен, гораздо человечнее, чем Будда или Махавира. Они выглядят очень абстрактными, более в небе, чем на земле. Он был очень земным. Он жил в одном доме с проституткой, Марией Магдалиной. У вашего ватиканского папы на это не хватит духу! Хотя он и поляк, не думаю, что него хватит храбрости!

Когда люди приходят сюда, эти люди, считающие себя духовными, они приходят со своими идеями, со своими предрассудками — что не должно быть смеха, танца, пения. И когда они видят, что саньясины обнимают друг друга, это уже слишком — как будто есть что-то плохое в том, чтобы обнимать друг друга! Когда они видят, что эти люди держатся за руки в глубокой любви, они шокированы. Духовные люди должны отрицать жизнь, совершенно отрицать жизнь; они не должны никаким образом утверждать жизнь. А все мое усилие здесь в том, чтобы утверждать жизнь, как это только возможно.

Маста, несколько шуток для тебя:

Одна маленькая девочка услышала слово «инвестировать» и спросила маму, что это значит. Мама сказала, что «инвестировать» значит «сохранять». На следующий день в школе ее попросили написать сочинение, и она сдала следующее:

«Однажды принцесса заблудилась в лесу, и наступила ночь, и она испугалась. Он побежала и стала кричать:

— Инвестируйте меня! Инвестируйте меня!

Проходящий мимо принц услышал ее мольбы и побежал ей на помощь. Он инвестировал ее, и с тех пор они жили счастливо».

— Эй, Гильо, откуда у тебя синяк под глазом?

— А, я был в гостях у моей девушки, — объяснил молодой влюбленный, — и мы а-танцевали, довольно тесно обнявшись, и а-тут-а вошел отец!

— И что?

— А то, — ответил итальянец, — что старик совсем а-глухой. Он а-не услышал а-ну-музыки.

Техасский ковбой шел по улице Тихуаны. Внезапно юный Паоло подошел и потянул его за рукав.

— Эй, мистер, — сказал мальчик, — хочешь заниматься любовью с моей сестрой?

— Что ты, — сказал техасец. — Я даже воду здесь не пью!

Второй вопрос:

Любимый Мастер,

Ты сказал, что для Будды свобода это высшее. Но его «дхамма» значит «закон», что ущемляет свободу. Как уживаются свобода и закон? Пожалуйста, прокомментируй.

Ананд Майтрейя,

Свобода для Гаутамы Будды это сам закон жизни. Поэтому здесь нет противоречия. Сама жизнь есть свобода. Мы не машины, мы не запрограммированы. Мы полная свобода — и от нас зависит, что мы с ней сделаем. Все альтернативы открыты, мы можем выбрать любую, это наш выбор. Мы можем стать кем угодно, это наш выбор.

Это все равно, как если бы ты нашел кусок мрамора — что ты из него сделаешь, зависит от тебя. Ты можешь сделать статую Христа, можешь сделать статую Иды. Мрамор полностью доступен для тебя; ты должен решить, это твое решение, твое сознательное решение, что ты хочешь из него сделать.

Микеланджело шел мимо магазина, в котором продавался мрамор. Он увидел большой кусок мрамора, который годами лежал снаружи. Он спросил владельца:

— В чем дело? Ты не можешь его продать?

— Я простился с этой идеей, — ответил тот. — Я не могу его продать. Никто не хочет его покупать, он бесполезен. Я его выбросил. Но если хочешь, можешь взять его бесплатно; по крайней мере, место освободится, и я смогу положить туда другой кусок мрамора.

Микеланджело взял его и через год пригласил владельца магазина посмотреть. Тот не мог поверить своим глазам; он никогда не видел такого прекрасного Иисуса. Он сказал:

— Как это тебе удалось? Ты настоящий волшебник! Этот кусок был совершенно бесполезным; ни один другой скульптор не хотел взять его даже бесплатно.

И, говорят, Микеланджело ответил:

— Я здесь совершенно не при чем. Когда я шел мимо, Иисус позвал меня из этого куска мрамора: «Я заключен здесь! Помогите мне выбраться из этого камня!» И я только удалил ненужные куски и освободил его.

Но чтобы это услышать, нужен Микеланджело — чтобы услышать Иисуса, зовущего и просящего его освободить.

Камень это просто камень; что ты из него сделаешь, зависит от тебя. Именно это говорят экзистенциалисты: человек рождается абсолютно свободным. В древние времена философы думали, что человек рождается с эссенцией. Экзистенциалисты говорят, что человек рождается только как существование, экзистенция, без всякой эссенции. Он должен создать эссенцию по собственному выбору. И я совершенно согласен с подходом экзистенциалистов.

Будда — первый экзистенциалист мира, и гораздо более истинный экзистенциалист, чем Мартин Хайдеггер, Жан-Поль Сартр, Ясперс и многие другие, потому что, в конце концов, все эти экзистенциалисты только мыслители — они размышляют об эссенции. Будда действительно трансформировал себя. Он не говорил об эссенции — он создал ее, показал миру, что человек может из себя сделать.

Гурджиев говорил, что человек не рождается с душой. Смысл такой же. Это кажется очень странным, когда ты впервые слышишь, что человек не рождается с душой. Душу нужно создать, человек рождается пустым. И миллионы умирают просто как полая пустота. Их души никогда не рождаются, потому что они никогда не прикладывают никаких усилий. Старая идея в том, что каждый рождается с душой; это

освобождает тебя от великой ответственности создания своего существа, и ты продолжаешь жить случайно, как бревно, плывущее по реке.

Будда говорит, что свобода это сам закон жизни. Он подразумевает под этим, что нет ничего выше свободы. Но под словом «закон»... пожалуйста, не понимайте его неправильно. Фактически, перевод «дхаммы» как «закон» только приблизителен. В английском языке нет точного соответствия слову «дхамма». В китайском языке есть слово «дао», которое точно соответствует дхамме. Самое близкое слово в английском «логос», но оно вышло из употребления. Поэтому используется слово «закон», но «закон» вызывает другие ассоциации: обычный закон государств, правительств, обществ. Это не тот смысл, который вкладывает Будда. Конечно, эти законы являются ограничениями; они тебе запрещают, мешают твоей свободе.

Будда говорит, что свобода это единственный закон, и все, что ее преграждает, против закона жизни. Будь свободным. Все остальные законы нарушь, саботируй. Ты должен взять жизнь в свои руки и быть ответственным за нее. Не ответственна никакая судьба, никакой рок. Ты должен создать себя собственными усилиями.

Ты просто *табула раса*, чистая доска. Ты можешь написать на ней прекрасные стихи, прекрасную каллиграфию, нарисовать прекрасные картины; или ты можешь оставить ее как есть. Или ты можешь просто швырять на нее краски, бессмысленно, как маленький ребенок. Ты можешь ее разрушить. И никто другой не ответствен, кроме тебя; вся ответственность лежит на тебе.

Это самое важное, о чем Будда просит тебя помнить: не перекладывая ответственность. Кем бы ты ни был, это твоя работа, и кем бы ты ни хотел быть, ты можешь быть. Но ты можешь быть этим, только если свобода является законом жизни. Если все предрешиено, если есть нечто такое как судьба, если есть нечто, что было в тебе запрограммировано, ты вообще не человек, ты просто биокомпьютер. Ты просто собираешься повторять программу, ты граммофонная пластинка. У тебя нет никакой свободы, ты не можешь ничего изменить. Ты просто игрушка в руках неизвестных сил.

Будда говорит, что это неправда. Поэтому он отрицает даже существование Бога — по той простой причине, что если есть Бог, будут проблемы; он будет высшим из существ. Само его присутствие станет ограничением для тебя.

Такова в точности логика Фридриха Ницше. Он сказал: Бог умер, и поэтому человек свободен. Но Ницше был только философом. Он не мог содержать столько свободы. Он сошел с ума.

Будда совершенно не философ, он мистик. Он пользовался свободой. Он стал действительно ответственным за себя. Он создал свое

существо и стал самым красивым человеком, который когда-либо жил на земле. Он последовал закону свободы и достиг предельной радости, предельной истины.

Ты можешь сделать то же самое. Это его послание. Он говорит: «Все, что случилось со мной, может случиться и с тобой. Если этого не происходит, за это ответствен только ты». Поэтому возьми всю ответственность в свои руки, почувствуй ответственность, и пользуйся законом свободы, потому что он доступен. Жизнь была дана тебе без предварительной программы; теперь, что ты хочешь из нее сделать, это зависит от тебя. Ты можешь стать уродливым монстром — Чингисханом, Тамерланом, Надир-шахом — или Гаутамай Буддой, Иисусом Христом, Лао-цзы, Заратустрой. Все зависит от тебя, это твоя свобода. Выбирай!

Но ты можешь выбирать, только если ты сознателен; ты можешь выбирать, только если ты осознан, бдителен. Чем ты бдительнее, тем более ты способен выбирать курс своей жизни. Чем более ты осознан, чем больше знаешь, тем больше ты можешь иметь чувства направления.

Свобода это основание жизни, и свобода — предельная цель. Свобода источник, свобода цель.

Используй свободу, чтобы освободиться от всех оков.

Используй свободу, чтобы стать бесконечно свободным.

Используй свободу, чтобы стать самой свободой.

Третий вопрос:

Любимый Мастер,

Я-а а-никогда а-не думала, а-что а-до этого а-дойдет, а-но я а-хочу а-быть а-ну-итальянкой!

А-много а-любви и а-ну-пасты,

А-Большая Прем-а.

А-Большая Прем-а,

Избегай таких желаний, потому что если ты носишь их слишком долго, они начнут становиться реальностью. Тогда не делай меня за это ответственным! Будь очень осторожной в том, чего желаешь, потому что опасность в том, что желание может рано или поздно исполниться.

Я люблю итальянцев — как и всех остальных — но, естественно, другие люди чувствуют ревность, по той простой причине, что я рассказываю столько анекдотов об итальянцах. Но причина не в том, что я люблю итальянцев больше, чем голландцев или австралийцев; причина просто в том, что мой библиотекарь, оказывается, Лалита, итальянка, и она постоянно находит для меня итальянские анекдоты! Поэтому вместо того, чтобы желать стать итальянкой, пожелай лучше, чтобы я выбрал Лалите ассистента из другой страны. В новой коммуне, я думаю, у Лалиты должно быть, по крайней мере, дюжина ассистентов! Но остерегайся таких желаний.

Знаешь, зачем на итальянских свадьбах вешают палку салями?

Чтобы отгонять мух от невесты.

А знаете, кто всадил пулю в Муссолини?

Сотня лучших итальянских снайперов.

Бианко, парикмахер, порезал клиента семь раз во время бритья. В конце концов окровавленный человек попросил у него бритву.

— Зачем? — спросил итальянец. — Хотите бриться сами?

— Нет, — сказала жертва. — Для самозащиты.

Преследуемый полицией, после того, как он промчался по улице с односторонним движением и врезался в Форд 1949 года выпуска в витрине магазина, итальянский пьяница возмущенно осведомился, что происходит.

— Ты ехал против движения, тупой ублюдок! — сказал разозленный полицейский. — Разве ты не видел стрел?

— Иисус-а-Мария! — сказал гиней. — Я даже не видел индейцев!

И если ты действительно хочешь измениться в следующей жизни, в следующем круге, когда вернешься, А-Большая Прем-а, лучше будь полячкой, а не итальянкой! Теперь, ты видишь, поляк стал папой — он победил всех итальянцев! Теперь, если поляк стал папой, следующим шагом будет, если папой станет а-женщина.

Почему у польских собак плоские носы?

Потому что они гонятся за припаркованными машинами.

Почему поляки не могут быть фармацевтами?

Потому что не могут засовывать бутылочки в печатные машинки.

Знаете, что написано на дне польских молочных бутылок?
«Открывать с другой стороны».

Воджавич заходит в магазин со своей собачонкой. Продавец бросается к нему, указывает на табличку «Заходить с собаками запрещается», и кричит:

— Эй, мистер, вы читать умеете?

— И что, — говорит поляк, — кто здесь курит?

Как раз на днях все оранжевые итальянцы и поляки собрались, чтобы решить, кто из них действительно более потрясающий. Конечно, не было речи об интеллектуальной дискуссии... затевалось нечто экзистенциальное! И они решили пойти на футбольное поле возле вокзала и сыграть в футбол — кто победит...

Два часа продолжались события — все кроме футбола. Были бои карате, позиции йоги, бокс, арм-рестлинг, динамическая медитация и медитация кундалини. И они совершенно забыли пригласить нескольких судей; не было вообще никаких судей.

Через два часа даже футбольный мяч, лежащий в стороне, засмеялся! «Что происходит?» Тогда мимо проехал поезд, и итальянцы подумали, что игра закончилась, и ушли: «Мы сыграли в ничью, и игра закончена».

Но поляки были твердо настроены на победу и вот, когда солнце село, игра приобрела особенный накал. В конце концов, после тяжких усилий в течение часа, полякам удалось забить гол — без итальянцев, но это неважно!

Поэтому, если хочешь сделать что-то действительно потрясающее, стань полячкой, а не итальянкой. Зачем выиграть что-то второсортное?

Милевски пытался зажечь спичку. Он чиркнул первой, она не зажглась, и он выбросил ее. Он чиркнул второй. И она не зажглась, и он ее тоже выбросил. Тогда он чиркнул третьей, и она загорелась.

— Вот эта хорошая, — сказал поляк, задувая спичку. — Нужно ее сохранить!

Поляк и еврей шли по пустыне. Еврей нес арбуз, поляк — дверцу от машины.

Через некоторое время поляк спросил:

— Для чего ты несешь этот арбуз?

— Когда становится слишком жарко, я могу его разрезать и съесть кусок.

Еще через некоторое время еврей спросил:

— А для чего ты несешь эту дверцу от машины?

— Для того, — сказал поляк, — чтобы, если станет слишком жарко, я мог закрыть окно!

Четвертый вопрос:

Любимый Мастер,

Некоторое время назад я написала Тебе о своем замешательстве, и Ты сказал, что обо всем позаботишься. С тех пор я пришла в еще большее замешательство! Что Ты со мной делаешь?

Прем Асанг,

Забочусь! Это мой способ заботиться! Ты приходишь в замешательство, потому что носишь в уме определенные идеи и предубеждения. Если у тебя в уме нет никаких идей и предрассудков, даже я не могу привести тебя в замешательство; никто не в мире не может привести тебя в замешательство. Замешательство вызывается твоими внутренними причинами.

Например, если ты веришь в определенную идею, а я говорю что-то против нее, возникает замешательство. Ты не можешь отбросить старую идею; она так стара, она пустила в тебе такие корни, и ты жил с ней так долго, что она стала удобной и уютной. Ты верил в нее так долго, она дала тебе столько утешений, что теперь внезапно отбросить ее значило бы двигаться в состояние опасности; она стала твоей безопасностью и незащищенностью.

Но, слушая меня, ты не можешь больше за нее цепляться. Ты не можешь ее отбросить и не можешь продолжать цепляться, отсюда замешательство. Ты не можешь больше за нее цепляться, потому что то, что я говорю, привлекает тебя, твое сердце это понимает. Глубоко внутри что-то в твоём внутреннем существе говорит: «Да, это так». Возникает конфликт между умом и сердцем; отсюда замешательство.

Замешательство просто означает, что ты не можешь принять решение, на что решиться: продолжать цепляться за старое, что невозможно, потому что теперь ты увидела, что это неправильно, что ты цеплялся только за утешительную ложь. Это неправда, твое сердце чувствует, что это неправда... хотя и утешает тебя. Ложь может дать тебе утешение, она очень утешительна; иначе никто не верил бы в

ложь. Каждый верит в ложь по той простой причине, что она дешева и дает огромное утешение. Тебе не нужно никакого усилия, чтобы ее осознать. Ее передают тебя другие: родители, учителя, общество, атмосфера. Ты просто продолжаешь собирать ее отовсюду, из каждого возможного источника.

Ты живешь в песочном замке; но все идет хорошо — пока кто-то не говорит тебе, что этот замок сделан из песка. Как только ты слышишь, что замок сделан из песка, возникает проблема: ты больше не можешь в нем жить, жить в нем опасно. И ты не можешь из него выбраться, потому что ты к нему привыкла. Отсюда замешательство. Замешательство просто означает, что ты неспособна принять решение.

Пока ты не станешь решительной, Асанг, замешательство будет продолжать расти. Моя работа здесь состоит в том, чтобы создавать в тебе замешательство, потому что, не создав замешательства, я не могу вытащить тебя из твоих песочных замков, из твоих бумажных корабликов, не могу вытащить тебя из твоей лжи и снов. И я прекрасно знаю, что ты столько вложила в определенное верование — может быть, ты жила тридцать или сорок лет в определенном веровании, — что увидеть, что это было неправильно, что это было совершенно глупо, для тебя огромная проблема. Твой образ самой себя как разумного человека пошатнется. Сорок лет ты носила нечто смехотворное, не видя этого. Что же это за разум? Ты начинаешь сомневаться в собственном разуме, и тебе становится плохо.

Именно поэтому, чтобы быть с мастером, нужна храбрость. Чтобы быть с мастером, нужна огромная храбрость признать: «Я не знаю».

В то мгновение, Асанг, когда ты принимаешь: «Я не знаю», все замешательство исчезает, испаряется, просто испаряется — точно как роса испаряется на солнце, не оставляя ни следа. Замешательство происходит оттого, что ты цепляешься за некоторые вещи, которые в прошлом считала очень ценными. Ты думаешь, они были украшениями, золотыми, инкрустированными бриллиантами, а теперь я заставил тебя осознать, что это было не что иное как цепи — может быть, золотые цепи, может быть, инкрустированные бриллиантами, но что такое бриллианты? — такие же камни. Что такое золото? Разница существует только в человеческом уме, иначе золото и железо равны. Оценка — наша, проекция — наша. Но цепи есть цепи, и цепи должны быть разбиты. Теперь те вещи, которые ты считала украшениями, драгоценностями, были последовательно показаны тебе как не более чем цепи.

Либо тебе придется сбежать от меня... Но помни, бегство не поможет. Однажды побывав на моем операционном столе, лучше пройти операцию до конца! Если ты сбежишь в середине, ты останешься в замешательстве всю оставшуюся жизнь, потому что все то, что ты поня-

ла со мной, не оставит тебя, будет тебя преследовать. Поэтому от меня нельзя убежать.

Как только ты оказываешься со мной, тебе придется научиться путям трансформации, претерпеть радикальную перемену. Тебе придется умереть для прошлого и родиться заново. Это тяжело, это болезненно. Каждое рождение болезненно, а духовное рождение особенно болезненно. Нет никакого обезболивания. В духовном рождении человек должен пройти через много боли, но эта боль того стоит, потому что ты вырастаешь из своих тюрем; ты растешь в свободу, ты становишься взрослым.

И как только ты испытываешь радость взросления, зрелости, проблем больше нет. Тогда ты знаешь, что все, что ты оставила позади, ничего не стоило, было мусором.

Но Асанг, через этот момент нужно пройти. Этот критический момент должен наступить в жизни каждого ученика, когда ученик в своего рода промежутке, ни там, ни здесь, наполовину в прошлом, наполовину со мной, много раз думая о бегстве.

На днях Сомендра спросил: «Но, Любимый Мастер, где же выход?» Здесь нет выхода! У нас одностороннее движение. Ты толькоходишь... у нас нет другой двери, только вход. Тогда тебе придется родиться заново; это единственный выход. Но выход не в том, чтобы бежать наружу; выход в том, чтобы бежать вовнутрь. Это значит двигаться вовнутрь.

Асанг, я забочусь о тебе настолько, насколько ты можешь это выдержать в данный момент! Я позабочусь еще больше... Лекарство горькое, и его нужно давать небольшими дозами. И это не гомеопатическое лекарство, это чистая аллопатия — чистый яд! Это распятие, потому что только после него возможно Воскресение. Но на это требуется три дня. Между распятием и воскресением... три дня. Помни эти три дня; они очень важны, важнее всего. Эти три дня — самые трудные.

Просто подумай об Иисусе: три дня в пещере, ни живой, ни мертвый. Он не мог быть совершенно мертвым, потому что если ты совершенно мертв, тебя больше нет. Не мог он быть и совершенно живым; иначе он не оставался бы три дня в пещере, он бежал бы скорее. Наверное, он висел между жизнью и смертью, между этими двумя полярностями рождения и смерти.

Эти три дня важны, символичны. Эти три дня символизируют тело, ум, сердце. Ты должна умереть в теле, в уме, в сердце; лишь тогда ты можешь родиться как душа. Ты должна пройти через эту темную ночь души. Это период матки, эти девять месяцев в утробе матери. Точно

таким же образом, ученик должен родиться из утробы мастера. Это поле будды — не что иное как эта утроба. Ты в утробе. Все зависит от тебя: если ты продолжаешь цепляться слишком долго, тебе может потребоваться много времени, чтобы родиться.

В Индии у нас много прекрасных историй о Лакнау. Лакнау самое вежливое место в Индии, очень вежливое; фактически, даже слишком, как говорят. Однажды случилось так, что одна женщина забеременела и носила в животе двух детей, и они все не рождались и не рождались. Прошло девять месяцев, потом девять лет, потом девяносто лет...

В конце концов женщина умерла, и врачам пришлось сделать ей вскрытие. Там стояли два маленьких девятилетних джентльмена и говорили друг другу:

— Только после вас, сэр!

Не медли так долго — здесь тебе не нужно быть вежливой! Выпрыгни из утробы как можно скорее... потому что у духовной утробы нет естественного времени — девять месяцев или девять лет — все зависит от индивидуальности. Это может случиться в одно мгновение или не случиться вообще за целую вечность.

Асанг, я забочусь о тебе, и если ты станешь немного более доступной для меня, немного более терпеливой, немного более способной впитывать мою энергию, я позабочусь о тебе больше.

Как раз на днях вечером я собирался пригласить тебя как гостевого медиума, но Аруп сообщила мне: «После того, как ты в первый раз пригласил Асанг как гостевого медиума, много дней она оставалась почти в состоянии безумия, поэтому, пожалуйста, не зови ее снова так скоро». Поэтому я отбросил эту идею.

Если ты готова, можешь прийти сегодня! Но тогда не оставайся сумасшедшей много дней. Попытайся впитать меня. Чем более увеличивается твоя воспринимающая способность, тем в большее замешательство я буду тебя приводить, пока не останется никого, кого можно было бы привести в замешательство.

Именно это происходит с моими учениками, которые пробыли здесь достаточно долго. Теперь, что бы я ни говорил, они слушают радостно, не внося никаких сравнений, не делая никаких суждений, без всякой оценки. Они не думают о том, что я сказал вчера, потому что если они думают, это приводит их в замешательство. Поэтому они живут со мной в этом мгновении. Я живу в этом мгновении, и как только ты поймешь, как жить, ты тоже начнешь жить в этом мгновении вместе со мной. И не будет никакого замешательства, будет полная ясность. А ясность есть невинность, ясность есть свобода.

Последний вопрос:

*Любимый Мастер,
Какова твоя догма?*

Питер,

Я думаю, ты здесь турист; иначе ты не смог бы задать такой вопрос. У меня нет никакой догмы. Прежде всего, я совершенно не люблю собак¹! И я не люблю ни сукиных детей, ни матерей собак²! Есть христианские догмы, индуистские догмы и мусульманские догмы, и что все они делают? Постоянно гавкают друг на друга! У меня совершенно нет никакой догмы. Даже мои дети это понимают, мои маленькие саньясины. Можешь их спросить.

Упачара мне сообщает:

Просто услышал на ступеньках офиса. Пять саньясинских детей серьезно разговаривают. Один из них говорит:

— Ошо ведь даже не саньясин!

На сегодня достаточно.

¹ ...dog.

² ...dog-ma.

Глава 7

НИ ВЧЕРА, НИ СЕГОДНЯ, НИ ЗАВТРА

*Он спокоен.
В нем семя обновляющейся жизни
Было поглощено.
Он завоевал все внутренние миры.*

*Бесстрастным глазом
Он видит во всем
Падающее и поднимающееся.*

*И с огромной радостью
Он знает, что он покончил.
Он проснулся от сна.*

*И путь, которым он пошел,
Скрыт от людей,
Даже от духов и богов,
Добродетелью его чистоты.*

*В нем нет ни вчера,
Ни завтра,
Ни сегодня.*

Мастер спокоен, но с одним отличием. Многие люди спокойны, но они не мастера. Спокойствие можно легко привить снаружи; оно обманет других, но не может обмануть существование. Глубоко внутри ты остаешься в беспорядке.

Поэтому первое, что нужно понять — это что Будда против всего культивированного. Моральные проповедники, моралисты постоянно говорят людям: «Будь этим, будь тем. Попытайся быть спокойным, практикуй спокойствие». И тысячи лет тебе говорили эти вещи; эти качества восхваляли, восхищались ими, поклонялись им. Естественно, ты пытаешься быть спокойным, тихим и собранным, но когда ты что-то практикуешь, ты просто создаешь фасад, просто создаешь лицо. Это не трансформирует твое существо — это упражнение. Да, оно поможет тебе быть более престижным и уважаемым; люди будут смотреть на тебя снизу вверх и считать святым человеком. Но фактически ты становишься шизофреником, раздвоенной личностью, ты разделен. Твоя поверхность говорит одно, а внутренняя реальность прямо противоположна. Ты будешь жить в состоянии постоянной гражданской войны, ты будешь постоянно на ножах с самим собой.

Быть святым таким образом — ад. Грешники могут попасть в ад после того, как умрут; ваши так называемые святые живут в аду здесь и сейчас. О будущем аде нет большой определенности, но ад святого очень реален.

Никогда не пытайся культивировать никаких качеств.

Что же делать? Должен ли человек оставаться насильственным, беспокойным, ненормальным? Нет. Будда говорит, что есть другой путь, правильный путь. Правильный путь в том, что эти вещи должны прийти как следствие — следствие внутренней осознанности. Волшебство осознанности в том, что чем более ты становишься бдительным, естественно, тем больше спокойствия тебя окружает. Тебе не нужно его прививать, оно следует как тень, это просто твоя вибрация. Ты окружен тонкой аурой покоя, безмятежности. Когда ты осознан внутри, твое существо излучает грацию. Эта грация — спонтанная, не привитая. А когда нечто спонтанно, в этом есть необыкновенная красота. Это не искусственный цветок, не пластмассовый цветок; это нечто выросшее в тебе, расцветшее в тебе. Это твое собственное цветение. У него есть аромат, потому что у него есть корни в твоём существе.

Пока спокойствие не придет как тень осознанности, остерегайся его. Оно фальшиво, совершенно фальшиво. Все усилие, которое ты вкладываешь в эту практику, сущая растрата. То же самое усилие можно было бы вложить в то, чтобы стать осознанным.

В этом разница между моралью и религией. Мораль — это социальное явление; обществу она нужна, потому что общество состоит из миллионов людей. Оно должно поддерживать определенный порядок,

дисциплину; иначе все придет в хаос. Мораль поддерживает этот порядок. Мораль создает в тебе совесть. Совесть действует как внутренний полицейский, который не позволяет тебе делать ничего против закона, против морального кодекса или против традиции. Общество впечатало тебе в сердце определенные идеи, и теперь они управляют тобой. Даже если ты пойдешь против этих идей, они будут тебя мучить, они станут твоим кошмаром. Если ты им последуешь, ты не почувствуешь таких мучений.

Поэтому аморальный человек оказывается перед двумя трудностями. Первая приходит снаружи, потому что он начинает терять уважение людей; а в этом мире уважение — это самое ценное, потому что это питание для эго. В тот момент, когда ты теряешь уважение, эго начинает умирать, эго ранено, эго испытывает боль. Во-вторых, нечто у тебя внутри начинает создавать тебе внутренние мучения — твоя совесть. Эта совесть тоже была создана тем же самым обществом.

Таким образом, общество давит на тебя с двух сторон, внешней и внутренней. Ты зажат между этими двумя камнями. Поэтому труссы не могут быть аморальными людьми; труссы всегда моральны. Фактически, они не моральны, они просто труссы; поскольку они труссы, то не могут быть аморальными — это слишком опасно, слишком рискованно. И моральные люди, так называемые моральные люди, живут поверхностной жизнью. Они обречены на поверхностную жизнь, потому что их совесть не их собственная — как она может быть их собственной? Им не принадлежит даже их собственная совесть, что еще им может принадлежать? Они беднейшие люди в мире.

И они моральны не потому, что понимают красоту морали; они моральны просто потому, что им не хватает духу быть аморальными. Они следуют диктату общества и совести из страха. Это страх закона и страх ада; это страх перед полицейским и страх перед Богом. Они постоянно дрожат, их жизнь не что иное, как постоянная дрожь. Их молитвы возникают из этой дрожи — естественно, эти молитвы лживы; они порождены страхом. Даже их концепция Бога — не что иное, как проекция их страхов.

Именно поэтому эти люди правильно называются богобоязненными людьми. Они не любящие Бога люди. И помни, тот, кто боится Бога, никогда не может любить Бога, а тому, кто любит Бога, никогда не нужно бояться. Страх и любовь никогда не могут существовать вместе, это невозможно. Их сосуществование невозможно по самой природе вещей.

Но общество высоко оплачивает твою моральность, дает тебе столько эго, сколько только возможно — и не только здесь, но и в следующем мире. Есть и места, специальные места, зарезервированные для тебя на небесах. Грешник страдает здесь и будет страдать также и

в аду, а так называемый святой уважаем здесь и будет уважаемым и в другом мире.

Это стратегия, очень тонкая психологическая стратегия общества — чтобы эксплуатировать тебя. Но из-за этой стратегии ты совершенно потерял всякое понятие о настоящей моральности: моральности, которая не диктуется страхом, моральности, которая не возникает из трусости, моральности, которая не ориентирована на страх.

Совершенно другое видение моральности дается буддами, пробужденными всех веков. Их видение настоящей моральности исходит не из совести, но из сознания. Стань более сознательным, высвободи больше энергии сознания в своем существе, взорвись в сознание! — и тогда ты увидишь, что живешь жизнь в абсолютной сонастроенности с существованием. Иногда, может быть, ты сонастроен с обществом, иногда нет, но ты всегда сонастроен с существованием. Когда общество сонастроено с существованием, будешь сонастроен с обществом и ты; когда общество не сонастроено с существованием, ты не будешь сонастроен с обществом.

Но настоящему моральному человеку это все равно, он готов даже рискнуть жизнью. Это сделал Сократ, это сделал Иисус. Будда жил в постоянной опасности. Так было всегда — по той простой причине, что они жили согласно собственному свету. Если он совпадает с обществом, хорошо; если он не совпадает с обществом, это плохо для общества, но не имеет ничего общего с тобой. Общество должно изменить себя. Сократ не собирается менять себя, Иисус не собирается менять себя, подстраиваясь под общество, Будда не собирается жить согласно мнениям толпы. Толпа состоит из слепых людей, совершенно бессознательных людей, которые крепко спят, которые ничего не знают о самих себе. Следовать им — самое глупое, что только может сделать человек. Человек должен быть достаточно разумным, чтобы разбудить собственное сознание.

Религия состоит не из совести, но из сознания. Поэтому даже атеист может верить в моральность. Конечно, в Советской России или в коммунистическом Китае люди должны следовать определенному моральному кодексу. Они могут не верить в Бога, но должны навязывать людям мораль. Фактически, им придется навязывать еще жестче, потому что отсутствует страх перед Богом. Теперь государство должно быть действительно опасным, потому что это единственный страх, способный удерживать людей ограниченными рамками морали.

Не случайно русское правительство и китайское правительство не допускают никакой свободы; они не могут допустить никакой свободы. Капиталистические страны допускают немного свободы, потому что им помогает Бог. Ты позволишь свободу, Бог не позволит — это компенсация. Но в коммунистических странах Бога нет, поэтому не страха

перед высочайшим, высшим, и нет другой жизни, поэтому нет страха перед адом.

Коммунистическим странам приходится создать ад здесь, прямо сейчас, им приходится создать концентрационные лагеря; они используют Сибирь как заменитель ада. И они создают всевозможные сложные пытки, всевозможные бесчеловечные мучения. Даже сам Дьявол может многому научиться у них! Сейчас в России, если ты не согласен с обществом, тебя тут же объявляют умалишенным — не говоря, что ты политически придерживаешься другого мнения, нет, это невозможно. Нет возможности того, чтобы чье-то мнение отличалось от правительственной политики, от авторитарных принципов, от признанной идеологии. Только ненормальный человек может думать по-другому. Как ты можешь пойти против Маркса, Энгельса, Ленина? Невозможно! Эта святотатственная троица правит абсолютно. Русское правительство тоталитарно; ему приходится быть таким, потому что оно должно функционировать так, чтобы чем-то компенсировать отсутствие Бога; иначе люди станут неуправляемыми.

Коммунистические страны обречены быть тоталитарными. Они не могут быть демократическими, это невозможно, потому что кто будет делать работу, заставляя людей бояться и дрожать? Если они не принимают Бога и ад... Бог и ад очень помогают, потому что делают почти всю работу. Для религиозного человека — так называемого религиозного человека — этого страха достаточно, чтобы его сдерживать, а остальное может сделать правительство, но работы гораздо меньше, не более двадцати пяти процентов. Семьдесят пять процентов страха является психологическим порождением совести. В коммунистических странах нет вопроса о совести, и, конечно, не может быть и речи о сознании, потому что такая вещь, как медитация, не признается.

Некоторые люди в Советской России заинтересовались моим образом мышления. Они стали медитировать, но они должны медитировать подпольно, в подвалах. Они никому не могут сказать, что медитируют, потому что медитация означает, что ты сошел с ума! «Нет никакой необходимости медитировать. Зачем медитировать? Нет никакой души, которую можно пережить, нет никакого Бога, которого можно пережить. Человек — это не что иное, как побочное следствие существования материи. Когда приходит смерть, все кончается, за пределами смерти ничто не сохраняется, ничто не продолжается.» И совесть нельзя создать старыми методами, потому что старые способы создания страха больше не приемлемы. Вся работа должна осуществляться правительством. Конечно, правительство становится уродливым, правительство становится монстром.

Но то же самое происходит и в других странах — в более тонком виде. Коммунисты грубы; капиталистические страны, так называемые демократические страны, не так грубы, они тоньше, но они делают то

же самое. Они удерживают тебя запутанным в толпе, но такими косвенными методами, что требуется огромный разум, чтобы осознать тот факт, что ты закован в цепи. Эти цепи невидимы.

Религия, в действительности, состоит в создании другого вида моральности, не так называемой обычной моральности, но моральности, которая спонтанна, моральности, которая возникает из себя самой и не навязана, моральности, которая является следствием твоего собственного разума.

Будда говорит об этом, когда говорит: «Мастер спокоен». Он имеет в виду, что он глубоко вошел в свой центр, проник в свое существо до самого центра и утвердился там; теперь он в покое. Вся беготня отброшена; вся суeta исчезла. Теперь он знает, что идти некуда. Он пришел домой, он нашел свой предельный приют, предельный кров. Теперь он знает: «Это мой алтарь». Сидя в этом алтаре, он абсолютно спокоен. Ты не можешь увидеть, где он, но можешь почувствовать его спокойствие. Ты можешь почувствовать его как прохладный ветерок, ты можешь почувствовать его как изливающееся молчание. Если ты подойдешь к нему близко, внезапно к тебе прикоснется нечто невидимое. Твое сердце начнет танцевать. Дело не в том, что он что-то с тобой сделал, но ум может тебя обмануть, и ум начнет рационализировать.

На днях я читал одну рукопись. Одна женщина приехала несколько месяцев назад, она подруга Панкажди и Савиты. Она приехала сюда, просто чтобы посмотреть, что случилось с Панкаждой и Савитой. Панкажда — хорошо известный автор, она опубликовала прекрасные романы. Внезапно она стала саньясинкой и отбросила свою прекрасную карьеру. У нее были огромные возможности: она могла бы стать всемирно известной. Она была на пути — она становилась более и более знаменитой. И она не только стала саньясинкой — она больше не вернулась в Англию. И не только: до Англии, наверное, дошли слухи, что она работает в ашраме, моя туалеты. Наверное, ее подруга была сбита с толку — что с ней случилось?

Тогда исчезла и Савита. Она тоже хорошо преуспевала в своей профессии. Она была терапевтом, зарабатывала хорошие деньги и продвигалась в карьере. Она тоже больше не вернулась в Англию.

Их подруга приехала, просто чтобы посмотреть, что происходит с этими людьми — «должно быть, они попали под гипноз». Что еще может подумать ум? Ум находит простое объяснение: «Этих людей загипнотизировали». Иначе почему человек оставит успешную карьеру, хорошую жизнь — карьеру, полную возможностей? Зачем человек внезапно уезжает? Либо он сошел с ума, либо его загипнотизировали.

Она приехала сюда, чтобы проследить, что происходит. Тогда она тоже стала саньясинкой. Но она тут же сбежала — я дал ее имя Ка-

нан. Она сбежала. Теперь она пишет книгу обо всем этом опыте, и говорит: «Я не знаю, что случилось, как я стала саньясинкой. Что-то тянет. Это нечто неосознанное — человек не может сообразить, что именно это такое — но это что-то подобно гипнозу». Она заключает: «Может быть, дело в глазах этого человека или в звуке его голоса, но человеку хочется стать его саньясином. Даже я стала саньясинкой, хотя очень боялась: теперь меня тянет в тот же оранжевый водоворот, в котором исчезли Панкажда и Савита. Лучше уехать, прежде чем я не вовлеклась в этот слишком сильно и бегство стало бы невозможным. Я бежала. Я отбросила саньясу немедленно, потому что боялась — носить малу этого человека с его фотографией опасно. Кто знает, что в ней скрыто?»

Эта женщина считает себя очень умной, она думает, что она очень рациональна, что она поступила правильно. Все, что она сделала, это упустила возможность, которая появляется лишь изредка; может быть, многие жизни она не сможет встретиться с таким человеком снова.

Нет никакого гипнотизма. Никто не пытается тебя втянуть, никто не пытается на тебя повлиять. Но, несомненно, есть некий аромат, который воздействует на тебя, и воздействует глубоко. Есть спокойствие, которое проникает тебе в сердце, и встряхивает крепко спящее сердце в некое бодрствование. Но если тебе снится слишком много снов и если ты вложил слишком много в свои кошмары, тебе может стать страшно — страшно проснуться. Ты можешь упустить возможность, бежать от возможности. Но тогда тебе придется создать рационализацию. Тебе *придется* создать рационализацию, иначе как ты соби-
раешься себя утешить?

Теперь в этой книге она пытается себя убедить, что она поступила правильно. Она сделала самую глупую вещь в своей жизни.

И эта возможность еще не потеряна, Канан. Где бы ты ни была в мире, мои глаза видят это. И все, что я говорю здесь... звук моего голоса, его резонанс облетит всю землю. Если у тебя есть хоть капля разума, тебя снова втянет в оранжевый водоворот!

Он спокоен.

В нем семя обновляющейся жизни

Было поглощено.

Он завоевал все внутренние миры.

Что произошло в этом мастере? Что в действительности произошло во внутреннем мире этого мастера? Будда говорит: «Первое и самое главное, что семя обновляющейся жизни сожжено, поглощено пламенем осознанности». Да, осознанность — это огонь. Она сжигает весь мусор и очищает то, что есть золото. Она делает две вещи: сжигает мусор и очищает золото. Это алхимия.

Семя обновляющейся жизни — это желание. Будда называл его *танхой*. Танха означает, что человек хочет родиться снова и снова, хочет больше и больше. В этой жизни ты хочешь больше и больше, и это больше никогда не удовлетворено. Когда ты умираешь, все желания стоят неосуществленные, и ты начинаешь желать другой жизни, еще одного шанса.

В Упанишадах есть прекрасная история, прекрасная притча:

Один из великих королей, Йайати, умирал. Ему было сто лет, зрелый возраст для смерти — человек к этому времени должен быть готов — но он был недостаточно взрослым; семя обновляющейся жизни еще не было сожжено. Поэтому, когда пришла смерть, Йайати упал к ногам смерти — великого короля, великого завоевателя! — и сказал:

— Позволь мне прожить еще сто лет. Я не прошу большего, только сто лет. Для тебя это ничто, ты можешь это сделать. Все мои желания остались неисполненными, потому что я никогда не думал о тебе. Я просто готовился и готовился. Я не наслаждался жизнью. Теперь, когда все готово — я завоевал весь мир, собрал богатства и самых красивых женщин, самых разумных и смелых сыновей, лучшую в мире армию, и все устроилось, все враги убиты — я только думал, что теперь отдохну и буду наслаждаться. Разве тебе пришло время прийти? Все эти сто лет я провел, готовясь к этому мгновению. Подари мне еще сто лет, чтобы я мог прожить их до полного удовлетворения.

Смерть рассмеялась и сказала:

— Я готова подарить тебе сто лет, но мне придется взять одного из твоих сыновей, потому что я должна уйти с кем-то, кто напоминает тебя; если не ты, по крайней мере, твой сын. Я не могу уйти с пустыми руками, я должна сама отчитаться перед боссом. Он спросит: «Где Йайати?» Что я ему скажу? Такого никогда не случилось раньше — что тебя мне жаль. Спроси своих сыновей.

У Йайати было сто сыновей; наверное, у него было сто жен. Он спросил своих сыновей. Самому старшему было восемьдесят лет, но он опустил глаза, он был не готов сказать «да». Почему он? Он прожил только восемьдесят лет; его отец не удовлетворен даже сотней лет, как он может удовлетвориться восьмьюдесятью? По крайней мере, он должен прожить еще двадцать лет. В те дни, как говорит история, люди жили сто лет. Почему он должен умереть преждевременно, скоропостижно? А этот старик жил достаточно долго! Он не хотел обижать старика, но ничего не сказал, промолчал.

Отец был очень шокирован; он думал, что его дети готовы пожертвовать собой. Но в этом мире никто не готов пожертвовать собой ради кого-то другого. Он огляделся вокруг. Все его сыновья смотрели друг на друга: «Почему бы тебе не пойти?»

Самый младший, которому было только двадцать лет, встал и сказал:

— Я готов. Возьми меня с собой, я пойду с тобой.

Даже Смерти стало жалко этого мальчика. Смерть подошла к молодому человеку и сказала:

— Ты что, дурак? Твои старшие братья — одному восемьдесят, другому семьдесят пять, кому-то шестьдесят, семьдесят, шестьдесят пять, пятьдесят лет — эти люди не хотят со мной идти, а ты младше всех, ты еще не жил. Почему ты готов идти со мной?

Молодой человек сказал:

— Если мой отец не смог прожить достаточно за сто лет, если старший из моих братьев не смог прожить достаточно за восемьдесят лет, если все мои братья... никто не смог прожить, тогда весь этот проект бессмыслен. Я не хочу тратить время зря. Если я должен умереть, лучше умереть сейчас. Зачем ждать восемьдесят лет? Если *этим* людям это не удалось, абсолютно определено, что это не удастся никому. И пусть мой отец проживет на сто лет больше.

Смерть попыталась его разубедить, но он не слушал. Смерти пришлось взять его с собой.

Через сто лет Смерть пришла снова, и ситуация оказалась прежней. Снова Йайати упал на колени и стал плакать, рыдать и просить:

— Я знаю, что теперь я должен быть готов, но еще ничего не осуществилось; все желания остались прежними. Я *прожил* все желания, я не могу сказать, что не прожил их, но ничто не удовлетворено. Я хочу больше! Теперь, когда я прожил еще сто лет, возникло новое желание — я хочу больше! Я хочу прожить еще раз, хотя бы один раз, еще сто лет, еще один шанс.

И так продолжалось снова и снова. Когда Йайати исполнилось тысяча лет и пришла Смерть, он снова собрался упасть к ее ногам, но она сказала:

— Подожди — с меня довольно! Разве ты не видишь суть, Йайати? Ты что, слепой? Ты прожил тысячу лет, но делал одно и то же раз за разом. За эти тысячу лет ты не сделал ничего нового, и все же ты хочешь больше? Разве ты не видишь суть, что ум живет в желании большего, продолжает просить большего? Этому нет конца. Теперь ты пойдешь со мной — я не собираюсь тебя больше слушать. Теперь даже босс злится на меня. Он говорит: «Это уже слишком! Этому человеку дано слишком много времени». Но я тоже хотела попробовать — посмотреть, что человек может сделать за тысячу лет. Ты не продвинулся ни на шаг, ты на том же месте, с которого начал, ты ходил по кругу.

Будда называет это постоянное желание большего танхой — хождением кругами. Человек становится мастером, когда это желание исчезает, когда семя сожжено в огне осознанности.

Он спокоен.

Тогда, конечно, он спокоен.

Когда желания нет, когда ветры желания утихли, когда нет волн во внутреннем океане, тогда океан становится совершенно спокойным. Фактически, не океан вызывает волны — причиной являются невидимые ветры. Ты видишь волны в океане и думаешь, что эти волны порождены самим океаном — это не так. Волны порождены невидимыми ветрами, дующими над океаном. Если ветры утихают, океан становится абсолютно спокойным.

Почему ты в замешательстве? Откуда эти постоянные волны у тебя внутри, столько мыслей и воспоминаний, столько фантазий? Почему продолжается весь этот цирк? По той простой причине, что тебя овевают невидимые ветры желаний.

Наблюдательный человек, разумный человек, осознает корень проблемы: дело в ветрах, в ветрах желаний. Он прекращает желать. Видя тщетность желания, он отбрасывает желание. Семя сожжено, и воцаряется спокойствие. Это не спокойствие так называемого культурного, полированного человека. Это спокойствие совершенно другое: другое его качество, другой его источник, — оно приходит из глубочайшего внутреннего ядра. Будда спокоен, потому что ветры больше не дуют. Они не могут дуть, потому что семя было сожжено.

Он завоевал все внутренние миры.

Есть многие и многие миры у тебя внутри, точно так же, как есть многие миры снаружи. Ученые постоянно открывают новые солнечные системы, новые звезды, новые галактики звезд, новые млечные пути. Они постоянно открывают, и, кажется, открытиям нет конца. Кажется, вселенные за вселенными нескончаемы. Так и во внутреннем мире: есть много уровней и много вселенных, но все они укоренены в одном семени.

Из одного-единственного семени может вырасти большое дерево. Ты не можешь увидеть этого в семени, но если ты поместишь его в почву, дерево начнет расти. Маленькое семя может принести такое большое дерево с густой листвой, что под ним может сидеть тысяча людей, в нем могут свить гнезда тысячи птиц. Миллионы семян вырастут на этом дереве, и каждое семя будет содержать миллионы деревьев, и так далее, и так далее. Ученые говорят, что одно-единственное семя может сделать зеленой всю Землю; и не только эту Землю, но и

другие планеты в этой вселенной могут стать зелеными от одного семени. Какой потенциал!

Ты носишь в себе замороженные семена, которые только ждут правильной возможности. Может быть, ты совершенно забыл об определенном желании, потому что не было возможности, чтобы вызвать его к жизни. Именно поэтому монахи, монахини и традиционные саньсяны пытались бежать от мира — просто чтобы обмануть самих себя, — потому что когда они приходили в пещеры в горах, они тем самым уходили от возможностей, в которых они осознали бы семя, в которых семя получило бы шанс расти.

Но помни, семя остается с тобой, даешь ли ты ему шанс расти или нет, и оно может оставаться с тобой годами; оно может ждать многие жизни. Дай ему возможность, случайную возможность, и немедленно семя оживет. Семя может оставаться замороженным, почти мертвым миллионы жизней.

Именно поэтому я абсолютно против эскапизма — по той простой причине, что если ты хочешь сжечь семя, самое лучшее место для этого — мир, рыночная площадь, потому что там есть все возможности. Ты не можешь избежать видения семени, а, видя его, тебе придется что-то предпринять. Если ты перестанешь видеть семя, если ты положишь его на скалу, ты забудешь о нем, потому что оно не может вырасти на скале.

Именно поэтому монахи и монахини жили в монастырях; это скалы. Они выбрали жить в горах. Вы не замечали? — все монастыри мира расположены в скалистых горах, не в красивых горах, где есть деревья, животные и птицы — потому что есть опасность: даже две птицы, занимающиеся любовью — это достаточная возможность, чтобы дать тебе эту идею! Достаточно даже двух играющих животных, чтобы в монахах и монахинях возникло великое желание. Внезапно семя начинает прорастать. И они выбрали жить среди скал, голых скал, в которых ничто не растет. Или монастыри строили где-нибудь в пустыне. Все христианские монастыри находятся в пустынях. Древние христиане жили в пустынях по той простой причине, что в пустыне жизнь настолько отсутствует, что ты можешь совершенно забыть о ней.

Джайнские монахи живут в горах, в уродливых горах, где только скал и больше ничего, потому что прекрасное может создать проблемы. Дальний зов кукушки может свести тебя с ума! — потому что в нем есть собственная сексуальность, в нем есть чувственность, это чувственный зов. Знаете ли вы? — кричит кукушка мужского пола; самка просто ждет. Она просто ждет, пока самец подойдет поближе. Да, она дает ему намеки: «Я доступна», но держится очень отстраненно, очень гордо — доступно, но не слишком!

Вы не замечали, наблюдая животных, одно странное явление? — что всегда самец берет инициативу. Павлин с красивыми перьями — самец; можно было бы подумать наоборот, но это самец, не самка. У самки нет перьев; самка очень обычная, а самец танцует вокруг нее в великолепии своих перьев — действительно красивых перьев — и танцует прекрасный танец. Он пытается ее соблазнить.

Что-то странное случилось только с человеком; это кажется неестественным. Фактически, украшения должны использовать мужчины, не женщины. Мужчины должны носить более красочные цвета, чем женщины. Женщине не нужно беспокоиться ни о чем другом; достаточно того, что она женского пола! Именно такова вся история природы, если оглядеться вокруг: все стратегии использовали самцы.

Монахам и монахиням нужна защищенность, но такая защита не поможет. Даже если семя может оставаться защищенным много жизней, оно еще не сожжено.

Старая дева много лет каждый день сидела в парке. Когда она кормила голубей, которые всегда кружились и ворковали вокруг статуи молодого Аполлона, ее глаза блуждали по его обнаженной фигуре, и она мечтала о том, чтобы заключить в свои объятия его живое воплощение.

Однажды, когда она сидела на скамейке, ее пожалела добрая фея.

Появившись рядом с ней, она сказала, что исполнит ей три желания. Без промедления старая дева сказала:

— Сначала я хочу быть молодой и очень соблазнительной.

Не успела она договорить, как это было исполнено.

— Во-вторых, я хочу, чтобы эта статуя Аполлона ожила.

Фея взмахнула жезлом, и тотчас же он прыгнул с пьедестала, совершенно живой. Новоиспеченная кокетливая девушка запнулась и покраснела. Застенчиво опустив ресницы, она сказала:

— Я хотела бы предоставить третье желание Аполлону.

Повернувшись к обнаженному молодому богу, фея сказала:

— Какое твоё желание?

— Я хочу насрать на этих голубей, — ответил тот.

Может быть, эта мраморная статуя хранила это желание сотни лет. Голуби постоянно делали это с ним. Он ждал, ждал, ждал... и однажды время пришло — это все, что он хочет.

Будда говорит:

Он спокоен.

В нем семя обновляющейся жизни

Было поглощено.

Он завоевал все внутренние миры.

Есть три мира, и внутри этих трех миров есть еще три мира. Первый мир — это мир тела, тайны тела. Второй — это мир ума, тайны ума. И третий мир — это мир сердца, тайны сердца. Каждый из них содержит много миров. Из-за этих трех слоев возникли три йоги, три науки. Первая — *хатха*-йога. Хатха-йога означает глубокое проникновение в тайны тела. Тело хранит много тайн; если двигаться в тайны тела, им нет конца. Ты можешь продолжать двигаться вечно, это само по себе бесконечность.

Но это не путь свободы, это не путь нирваны: ты попался в новую сеть. Теперь ты больше не заинтересован в деньгах или в том, чтобы быть президентом, ты больше не заинтересован в мирском имени и славе, но теперь весь твой интерес сосредоточен на том, чтобы стать сверхчеловеком и получить силы, которые содержатся в теле. Многие тратили на это время впустую тысячи лет.

Будду вообще не интересует такой вид исследования. Он хочет, чтобы ты прорубился сквозь него. Он хочет, чтобы ты помнил, что, если ты движешься в тайны тела, ты, может быть, сможешь ходить по воде, ходить по огню, но какой смысл ходить по воде или по огню? Это просто глупо! Даже если ты можешь ходить по огню, ну и что? Что ты приобретаешь? Ты можешь летать по воздуху, как птица, ну и что? Птицы уже это делают — в этом нет ничего особенного.

Три йога сидели за обедом на карнизе семнадцатого этажа небоскреба. Они работали над телом, постоянно об этом говорили, открывая все новые тайны.

— Вот это да, — сказал один из них, новичок. — Теперь я понимаю, почему вы, ребята, любите здесь есть. Отсюда открывается такой красивый вид на город!

— Да, вид красивый, — ответил другой. — Но хочешь ли ты знать, почему, на самом деле, мы здесь обедаем?

— Да, — сказал новый йог.

— На четвертом этаже, — объяснил тот, — есть потрясающий вертикальный сквозняк, и нам нравится туда спускаться и подниматься на нем снова вверх. Он приносит тебя точно на то место, с которого ты прыгнул.

— Ерунда! — сказал новичок. — Я в это не верю.

— Не веришь? — сказал первый, опуская свой термос с кофе. — Тогда я тебе покажу.

Он прыгнул. Он полетел вниз, и действительно, прямо на четвертом этаже — ух! — он развернулся и приземлился на карнизе семнадцатого этажа, точно в том же месте, с которого прыгнул.

— Вот это да! — сказал первый человек в изумлении. — Это чертовски превосходит даже винд-серфинг и все остальное в этом роде! Дайте и мне попробовать!

Он встал и прыгнул. Он полетел вниз — четвертый этаж, третий этаж, второй... бам! Упал на асфальт! Все кончено!

Третий человек, который до сих пор молчал, повернулся к первому и сказал:

— Ты знаешь, Сверхчеловек, иногда ты настоящий засранец!

Какой во всем этом смысл?

Будду не интересует йога тела, не интересует и йога ума — *мантра*-йога и другие методы, которые работают над умом и создают умственные силы, *сиддхи*. Да, теперь ты можешь творить чудеса... ты можешь читать мысли других, но разве недостаточно собственных мыслей? Ты можешь предсказывать будущее других, но что здесь предсказывать? Оно будет точно таким же, как их прошлое.

Как раз на днях один саньясин спросил... он побывал у какого-то индуистского астролога, очень известного. И астролог сказал ему, очень уверенно, размышляя, обдумывая карту его рождения и медитируя на его будущее, что в этой жизни он не может стать просветленным. Черт возьми, это может сказать о вас любой дурак, потому что человек, который идет к астрологу спрашивать о будущем, обречен на то, чтобы оставаться непросветленным! Это достаточное доказательство. И что этот глупый астролог знает о просветлении? Просветленный ли он? Ты должен был спросить его: «А ты? Ты просветленный, и все еще занимаешься астрологией?»

Из-за этих дураков мне придется назначить здесь Кабира! Зачем ходить в другие места? Кто-то будет доступен прямо здесь. Кабир составляет прекрасные карты... очень красочные! Он делает хорошую работу. Дуракам нужно... что делать? И если они должны куда-то идти, лучше покончить с ними прямо здесь.

Только дураки заинтересованы в будущем. Разумный человек заинтересован только в настоящем. Просветление непредсказуемо; просветление абсолютно непредсказуемо. Это такое таинственное явление, что нет никакой возможности его предсказать.

Но теперь эта идея засела у него в голове. Теперь он успокоился: «Если этого не произойдет в этот раз, зачем беспокоиться?» И этот человек перестанет медитировать, начнет думать о том, чтобы отбросить саньясу. Какой смысл, если ты не станешь просветленным в этой жизни? «Посмотрим, когда придет другая жизнь, тогда мы начнем медитировать и станем просветленными».

Но я скажу тебе одно: в следующей жизни ты пойдешь к астрологу — я могу предсказать это прямо сейчас! И в прошлый раз ты сделал то же самое! Тебе действительно интересно просветление или нет? Люди могут найти любой предлог — они великие рационализаторы. Теперь у тебя есть причина не медитировать — потому что на этот раз этого не случится, зачем тратить время зря? Но тогда как это вообще случится?

И зачем, прежде всего, ты пойдешь к астрологу? Даже звезды не просветленные! Одно абсолютно определено: просветление не определяется никакими причинами, это внезапное явление. Твою смерть можно предсказать, болезнь можно предсказать, глупость можно предсказать, но не просветление. Ты видишь? (*В этот момент огни видео внезапно загораются!..*) Как это происходит? — нет никакой причины!

Кто-то спросил Пикассо:

— Кажется, ты очень заинтересован в живописи обнаженной натуры. Почему?

— Наверное, — ответил Пикассо, — потому, что я таким родился.

Человек всегда может найти какую-то причину.

Джули:

— А если я откажу, Эдвард, ты покончишь с собой?

Эдвард:

— Именно это я обычно делаю.

И третий мир — тайны сердца, *бхакти*-йога. Сначала хатха-йога, потом мантра-йога, потом бхакти-йога. Будда говорит: «Продолжай разрубать их все; не отклоняйся в стороны, иначе ты потеряешься во внутренних мирах». Поэтому Будду не интересуют ни йога, ни мантра, ни бхакти, преданность, молитва — ничего. Его единственный интерес, целеустремленный интерес — осознанность.

И я абсолютно с ним согласен, потому что для тебя это единственная возможность избавиться от всей чепухи, в которой ты жил миллионы жизней. Ты будешь продолжать ее повторять, потому что, просто проживая ее снова и снова, ты не становишься разумнее. Ты немного меняешься, но основная глупость остается прежней.

В армейский лагерь пришла телеграмма о том, что умер отец рядового Смита. Полковник сказал сержанту мягко сообщить эту новость рядовому Смигу. Под наблюдением полковника сержант подошел к рядовому Смигу и сказал:

— Смит, твой отец умер.

Полковник вызвал сержанта и сказал:

— Если это произойдет снова, будь мягче — сообщи новость в более мягкой форме!

Через две недели пришла другая телеграмма — о том, что умерла мать рядового Смита.

Сержант выстроил весь взвод и сказал:

— Все, у кого есть мать, сделать два шага вперед... А ты куда прешь, рядовой Смит?

Теперь стратегия переменялась, но все осталось прежним! И именно это ты делал со своей жизнью, жизнь за жизнью. Немного, конечно, меняется в деталях, но глупость, лежащая в основе, сохраняется.

Бесстрастным глазом

Он видит во всем

Падающее и поднимающееся.

Человек, который стал осознанным, видит везде только одно: что все рождается и умирает, что все начинается и кончается, что все находится в потоке. Ничто не стоит того, чтобы за него цепляться, ни за что не стоит держаться, ничем не стоит владеть, потому что рано или поздно это исчезнет. Поэтому он остается ничем не владеющим. Он движется по миру, непривязанный, спокойный, прохладный, видя везде опускающееся и поднимающееся. Он знает, что вещи приходят и уходят; он наблюдает. Когда что-то возникает, он наблюдает и прекрасно знает, что это уйдет. Приходит страдание — он не обеспокоен, потому что знает, что это пройдет. Приходит счастье — он не взволнован, потому что знает, что оно пришло и уйдет.

Бесстрастным глазом...

Осознанность дает ему новый вид глаза, новое видение — бесстрастное. Он просто смотрит без желания; это совершенно другое видение. Когда ты смотришь без желания, мир выглядит по-другому; когда ты смотришь с желанием, ты окрашиваешь все согласно своему желанию.

— О чем ты думаешь, Джон?

— О том же, что и ты, Джейн!

— О, если это так, я закричу!

Ты не слышишь не единого слова без того, чтобы не окрасить его в собственный цвет.

Каждый смотрит из своего собственного мира желаний, ожиданий, страстей, похоти, жадности, гнева. Тысяча и одна вещь стоит между тобой и миром; именно поэтому ты не видишь его таким, как он есть.

Когда твои глаза абсолютно чисты, чисты от всей пыли, когда они становятся чистым зеркалом, оно отражает то, что есть. И это истина, и истина освобождает, но она должна быть твоей собственной. Моя истина не может освободить тебя, истина Будды не может освободить тебя. Есть лишь одна возможность освобождения, и это твоя собственная истина. И все, что ты должен сделать, это создать бесстрастный глаз.

*И с огромной радостью
Он знает, что он покончил.
Он проснулся от сна.*

Мастер рад, что покончил со всей этой чепухой, со всей этой глупостью, со всеми играми жизни. Он рад, что покончил, вышел из этого, трансцендировал.

Он проснулся от сна.

Вилли Д. уехал из Харлема, чтобы навестить друзей в Мобайле. На второй вечер там он встретил Лауру Мэй, красивую даму, с которой он вскоре обосновался в лесу. Когда они приготовились заниматься любовью, Вилли снял штаны и аккуратно повесил их на дерево.

— Наверное, ты с Севера, — сказала Лаура Мэй.

— Правильно, детка, — ответил Вилли, — но откуда ты знаешь?

— Юный парень не вешает одежду на ветки, потому что, когда мы закончим, мы будем за три мили отсюда!

Все эти игры... где твои штаны и где ты сам? За три мили отсюда! Где твои чувства? Где твой разум? Наверное, ты их где-то повесил и забыл где.

Няня взяла за руку джентльмена, стоящего у кровати женщины в роддоме, отвела его в сторону и сказала:

— Хотите увидеть ребенка?

Джентльмен кивнул.

— Выглядит точно, как вы! — сказала она с энтузиазмом, когда они в конце концов вышли из детской палаты.

Позднее она рассказала женщине о радости ее мужа при виде ребенка. Женщина пришла в ужас.

— Муж? Мой муж по работе в другом городе и еще не приехал, чтобы увидеть ребенка! Этот человек должен был забрать очередной взнос за холодильник!

Люди спят. То, что с ними происходит, почти случайно. Ты влюбился в кого-то в результате случайности. Твое рождение случайно, твоя смерть будет случайной.

Будда говорит: «Мастер смотрит на все поднимающееся и падающее, поднимающееся и падающее». Все это случайности. Есть только одна вещь, которая не случайна, которая свойственна тебе по природе, и это твое осознание всего этого. Это осознание делает тебя пробужденным.

Пара разработала прекрасный план проведения времени. Один раз в неделю он проводит время с ребятами, шесть раз в неделю это делает она.

Новость из Детройта: там разработали очень быструю машину с одинаково быстрыми тормозами — она может полностью остановиться на расстоянии в длину машины со скорости сто сорок миль в час. Она снабжена специальным устройством, смывающим твои останки с ветрового стекла.

Олти и Большая Берта стояли перед алтарем. Большая Берта весила двести фунтов, жених — едва ли сто.

— Ты берешь эту женщину в законные жены? — спросил священник.

— Я ничего не беру, — ответил Олти. — Меня взяли!

Просто наблюдай, что происходит.

После долгой нудной проповеди священник спрашивает Сэнди:

— Как тебе понравилась моя проповедь, Сэнди?

— Немного как открытый космос, отец, — отвечает Сэнди.

— Что ты подразумеваешь под «открытым космосом»?

— Его много, но в нем ничего нет!

И именно такова твоя жизнь: ее много, но в ней ничего нет. Просто случайности, и больше ничего. Ты еще не узнал свойственного. Именно это Будда называет сном.

Мастер проснулся от этого сна. Он увидел, что в нем вечно. Он увидел собственное сознание, он осознал собственную осознанность. И это предельная истина, предельное пробуждение.

*И путь, которым он пошел,
Скрыт от людей,
Даже от духов и богов,
Добродетелью его чистоты.*

И путь, которым он пошел, невидим. Это не путь поста; люди могут видеть, что ты постишься, голодаешь, убиваешь свое тело. Это не мучение тела, это не искажение тела так называемыми позами йоги. Путь будд очень тонок; никто его не видит, кроме тебя самого — пока ты не столкнешься с другим буддой. Только будда может увидеть его, потому что это просто способ быть наблюдательным. Как может его увидеть кто-то другой? У нем нет никаких ритуалов.

Религия Будды безмерно красива — никаких ритуалов, никаких так называемых религиозных обрядов — просто ты остаешься наблюдательным. Но это нечто у тебя внутри, никто другой не может понять, что ты делаешь. Ты можешь вести машину или ты можешь сидеть в офисе — и делать это. Это даже не глубокое дыхание — которое могут почувствовать другие: ты выполняешь глубокое дыхание. Это просто випассана, это просто наблюдение, наблюдение всего — снаружи, внутри.

Будда дал чистейший путь, самый простой, самый тонкий — и самый фундаментальный. Он дал золотой ключ, который может отпереть все двери тайн жизни и существования.

*В нем нет ни вчера,
Ни завтра,
Ни сегодня.*

Время исчезло, потому что когда ты становишься абсолютной осознанностью, времени не остается. Не только вчера исчезают... они исчезают первыми. Они исчезают в таком порядке.

В нем нет ни вчера...

Сначала исчезают вчера; ты становишься менее и менее озабоченным прошлым. Что прошло, то прошло, и только дурак заботится об

этом. И есть дураки, которые настолько озабочены своим прошлым — они даже пишут мне письма...

Один человек из Швейцарии на днях написал мне письмо: «Увидев твою фотографию и прочитав некоторые твои книги, я тебя узнал, мы встречались в прошлых жизнях. Я абсолютно тебя узнаю. Я посылаю тебе мою фотографию — а ты меня узнаешь? Если ты меня узнаешь, тогда я приеду».

Я сказал Лакшми:

— Сообщи этому парню, что я не узнаю никого из прошлого. С прошлым покончено! Ты прочитал мои книги, но ты меня еще не видел. И почему тебя должно заботить то, чтобы тебя узнали — что я видел тебя в прошлом? Какой цели ты добьешься?» В это вовлечено какое-то утверждение эго: «Тогда я приеду» — если я узнаю его, признаю, что встречал в прошлом.

Такой тип глупцов ловится на таких людей, как Муктананда. Они немедленно скажут:

— Да, мы были вместе в прошлых жизнях. Ты был моим учеником в прошлой жизни, и мы работали так прекрасно, и ты так быстро рос. Осталось лишь немного, что нужно сделать сейчас, поэтому прими посвящение в сиддха-йогу.

Прошлого нигде не существует. Многие люди пишут мне: «Дай нам методы, чтобы мы могли вспомнить прошлые жизни». Что ты будешь делать? Даже если ты вспомнишь, что был Александром Великим или Клеопатрой, как и чем тебе это поможет? Это создаст еще больше трудностей. Ты уже в такой каше!

Именно поэтому природа закрывает двери каждый раз, когда ты умираешь. Это великое сострадание, иначе ты рождался бы сумасшедшим. Помня все свои прошлые жизни, ты был бы в таком состоянии, что вообще не мог бы действовать, потому что твоя мать, может быть, была твоей женой в прошлой жизни, а в другой жизни — твоей дочерью. Как ты теперь будешь себя вести с ней? — как с матерью, женой или дочерью? Ты будешь в большом замешательстве!

Не нужно беспокоиться о прошлом. По мере того, как ты становишься более осознанным, первое, что исчезнет из твоего ума, это прошлое, а прошлое — это третья часть ума. Это само основание ума, сам фундамент. Как только он исчезнет, все здание начнет рушиться.

Второе, что должно уйти — это завтра. Когда нет вчера, ты не можешь воспринять завтра. Завтра — это не что иное, как проекция вчера. Ты хотел бы снова прожить радости вчера и избежать страданий вчера; вот что такое твое завтра. Если вчера не стало, покончено и с завтра; вскоре оно исчезнет.

А когда вчера исчезли и завтра исчезли, где сегодня? Оно существует между ними двумя. Если оба берега исчезают, исчезает и сама река. Если исчезают оба берега, исчезает и мост. Кусок за куском три части времени исчезают: сначала прошлое, затем будущее, затем, в конце концов, настоящее. Тогда ты остаешься без времени, в состоянии безвременности. И это, говорит Будда, есть нирвана.

Пережить безвременность значит пережить бессмертие. Пережить безвременность значит пережить то, что действительно есть. Это не прошлое, не настоящее и не будущее; это просто есть. Оно не может быть ограничено никаким отделением, никакой категорией; его нельзя отнести ни к какой категории. Ты просто переживаешь каждое мгновение с безмерным покоем, молчанием и радостью. И каждое мгновение становится таким ароматным, таким живым! Каждое мгновение становится таким благословением, которое невозможно вообразить, невозможно описать. Чтобы его знать, человек должен его знать; другого пути нет. Никто не может объяснить его тебе. Оно необъяснимо, невыразимо. Это величайшая тайна. Когда время исчезает, ум исчезает, что остается? То, что остается, этот простор... это твое настоящее существо — словами Будды, твое не-существо, твое не-я.

Иисус назовет это царством Бога; это позитивный способ это описать. А Будда называет это состоянием прекращения — все прекратилось.

*И с огромной радостью
Он знает, что он покончил.
Он проснулся от сна.*

На сегодня достаточно.

Глава 8

РОЖДЕННЫЙ ПРОСВЕЩЕННЫМ

Первый вопрос:

*Любимый Мастер,
Что такое невинность и как стать невинным?*

Сонджа,

Нevinность — это сама твоя природа. Ты не должен ею становиться, ты уже она. Ты рождаешься невинным. Затем на твою невинность навязываются, слой за слоем, обусловленности. Твоя невинность подобна зеркалу, а обусловленность — как слои пыли. Зеркала не нужно добиваться, оно уже есть. Зеркало не утрачено, оно только скрыто за слоями пыли.

Ты не должен следовать по какому-то пути, чтобы достичь своей природы, потому что ты не можешь покинуть свою природу, никуда больше не можешь уйти. Это невозможно, даже если бы ты этого хотел. Именно это определение природы: природа означает то, что нельзя отбросить, от чего нельзя отречься. Но ты можешь забыть об этом. Ты можешь потерять то, что нельзя потерять.

И именно это произошло. Зеркало не потеряно, но забыто — забыто, потому что оно больше не действует как зеркало. Дело не в том, что в нем возник какой-то дефект, это только покрывающие его слои пыли. Все, что нужно, это очистить его, удалить эти слои пыли.

Процесс становления невинным — это, на самом деле, не процесс становления, это процесс обнаружения своего существа. Это открытие, не достижение. Ты не достигаешь чего-то нового, ты просто достигаешь того, чем ты всегда был. Это забытый язык.

Это происходит много раз: ты видишь на дороге человека, ты его узнаешь, его лицо кажется знакомым. Внезапно ты вспоминаешь, что ты знаешь, как его зовут. Ты говоришь: «Это у меня на кончике языка», но все же имя не приходит. Что происходит? Это вертится на кончике языка, но почему тогда ты не можешь его сказать? Ты знаешь, что ты его знаешь, но все же не можешь вспомнить. И чем больше ты пытаешься, тем труднее это становится, потому что, совершая усилия, ты становишься более напряженным, а когда ты напряжен, ты дальше от своей природы, ты дальше от того, что уже есть. Когда ты расслаб-

лен, ты ближе; когда ты предельно расслаблен, оно всплывет на поверхность само собой.

Поэтому ты пытаешься изо всех сил, но оно не приходит, и ты совершенно забываешь о нем. Потом, лежа в ванне или плавая в бассейне, ты даже не пытаешься вспомнить имя этого человека, и оно внезапно всплывает. Что произошло? Ты не пытался вспомнить, ты был расслаблен. А когда ты расслаблен, ты расширяешься, когда ты напряжен, ты сужаешься — чем больше напряжение, тем ты уже. Сообщение между тобой и тем, что у тебя внутри, становится таким затрудненным, что ничто не может по нему пройти, даже одно простое имя.

И все великие научные открытия были сделаны таким таинственным образом — очень ненаучным образом, так сказать.

Мадам Кюри постоянно работала над определенной математической проблемой три года, и чем больше она пыталась, тем дальше и дальше казалось решение. Она испробовала все возможные способы, но ничто не помогало. И у нее было очень глубокое, осязаемое чувство: «Решение существует. Я не борюсь с чем-то абсурдным». Это осязаемое чувство постоянно присутствовало как подводное течение; поэтому она не могла и перестать пытаться. Она устала — три года были потрачены впустую на одну-единственную проблему. Но глубоко у нее внутри кто-то говорил: «Решение *возможно*. Это упражнение не тщетно. Продолжай». И она упрямо продолжала, настаивала. Она отбросила все остальные проекты и заставила себя заниматься только этой проблемой. Но чем больше она пыталась, тем более это становилось невозможно.

Однажды вечером случилось почти что то же самое, что с Гаутамой Буддой; конечно, проблемы были разные, но процесс — один и тот же. Будда боролся шесть лет, пытаясь достичь просветления, но ничего не достиг. Тогда однажды ночью он отбросил все усилия, уснул, и утром, когда в небе гасла последняя звезда, он стал просветленным.

Тем вечером мадам Кюри отбросила эту идею, отбросила весь проект — и закрыла главу. «С меня довольно! Три года потрачены впустую на одну-единственную проблему». Не было других проблем, ждущих разрешения. С этим в ее уме было покончено, хотя осязаемое понимание все еще продолжалось, как постоянный шепот. Но она следовала ему достаточно долго, пришло время. Время человека ограничено; три года — это слишком долго для одной проблемы. Преднамеренно она отбросила эту идею. Что касалось ее, она закрыла этот проект. Она легла спать, решив больше никогда не беспокоиться об этой проблеме.

И утром, когда она встала, она была удивлена. На столе на листе бумаги было написано решение, написано ее почерком. Она не могла

поверить своим глазам. Кто это сделал? Слуга не мог этого сделать — он ничего не знал о математике, и если сама мадам Кюри не могла этого сделать за три года, как это смог сделать слуга? А больше в доме никого не было. И даже слуги не было тем вечером — дверь была закрыта изнутри. Они присмотрелась пристальнее и увидела сходство со своим почерком.

Тогда внезапно она вспомнила сон. Во сне она встала, подошла к столу, что-то написала... Мало-помалу сон стал яснее и яснее. Мало-помалу она вспомнила, что сама сделала это ночью. Это был не сон, она действительно это сделала. Это было решение! Три года она билась изо всех сил, но ничего не происходило — а той ночью, когда она отбросила этот проект, это случилось. Что произошло? Она расслабилась.

Как только ты отбрасываешь усилия, ты становишься расслабленным, ты приходишь в состояние покоя, ты становишься мягким, ты расширяешься, ты становишься открытым. Это было у нее внутри; теперь это вышло на поверхность. Видя, что ум больше не напряжен, это вышло на поверхность.

Невинность в тебе есть, ты просто забыл ее — тебя заставили ее забыть. Общество коварно. Веками человека учили, что он можешь выжить в этом обществе, только если он коварен; чем более ты коварен, тем большего успеха добьешься. Именно в этом заключается вся игра политики: будь коварным, будь коварнее других. Это постоянная борьба и соревнование: кто победит, кто придет к власти.

За столетия этого коварства человек научился одному: оставаться невинным опасно, ты не сможешь выжить. Поэтому родители пытаются вывести своих детей из этого состояния невинности. Учителя, школы, колледжи, университеты существуют ради простой работы по созданию в тебе коварства, хитрости. Хотя они и называют это разумом, это не разум.

Разум не против невинности, помни. Разум — это привкус невинности, разум — это аромат невинности. Хитрость против невинности; и хитрость и коварство не синонимичны разуму. Но, чтобы быть невинным, требуется огромное путешествие вовнутрь. Не помогут ни школы, ни колледжи, ни университеты. Родители, священники, общество — все это экстравертно; они не могут помочь тебе двигаться вовнутрь. А будды очень редки, их непросто встретить. Не каждому достаточно везет, чтобы встретить будду. Только будда может помочь тебе быть разумным человеком, но не сможешь найти многих будд, которые захотят быть учителями начальной школы, или старшей школы, или профессорами университетов; это невозможно.

Поэтому возник суррогат разума. Хитрость — это суррогат разума, — очень бедный заменитель, помни. И не только бедный заменитель,

но и его противоположность. Разумный человек не коварен; он, несомненно, разумный, но его разум сохраняет его невинность незатронутой. Он не продает ее за обыденное. Коварный человек готов продать свою душу за мелочи.

Иуда продал Иисуса за тридцать серебрянников — всего тридцать серебряных монет. Наверное, Иуда подумал, что поступает очень разумно, но он просто был коварен. Если тебе не нравится слово «коварный», ты можешь назвать его «умным»; это тоже хорошее название для той же вещи, для той же уродливой вещи.

Общество готовит тебя быть коварным, чтобы ты мог соревноваться в борьбе за существование, в борьбе за выживание. Это соревнование головорезов, в котором каждый старается вцепиться другому в горло. Люди готовы на все, чтобы преуспеть, чтобы взобраться по лестнице успеха, имени и славы. Они готовы шагать по вам как по ступенькам. Если ты сам недостаточно коварен, тебя просто будут использовать, тобой будут манипулировать. Поэтому общество учит каждого ребенка быть коварным, и эти слои коварства скрывают твою невинность.

Невинности не нужно добиваться, Сонджа, она уже есть. Поэтому это не вопрос становления, это само твое существо. Его нужно только обнаружить — или обнаружить заново. Ты должен отбросить все, чему научился от других, и ты тотчас же станешь невинным.

Поэтому я против знания, которое заимствовано. Не цитируйте Библию, не цитируйте Гиту. Не ведите себя как попугаи. Не продолжайте жить заимствованной информацией. Начните исследовать и искать собственный разум.

Нужен отрицательный процесс; он достигается *via negativa*¹. Это путь Будды. Ты должен отрицать все, что было тебе дано. Ты должен сказать: «Это не мое; поэтому я не могу предъявлять на это прав. Может быть, это правда, может быть, нет. Кто знает? Так говорят другие; пока это не станет моим опытом, я не могу согласиться или не согласиться. Я не могу поверить в это или поверить в противоположное. Я не буду католиком или коммунистом, я не буду индуистом или мусульманином. Я просто не последую никакой идеологии». Потому что, за кем бы ты ни последовал, ты будешь тем самым собирать на себе пыль. Перестань следовать.

Здесь, со мной, вы не мои последователи, помните это. Несомненно, вы друзья, но не последователи. Вы влюблены в меня, но это не вопрос следования. И моя работа здесь не в том, чтобы чему-то вас научить, но в том, чтобы помочь открыть самих себя. Просто отбросьте свое знание. Это больно, потому что вы носили знание так долго и так хвастались этим знанием — вашими учеными степенями, M. A., Ph. D.

¹ ...через отрицание.

и D. Litt., вы хвастались всеми этими степенями. И внезапно я вам говорю: «Отбросьте всю эту ерунду».

Просто будь простым, как ребенок. Будь снова ребенком, каким ты родился, каким Бог послал тебя в мир. В этом подобном зеркалу состоянии ты сможешь отразить то, что есть. Невинность есть двери в познание. Знание выступает как преграда, невинность — как мост.

Второй вопрос:

Любимый Мастер,
Могу ли и я стать Гаутамой Буддой?

Говинд,

Да и нет. Да, потому что буддовость не является ничьей личной прерогативой. Она не является личным атрибутом Гаутамы; он не владелец ее и не единственный будда. До него могло быть много будд, и много будд было после. Слово «будда» просто значит «пробужденный».

Ты спишь. Естественно, если ты можешь спать, то можешь и проснуться. Человек, который способен спать, способен также и проснуться; само явление сна подразумевает способность к пробуждению. Если бы ты не был способен проснуться, не мог бы ты и спать; это две стороны одной монеты.

Поэтому, Говинд, если ты можешь спать, если ты можешь видеть сны, ты можешь и проснуться, ты можешь быть буддой. Поэтому я говорю «да», — но ты не можешь быть Гаутамой Буддой; Гаутамой ты быть не можешь. Ты можешь быть Говиндом Буддой, но не Гаутамой Буддой, — это невозможно. Природа никогда не повторяется. Говорят, что история повторяется — и она, конечно, повторяется, потому что история состоит из глупых человеческих существ. Что еще они могут делать? Только повторять. Но природа никогда не повторяется; она никогда больше не создает точно такого же человека, никогда не создает точно такую же форму. Природа полна безмерной новизны.

Именно таков смысл, когда мы называем Бога творцом. Творец никогда не повторяется, никогда не создает снова и снова одну и ту же картину. Он продолжает создавать что-то новое, он всегда пускается в новое предприятие.

Говинд, Бог никогда не создавал такого человека, как ты, и никогда не создаст такого человека, как ты. Он любит индивидуальность, он любит уникальность. Это его способ проявить уважение к тебе, огромное уважение. И не только к человеческим существам: походи в сад, посмотри на листья — ты не найдешь двух листьев, в точности похожих друг на друга. На всей Земле не найти двух листьев, в точности

похожих, на всех берегах всех морей не найти двух камешков, в точности похожих друг на друга.

Все уникально, у всего своя собственная подпись. Точно так же, как уникален отпечаток твоего пальца — ни у кого другого нет такого же отпечатка, — что говорить о твоей душе? Если Бог так тщателен в мелких деталях — или можешь сказать «природа», если слово Бог тебе не нравится. Если слово «Бог» утратило свою привлекательность, слово «природа» так же красиво, или «существование» — что хочешь. Будде нравится слово «дхамма» — «вселенский закон». Лао-цзы любит слово «дао» — «гармония существования», «внутренний порядок».

Вселенная не хаос, это определено. Есть Бог или нет, неважно: вселенная — это не хаос. Именно поэтому я называю ее универсум, вселенная. У ней есть определенное единство, иначе они была бы не универсум, иначе мы назвали бы ее мультиверсум. Это не хаос, внутри ее пронизывает определенный порядок, нить, соединяющая вместе все фрагменты. Самая крошечная травинка соединена с величайшей из звезд. Ничто не отдельно, и все же все уникально и индивидуально. В этом безмерная красота существования: оно любит и уважает индивидуальность, она питает индивидуальность.

Поэтому, Говинд, ты не можешь быть Гаутамой Буддой, но тебе и не нужно быть Гаутамой Буддой. Это было бы уродливо, это было бы подражанием. Никогда не пытайся подражать, потому что ты всегда будешь всего лишь копией под копирку, ты никогда не будешь ничем оригинальным. А пока ты не нечто оригинальное, ты не используешь возможность своей жизни по максимуму, ты тратишь ее впустую.

Не будь христианином — будь христом. И не будь буддистом — будь буддой. Христианин пытается быть таким же, как Иисус Христос, буддист пытается быть как Гаутама Будда, а это невозможно. Возможно лишь то, что ты станешь подражателем, актером. И как актер ты можешь прекрасно играть. Ты можешь ходить, как Будда, ты можешь говорить, как Будда, ты можешь сидеть, как Будда. Ты можешь использовать те же самые слова, тот же язык, те же самые жесты, но глубоко внутри ты останешься Говиндом, не Гаутамой. И ты будешь знать это! — что все, что ты делаешь, делается только снаружи. И это уродливо, потому что это создаст в тебе некого рода лицемерие.

Поэтому все христиане лицемерны, все буддисты лицемерны. Все последователи обречены на лицемерие, потому что они расщепленные люди, расщепленные личности. Все, что они показывают, только на поверхности, а то, чем они действительно живут, скрыто внутри. И происходит постоянный конфликт между ними двумя, между двумя частями жизни. Избегай этого.

Я знаю, что такое желание возникает. Это желание кажется очень распространенным.

Иисус и Моисей играли в гольф. Они подошли к водоему в двести ярдов шириной. Иисус вынул железную клюшку номер пять. Моисей предупредил его, что двести ярдов — это слишком далеко для железной номер пять, но Иисус настаивал:

— Если у Арнольда Палмера это получилось с железной номер пять, значит, это могу и я!

Он ударил по мячу, и мяч приземлился прямо посередине озера.

— Ты мне достанешь этот мяч, правда, Моисей? — сказал Иисус.

— Но чтобы в последний раз, — ответил Моисей, подошел к озеру, раздвинул воду, вышел и принес мяч Иисусу.

Снова Иисус взял железную клюшку номер пять, и снова Моисей предупредил:

— Если у тебя не получится, я не собираюсь бегать за твоим мячом!

Иисус уверил его:

— Если это может Арнольд Палмер, конечно, могу и я!

Снова он ударил железной клюшкой номер пять, и снова мяч упал в воду. На этот раз Иисус сам пошел по воде. Он протянул руку и нащупал мяч. В этот момент на поляне, где его ждал Моисей, появилась следующая команда. Ее лидер спросил Моисея:

— Он что, вообразил, что он Иисус Христос?

— Нет, — ответил Моисей. — он вообразил, что он Арнольд Палмер!

Говинд, просто будь Говиндом Буддой. Тебе не нужно быть Гаутамой Буддой. Гаутама был прекрасен, но это красиво только один раз — два раза слишком много. И какой смысл? Какой вклад ты внесешь в существование, если ты Гаутама Будда? Никакого. Гаутама его внес, он сделал все, что мог сделать Гаутама. Ты не можешь ничего улучшить.

Сделай что-то такое, что можешь *ты* и чего никогда не сможет ни один Гаутама. Бог возлагает на тебя огромные надежды: он надеется, что ты внесешь какой-то вклад в существование. Он никогда не теряет надежды, именно поэтому он продолжает создавать людей. Хотя люди и продолжают его разочаровывать и злоупотреблять этой возможностью, продолжают терять время даром, Бог все равно надеется. С каждым ребенком в мире рождается новая надежда. Ты можешь внести нечто такое, что можешь сделать только ты, поэтому это должен сделать *ты*. Забудь все о Гаутаме Будде — просто будь собой.

И именно этому учил Будда, именно в этом суть его послания. Его последними словами, обращенными к ученикам, было: *Anna dipo bha-va* — будь светом самому себе.

Когда он умирал, естественно, собрались тысячи учеников, и они стали плакать и рыдать. Мастер покидал их, мастер, который жил для

них сорок два года, и они любили этого человека, любили его вибрацию. Он был одним из самых красивых людей, которые только ходили по земле. Не только он был духовно красив, он был и одним из самых красивых людей физически. Об Иисусе этого сказать нельзя. Он был духовно красив, но древние писания говорят, что физически он не был красивым. В нем было всего четыре фута пять дюймов росту, и, кроме того, он был горбатый. Будда был одним из самых красивых выражений и в физическом смысле, настоящий цветок лотоса. Они действительно его любили. Они отреклись от всего, рискнули всем ради этого человека, а теперь он покидал их. Он заплакали. Можно понять их плач, слезы, горе.

Но Будда сказал:

— Перестаньте! Прекратите эту чепуху! Почему вы плачете? Какое это имеет значение? Я не был вашим светом, вы должны быть своим собственным светом. И, — сказал им Будда, — это может быть благословением в форме проклятия, потому что, когда меня не станет, вы попытаетесь найти сами. Пока я был здесь, вас больше интересовал я, хотя я и настаивал: «Идите дальше!» Вы были сфокусированы на мне. Теперь меня здесь не будет, и вы обязательно пойдете вовнутрь.

И именно это произошло: многие стали просветленными после того, как Будда умер. Когда их спрашивали, почему столько людей стало просветленными, когда умер Будда, все они говорили:

— Теперь мы понимаем, что он имел в виду, что в форме проклятия пришло благословение — потому что как только мы увидели, что Будды не стало, ничего больше не стоило видеть снаружи. И мы закрыли глаза.

Мы видели все то, что только стоит видеть: мы видели самого красивого человека. Что еще есть в мире? Ничего не стоит слышать, ничего не стоит видеть. Мы закрыли глаза, мы обратились вовнутрь, потому что Будды больше не было, и мы услышали его слова в первый раз. Когда он был с нами, мы могли откладывать, думать о завтра или послезавтра. Мы были так очарованы его личностью, его харизмой. Как только его не стало, нам пришлось опереться на самих себя. Может быть, это было его последним средством.

Говинд, будь Говиндом Буддой!

Третий вопрос:

Любимый Мастер,

Есть ли большие различия между разными расами человечества?

Мира,

По существу нет совершенно никаких различий. По существу не может быть никаких различий. Все человечество — это один вид существ. Но разные расы развили разные качества. Они жили в разных климатах, сталкивались с разными ситуациями, прошли разные истории; естественно, они научились вести себя по-разному.

Например, евреям пришлось пережить совершенно другую историю, нежели кому-либо другому. Они веками жили без страны, бродили по всему миру, жили без защищенности, без дома; естественно, это сделало их очень ориентированными на деньги. Когда у тебя нет дома, когда у тебя нет страны, вся твоя защищенность концентрируется в деньгах; тогда только деньги могут тебя спасти. А когда ты концентрируешься на деньгах, естественно, ты становишься хитрее других в способах их добычи. Все твое существо превращается в машину для зарабатывания денег. Вот что такое еврей — зарабатывающая деньги машина. Никто не может победить его в этом, потому что он прожил совершенно другое прошлое.

Когда ты живешь в доме, окруженный такими же людьми, как ты сам, той же расой, защищенный своей страной, обществом, тебе не нужно слишком беспокоиться о деньгах. Даже без денег ты не умрешь, люди тебя поддержат, ты можешь рассчитывать на это. Но евреям было не на что рассчитывать; поэтому деньги стали их страной, деньги стали их религией, деньги стали их домом, деньги стали их защищенностью. Это неизбежно должно было случиться.

В такой стране, как Индия, в которой тысячи лет каждому говорили идти и искать спасения... И конечно, ты идешь и ищешь *своего* спасения; ты не можешь искать спасения для кого-то другого, это невозможно. Внутреннее путешествие должно быть совершено в полном одиночестве. Побочным следствием этого стало то, что индийцы стали абсолютными эгоистами. Это неизбежно должно было случиться. Это уродливое явление, но слишком большое настояние на внутреннем путешествии, экстремальное настояние на внутреннем путешествии сделало людей очень эгоистичными, потому что нет никого, кто был бы твоим. Таким было учение всех махатм: «Ты один. Ты рождаешься один, живешь один, тебе придется умереть одному. Никто не пойдет с тобой. Все отношения поверхностны, поэтому не слишком беспокойся о них и не вкладывай в них слишком многое». Это сделало Индию более эгоистичной страной, чем какую-либо другую.

Это одна из самых эгоистичных стран в мире. Именно из-за этого эгоизма Индия оставалась в рабстве тысячи лет — потому что каждый думает только о себе. Если приходит враг и завоевывает страну, кого заботит страна? Страна на самом деле не существует; в Индии нет идеи нации. Есть индивидуальности, но нации нет. Поэтому происходят всевозможные ссоры, разделения и подразделения... такого не най-

ти нигде в мире. Каждая политическая партия дробится на мелкие фрагменты. Тогда мелкие фрагменты делятся на еще меньшие, и этот процесс кажется бесконечным — пока ты не остаешься в своей партии один! Ты ее член, президент и секретарь. Лишь когда ты остаешься один, этот процесс останавливается. И кто знает, остановится ли процесс даже тогда? — потому что привычка все дробить укоренилась так глубоко, что ты можешь сказать: «Ноги не состоят в моей партии, нижняя часть тела не состоит в моей партии, только высшая. Высшая часть выше, низшая — ниже. Высшая часть относится к браминам, низшая — к *шудрам*, неприкасаемым».

Каждая раса прошла разные фазы, разные климаты. Это жаркая страна. Жаркая страна делает людей ленивыми, поэтому никто не может состязаться с Индией в том, что касается лени. Они совершенно ленивые и паршивые! С ними нельзя состязаться, это невозможно; в этом они превзойдут всех. Ни одна страна не может состязаться с Индией в лени и паршивости! Индийцы абсолютные чемпионы!

Поскольку это жаркая страна, климат не провоцирует людей работать больше, люди остаются бедными. Если один человек в семье зарабатывает, этого достаточно. Если зарабатываемого едва достаточно чтобы выжить, индийцы удовлетворены, более чем удовлетворены. Конечно, они находят этому рационализации, великие духовные рационализации — «Мы удовлетворенные люди». Все это чепуха. Реальность в том, что они просто ленивы, климат жаркий, и они не хотят работать — и им пришлось создать философию себе в поддержку: «Мы не заботимся о таких обыденных вещах, мы думаем только о духовном».

Индия осуждает всех как материалистов — а все эти материалисты приходили и завоевывали великих спиритуалистов! И никакая духовная мощь им не помогала. Все их Саи Бабы и им подобные ничем не помогли. Все, что они могут — это производить пепел, святой пепел своими духовными силами, ничего больше. Просто обычные волшебные фокусы, которые может делать любой дурак — это не имеет ничего общего с духовностью.

Эта страна не смогла создать науку, технологию, потому что индийцы говорят: «Мы так духовны, что не заботимся о том, чтобы создать материальное благосостояние». Но они его жаждут, глубоко внутри все они к нему стремятся. Их сердца полны желаний, но из-за старой привычки к лени они не могут ничего сделать.

Холодные страны стали мировыми державами по той простой причине, что если ты хочешь быть живым, тебе придется работать. Фактически, холодный климат провоцирует, бросает вызов работать; иначе ты становишься холодным, умираешь. Тебе придется тяжело работать, только тогда ты разогреешься и останешься жив. Холодные страны стали мировыми державами; но ни одна жаркая страна не стала миро-

вой державой и не может стать. Холодные страны легко побеждали большие и жаркие.

Англия — маленькая страна, не больше небольшого штата Индии, небольшой провинции, но она правила Индией — легко, очень легко, без всяких проблем. Ей было легко ей править. Холодные страны стали искателями приключений; индийцы никогда не любили приключений. Они никогда не покидают своей деревни. В Индии есть тысячи людей, которые никогда не покидали границ своей деревни и никогда не покинут. Но холодные страны стали путешествовать по всему миру; они достигли звезд — они добрались до луны.

Эверест находит в Индии, гора принадлежит Индии, но ни один индеец никогда не пытался на нее взобраться. «Зачем? — скажет индеец. — Для чего? Это тщетно!» Но сто лет западные альпинисты приезжали и рисковали жизнью; многие умерли, зная, что это рискованно. Чем более это рискованно, тем больше вызов.

Когда Эдмунда Хиллари, первого человека, достигшего вершины Эвереста, спросили — конечно же, спросил индеец: «Зачем? Зачем, прежде всего, вы пытались?», знаете, что он ответил? Он сказал: «Просто потому, что он есть! Это вызов. Другой причины нет. Мы не можем стерпеть, что эта гора стоит непокоренная — это унижительно! Эта гора вздымается так высоко и постоянно напоминает, что никто так и не смог взобраться на вершину. Это постоянный вызов!» Ни один индеец не почувствовал в этом вызова.

Каждая страна, каждая раса веками жила в разных условиях: климат, ситуация, история, случайности, идеологии — все это имело значение.

Например, у евреев не было бы таких проблем, если бы они не носили идею о том, что они избранная раса Бога. Сама идея была причиной всех их неприятностей. Если ты думаешь, что относишься к расе, избранной Богом, конечно, тебя ждут проблемы, потому что другие начнут бороться с тобой и доказывать, что это неправда. «Мы избранный народ.» Кто говорит, что вы избранный народ? Сама идея их мучила.

Но это нужно понять: люди любят свое страдание. Люди садомазохисты, они всегда любят мучиться. И любая идея, приносящая страдание... ты за нее цепляешься. Евреи столько страдали, но не отбросили эту идею. Фактически, само страдание и противостояние всему миру они восприняли как доказательство того, что они действительно избранный народ; иначе почему все против них?

Поэтому на поверхности есть огромные отличия — а поверхность — это именно то, что приходит в контакт с другими. Внутренне никакие два человека не отличаются; в глубочайшем ядре они просто человеческие существа.

Поэтому, Мира, мы должны понять обе эти вещи. По существу все люди одно, но случайно они не одно. И не плохо, что они не одно и то же. Многообразие прекрасно, оно обогащает мир, оно делает мир красивее. Мир, в котором живут одни только индуисты, или евреи, или негры, был бы уродливым. Он потерял бы все очарование, всю свою красоту.

Это такая прекрасная неразбериха... Итальянцы, поляки, немцы и французы, у всех свои пути, свое понимание, все они развивались по-разному.

Поэтому все, каждое человеческое существо, принадлежит к одному и тому же виду, и все же нам удалось создать многообразие — разные цветения на одном и том же кусте. Это делает мир действительно богатым. Я не хотел бы, чтобы эти различия были разрушены, я хотел бы их усилить — все же с этим пониманием, что человеческие существа это человеческие существа. Никто не выше, никто не ниже; мы должны отбросить идею иерархии, но многообразие хорошо.

Знаете ли вы, как отличить итальянца на подводной лодке? Он один носит парашют!

Знаете, как отличить поляка? Он единственный, кто гоняется за итальянцем, чтобы украсть парашют!

Цветная служанка и белая госпожа забеременели в одно и то же время и родили в один день. Через несколько месяцев белая женщина вбежала на кухню и закричала служанке:

— Мой ребенок сегодня сказал первое слово!

Цветной ребенок поднялся из колыбели и сказал:

— Правда? И что он сказал?

Американская пара путешествовала по Европе.

Когда автобус остановился перед очередным знаменитым собором, жена повернулась к мужу и сказала:

— Ты пойдешь вовнутрь, дорогой. А я займусь тем, что снаружи.

Самолет, полный туристов, летит из Нью-Йорка в Техас. Один из моторов останавливается.

Капитан обращается к пассажирам:

— Дамы и господа, чтобы остаться в живых, мы должны выбросить за борт весь багаж. Тогда вес будет меньше, и мы сможем безопасно долететь до точки назначения.

Так они и делают. Но через несколько часов останавливается другой двигатель, и капитан обращается к пассажирам:

— Дамы и господа, для того, чтобы мы смогли добраться до пункта назначения, трое пассажиров должны выпрыгнуть из самолета.

Встает англичанин.

— Извините, — говорит он. — Приношу извинения... но, конечно...

Он разворачивается, хватается за свой зонтик и выпрыгивает из самолета с криком:

— Боже, храни королеву!

Француз встает со слезами на глазах.

— *Viva le France!* — кричит он и выпрыгивает.

Пассажир из Индии, одетый в чистые белые одежды кхадии и больше похожий на Морарджи Десаи, чем сам Морарджи Десаи, проходит по самолету, хватается за пожилую женщину за горло, выбрасывает ее из самолета и кричит:

— Да здравствует Махатма Ганди!

Однажды к английской леди подошел немец. Так как на него произвела большое впечатление ее красота, он промаршировал прямо к ней и заорал:

— Я люблю вас!

Она сказала:

— Если вы действительно меня любите, прыгните с этого утеса!

Прежде чем он успел подумать, он поцеловал ей руку и прыгнул.

Через некоторое время к английской леди подходит итальянец. Он подкрался к ней и страстно прошептал ей на ухо:

— *Amore mio!*

Она в ответ прошептала ему на ухо:

— Если вы действительно меня любите, прыгните с этого утеса!

Набирая воздуха между поцелуями, он ответил:

— А если вы действительно любите меня, вы должны прыгнуть вместе со мной!

Впечатленная его находчивостью, она согласилась заниматься с ним любовью.

Еще через некоторое время к английской леди подошел английский джентльмен. Он завязал знакомство и пригласил ее на чай. Через несколько часов беседы он сказал сдержанно:

— Я люблю вас.

Она ответила:

— Если вы действительно меня любите, прыгните с этого утеса.

На что он галантно ответил:

— Сначала дамы!

Четвертый вопрос:

Любимый Мастер,

Есть, на самом деле, разница между обычным человеком и тем, кто просветлен?

Нарендра,

Каждый рождается просветленным. Каждый рождается абсолютно невинным, абсолютно чистым, абсолютно пустым. Но эта невинность, эта чистота, эта пустота обязательно будет утрачена, потому что он бессознателен. Он должен получить ее заново — он должен получить ее сознательно. Это единственная разница между обычным человеком и просветленным.

Обычный человек пришел с тем же потенциалом, и у него по-прежнему есть тот же потенциал, но он еще не предъявил на него права. Просветленный человек потерял его и востребовал снова. Обычный человек находится в состоянии потерянного рая, просветленный — в состоянии возвращенного рая. Но ты можешь получить его в любое мгновение, все зависит от тебя. Никто не может помешать тебе стать просветленным.

Дело не в каком-то особом таланте. Не каждый — музыкант, и не каждый может быть музыкантом; это вопрос таланта. Лишь немногие могут быть музыкантами, и настоящий музыкант — музыкант от рождения. Ты можешь научиться технике; ты можешь продолжать практиковать музыку, и рано или поздно сможешь играть, но ты все равно не будешь музыкантом. Ты будешь только техником — тем, кто умеет играть, но у кого нет вдохновения, тем, кто, на самом деле, не сонастроен с музыкой существования. Музыка не течет через тебя естественно, спонтанно.

Не каждый может быть поэтом, и не каждый может быть ученым или математиком; это таланты. Но просветление не зависит от таланта. Каждый просветлен; быть живым достаточно. Сама жизнь является единственным необходимым условием, единственным требованием. Если ты не мертв, ты все еще можешь стать просветленным. Если ты мертв, тогда, конечно, жди следующего раунда, но никто не мертв. Люди мертвы на девяносто девять процентов, но если ты жив даже на один процент, этого одного процента достаточно. Этого количества огня достаточно; его можно разжечь, ему можно помочь. Его можно использовать, чтобы создать, запустить в тебе больший огонь.

Разница между просветленным и непросветленным человеком не в таланте. Это первое, что нужно помнить, потому что многие люди думают, что дело в таланте. «Иисус талантлив, Будда талантлив; мы не талантливы. Как мы можем стать просветленными?» Нет, дело совершенно не в таланте. Ты не можешь быть Микеланджело или Шекспиром, если им не родишься, но ты можешь стать христом, буддой.

Каждый имеет на это право, это право каждого от рождения, но тебе придется востребовать это право. И это усилие нужно совершать постоянно. И если ты остаешься бессознательным, сохранился и разница. Разница только в бессознательности.

Будда так же обычен, как и ты, но он в своей обычности полон осознанности. Из-за осознанности его обычность становится сияющей. Он живет той же самой обычной жизнью, помни это. Это другая иллюзия, которую люди носят в себе: что Будда должен быть незаурядным, что Иисус должен ходить по воде. Ты не можешь ходить по воде; как ты можешь быть Иисусом? Будда должен быть особенным с самого начала.

Истории говорят, что прежде, чем родился Будда, его матери приснилось несколько снов. Эти сны были абсолютно необходимы. Если матери не снились такие сны перед родами, человек не может быть буддой. Это сущая глупость! Связывать Будду со снами его матери — сущая глупость, и не может быть более дурацкой идеи.

Матери Будды должны сниться сны, серия снов... Это просто истории, вымышленные, созданные последователями впоследствии. История говорит, что мать будды должна немедленно умереть, когда он родится, она не может жить. Как она может жить после такого великого явления? Он так безграничен и огромен, гораздо больше, чем смерть, и поэтому она просто исчезает. Но мать Махавиры живет, мать Иисуса живет; у них не было таких представлений. Но у них были другие идеи: когда родился Иисус, он должен был родиться от девственной матери.

Люди могут дойти до абсурда, до самого крайнего абсурда просто чтобы позволить этому утвердиться в уме: Иисус *особенный*, тогда как ты — обычный. Где тебе найти девственную мать? ...И ты уже упустил. Может быть, в следующий раз ты попытаешься найти девственную мать — и если только ты не согласишься со Святым Духом, это невозможно. Как это у тебя получится? Затем должны прийти три мудреца, и их должна привести звезда. Теперь звезды ничего подобного не делают, ни одна звезда не может этого сделать. Звезды следуют по своим маршрутам; они не могут привести трех мудрецов с Востока точно туда, где родился Иисус — в конюшню в доме бедного человека. Звезды этого не могут — это невозможно.

Эти вымышленные истории были изобретены только для того, чтобы внушить тебе идею, что ты обычный, а эти люди особенные.

Мое усилие здесь в том, чтобы объявить тебе, что если они особенные, особенный и ты, если ты обычный, обычны и они.

Определенно одно: ты не принадлежишь ни к какой другой категории, ты принадлежишь к той же категории.

Чудо не в том, чтобы ходить по воде, чудо не в том, чтобы ходить по углям; чудо в том, чтобы проснуться. Вот настоящее чудо. Все остальное — чепуха.

Проснись... и ты будда! Проснись, и ты просветлен! И когда ты проснешься, ты будешь не другим человеком — ты будешь тем же человеком, но светящимся. Ты будешь есть так же, но это не будет то же самое, в этом будет внутренняя разница. Ты будешь жить по-старому, и все же нет, потому что *ты* будешь новым. Ты привнесешь новое прикосновение во все, и все, чего ты коснешься, будет превращаться в золото, начнет превращаться во что-то осмысленное. Прежде это было бессмысленным, теперь в этом появилась важность и смысл. И пришло время тебе проснуться!

Мастер не может принудить тебя проснуться; мастер может только создать ситуацию, которая запустит в тебе этот процесс. И любая ситуация может помочь.

Лао-цзы стал просветленным, просто увидев лист, сухой лист, падающий с дерева. Как только лист начал падать на землю, он стал просветленным. Что же случилось? Увидев лист, летящий по ветру к земле без собственных идей, в предельном расслаблении, совершенно сдавшийся ветрам, он получил проблеск. Наверное, он был в очень уязвимом состоянии. И с того самого момента он стал сухим листом на ветру. Он сдал эго, сдал свое цепляние, сдал собственные идеи и том, что должно быть и чего не должно. Он сдал весь свой ум, он просто стал позволением. И именно так он стал просветленным.

Что угодно может запустить этот процесс. Мастер только создает тысячу и одну ситуацию. Кто знает, какая ситуация запустит процесс?

Здесь вы проходите через сотни групп, делаете всевозможные техники медитации, потому что никто не может предсказать, в какой момент, в какой ситуации и что запустит этот процесс. Это всегда происходило таким таинственным образом, это не научное явление. Это не дело причины и следствия, иначе все было бы проще. Ты греешь воду до ста градусов, и она становится паром — но это не так. Некоторые люди испаряются при нуле градусов, некоторые при ста, некоторые испаряются при тысяче. Люди — не материя; люди — сознание, люди — свобода, и никто не знает, что и когда запустит процесс. Даже мастер не может сказать, что запустит этот процесс. Он может создать все возможные средства и ждать — терпеливо, любяще, сострадательно, молитвенно, а ты должен двигаться через все возможные средства.

Я говорю с вами. Любое слово может запустить... или пауза между словами... и внезапно сон исчез, сны исчезли. Ты рожден, духовно рожден, дваждырожден. Ты снова стал ребенком. Вот что такое буддовость, вот что такое просветление.

Нарендра, ты спрашиваешь меня: *Есть ли, на самом деле, разница между обычным человеком и тем, кто просветлен?*

В этом смысле разницы нет: оба принадлежат к одному и тому же миру сознания. Один спит, другой пробужден; отсюда разница. Но разница только на периферии, не в центре, не в свойстве, разница случайна.

Уважай будд, и это научит тебя уважать себя. Уважай будд, но не осуждай себя. Люби себя, потому что ты тоже носишь будду у себя внутри. Ты носишь бутон, который собирается стать буддой. В любое мгновение, в любой день... может быть, сейчас, может быть, здесь...

Пятый вопрос:

Любимый Мастер,

Одна немецкая газета назвала тебя самым знаменитым духовным лидером после Папы Павла и Хомейни. Как ты себя чувствуешь в такой компании?

Вит Виварто,

Я предпочел бы быть в аду, чем в такой дурацкой компании — с папой Павлом Польским и Хомейни Хоманьяком! Я не совершил никаких достаточно страшных грехов, чтобы страдать от такой компании. У меня нет карм, достойных такого наказания — а это было бы наказанием.

Я слышал:

Один махатма, великий святой, умер — наверное, это был кто-то подобный Муктананде. Один из его последователей умер на следующий день. Когда последователь достиг небес, первым, что его интересовало, было:

— Где мой гуру, наш Муктананда? Наверное, он наслаждается — наверное, ему даны все радости, которые только может предложить рай.

И тогда внезапно он увидел Муктананду под прекрасным деревом... с кем бы вы думали? — С Софи Лорен! Софи Лорен, сидит у него на коленях, и оба, голые, обнимают друг друга! Последователь упал к ногам Муктананды. Он сказал:

— Гуру Дэва, о Великий Мастер, я всегда знал, что ты величайший мастер; теперь я вижу это собственными глазами. Бог тоже доволен тобой, и он дал тебе в награду Софи Лорен!

Муктананда злобно посмотрел на него и ответил:

— Дурак, прекрати говорить чепуху! Ты ничего не понимаешь. Не она моя награда, это я ее наказание!

Я не совершил никаких грехов и не думаю, что принадлежу к этой компании. Я принадлежу к очень обычным людям — пьяницам, игрокам, — не к глупцам, полным священного коровьего навоза!

Но этот журналист думает, что похвалил меня. Именно это происходит в мире: люди так бессознательны, что не знают, что такое похвала и что такое осуждение. Это осуждение, не похвала!

Хомейни вообще не религиозен. Хомейни — это самый нерелигиозный человек из всех живущих сегодня. И, думаешь, папа Павел религиозный человек? Если бы он был религиозным, он не был бы даже католиком, что говорить о том, чтобы он был папой Павлом? Он не мог бы быть папой. Религиозный человек не может быть католиком, или христианином, или индуистом, или мусульманином. Это только политики, играющие в те же самые игры силовой политики под именем религии.

Я видел эту статью. Эта статья — одна из самых позитивных статей, написанных обо мне — за исключением этого небольшого осуждения. И журналист, на самом деле, не пытается меня осуждать; в его видении, в его представлении он хвалит меня как третьего по важности религиозного лидера.

Я не религиозен в обычном смысле слова, и я вообще не лидер. Мне не нравится никого никуда вести. Несомненно, я палец, указывающий на луну, но не лидер. Тебе придется совершить все хождение, я никуда не иду вместе с тобой. Я не собираюсь идти впереди вас и вести вас. Вы не должны за мной следовать, вы должны иметь собственное «я». Я просто делюсь своим опытом.

Если этот опыт касается чего-то в тебе, если этот опыт заставляет тебя осознать, что жизнь — это не то, что ты думаешь, что это гораздо большее, этого достаточно. Если я могу создать в тебе эту жажду, жажду Бога, — этого достаточно. Я не лидер. Если я могу создать в тебе достаточную жажду, ты будешь исследовать и искать. И те, кто ищет, найдут, те, кто ищет, обязательно найдут, абсолютно, неизбежно обречены найти. Все что нужно — это подлинная жажда, жажда в самом твоём сердце, в самом центре твоего существа.

Но эти люди крепко спят. Этот журналист никогда не был здесь, он не понимает ничего из того, что я говорю. Иначе он не сравнил бы меня с Хомейни или папой Павлом.

Принц Уэльский отдыхал в Париже. После роскошного ужина и нескольких напитков он попросил у менеджера гостиницы красивую молодую даму, которая провела бы с ним ночь. Менеджер проводил его в комнату и послал к нему молодую даму.

Хотя принц был совершенно пьян, он попытался заниматься любовью с очаровательной женщиной. Каждый раз, когда он, тем не менее, пытался, она кричала:

— Матоуска! Матоуска!

После нескольких тщетных попыток он уснул, изнуренный.

На следующее утро принц пошел прогуляться и ближайшую деревню и заметил, что какие-то мальчишки швыряют камни в дырки в земле. Внезапно один из них закричал:

— Матоуска! Матоуска!

Принцу, удивленному тем, что ему еще раз пришлось услышать это слово, стало любопытно, и он спросил, что это значит.

Один из ребят объяснил:

— «Матоуска» значит «неправильная дырка».

Что еще ожидать от человека, который крепко спит и вдобавок пьян? Но он делал все, что мог — по крайней мере, он пытался заниматься любовью... Если он промахнулся мимо мишени, это другое дело.

Четвертый вопрос:

Любимый Мастер,

Что такое отец?

Ананд Сугит,

Отец — это католический священник — который не муж и не отец; но католики, как известно, всегда делают странные вещи. Почему они называют своих священников «отцами», это действительно загадка. Папа тоже означает «отец».

Отец Франческо и отец Виггьяни сидели в гротто и болтали.

— Думаешь ли ты, что папа когда-нибудь разрешит священникам жениться? — спросил отец Франческо.

— При нас этого не случится, — ответил отец Виггьяни. — Может быть, при наших детях.

Пятый вопрос:

Любимый Мастер,

Могу ли я стать президентом Америки?

Боже мой, Том!

Я думаю, ты тот же самый Том — Том Турист! С тобой происходят великие вещи! Читая твой вопрос, я впервые понял значение слова «*tomfoolery*²». Я всегда недоумевал, почему «*tomfoolery*»? Теперь я знаю.

Да, ты можешь быть президентом, только, я думаю, «Президент Том» звучит неправильно. Измени свои имя на Банан, Помидор, Картофель. Мистер Президент Картофель — это чистая поэзия! И, я думаю, у тебя есть необходимая квалификация. Прежде всего, ты должен быть глупым.

Ты видел, что Джимми Картер сделал всего несколько дней назад? Вивек сказала Ашиш, а Ашиш подумала, что это шутка... потому что оранжевые люди не читают газет. Кого интересует вся эта чепуха? Но то, что он сделал, так глупо, что в этом просто невозможно поверить. Наверное, на эту миссию послали лучших спасателей, потому что происшедшее действительно потрясающе, круче не бывает! Два американских самолета столкнулись, восемь человек умерло, а спасательная миссия была отменена. Теперь весь мир смеется!

Но это неизбежно должно было произойти, если сделать президентом выращивателя арахиса — это неизбежно. Что еще он может делать? Всю жизнь он выращивал арахис, теперь он вырос сам и стал арахисом!

Поэтому вот первое требование: ты должен быть глупым. Если ты не глуп, по крайней мере, притворись. Именно это пытался сделать Никсон; он был недостаточно глуп, но притворялся достаточно долго. Но в конце концов американцы обнаружили, что он не глупый; они его тут же вышвырнули. Поэтому не попадись — продолжай делать что-то глупое. Если тебя разоблачат, тебя ожидает та же судьба. Будь как Форд: просто чистая глупость, ничем не омраченная!

Второе требование... я пытался все для тебя разузнать. Я произвел великое исследование из-за твоего вопроса! Вот второе требование: тебе нужна уродливая жена. Это что-то странное. Никсон, Форд, Картер — у них всех такие гадкие утята. Это странно, но это не может быть совпадением. Только у Кеннеди была красивая жена, и его убили, помни. Берегись!

Теперь у Рейгана есть все возможности, потому что на днях я видел фотографию его жены. Я сказал:

— Кажется, у этого человека есть все шансы. Он может победить всех — Никсона, Форда, Картера, всех.

Они сидят вместе на диване, а над фотографией заголовок: «Жена заряжает Рейгана...» Я просто изумился... эта женщина может разря-

² ...глупость.

дить кого угодно! Если у тебя такая жена, ты тотчас же отречешься от мира! А Рейгана заряжает его жена...

Итак, вот что я нашел — глупость и уродливая жена. И измени имя: стань Преподобным Бананом, Преподобным Помидором, Преподобным Картофелем — подойдет что угодно. Том звучит недостаточно хорошо, слишком заурядно; тебе нужно особенное имя, и тогда ты можешь стать президентом. И ты достаточно путешествовал — поезжай домой. Пришло время! Картер с каждым днем сдает позиции, не упусти эту возможность. Женись на уродливой женщине, притворись глупым. Научись смеяться без причины. Просто тренируй губы, держи их как можно более открытыми. И я думаю, у тебя есть все возможности, как у любого американца. Не трать здесь больше времени, потому что ты здесь не свой. Это место не для тебя. Мы не готовим людей в президенты или премьер-министры.

 Последний вопрос:

Любимый Мастер,

Будда говорит: «Мастер отказывается от мистификации». Но, насколько я тебя знаю, ты непревзойденный Мастер Мистификации! Есть ли тебе что сказать на это?

Дхарма Бодхи,

Ты думаешь, мне нужно что-то говорить? Будда ничего не знал обо мне. Когда он это сказал, я не был включен в то, что он имел в виду. Когда я напишу сутры, тогда посмотришь!

На сегодня достаточно.

Глава 9

НИЧЕМ НЕ ВЛАДЕЯ,
НИЧЕГО НЕ ОЖИДАЯ

*Ничем не владея,
Ничего не ожидая.*

*Он полон силы.
Бесстрашный, мудрый, восторженный.
Он подчинил себе все вещи.
Он видит добродетелью своей чистоты.*

*Он пришел к концу пути
Через реку своих многих жизней
И многих смертей.*

*За пределами отчаяния ада,
За пределами великой радости рая,
Добродетелью своей чистоты.*

*Он пришел к концу пути.
Все, что он должен был сделать, он сделал.*

И теперь он — одно.

Это золотые сутры Дхаммапады:

*Ничем не владея,
Ничего не ожидая.*

Почему человек хочет владеть? Это одна из самых фундаментальных вещей, которые нужно понять. Пока ты не поймешь, почему продолжается постоянный процесс гонки за большим и большим, за деньгами и властью, ты не сможешь избавиться от этого безумия собственничества. Человек хочет владеть, потому что он не знает, кто он такой; он не осознает своего внутреннего царства. Он думает, что он нищий, поэтому он просит подаяния.

Желания — нищие. Чем больше ты желаешь, тем больше доказываешь, что ничего не знаешь о собственных сокровищах. Эта самая неосознанность ведет тебя в пустыню собственничества. Это пустыня, потому что ты ничего не добьешься. Ты можешь владеть всем миром, но все же оставаться тем же полым внутри человеком, пустым, с бессмысленной жизнью, с затуманенным видением, с мертвым сердцем, с нерожденной душой.

Человек хочет владеть, потому что смутно ощущает, что ему чего-то не хватает. Чего именно не хватает, он не может расшифровать, но чего-то не хватает — это чувствует каждый — и он бросается заполнять эту пустоту. Естественно, мы начинаем подражать другим.

Дети подражатели; единственный способ чему-то научиться — это подражать родителям и окружающим людям. Все они гонятся за деньгами, властью, престижем, респектабельностью. Естественно, ребенок думает, что этих вещей нужно добиться, достичь. «Я должен их добиться любой ценой, я должен рискнуть всем. А жизнь коротка; поэтому я должен сконцентрировать на этом все силы. Я должен всецело двигаться в одном направлении. Я должен сойти с ума на почве денег, если я действительно хочу иметь деньги, потому что не я один за ними гонюсь; за ними гонятся миллионы людей. В этой великой борьбе только те, кто хитер, коварен, изворотлив, выиграют гонку». Поэтому будь хитрым, будь изворотливым, сделай что угодно, чтобы выиграть гонку. Ты должен доказать, на что ты способен, что ты кто-то, что твоя жизнь не прошла впустую.

Ребенок учится всему этому очень бессознательно из атмосферы, в которой рождается. И каким бы ни было общество, игра одна и та же. Где-то важнее деньги. Если ты родился в Америке, деньги важнее; они дают власть. Если ты родился в Советской России, деньги не важны; тогда настоящие деньги, настоящее золото — политическая власть. Ты должен быть высоко в иерархии Коммунистической Партии, но игра та же. Если ты родился в так называемой религиозной стране, такой, как

Индия, тогда ты должен стать великим святым, ты должен победить всех остальных святых. Теперь это та же самая игра, играемая под именем религии. Ты должен быть величайшим аскетом, самым знаменитым; ты должен оставить всех далеко позади.

Посмотри глубоко вовнутрь: одна-единственная игра проигрывается в так называемых религиозных странах, в капиталистических странах, в коммунистических странах. Каким бы ни были ее формат и структура, игра остается прежней. Эта игра — игра эго.

Мы безмерно заинтересованы в удовлетворении эго, но эго нельзя удовлетворить. Эго невозможно удовлетворить — потому что, прежде всего, эго является ложной сущностью. Оно не реально, оно вымышлено. Если ты испытываешь настоящий голод, его можно удовлетворить, но если твой голод нереален, нет способа его удовлетворить. Если у тебя настоящая болезнь, ее можно вылечить, но если ты ипохондрик и изобретаешь болезни там, где их нет, никто не может тебя вылечить. Тебя невозможно вылечить — нет лекарства. И если как-то тебя убедит, что одна болезнь излечена, у тебя сохраняется прежний ум, и ты изобретешь другую болезнь. Ты будешь продолжать изобретать.

Эго — это твоё изобретение. Голод эго — это твоё изобретение. Ты должен удерживать себя занятым, потому что ты находишься в состоянии смущения. Ты даже не сознаешь, кто ты такой — как ты можешь быть в покое? Ты чувствуешь глубокое беспокойство, оно сохраняется всегда. Чтобы его скрыть, ты занимаешь себя деньгами, властью, религией, политикой. Все это виды бегства. Ты можешь найти любой способ бегства — доступно множество альтернатив — но удерживаешь себя занятым, чтобы не было необходимости осознавать внутреннюю дрожь.

Каждый раз, когда у тебя есть время, когда ты ничем не занят, внезапно начинает раскрываться внутренняя полость, и ты пугаешься. Она подобна бездне, и ты боишься, что можешь в нее соскользнуть. Повисни на чем-то, изобрети что-нибудь, если больше не на что опереться.

Именно поэтому люди готовы цепляться даже за свое страдание; никто не готов легко отбросить страдание. Это мой опыт работы с тысячами людей. Все их проблемы могут быть сведены к одной: они хотят цепляться за свое страдание. Им очень трудно отбросить страдание, потому что страдание удерживает их занятыми. Их страдание помогает им избегать самих себя и своей внутренней пустоты, полости, бессмысленности. Все их страдание есть не что иное, как способ бегства от самих себя. Конечно, эти страдания причиняют боль; поэтому они говорят о том, как от них избавиться, но не могут их отбросить, потому что отбросить их означает остаться пустым.

Они оказываются в безвыходной ситуации: они не хотят страдать — и все же не могут отбросить страдание. Страдание не цепляется за тебя, помни — это ты цепляешься за страдание.

Ты можешь отбросить страдание, только когда в тебе начинает расцветать какой-то внутренний смысл. Страдания можно отбросить, только когда в тебе начинает расцветать медитация, потому что ты начинаешь наслаждаться своей пустотой, она больше не пуста. Сама пустота начинает приобретать позитивный привкус; она больше не негативна. Именно в этом все волшебство медитации: она трансформирует твою пустоту в позитивную удовлетворенность, в нечто переполняющее. Пустота становится молчанием, пустота становится миром, и пустота становится божественным, божественностью.

Нет большего волшебства, чем медитация. Трансформировать негативное в позитивное, трансформировать тьму в свет — вот чудо медитации. Трансформировать дрожащего человека в бесстрашную душу, трансформировать человека, цепляющегося за каждую глупость, в ни за что не цепляющегося, в ничем не владеющего — вот что происходит в процессе медитации.

Будда называл медитацию великим мечом, который обрубаёт твои проблемы у самого корня. Она заставляет тебя осознавать, что тебе не нужно бояться внутренней бездны. Она прекрасна, она блаженна. Ты не пережил ее красоты и блаженство, потому что никогда в нее не входил, ты всегда пытался бежать. Ты не испытал ее вкуса; это нектар, не яд. Но как ты ее узнаешь, не попробовав? Ты бежишь от чего-то такого, в чем может состояться вся твоя жизнь. Ты убегаешь от единственного, чего стоит достичь. Ты убегаешь от самого себя.

Ничем не владея, ничего не желая...

Будда говорит: именно так медитация создает мастера. Он больше не заинтересован в том, чтобы владеть, он больше не заинтересован в том, чтобы чего-то хотеть. Все желания его оставили, и он нашел предельное, за пределами которого больше ничего нет. Он нашел неисчерпаемое сокровище радости, блаженства, экстаза. Что еще он может хотеть? Он нашел бриллиантовые копи; он не может продолжать собирать цветные камни и раковины на пляже. Теперь вся эта деятельность глупа — не то, что он отрекается от нее.

Это одна из самых важных вещей, которые нужно помнить: настоящий саньсин никогда ни от чего не отрекается, он просто понимает собственный внутренний мир — его красоту, его благословение, его блаженство. И в этом понимании само собой случается великое отречение. Все, что тщетно, высказывает у него из рук, он больше не может за это цепляться. Он становится ничем не владеющим. Ничто не достаточно важно, чтобы за него цепляться. Все в этом мире

становится просто игрушкой, с которой можно играть, подходящей для тех, кто еще не вырос — но медитирующий стал взрослым.

Только медитирующий становится взрослым. Иначе твой хронологический возраст может быть семьдесят, восемьдесят или девяносто лет — это неважно: ты просто старый ребенок... девяностолетний, но все еще незрелый, потому что ты по-прежнему интересуешься игрушками, носишь плюшевых медвежат, стараешься иметь как можно больше игрушек. Детям это простительно, но не тебе. Только медитирующий достигает совершеннолетия; впервые он становится зрелым, взрослым. В нем исчезает всякая инфантильность. И красота в том, что когда в тебе исчезает инфантильность, ты можешь стать подобным ребенку, но на другом уровне. Не инфантильным, но подобным ребенку — та же самая чистота, та же невинность, то же благоговение. Снова существование становится тайной. Но ты не инфантилен — ты подобен ребенку. Это совершенно другое явление. Инфантильность — это незрелость; подобная ребенку невинность — свидетельство зрелости. Они полярно противоположны друг другу.

Ничем не владея, ничего не желая...

Мастер дома. Он больше не гоняется за теньями, он вообще никуда не бежит. Если прямо сейчас сказать вам, что вы тоже будды, это прозвучит абсурдно; по крайней мере, для вас это будет абсурдом. Вы услышите, вы любите меня и попытаетесь понять, что я говорю, но глубоко внутри вы не будете убеждены в том, что вы будды.

Именно поэтому мы пытаемся найти всевозможные рационализации, чтобы доказать самим себе до полного удовлетворения: «Будда принадлежит к какому-то другому плану существования, Христос принадлежит к какому-то другому плану существования. Они не среди нас, они полностью от нас отличаются. Они незнакомцы, они чужие. Все, что они говорят, правда, но к нам она не применима, она не имеет никакой значимости в нашем мире. Мы живем в обычном мире, а они происходят из какого-то необычного существования — из запредельного».

Каждая страна, каждая раса убедила себя, что Моисей, Кришна, Лао-цзы, Иисус, Мухаммед — необычные люди. В том или ином смысле все пытались доказать их незаурядность. И дело не в том, что нас интересует их незаурядность, — нас интересует только одно: если они незаурядны, нам не нужно ни о чем беспокоиться. Тогда мы можем продолжать то же, что и делаем, ничего не нужно менять. Мы можем просто оставаться такими, как есть. Чтобы избежать радикальной перемены, мы создаем все эти великие рационализации.

Я говорю вам, что они так же обычны, как вы — или так же необычны. Нет совершенно никакой разницы. Есть лишь очень неболь-

шая разница, на самом деле, вообще не разница: вы крепко спите, а они проснулись. Ты можешь быть пробужден, ты можешь проснуться — если только не решишь не просыпаться. Но прямо сейчас вам трудно понять, что вы — будды.

Функция мастера в том, чтобы напомнить вам, что, может быть, вы считаете себя рабами, но это не так — это только ваше верование. Вы мастера. Функция мастера в том, чтобы напомнить вам, продолжать напоминать снова и снова, что вы — будды. Если вы ведете себя как дураки, это ваш выбор. Вы свободны вести себя как дураки, но свободны также и полностью трансформировать свое существо, стать центрированными, как будды.

Смотря на тебя, трудно поверить, смотря на твою жизнь, трудно поверить, что ты когда-нибудь можешь быть зрелым, что ты когда-нибудь можешь быть мастером, что ты когда-нибудь сможешь сказать о себе:

Ничем не владея, ничего не желая.

Ты всегда желаешь. Люди так смехотворны, что даже если они убеждаются в том, что не нужно ничего желать, они начинают желать этого состояния не-желания. Но это та же самая игра; теперь желание вошло с черного хода.

Я слышал:

После того, как Бетховен окончил свою радостную Четвертую симфонию, он оказался в состоянии засухи. Вдохновение покинуло его, воображение опустело, и он не мог писать новую музыку. Для его беспокойной энергии это было невыносимо, и он принялся напиваться в местных тавернах, часто ввязываясь в пьяные потасовки или ходил к проституткам.

Однажды ночью, проиграв пьяную драку и будучи отвергнутым самой дешевой проституткой города, Бетховен сидел, пропивая последние монеты. Так как он был последним клиентом в опустевшей таверне, бармен подошел к нему и сказал:

— Эй, приятель, ты всегда мне здесь создаешь проблемы. Скажи мне, как ты зарабатываешь на жизнь?

Бетховен поднял на него глаза, — лицо, покрытое синяками, окровавленная губа, — и сквозь сжатые зубы сказал:

— Я композитор.

— Ты — композитор? — рассмеялся бармен. — Ха-ха-ха-ха!

Именно так родилась Пятая симфония!

Глядя на вас, трудно поверить, что вы будды — покрытое синяками лицо, разбитые губы, ты пьешь дешевое вино, отвергнутый самой де-

шевой проституткой. Кто поверит, что ты будда? Но я верю! И не только верю. Я знаю.

Просто нужно что-то, чтобы вызвать это к жизни. Нужно что-то, чтобы тебя разбудить.

Бетховен пришел домой, и вдохновение вернулось, снова источник наполнился.

Мастер ничего не может сделать прямо, но он может тебя подтолкнуть косвенными способами, помочь увидеть суть. Однажды увиденная, она становится твоей навсегда, но, пока ты ее не увидел, она бесполезна, и в ней нет ни смысла, ни действительности.

Ты так бессознателен. Именно поэтому ты бежишь за деньгами, властью, престижем. Осознавай немного больше, кто ты такой. Удели самому себе немного больше внимания.

Луковский пошел в банк, чтобы обналичить чек. Так как у Луковского не было счета, кассир спросил, может ли он удостоверить себя.

— Скажи, — сказал Луковский, — а нет здесь зеркала?

— Есть, — ответил кассир, — на стойке за вашей спиной.

Луковский посмотрел в зеркало и издал вздох облегчения.

— Да, — сказал он. — Это действительно я.

Именно так ты узнаешь себя: всегда глядя в зеркало. Зеркала разные. Ты смотришь в глаза других людей; если они думают, что ты хороший человек, ты считаешь себя хорошим. Если они думают, что ты красивый, ты считаешь себя красивым. Если они думают, что ты разумный, ты считаешь себя разумным. Все, что ты знаешь о себе, собрано от других — других, которые не знают самих себя.

Это очень странный мир: ты спрашиваешь людей: «Кто ты?», а они не знают себя, и ты полагаешься на них в том, что они о тебе говорят — ты полагаешься на это. Ты продолжаешь собирать информацию. Именно поэтому больно, когда кто-то называет тебя дураком. Но почему это больно? Это больно, потому что все, что ты о себе знаешь, зависит от общественного мнения. Это мнение приходит из того же источника — снаружи — откуда ты получил мнение, что ты очень разумный. Ты в противоречии, вот почему ты очень расстроен, обеспокоен. Он создал в тебе противоречие. Он создал для тебя проблемы, дилемму. Ты снова в замешательстве, ты не знаешь, кто ты.

Суфийская притча:

Один суфий остановился в караван-сарае, но там не было свободной комнаты. И хозяин сказал ему:

— Тебе придется с кем-то разделить комнату.

Суфий ответил:

— Это создаст проблемы, потому что, когда я один в комнате, утром, когда я просыпаюсь, я прекрасно знаю, что это я, но если в комнате два человека, как утром определить, кто есть кто?

Пока происходил этот странный разговор, еще один человек, который должен был разделить комнату с суфием, услышал его. Ему пришла в голову прекрасная мысль. Хозяин сказал:

— Кажется, это важный момент, — потому что хозяин сталкивался с этими сумасшедшими суфиями много раз. — Они всегда говорят странные вещи. О чем говорит этот человек?

Но суфий говорил нечто очень важное: как утром узнать, кто есть кто? Если в комнате два человека, как снова понять, что «я — это я», после промежутка ночного сна?

Хозяин сказал:

— Я сталкивался со многими суфиями и мало-помалу многое узнал о них. Сделай одну вещь: возьми эту веревку и прежде, чем заснуть, обвяжи этой веревкой ногу, и утром, когда ты увидишь, что веревка обвязана вокруг твоей ноги, ты убедишься, что ты — это ты.

— Это кажется разумным, — сказал суфий.

Ночью, среди ночи, когда суфий захрапел, другой человек, просто ради шутки, снял с него веревку, обвязал вокруг своей ноги и заснул. Утром начался хаос! Суфий проснулся; второй человек спал. Он потряс его и сказал:

— Теперь я знаю, что ты суфий, но кто тогда я? Я вполне уверен, что ты суфий — из-за веревки — но теперь проблема в том, кто я! Я же говорил этому глупому хозяину, что будут проблемы, вот и проблемы.

Эта суфийская притча важна, она про тебя. Именно так ты узнаешь, кто ты такой. Да, конечно, это видимо; но как ты узнаешь себя невидимого? — в зеркале, или в зеркале глаз других людей, или в зеркале их мнений?

Только на будду никак не воздействуют мнения других, потому что он действительно знает, кто он такой. Ему не нужно никаких произвольных методов, никаких веревок, никаких зеркал, никакой информации ни от кого другого; он знает себя непосредственно. У него есть интуитивное чувство собственного существа, но у тебя нет никакого интуитивного чувства твоего существа.

Ты говоришь, что ты христианин. Это веревка, которую твои родители повязали тебе на шею — даже не на ногу, на шею! И ты умираешь, потому что становишься больше и больше, а веревка была завязана, когда ты был маленьким ребенком; с каждым днем она затягивается туже и туже. Некоторые люди умирают как христиане, некоторые как индуисты, некоторые как мусульмане, но у каждого шея обвязана веревкой.

Откуда ты знаешь, что ты христианин? Ты никогда не встречался с Христом. Если бы тебе не сказали, что ты христианин, не было бы никакой возможности того, что ты любил бы Христа или хотя бы подумал бы о нем. Ни один джайн никогда не думает о Христе, ни один еврей не беспокоится о Христе, хотя Христос родился евреем, жил евреем и умер как еврей. Но это то же самое. Ни один христианин никогда не беспокоится о Махавире. Кому нужен Махавира? Даже если ты увидишь статую Махавиры, может быть, ты посмотришь на нее как на прекрасное произведение искусства, антиквариат, но будешь немног озадачен, почему этот человек стоит голый.

В одной из гостиниц в Бомбее... гостиница открылась всего несколько дней назад. Она принадлежала джайнской семье, и они поместили статую обнаженного Махавиры, мраморную, прекрасную статую, в гостиничном комплексе, на прекрасном участке, окруженном растениями и фонтанами. Немедленно она начала привлекать туристов. И джайнская семья была очень довольна, думая:

— Мы распространяем послание Махавиры.

Но туристы интересовались вовсе не Махавирой и не его посланием; их просто привлекало то, что он голый. Они делали фотографии.

Хозяин спросил:

— Почему вас так интересует эта статуя? Вас интересует джайнская философия?

Они сказали:

— Какая джайнская философия? Мы ничего не знаем о джайнской философии, мы даже не знаем, кто этот человек. Все что мы знаем — это что он стоит голый, и нас интересует его нагота.

Как только это стало известно, джайнское сообщество выступило категорически против этого:

— Это оскорбительно для Махавиры. Уберите эту статую.

Сначала они были очень счастливы, теперь они против. Теперь они прекрасно знают, почему люди фотографируют и почему статуя привлекает туристов: по той простой причине, что эта статуя голая, красивое тело — у Махавиры было красиво тело.

Фактически, только таким людям, как Махавира, у которых очень красивые тела, нужно разрешать ходить голыми, больше никому; это должно быть обязательным условием. Я видел джайнских монахов — они так отвратительны! Их нужно заставить носить одежду, потому что один их вид тошнотворен! Они раздражают глаза.

Ни один христианин не интересуется Махавирой, ни один джайн не интересуется Христом, ни один мусульманин не интересуется Буддой, ни один буддист не интересуется Мухаммедом. Тебя интересует

только веревка, повязанная тебе на шею, когда ты был ребенком. Ты по-прежнему носишь ее, она стала твоей тождественностью.

Кто ты? Если ты это запишешь, ты напишешь свое имя, которое было дано тебе другими — ты родился без имени. И ты запишешь свои ученые степени — ты родился без степеней. Если ты запишешь все описание себя, ты будешь удивлен: ничто не зависит от твоего собственного опыта, все зависит от других. Это не самопознание, это самообман.

Пока ты не отбросишь весь этот обман и не начнешь открывать самого себя с самых азов, ты никогда не узнаешь этого прекрасного опыта:

Ничем не владея, ничего не желая.

Это постоянное желание чего-то просто наполняет твою внутреннюю пустоту. И это постоянное стремление быть на вершине есть не что иное, как проекция глубокого чувства неполноценности. Все политики страдают комплексом неполноценности; все Александры, Наполеоны, Гитлеры и Сталины, все без исключения, страдают глубоким комплексом неполноценности. Где-то глубоко внутри они знают, что они ничтожества; они должны прикрыть эту ничтожность чем-то красивым. Они знают, что подобны ране, и должны прикрыть ее прекрасными цветами.

Политик очень любил свою собаку. Однажды он пошел на рынок, чтобы купить собачьих пирожных.

Он вошел в магазин и закричал:

— У вас есть пирожные для собак?

Продавец спокойно ответил:

— Вы обедаете здесь или вам их запаковать с собой?

Политики дерутся как собаки. Они собаки, и должны быть собаками, потому что они должны пройти через очень трудную борьбу. Они должны быть очень упорными и глупыми, лишь тогда есть возможность однажды достичь вершины. Конечно, они ничего там не найдут, но будут продолжать улыбаться, потому что теперь бессмысленно говорить: «Я ничего не нашел». Люди будут смеяться. Люди скажут: «Мы знали это с самого начала — там ничего нет». Именно так устроены люди. Они всегда говорят: «Мы знали это с самого начала. Мы же говорили, что ты был дураком, когда решил карабкаться по этой лестнице — на последней ступеньке ты ничего не нашел». Поэтому тому, кто достиг последней ступеньки лестницы, приходится продолжать улыбаться, как будто он чего-то достиг, просто чтобы скрыть свой идиотизм; скрыть то, что он был идиотом и потратил всю жизнь впустую.

На самом деле, нет никакой необходимости драться, жизнь достаточно просторна. Если мы отбросим все эти дурацкие идеи об иерархии, о том, кто на вершине, кто самый первый, кто президент или премьер-министр... если мы отбросим все эти глупые идеи об иерархии и просто начнем жить, кем бы мы ни были, где бы мы ни были, жизнь будет бесконечно богатой, потому что вся высвобожденная энергия может превратить эту землю в рай.

Ной закрывал ворота ковчега, готового к отплытию, и тут на горизонте появился слон, бегущий как сумасшедший.

— Давай, давай! — подбодрил его Ной, — Скорее!

Слон прошел последние несколько шагов и вошел в ковчег. А этот самый момент комар, который тоже опаздывал, наткнулся прямо на задницу слона — и укусил его!

Слон в раздражении обернулся и сказал:

— Пожалуйста, не толкайся. Здесь на всех хватит места!

Даже слоны понимают, что места хватит на всех — но не комар! Для тебя достаточно места, если помещается даже слон — не толкайся. Но эти политические комары продолжают толкаться как сумасшедшие; вся их жизнь зависит от этой толкотни. Продолжай всех расталкивать, пока не доберешься до конца — а там ничего нет. Там никогда ничего и не было, но вы были воспитаны, образованы, обусловлены быть амбициозными, быть эгоистами. Да, люди отбрасывают желания и хотения, когда они почти при смерти, но тогда уже слишком поздно.

Старая идея саньясы была в том, что ты должен становиться саньясином, когда тебе семьдесят пять лет. Будда изменил это; он принес революцию в концепцию саньясы. Поэтому Индия никогда не смогла его простить. Даже сейчас Индия его не простила, хотя он и родился в Индии. Он был лучшим цветением индийского гения, ни один человек не может с ним сравниться. Во всей истории индийского континента он был ярчайшей звездой, но Индия отвергла его. Было много причин его отвергнуть; одна из самых важных в том, что он разрушил старое представление о саньясе.

Старое представление о саньясе заключалось в том, что когда ты слишком стар, чтобы жить, когда жизнь сама выскальзывает у тебя из рук, — тогда отрекись. Будда сказал:

— Какой смысл тогда отречься? Жизнь отрекается от тебя. Зачем ты пытаешься себя обмануть? Ты обманывал себя всю жизнь — и хочешь снова обмануть себя?

Будда сказал:

— Если хочешь отречься от жизни, отрекись, когда желания очень молоды, когда тяга к собственности очень сильна, когда все твоё су-

щество амбициозно. Если ты не можешь сделать этого тогда, ты упустил эту жизнь.

Миссис Силвер и миссис Голд сплетничали на заднем дворе, развешивая белье.

— Мой муж, ах, какой он верный человек! — похвасталась миссис Силвер. — Он никогда не смотрит на других женщин.

— То же самое с моим мужем, — ответила миссис Голд. — Он никогда не гоняется за другими женщинами. Он слишком хорош, слишком приличен — и слишком стар!

Будда говорит:

*Ничем не владея,
Ничего не желая...*

Он полон силы.

Когда ты пытаешься владеть, сила вкладывается в бессмысленные вещи. Когда ты желаешь, сила становится желаниями, а желания бесконечны. Когда вся собственность и все желания поняты как тщетные и отброшены, ты становишься резервуаром силы. А быть резервуаром силы — единственный опыт, который дает тебе чувство того, что Бог есть — потому что Бог есть сила. Когда ты тоже переживаешь силу у себя внутри, переполняющую, обильную силу, ты знаешь, что Бог есть. Если ты абсолютно пуст, лишен всякой силы, усталый, потраченный на желания, никакое доказательство существования Бога не может помочь. Все эти доказательства для бессильных людей.

Настоящему человеку не нужно доказательств Бога. Он приходит к знанию Бога через опыт внутренней силы, из собственного свечения.

Бесстрашный, мудрый, восторженный.

Он подчинил себе все вещи.

Он видит добродетелью своей чистоты.

И когда ты полон силы, смерть исчезает. Смерть появляется лишь когда ты так бессилен. Смерть появляется лишь потому, что желания эксплуатируют твою силу, высасывают твою силу. Желания — кровососы, паразиты; они оставляют тебя пустым. Когда ты переполнен энергией, смерти нет. Опыт переполнения энергией делает абсолютно определенным, вне сомнений, что ты не можешь умереть. Тело уйдет, ум уйдет, но эта сила, которую ты почувствовал, останется. Она будет расширяться; нет способа ее уничтожить. Если ты сам не растратишь ее на желания, смерть не может отнять ее у тебя.

А когда нет смерти, нет и страха. Все страхи ориентированы на смерть, все страхи — тень смерти. Когда ты ничем не владеешь, ты бесстрашен, когда ты ничего не желаешь, ты бесстрашен. Никто не может ничего у тебя отнять, потому что ты ничем не владеешь. Никто не может тебе помешать, потому что у тебя нет никаких желаний. Никто не может преградить тебе путь, никто не твой враг. Все существование внезапно становится дружелюбным.

И когда есть сила, когда есть бесстрашие, возникает мудрость. Мудрость означает твою способность видеть истину. Ты становишься видящим. Дело не в том, что ты знаешь Коран, Гиту или Библию, но в том, что ты знаешь само внутреннее священное писание сознания. Ты знаешь внутреннего христа, внутреннего кришну. Ты знаешь, что, как Мухаммед получал послания от Бога, так получаешь и ты; ты не меньше никакого Мухаммеда. Ты тоже пророк и посланец, ты тоже мессия. Когда ты полон силы, ты становишься восприимчивым.

Бог может связаться с тобой только когда у тебя есть сила. Прямо сейчас ты бессилен; нет возможности никакого общения между тобой и Богом. Сила может связаться только с силой. Бессилие не может связаться с силой. Только подобное встречает подобное. Ты должен быть чем-то божественным по собственному праву; только тогда ты заработаешь, заслужишь то, чтобы Бог общался с тобой.

Он становится мудрым, восторженным — в восторге от самого существования. Общество может не уважать тебя, общество может тебя осуждать, общество может тебя распять, но кого волнует общество? Общество создано человеком. Само существование восхищается человеком мудрости — человеком, познавшим себя, человеком, пережившим опыт Бога, человеком, который может сказать по праву: «Я знаю Бога, и не из священных писаний, но из собственного опыта», — существование восторгается им.

Говорят, что когда Будда стал просветленным, деревья расцвели не в сезон. Когда Махавира стал просветленным, боги спустились с небес и осыпали его цветами. Это только метафоры, помни, не исторические факты, но они показывают нечто. Когда человек становится буддой, когда человек становится просветленным, все существование восторгается им, все существование склоняется перед ним. Он пришел домой. Все существование приветствует его.

Почему все существование славит его? — потому что все существование прославлено им. Один из его членов поднялся к предельному пику пробуждения; в нем существование сделало небольшой шаг вперед в своей эволюции. Стоит лишь вычеркнуть несколько имен из истории человечества — Моисея, Авраама, Кришну, Будду, Махавиру, Христа, Кабира, Нанак... стоит лишь вычеркнуть дюжину имен, и где будет человечество? Вы все бы были Преподобными Бананами и Преподобными Помидорами, Преподобными Картофелями, но совершенно

не человеческими существами. Может быть, вы знаете, может быть, нет; может быть, вы осознаете, может быть, нет, но эти люди внесли безмерный вклад в рост человеческого сознания. Без Будды, Махавиры, Кришны и Христа человечество по-прежнему лазало бы по деревьям — как американские туристы!

Они пришли несколько дней назад и подняли столько шума на крыше. Вы думали, что это обезьяны, но не могли их увидеть, потому что они были на крыше. Я могу видеть сквозь крышу! Я тотчас же их узнал — это американские туристы на пути в Гоа, свившие здесь гнездо всего на одну ночь — и исчезнувшие бесследно. Вы все были бы американскими туристами!

Эти немногие люди высвободили столько сознания в мире. С каждым буддой, с каждым человеком, который становится просветленным, человечество немного продвигается вперед, делает шаг вперед. Поэтому вся вселенная восторгается им.

Он подчинил себе все вещи.

Будда подразумевает под «всеми вещами» мир ума; дело не в том, что он действительно завоевал все сущее. Ты живешь не в реальности, ты живешь в своих проекциях.

— Вода сегодня утром действительно божественная! — закричала с энтузиазмом хорошенькая девушка, вернувшись с пляжа. — В ней полно мужчин!

Это твоя проекция. Ты живешь в мире собственных идей.

— Моя жена меня бросила, — застонал несчастный муж. — Она села в машину и сбежала с путешествующим коммивояжером.

— Как это ужасно! — сказал потрясенный друг. — Машина была совсем новая!

Каждый живет в собственных идеях.

Будда говорит:

Он подчинил себе все вещи.

Теперь нет мира идей; он завоевал ум. Как только ум исчезает, ты можешь видеть вещи такими, какие они есть в реальности. Обычно ты никогда не видишь их как есть, ты видишь их согласно своим идеям. Ты всегда смотришь сквозь собственные проекции; эти проекции очень тонки, но они окрашивают все. Ты всегда смотришь сквозь собствен-

ные предубеждения; эти предубеждения так близко, что ты даже не осознаешь их существования. Это все равно, как если бы на твоих окнах собралась пыль.

Я слышал:

Одна старушка выглянула в окно и сказала маленькому мальчику, наверное, внуку, играющему во дворе:

— Бобби, кажется, сегодня очень пасмурное утро.

И мальчик ответил:

— Бабушка, день совершенно ясный, как и всегда. Просто на окне собралось много пыли.

Но старушка не осознает, может быть, просто не видит; ее глаза слабеют. Она не может увидеть, что стекла покрылись пылью, и думает, что утро пасмурное.

Твои оконные стекла покрылись пылью, но ты закрываешь на это глаза и не осознаешь этого; они окрашены в какой-то цвет, и ты видишь весь мир в этом цвете.

Будда говорит: «Когда ты полон силы и все желания и все стремление владеть из тебя исчезли, это значит, что твой ум умер, перестал существовать. Теперь ты можешь увидеть вещи как есть».

Он видит добродетелью своей чистоты.

Теперь все чисто. Он не смотрит ни через какой экран, он смотрит через чистоту. Теперь он снова достигает детской способности удивляться, того же благоговения, той же таинственности.

Он пришел к концу пути

Через реку своих многих жизней

И многих смертей.

Это конец. Когда ум умирает, путешествие прекращается. Теперь больше не будет ни рождения, ни смерти. Ты рождался миллионы раз и миллионы раз умирал. Что ты делал все время, все это время? Ничего, фактически: просто играл снова и снова в те же самые игры, снова и снова забывая полученные уроки. Кажется, человек никогда ничему не учится. Каждый раз, когда он умирает, он забывает уроки предыдущей жизни. В следующий раз, в следующем рождении он снова начинает с самых азов.

Это случилось:

Великий король попросил у Будды посвящения и стал бхиккху, саньясином. Но он был младшим саньясином; были другие, которые медитировали тридцать лет, сорок лет. И когда Будда останавливался в караван-сараях, младшие саньясины — младшие не по возрасту, но по времени посвящения... Этот король был стар, и он был великим королем, но в мире Будды такие вещи не в счет — ни возраст, ни деньги, ни королевство. Он был самым младшим, потому что принял саньясу в этот самый день, и поэтому ему пришлось спать на пороге, потому что не нашлось никакого другого места.

Король не мог уснуть; было трудно, и его затруднения можно понять. Он никогда раньше не спал в таком месте. Вы знаете индийских комаров... короля никогда раньше не кусали комары. Земля была твердая, а бхиккху не используют подушек, они просто кладут под голову руку. Он ворочался и переворачивался, но не мог уснуть.

Среди ночи он подумал:

— Что я сделал? Это кажется такой глупостью! Я должен спать в своем дворце, где у меня было все. Это кажется бессмысленным. Завтра утром я первым делом пойду к мастеру и попрошу разрешения: «Пожалуйста, прости меня. Я не могу терпеть это напрасное страдание. Я возвращаюсь домой».

Но среди ночи Будда вышел и сказал:

— Зачем ждать утра? Если хочешь отбросить саньясу, отбрось прямо сейчас! Зачем страдать всю оставшуюся ночь?

Король был поражен. Он ничего никому не говорил — не было больше никого, он был один во дворе. Он сказал:

— Но как ты узнал? Я только подумал об этом.

Будда сказал:

— Когда твои мысли исчезают, ты можешь начать видеть мысли других, потому что тогда мысли других становятся как вещи. Именно из-за собственных мыслей ты не можешь видеть других. Ты так окутан собственными мыслями, что не остается места для мыслей других. Но, пожалуйста, иди!

— Теперь я не могу уйти, — сказал человек. — Как я могу уйти от такого мастера?

— Но все же я предлагаю тебе уйти, потому что тебе снова захочется уйти. Лучше уйти сейчас. Только об одном я хочу тебе напомнить: ты принял саньясу и в прошлой жизни — и тогда возникла та же самая трудность, и ты отрекся от саньясы. Теперь эта трудность возникла снова, и будет возникать снова, снова и снова. Ты ничему не научился из прошлой жизни.

Когда Будда это сказал, этот человек внезапно почувствовал огромный наплыв воспоминаний о прошлой жизни. Он смог увидеть, смог вспомнить, что да, это случилось. Вся ситуация была такой же. Мастер был другой, караван-сарай был другой, комары, наверное, были другие, но король был тем же человеком, и трудность была такой же.

Король сказал:

— Этого достаточно, теперь я не уйду; я останусь с тобой. Теперь, что бы ни случилось... Я жил во дворцах много раз и ничего не приобрел, поэтому я больше не собираюсь тратить эту жизнь впустую.

И в тот день он стал просветленным. Он выдержал; наверное, ему понадобилась огромная настойчивость.

*Он пришел к концу пути, — говорит Будда, —
Через реку своих многих жизней
И многих смертей.*

Что ты делал все свои прошлые жизни? Ты был просто бревном, плывущим по реке, отдавшимся на милость случайных ветров, без всякого чувства направления. Ты не добился никакой целостности. Не трать впустую *эту* жизнь; сделай из нее что-то, создай из нее что-то.

Бэйли, скрипач из Нью-Йорка, в конце концов нашел работу в небольшом ресторанном оркестре. В первый вечер работы он играл так ужасно, что другие музыканты решили тут же уволить его.

Бэйли объяснил, что мог бы играть гораздо лучше, но провел в путешествиях два месяца, в течение которых не мог даже притронуться к инструменту. Завтра он будет тренироваться целый день и снова войдет в форму.

Наступил второй день работы, и он звучал так же плохо. Теперь его действительно собрались уволить, но он объяснил другим, что его целый день пилила жена, и он не смог сыграть ни одной ноты. Это другие музыканты могли понять очень хорошо, и они дали ему еще один шанс. Бэйли сказал, что завтра его жена собирается пойти к матери и он сможет играть целый день.

Но на третий вечер Бэйли играл так плохо, что даже официанты стали жаловаться. Все было кончено — его уволили.

Когда он собрался уходить, один из музыкантов спросил его:

— Извини, но я не могу поверить, что ты действительно зарабатываешь на жизнь музыкой.

— Да, это правда, — ответил Бэйли.

— Где же ты работаешь?

— Ну, знаешь, три вечера здесь, три вечера там, — ответил Бэйли.

Именно это ты делал много вечеров: три вечера здесь, три вечера там, кое-как зарабатывая на жизнь, кое-как пытаешься удерживать себя на плаву. Но для чего? Чего ты достиг? Что ты выиграл? Несомненно, ты провел время, но жизнь — это такое ценное явление, ее нельзя просто проводить. Это возможность расти, быть.

*За пределами отчаяния ада,
За пределами великой радости рая,
Добротелью своей чистоты.*

...Мастер трансцендирует.

*За пределами отчаяния ада,
За пределами великой радости рая...*

Его больше не интересуют боль и удовольствие. Помни, если ты ищешь удовольствия, ты обречен страдать от такого же количества боли; они всегда приходят в равных пропорциях. Если у тебя много удовольствия, тебе придется страдать от огромной боли; это неизбежно. Это фундаментальный закон жизни, жизнь поддерживает равновесие. Чем больше у тебя удовольствия, тем сильнее боль.

Ад и рай — не географические места, но психологические переживания. И они не отделены друг от друга, это две стороны одной монеты. Если у тебя есть одна, другая только ждет возможности, чтобы утвердить себя.

Человек понимания, человек осознанности, человек, глубоко вошедший в медитацию, в не-ум, начинает осознавать все это явление в целом; он отбрасывает всю монету. Его больше не интересует ни ад, ни рай. Он не беспокоится об аде и не желает рая, потому что знает, что если ты желаешь рая, то будешь страдать в аду.

Это нечто безмерно красивое — помни это. Все так называемые религиозные люди жаждут рая и небесных удовольствий; они совсем не религиозны. И эти люди будут страдать в раю... в аду. Где бы они ни были, это не будет иметь значения, потому что если ты желаешь первое, за ним тенью следует второе.

Я слышал об одном человеке... В индуистской мифологии говорится, что в раю есть *калпаврикши*. Калпаврикша — это дерево, исполняющее желания. Ты сидишь под деревом, и что бы ты ни пожелал,

это тут же исполняется. Ты желаешь, и твои желания тотчас же исполняются. Даже «быстрый» кофе требует некоторого времени, он не настолько быстрый, но под калпаврикшей нет никакого расстояния во времени между желанием и его исполнением; ты еще не пожелал, а желание уже исполнилось.

Один человек, очень религиозный человек, достиг небес. Он устал — проделав долгое путешествие с земли. Он сел под первое же дерево, какое нашел. Усталый, изнуренный путешествием, он был привлечен прохладной тенью. Он сел отдохнуть под деревом.

Внезапно он захотел есть. Тут же появилась прекрасная еда. Он был так голоден, что даже не задумался, откуда появилась еда, и наелся до отвала.

Тогда он подумал:

— Если бы только был какой-нибудь напиток...

Тут же появился холодный напиток — наверное, кока-кола! Очень счастливый, он подумал:

— Теперь я хотел бы немного отдохнуть, но земля неровная. Если бы где-то была кровать...

Внезапно откуда ни возьмись появилась прекрасная кровать — он никогда в жизни не видел такой. Он уснул; он так устал, что ему даже не стало любопытно. Но когда он встал, солнце снижалось над горизонтом, приближался закат. Теперь он был полон сил, сыт и чувствовал себя хорошо. Ему стало немного любопытно:

— Что случилось? Я захотел есть, появилась еда. Я захотел пить, появился напиток. Я захотел спать, появилась кровать. Кажется, под этим деревом водятся привидения! Боже мой! — подумал он. — Нет ли здесь привидений?

И внезапно появились привидения, такие ужасные, огромные чудовища, готовые на него наброситься. Он сказал:

— Со мной все кончено! Эти ребята меня прикончат!

И, конечно, его тут же прикончили; его не пощадили, потому что все, о чем бы он ни подумал... Они набросились на него, разорвали его на части и съели его живьем!

Религиозный человек, так называемый религиозный человек, не найдет покоя даже в раю, потому что само его желание рая неправильно в самой основе. Желание удовольствия неправильно, потому что оно содержит оборотную сторону — боль. Ты не можешь их разделить, они неразделимо едины.

Это один из величайших вкладов Гаутамы Будды: он помог религиозному сознанию выйти за пределы рая и ада. Иначе джайнизм, хрис-

тианство, ислам, индуизм — всех их привязывает к миру рай и ад. Их предельное желание — достичь райских удовольствий. Будда говорит, что предельное заключается в том, как отбросить все желания, даже желание рая, потому что только когда все желания исчезают, ты приходишь в состояние абсолютной свободы. Он называет ее нирваной. Когда ум прекращается, тогда ты сам есть блаженство. Но это происходит не из-за желаний, это происходит только когда достигнуто состояние безжеланности. Когда желания покидают тебя, в этом пространстве в тебе начинает расти блаженство.

Он пришел к концу пути.

Конечно, ему больше некуда идти — он пришел домой.

Все, что он должен был сделать, он сделал.

И теперь он — одно.

...Одно с самим собой, одно с целым. Тебя много, ты — толпа. Мастер — одно целое, не толпа. Ты не одно, у тебя много «я». В одно мгновение ты что-то одно, в другое — что-то другое. Ты постоянно меняешься. Просто наблюдай свой ум — каждое мгновение ты меняешься, потому что одно «я» говорит тебе что-то сделать, другое говорит не делать этого, тогда приходит третье «я» и говорит что-то совсем другое. У тебя может быть много «я» — ты мультипсихичен. У тебя не один ум, у тебя много умов. И тебя мучают все эти умы, тянут в разные стороны.

У мастера нет никакого ума, поэтому он стал единым. Без всякого желания, без всякой собственности, без всякого стремления к раю он неизбежно становится единством. Он становится интегрированным. Он действительно индивидуальность, буквально индивидуальная, неделимая. Слово «индивидуальный» значит то, что нельзя разделить. Вы не индивидуальности, вы личины, личности — и даже они не едины. У вас много личностей, много лиц, вы носите множество масок. У мастера нет ни масок, ни лиц; у него только одно лицо — оригинальное лицо. Он просто естествен. У него нет ума; поэтому он — единство.

И происходит чудо: когда ты един с самим собой, когда ты един внутри, ты становишься единым с целым. И это предельное состояние. Назови его нирваной, назови его Царством Божьим, назови его реализацией Бога или каким хочешь именем — оно безымянно. Но именно это всегда было настоящей целью всех искателей истины.

Пусть это будет твоей единственной целью. Подготовься к этому. Я надеюсь, эти красивые сутры Будды окажут тебе огромную помощь. Медитируй на них. Это не философия; это просто утверждения внутренней истины, утверждения пережитого опыта. Они утверждают также и мой собственный опыт.

Что бы я ни говорил здесь, это не просто комментарий сутр Будды; сутры Будды оказываются лишь поводом. Я высказываю нечто от своего собственного опыта. И я хотел бы, чтобы однажды он стал и твоим опытом. Это возможно. У всех вас есть потенциал, чтобы быть буддой. Не удовлетворяйся ничем меньшим.

Встряхни себя — и проснись!

На сегодня достаточно.

Глава 10

ЗАБУДЬ ОБ ЭТОМ

 Первый вопрос:

Любимый Мастер,

Ты постоянно говоришь о том, чтобы отбросить эго, но как мне это сделать, если я не могу различить эго и свою истинную природу?

Ананд Ведант,

Эго нельзя отбросить. Оно просто как темнота — ты не можешь отбросить темноту, ты можешь просто привнести свет. Когда появляется свет, в то же мгновение исчезает тьма. Ты можешь сказать, что это способ отбросить тьму, но не принимай это буквально. Тьма вообще не существует — это отсутствие света. Поэтому ты ничего не можешь сделать с ней непосредственно. Ты можешь сделать нечто только со светом — зажечь свет или погасить свет. Если хочешь, чтобы было темно, погаси свет; если не хочешь, чтобы было темно, зажги свет. Эго не может быть отброшено.

Можно научиться медитации. Медитация действует как свет, медитация *суть* свет.

Стань светом, и ты нигде не найдешь эго. Стремясь эго отбросить, ты окажешься в затруднении, потому что кто тот, кто хочет эго отбросить? Это и есть само эго — теперь играющее в новую игру, в игру под названием «духовность, религия, самореализация». Кто задает этот вопрос? Само эго, дурачащее тебя. Когда эго спрашивает, как отбросить эго, естественно, ты думаешь: «Это не может быть эго. Как эго может просить собственного самоубийства?» Именно так эго постоянно тебя проводит.

У твоей истинной природы нет никаких вопросов, и ей не нужны никакие ответы. Твоя истинная природа абсолютно светла, наполнена светом. Она не знает тьмы, она никогда не встречала тьму.

Бодхидхарма пришел в Китай. Он был одним из величайших будд всех веков. После самого Гаутамы Будды Бодхидхарма кажется самым драгоценным человеком во всем буддистском наследии. Когда он достиг Китая, его слава уже опередила его. Сам император Ву, который правил всем Китаем, вышел встречать его на границе. И разговор, проис-

шедший между ними, был безмерно важен. На него следует снова и снова медитировать. Он содержит важнейшее послание для всех вас.

Император Ву был не только великим императором, но и очень религиозным человеком, который много сделал для распространения послания Гаутамы Будды. Фактически, ни один человек, кроме императора Ашоки, не сделал для буддизма так много, как император Ву. Он превратил весь Китай в буддийский мир. Он построил тысячи храмов Будды, создал тысячи монастырей — миллионы буддистских монахов поддерживались на средства королевской казны. Он перевел на китайский язык все священные писания буддизма. Тысячи ученых работали много лет, почти всю жизнь. Он совершил огромную работу. Естественно, он хотел узнать у Бодхидхармы: «Какова моя награда?»

Первым, о чем он спросил Бодхидхарму, было:

— Я столько сделал; какой будет моя награда? Что я заслужил? Какую добродетель?

Бодхидхарма посмотрел на него очень сурово. Если бы вы увидели портреты Бодхидхармы, вы бы удивились. Он больше похож на льва, чем на человека — очень свирепый, с глазами пронзительными, словно два меча. Должно быть, он обрубил Ву до его реальных размеров одним своим взглядом.

Ву задрожал; он никогда не встречал такого человека. Он победил многих врагов, завоевал многих опасных королей, но Бодхидхарма был самым опасным человеком, которого он только видел. Утро было прохладным, но он покрылся испариной. И Бодхидхарма сказал:

— Заслуга? Добродетель? Это эго и ничто другое, оно питается и жиреет под именем религии и духовности. Ты обречен на семь адов, помани мое слово!

Ву не мог поверить своим ушам, не мог поверить своим глазам.

— Но тысячи монахов пришли из Индии, и все они говорили: «Ву, ты оказал великую службу религии буддизма. Ты возлюблен Буддой, ты благословен Буддой». Но ты говоришь прямо противоположное!

Бодхидхарма сказал:

— Забудь всех этих монахов! Они льстили тебе, они хвалили тебя, потому что знали, что ты ждешь этого от них. Они хитрые и изворотливые люди. Они ничего не знают о Будде и его послании. Я сам будда, я не буддистский монах. Я говорю по собственному авторитету, и вот что я говорю: ты проклят!

— Ты хочешь сказать, что нет ничего святого и ничего духовного во всех этих прекрасных поступках? — спросил император Ву.

— Никакое действие не свято, — сказал Бодхидхарма, — потому что каждое действие возникает из эго. Когда ты забываешь все свои действия, когда ты исчезаешь, и вещи начинают случаться сами, и ты не можешь претендовать на то, что это *твои* действия, лишь тогда в твою жизнь проникает нечто безмерно ценное, безмерно прекрасное.

Духовность не имеет ничего общего с деланием, — сказал Бодхидхарма, — духовность — это аромат существа, а ты еще не существо. Тебя все еще заботит то, что ты сделал и чего не сделал.

Это — это делатель, — сказал Бодхидхарма, — твоя истинная природа — *неделатель*. Твоя истинная природа просто позволяет существованию течь по тебе, просто позволяет предельному закону действовать тобой. Твоя истинная природа — просто полный бамбук. В руках предельной природы он становится флейтой, и из него рождается прекрасная песня. Но флейта не может сказать: «Это моя песня. Что я заслужила? Что я за это получу? Каких небес, каких радостей я достигну?» Бамбуковая флейта — это просто ничто. Все ее существо состоит из ничто. Именно поэтому по ней может течь песня, абсолютно пустая.

Потрясенный — он смог увидеть суть — Ву сказал:

— Ты первый человек, на которого не произвела впечатления моя великая власть, деньги, моя империя. Ты первый человек, с которым я чувствую, что что-то возможно. Как мне отбросить это эго? Да, я понимаю, о чем ты говоришь. Сначала я претендовал на великую империю, теперь — на нечто запредельное. Но претензии те же, и предъявляющий их — тот же. Я вижу, что ты имеешь в виду. Я склоняю перед тобой голову. Я благодарен за то, что ты не был вежлив со мной, что ты больно ударил меня. Ты ранил меня, но я признателен. Как мне отбросить это эго?

И Бодхидхарма спросил:

— Какое эго ты хочешь отбросить? Снова ты хочешь что-то сделать. Если *ты* отбросишь его, эго сохранится. Это тонкая игра эго: если ты его отбрасываешь, эго возвращается с черного хода. Оно начинает говорить: «Смотри! Я отбросил эго. Посмотри, какой я скромный. Нет никого скромнее меня. Я самый скромный человек в мире — пыль у твоих ног». Но посмотри в глаза, загляни в сердце человека, который претендует на то, что он самый скромный — это то же самое эго. Это не *безэговость*. *Безэговость* не может претендовать на скромность. *Безэговость* вообще не может претендовать, она просто умолкает. Она не может даже сказать: «Меня нет, я никто» — потому что в любой претензии присутствует «я».

Император сказал:

— Тогда помоги мне, потому что я не могу избавиться от эго.

Бодхидхарма сказал:

— Приходи рано утром, в три часа. Приходи один и не бери никого с собой. И не волнуйся — я покончу с ним раз и навсегда.

Император не мог уснуть всю ночь. «Что он затевает? — этот сумасшедший монах. Покончит раз и навсегда? Этот человек кажется таким опасным... три часа утра — не лучшее время для встречи с таким

человеком. Он может сделать что угодно, он так непредсказуем. И он просил, чтобы я пришел один».

Много раз он решал не ходить, но притяжение было огромно, в этом человеке было нечто магнетическое. Ему пришлось прийти. В три часа он обнаружил, что собирается. И он пришел. Бодхидхарма оставался за городом, в небольшом храме. Было темно. Бодхидхарма ждал его... с посохом в руках.

— Так ты пришел! — сказал он... — хотя и после долгих колебаний. Ты много раз решал не приходить. Ты не мог спать всю ночь и не позволил спать мне — потому что мне пришлось продолжать тебя тянуть. Но теперь, раз ты пришел, все будет разрешено раз и навсегда. Сядь напротив меня, закрой глаза, иди вовнутрь и найди эго! И не засни, потому что я сижу напротив тебя вот с этим посохом. Если ты заснешь, я тут же стукну тебя по голове! Будь бдителен, потому что когда я бью, то бью крепко. И найди... Если ты сможешь найти эго, просто покажи мне это эго, и я его прикончу. Сначала ты должен его найти: где оно?

Император понял его логику. Он закрыл глаза. Заснуть было невозможно. Бодхидхарма сидел напротив. Даже с закрытыми глазами он видел, что Бодхидхарма сидит рядом, и время от времени он бил посохом по земле, чтобы показать: «Я здесь. Продолжай искать».

Прошло два часа, три часа. Ву искал и искал. Впервые он посмотрел вовнутрь. Фактически, если ты смотришь вовнутрь и остаешься бдительным, всего лишь сорок восемь минут... Это предел. Эго может продолжать водить тебя за нос только сорок восемь минут, не больше. Это было опытом всех будд во все века. Не спрашивай, почему сорок восемь минут, потому что ответить невозможно. Это все равно что вода, испаряющаяся при ста градусах... никто не спрашивает, почему. Почему не при девяти? Почему не при сто одном? Это не вызывает никаких вопросов, это просто так, это закон природы. При ста градусах вода испаряется. Точно так же, если ты остаешься бдительным и наблюдательным сорок восемь минут, постоянно, без колебаний, все твое внутреннее существо становится таким тихим, таким молчаливым, таким мирным, таким бдительным. Впервые появляется ясность, прозрачная ясность. Ты можешь видеть все, что есть. И Ву смотрел и смотрел, но так и не смог найти никакого эго — потому что эго нельзя найти. Оно вымышлено, это только твоя идея, в нем нет никакой вещественности. Это даже не тень, что говорить о вещественности? Оно существует лишь потому, что ты никогда не смотрел вовнутрь. Смотри вовнутрь, ты обнаруживаешь свой свет — который всегда был там; ты должен был просто посмотреть и найти его. Он искал эго, а нашел свет, потому что эго не было, а свет был. Он пошел на поиски эго, но нашел только свет. И как только был найден свет, тьмы не стало.

Прошло три часа, и взошло солнце, и лицо Ву преобразилось. Он приобрел новую красоту, новую грацию. Бодхидхарма рассмеялся и сказал:

— А теперь открой глаза. Ты не смог его найти... значит, я покончил с ним навсегда.

Ву открыл глаза, коснулся ног Бодхидхармы и сказал:

— Мастер, ты ничего не сделал, но все же покончил с ним.

Именно в этом чудо мастера; он никогда ничего не делает, и все же в его присутствии происходит предельное чудо. Его присутствие суть чудо, его присутствие имеет волшебное качество.

Ананд Ведант, тебе не нужно отбрасывать эго. Просто смотри вовнутрь, ищи эго. Сначала найди эго. Не волнуйся пока о истинной природе. Просто иди вовнутрь и ищи эго, и ты его не найдешь; вместо него ты найдешь истинную природу, светящуюся, благоухающую, как цветок лотоса. Человек никогда и нигде не сталкивается с такой красотой. Это самый красивый опыт в жизни. И как только ты увидел свой собственный лотос света, увидел, как он распускается, с эго покончено навсегда. Тогда ты не будешь задавать таких бессмысленных вопросов.

«Как различить, — говоришь ты, — эго и свою истинную природу?»

Есть либо эго, и тогда истинная природа не познана; либо истинная природа, и тогда не остается эго. Ты не можешь иметь обоих, поэтому ты никак не можешь различить; ты не можешь их различить, потому что они не могут присутствовать одновременно. Может присутствовать только одно из двух.

Прямо сейчас, чем бы ты ни был, это эго, поэтому не волнуйся о том, как их различить. Если бы не было эго, этот вопрос бы не возник. Истинная природа не имеет вопросов; истинная природа суть экстаз, не проблема.

Второй вопрос:

Сэр,

Пожалуйста, объясните мне разницу между тем, чтобы сдать мастеру, и тем, чтобы следовать мастеру.

Эдвард Кифер,

Есть огромная разница. Это противоположные полюса. В отдаче себя мастеру есть нечто от сердца, это любовный роман, не интеллек-

туальное убеждение. Суть не в том, что ты интеллектуально убежден, что мастер говорит правильные вещи. Это не философия. То что говорит мастер, может быть абсурдным — фактически, это и должно быть абсурдным, потому что он говорит из совершенно другого видения, с вершины, в которой встречаются противоположности, где происходит предельный синтез, где мужчина и женщина — одно, где жизнь и смерть — одно, где негативное и позитивное — одно. Поэтому, что бы он ни говорил, это обязательно будет парадоксальным.

Отдача себя мастеру означает, что ты почувствовал его милость. Это не вопрос осведомленности. Он может вообще ничего не знать. Иисус не был знающим. Мухаммед не умел даже читать и писать, он не мог даже подписать свое имя. Но тысячи влюбились в этого человека. У него не было никакого логического ума. Если ты вступишь в Коран, то не найдешь никакой великой философии — простые заявления, которые легко опровергнуть. Но у этого человека, наверное, было нечто совершенно другое. И он притянул к себе многих людей. Теперь ты не можешь увидеть этой гравитации; эта энергия, сила, невидима. Это сопричастность, происходящая между двумя сердцами. Присутствие мастера ошеломляет тебя, и происходит самоотдача.

Это не что-то такое, что ты делаешь. Ты не можешь сдать, помни. Сделанная самоотдача — это вообще не самоотдача, потому что ты можешь ее отменить. В любой день ты можешь сказать: «Я беру свою самоотдачу назад». Самоотдача — это нечто происходящее само. Иногда это происходит вопреки тебе — ты никогда этого не хотел, ты сопротивлялся. Люди сопротивляются до самого конца; лишь когда сопротивляться становится невозможно, тогда они сдаются, потому что отдача себя против эго, она разбивает эго вдребезги. Сама идея о том, чтобы кому-то сдаться, против всего твоего воспитания, всего твоего образования, всей твоей психологии. Тебя воспитали на той идее, что ты должен иметь сильное эго.

Отдача себя означает, что ты отбрасываешь все свое воспитание, откладываешь в сторону все свое знание, обходишь весь свой ум и позволяешь сердцу сказать мне «да!» — тотальное да. Это происшествие, не действие. Это все равно что влюбиться.

В чем разница между тем, чтобы влюбиться, и браком, браком по расчету? Точно такая же разница между отдачей себя мастеру и следованием мастеру. Отдать себя мастеру все равно что влюбиться. Эта сила непреодолима. Ты ведешь себя как сумасшедший. Мастер сумасшедший, теперь становишься сумасшедшим и ты. Мастер подобен пламени, и теперь ты движешься к пламени как мотылек — к собственной смерти.

Следовать мастеру — такое же безопасное мероприятие, как брак по расчету. Ты движешься по безопасной территории. Ты обо всем думаешь — о семье мужчины или женщины, об экономическом положе-

нии, о социальном престиже, обо всем, кроме любви. Это расчетливое мероприятие. В нем нет риска. А чтобы не оставить никакого места для случайностей, ты идешь к астрологу, чтобы он предсказал даже будущее, как все будет в будущем: «Безопасно ли будет мое плавание?»

Ты принимаешь все меры предосторожности, прежде чем нырнуть. Это не прыжок, это рассчитанный шаг. Вот что такое следование мастеру. Это интеллектуальное мероприятие, дело ума, головы. Ты пытаешься интеллектуально понять, логически обосновать все, что он говорит. Нравится ли это тебе?

Кто ты такой и что ты знаешь? Как ты собираешься судить, правильно это или нет? — согласно своим предубеждениям, согласно своим условным рефлексам? Христианин, столкнувшись с Иисусом, может быть впечатлен, но не еврей, потому что у них разные условные рефлексы.

Я слышал о двух хиппи:

Они проголодались, и у них не было денег, и когда в воскресенье они проходили мимо церкви, их осенила прекрасная мысль. У обоих были длинные волосы, изодранная одежда — они выглядели точно как Иисус и его последователи.

Один сказал другому:

— Мы должны найти крест; мы пойдем на кладбище и возьмем крест с одной из могил. Ты понесешь крест, ты больше похож на Иисуса, а я пойду впереди, провозглашая, что пришел Господь. Посмотрим, может быть, что-то и получится.

И они вошли в церковь. Это была протестантская церковь. Первый вошел и громко крикнул:

— Проснитесь! Увидьте! Господь вернулся! Он исполнил свое обещание.

Все обернулись и увидели второго хиппи, несущего крест. Несколько женщин упало в обморок, несколько стариков упало к его ногам. И люди стали давать деньги. Из этой церкви они унесли пятьдесят долларов. Они были очень довольны.

Неделя прошла прекрасно — марихуана и все остальное. Они наслаждались ею как можно более духовно.

На следующую неделю они пошли в католическую церковь. Получилось даже лучше. Католики словно сошли с ума! Они не могли поверить своим глазам. Люди плакали, рыдали, трепетали и кричали:

— Господи!

Они собрали сто пятьдесят долларов. Эта неделя была действительно потрясающей...

На третью неделю, просто ради шутки, они подумали, почему бы не попробовать синагогу? И они пришли в синагогу. Они объявили:

— Смотрите! Господь вернулся, как обещал!

Старый раввин надел очки, пригляделся и сказал помощнику:

— Пойди и принеси молоток и гвозди — кажется, этот дурак действительно вернулся.

Вы ведете себя согласно своим условным рефлексам.

Если Махавира внезапно появится на М. Джи. Роуд, только джайны — и то только дигамбары — узнают его. *Светамбары*, другая джайнская секта, не узнают его, потому что они не верят, что он жил голым. Он жил в белой одежде — конечно, эта одежда была невидимой. И они спросят:

— Где невидимая одежда?

А индуисты, мусульмане и христиане просто побегут в полицейский участок, потому что посреди М. Джи. Роуд стоит голый человек — он, кажется, Ошо-фрик!

Как ты будешь судить? Согласно своим предубеждениям. Когда ты убежден, что этот человек говорит правильные вещи, это просто значит, что он говорит то, что ты считаешь правильным. Но если ты уже знаешь, что правильно, а что нет, тебе вообще не нужно беспокоиться об этом человеке.

Следование бесполезно, ненужно. Ты просто собираешь поддержку собственным верованиям. Это не поможет, это не изменит тебя. Трансформирует только самоотдача. Все, что происходит из сердца, может принести радикальную революцию в твое существо. Голова бессильна — избегай головы.

Сэр, избегайте головы! Слушайте сердце и следуйте сердцу, и тогда самоотдача произойдет сама собой.

Т

ретий вопрос:

Любимый Мастер,

Что такое недоразумение (неправильное понимание)?

Сахаджананда,

Недоразумение происходит только со знающими людьми, оно никогда не случается с невинными. Оно никогда не случается с теми, кто знает, что ничего не знает; только с ними случается понимание. Но с теми, кто думает, что уже знает... само их знание становится препятствием, отвлечением. Именно это знание создает недоразумение.

Если ты уже носишь что-то в уме, и затем слушаешь меня, есть две возможности: либо ты находишь, что я согласен с тобой, либо на-

ходишь, что я не согласен. Если оказывается так, что я согласен, наверное, ты недопонял, потому что я никогда не могу быть с тобой согласен. Это невозможно, я могу быть согласен с тобой только если ты тоже пробужденный, если ты в том же состоянии — только тогда. Поэтому, наверное, ты исказил слова, некоторые слова отбросил, некоторые добавил, некоторым придал новый смысл — свой смысл, окрасил их, подрисовал согласно своей философии, образу жизни или чем бы ты это ни назвал. Это своего рода подстройка. И тогда ты можешь радоваться тому, что я с тобой согласен.

Я не могу с тобой соглашаться. Это невозможно. Согласие возможно только когда оба существуют в одном и том же пространстве, иначе нет. В моем замешательстве, в моей ясности нет возможности согласия. Поэтому это первое возможное недоразумение, которое гораздо опаснее второго.

Вот недоразумение второго рода: я говорю что-то одно, и ты тут же набрасываешься на это, потому что пришел с негативным отношением. Первое недоразумение происходит с тем, кто пришел с позитивным отношением. Обычно люди думают, что если ты приходишь с позитивным отношением, ты не можешь понять неправильно. Позитивное отношение очень ценится во всем мире. Конечно, ваши священники, ваши лидеры хвалят позитивное отношение, потому что вы соглашаетесь с ними. Я не могу его хвалить, потому что твое согласие для меня ничего не значит.

Твое негативное отношение означает несогласие, но оба отношения являются недоразумениями. Если ты пришел с уже негативным умом — ты против меня, этот человек неправ, — ты, должно быть, подцепил его от общественного мнения, из газет и журналов. И если ты пришел с негативным отношением, что бы я ни сказал, ты найдешь в этом что-то неправильное. Ты решительно настроен на то, чтобы найти что-то неправильное. Это недоразумение другого рода.

Для меня оба подхода — недоразумения. Первое опаснее, потому что второе недоразумение не причинит никакого вреда. Ты уйдешь с пустыми руками, вот и все; ты ничего не теряешь. Но первое недоразумение может быть опасным. Ты уйдешь с идеей, что я соглашаюсь с тобой. Ты уйдешь более эгоистичным, чем пришел, думая, что твои идеи правильны, что гораздо опаснее. Если ты думаешь, что мои идеи неправильны, нет проблем, ты остаешься прежним. Но если ты думаешь, что твои идеи правильны, потому что они согласуются с моими, ты уйдешь с усиленным эго.

Позитивное отношение опаснее негативного.

Настоящий искатель приходит ни с позитивным, ни с негативным умом. Он просто приходит с открытым умом. Он приходит молча. У него нет заготовленной заранее идеи в ту или иную пользу. Он просто слушает, не вмешиваясь. Он не продолжает постоянно судить. Он

остается в своего рода позволении — молчаливом, открытом, уязвимом. Суть не в том, чтобы соглашаться или не соглашаться. Ты просто слушаешь! Если этому человеку есть что сказать, ты просто слушаешь его. И ты не комментируешь постоянно внутри: «Да, это правильно, а это нет. Это согласуется с Гитой, а это нет. Если это не согласуется с Гитой, как этот человек может быть прав? Гита всегда права».

А что ты знаешь о Гите? Все, что ты знаешь о Гите, это твои идеи о Гите. Ты не можешь понять Кришну. Чтобы понять Кришну, ты должен быть одним из кришн, чтобы понять Будду, ты должен быть одним из будд — другого пути нет. А когда ты будда, стоит ли беспокоиться о том, чтобы понять Будду? Если ты кришна, какая необходимость понимать Кришну? Ты знаешь сам.

Настоящий искатель слушает с пустым умом, предельно пустым. Он слушает тотально, без оценки, без суждения. Тогда нет никакой возможности недоразумения. И чудо правильного слушания в том, что если ты слушаешь молча, все, что истинно, немедленно высекает искру, аккорд где-то в глубине твоего сердца. Глубоко в твоем сердце происходит резонанс. В этом чудо истины. Если ум молчалив и высказана истина, твое сердце тотчас же начинает биться ей в такт, танцевать под нее. И это великое согласие — не согласие головы, не согласие эго, но нечто экзистенциальное, нечто тотальное. Тогда ты понял. А если что-то не истинно, твое сердце остается холодным.

Поэтому не нужно беспокоиться о том, правильно это или нет. Если это правильно, это затрагивает тебя так глубоко, что ты даже не сознавал, что возможна такая глубина. А если это неправильно, в тебе ничто не шевелится. Таким образом, решает все твое существо, не только голова — которая всего лишь фрагмент. Никогда не позволяй фрагменту решать за целое; пусть решает целое.

Фанатичный рыбак пересказывал другу великий сон:

— Мне приснилось, что был на озере один в лодке вместе с Элизабет Тейлор.

— Вот это да, — сказал приятель, — и как ты с этим справился!

— Отлично: я поймал сома в десять фунтов весом!

Ты знаешь рыбаков, ты знаешь людей, сошедших с ума на почве ловли рыбы — кого заботит Элизабет Тейлор? Это не относится к делу. Он поймал сома в десять фунтов весом.

Он действительно был фэном гольфа. Он только собирался запустить первую лунку, как к нему подбежала красивая девушка в великолепном свадебном платье.

Он отмахнулся от нее и сказал:

— Сильвия, я же говорил — только если будет дождь!

Если ты в состоянии сна, если ты в состоянии опьянения, какое согласие?.. какое несогласие?.. какое понимание?.. какое недоразумение? Все это одно и то же.

Здесь, слушая меня, становись более и более молчаливым и бдительным. Забудь все о согласии и несогласии. Я не заинтересован в твоём обращении, я не миссионер. Я не заинтересован в том чтобы создать паству — вовсе нет. Я, несомненно, заинтересован в том, чтобы разделить с тобой свою радость, несомненно, заинтересован в том, чтобы разделить с тобой мою истину. Но это совершенно другое дело.

Молодожены Дэйв и Мэйбл ехали домой на ферму. Их старая лошадь плелась все медленнее и медленнее, и, несмотря на все усилия Дэйва, как только стало темнеть, кляча упала и испустила дух! Им не ничего оставалось, как устроить ночлег под ближайшим деревом.

Когда молодожены устроились под одеялом, Дэйв повернулся к Мэйбл и сказал:

— Как насчет этого, любимая?

— Насчет *чего*, дорогой? — ответила Мэйбл.

— Да ничего, не обращай внимания, — сказал Дэйв.

Короткое время спустя Дэйв сказал:

— Ну... ээ, гм, как насчет этого?

— Насчет *чего*, дорогой? — ответила Мэйбл.

— Ээ, разве мама никогда не говорила тебе, для чего люди женятся?

— Я не знаю, о чем ты говоришь, дорогой!

Дэйв сказал:

— Ну... ээ... гм... ээ... ты женщина, я мужчина, и, видишь ли, у мужчины есть... ну... которое дает жизнь.

— Ради Бога, Дэйв! — воскликнула Мэйбл, — пойдй воткни его в лошадь — и поехали!

Четвертый вопрос:

Любимый Мастер,

Думаешь ли ты, в своем пророческом видении,
что у науки есть будущее?

Раджу Бхаратхи,

У меня нет никакого пророческого видения. Я не пророк — я вовсе не так старомоден. Уж не думаешь ли ты, что я явился из Ветхого Завета?

Я человек двадцатого века, и все еще совершенно жив, и я ни капли не забочусь о будущем; не забочусь я и о прошлом. Вся моя забота — о настоящем, потому что существует только настоящее. Прошлого больше нет, будущего еще нет. Оба они неэзистенциальны. Эти пророки, наверное, были сумасшедшими, если заботились о будущем. Они всегда думали о будущем.

В мире есть только два вида сумасшедших: люди, думающие о будущем, и люди, думающие о прошлом. Те, кто думает о прошлом — историки, археологи и так далее. А люди, говорящие о будущем — пророки, романтики, поэты. Я не отношусь ни к тем, ни к другим.

Все мое дело — это мгновение... сейчас... здесь.

Поэтому отбрось эту идею, Раджу. Раджу ученый, и, естественно, его интересует будущее науки. Я не пророк, но одно я могу сказать, и это, по сути дела, не имеет ничего общего с будущим. Это происходит прямо сейчас. Поскольку люди слепы, они этого не видят. Я вижу. Это уже стало реальностью.

Величайшее, что сейчас происходит — и что будет понято лишь позднее — это встреча науки и религии, встреча Запада и Востока, встреча материализма и спиритуализма, встреча внешнего и внутреннего, встреча интровертного и экстравертного. Но это происходит прямо сейчас. В будущем это будет расти, но меня заботит настоящее. И я безмерно счастлив, что начался процесс великой важности.

Семя проросло. Ты так озабочен прошлым и будущим, что не видишь этого маленького побега, растущего прямо сейчас. Здесь, прямо у тебя перед глазами... встреча противоположностей — противоположное превращается во взаимодополняющее.

Одна наука — это только половина, и она не может сделать человека состоявшимся. Она может дать лучшее тело, лучшее здоровье, более долгую жизнь. Она может дать больше удобства, больше роскоши. Я не против этого. Я не аскет, я совершенно не так глуп. Но она может дать только вещи внешнего мира — которые прекрасны сами по себе.

Я бы хотел, чтобы каждый жил в большем комфорте, в большей роскоши, с лучшим здоровьем, получал больше питания, был сыт, лучше образован. Но это не все — это только периферия жизни, не ее центр.

Религия предоставляет центр. Она дает тебе душу. Без нее наука остается трупом — может быть, красивым трупом. Ты можешь раскра-

сить труп, умыть труп, одеть его в прекрасные одежды, но труп есть труп! И помни, то же самое с религией. Одной религии совершенно недостаточно. Одна религия делает тебя привидением — может быть, святым привидением, но привидение есть привидение.

Ты можешь увидеть, что это происходит в Индии. Вся страна стала святым духом — тело исчезло, физическое здоровье исчезло, материальное благосостояние исчезло. А когда нет тела, чтобы поддержать душу, ты просто говоришь чепуху. Ты можешь продолжать говорить о Брахмане — предельной реальности — но на голодный желудок это не работает. Это может быть просто бегством от реальности.

Если сама религия не реалистична, она становится бегством от реальности. Если религия недостаточно материалистична, она становится бегством, миром мечтаний, Диснейлендом. Именно это произошло на Востоке: мы слишком много говорили о духе и совершенно забыли об окружающей нас реальности. Мы стали интровертами, слишком озабоченными самими собой. Мы совершенно забыли о красоте деревьев, гор, солнца, луны и звезд. Человечество на Востоке стало уродливым. У него есть центр, но нет периферии. Все сохлось до самого центра.

На Западе есть периферия, но нет центра. У людей есть все, но не хватает чего-то существенного.

Наука и религия становятся одним целым. Они уже становятся одним. И все великие ученые — Эддингтон, Планк, Эйнштейн — люди высочайшего калибра в мире науки — осознали, что одной науки недостаточно. Есть нечто гораздо более таинственное, что нельзя постигнуть только научной методологией и средствами, нечто, к чему нужен иной подход, для чего нужно больше медитативной осознанности.

Эддингтон говорит в своей автобиографии: «Когда я начинал свою карьеру ученого, я думал, что мир состоит из вещей, но по мере того, как я становился старше, я более и более осознавал, что мир состоит не из вещей, но из мыслей».

Реальность гораздо ближе к мыслям, чем к вещам. Реальность гораздо более таинственна, чем ты можешь взвесить, измерить, чем то, с чем ты можешь экспериментировать. Реальность не только объективна, но и субъективна. Реальность — не только предмет, но и сознание. И величайшие религиозные люди, такие как Джидду Кришнамурти, осознают, что религия больше не может существовать в том виде, как существовала до сих пор. Нужна какая-то радикальная перемена.

Мой собственный подход в том, что мы должны создать Будду Зорбу.

Сегодня, просто в результате совпадения, день рождения Будды, и день его просветления, и день его смерти. Он родился в этот день, стал просветленным в этот день, умер в этот день. Сегодняшняя пол-

ная луна принадлежит ему. Это странное совпадение, что эта долгая серия бесед — всего сто двадцать шесть лекций... когда я начал, я понятия не имел, что закончу сегодня.

Только вчера Лакшми сказала мне: «Завтра Будда Пурнима» — полнолуние Будды.

Пусть этот день будет рождением нового будды. Новый будда будет синтезом грека Зорбы и Гаутамы Будды. Он не может быть просто Зорбой, он не может быть просто Буддой.

Именно в этом все мои усилия здесь, Раджу — создать мост между Зорбой и Буддой, создать мост, золотой мост, радужный мост между землей и небом, между этим берегом и дальним берегом, за пределами. Это происходит здесь! Ты не сможешь увидеть этого больше нигде...

У нас здесь все виды ученых. Теперь сам Раджу принял саньясу. У него огромный научный разум. Он молод, но очень разумен. Он один из тех ученых, которые первыми добираются до Луны — он принадлежит к этому проекту. Здесь много и других ученых. Здесь поэты и музыканты, художники — все виды людей, и все они собрались вместе в одном великом усилии: медитации. Здесь есть лишь одна точка встречи, и это медитация. Только в одной точке они встречаются; в остальном у каждого из них собственная индивидуальность. Из этой встречи может произойти невероятный взрыв. Это уже происходит. Те, у кого есть глаза, могут увидеть, что это происходит.

Может быть, это единственное место на земле, где представлены все страны. Нам не доставало русских, но теперь я счастлив сказать, что они тоже здесь. Все расы встречаются здесь, все религии встречаются здесь. Это миниатюрная вселенная, небольшой мир, и все мы встречаемся здесь как человеческие существа. Никто не христианин, не индуист, не мусульманин. Никто не знает, кто ученый, а кто музыкант, кто художник, а кто известный актер. Никто даже не говорит...

Только на днях я получил новость: одна из наших саньясинок завоевала великий, известный на весь мир приз. Она была здесь, была здесь несколько месяцев, но никогда никому не говорила, что она великая актриса. Теперь она всемирно известна; сейчас ее считают одной из самых серьезных претенденток на самую высокую награду. Но она никому ничего не говорила.

Здесь есть музыканты крупного калибра, поэты, писатели, художники, скульпторы, волшебники... все возможные люди. И все они встретились здесь в великом слиянии. Их единственная точка встречи — медитация — и любовь к мастеру.

Должна появиться совершенно новая наука. Она будет и наукой, и религией, лишь тогда она будет целой. Это будет наука и внешнего, и

внутреннего. Фактически, дни религии сочтены, хватит лишь слова наука, одного слова достаточно. Слово «наука» гораздо красивее; оно значит знание, мудрость.

Наука должна быть разделена на две категории: объективная наука — химия, физика, математика и так далее, — и субъективная наука. Нет необходимости разделять науку и религию. И эта встреча науки и религии впервые создаст на Земле целого человека. Иначе, до сих пор, человечество оставалось шизофреничным, расщепленным, ненормальным, разделенным.

Я всецело за целого человека, потому что для меня целый человек — это святой человек.

Пятый вопрос:

Любимый Мастер,

В чем разница между тем, чтобы быть сумасшедшим, и тем, чтобы быть просветленным?

Дэва Садьо,

Почти ни в чем. Единственная разница в том, что просветленный человек знает, что он сумасшедший, а сумасшедший не знает.

Шестой вопрос:

Любимый Мастер,

Если итальянки «женщины», английские леди «леди», как насчет южноафриканских ведьм? Можешь ли ты прокомментировать?

Дэва Самья,
Они амазонки.

Седьмой вопрос:

Любимый Мастер,

Завтра я уезжаю во Францию. Пожалуйста, расскажи мне шутку, чтобы рассмешить лягушатников.

Тошен,

Возбужденный француз пришел в парижское бистро и попросил официанта принести ему тройной коньяк. Он осушил огромный бокал одним глотком и попросил второй.

Официант принес его и сказал:

— Что случилось, мсье? Неужели ваша жена застучала вас в постели со служанкой?

— Нет, вздохнул он. — Служанка застучала меня в постели с женой!

Восьмой вопрос:

Любимый Мастер,

Почему Будда всегда говорит: «Будь светом самому себе»?

Паритошо,

Очень просто. Будда говорит: «Будь светом самому себе», потому что не доверяет индийскому электричеству.

Фактически, в Индии ничему нельзя доверять.

В чем разница между американским компьютером и индийским?

У американского компьютера есть память; у индийского — смутные воспоминания.

Сколько поляков требуется, чтобы вкрутить лампочку?

Четыре — один держит лампочку, три вращают его по часовой стрелке.

Сколько евреев требуется, чтобы закрутить лампочку?

Три — один вкручивает, два контролируют.

Сколько калифорнийцев требуется, чтобы вкрутить лампочку?

Четыре — один чтобы вкрутить, три — чтобы поделиться пережитым.

Сколько итальянцев требуется, чтобы вкрутить лампочку?

Около шестнадцати — один отдает приказы, другой распоряжается деньгами, третий достает лампочку, четвертый говорит водителю рикши, куда ехать, еще один — чтобы убрать разбитое стекло, один — чтобы переводить, еще один — чтобы принести стремянку, еще один — чтобы включить, еще один — чтобы отгонять нищих, четыре — чтобы развлекать тебя, пока ты ждешь две или три минуты, две или три минуты... и так далее.

А сколько требуется индусов, чтобы вкрутить лампочку?

Двести — один держит лампочку... а сто девяносто девять вращают вокруг дом!

И последний вопрос:

Любимый Мастер,

Должно быть, в прежней жизни ты был итальянцем. Можешь ли ты что-нибудь сказать об этом опыте?

Сатьен, я не калифорниец, я не могу поделить с тобой пережитым. Но могу рассказать несколько шуток...

— Мне трудно поверить, что ты убил этого старого калеку из-за пятидесяти центов, — сказал разъяренный судья итальянскому разбойнику.

Итальянец пожал плечами:

— Пятьдесят центов здесь, пятьдесят центов там — курочка по зернышку клюет.

Мартинелли всегда берет с собой свою сверхуродливую жену, отправляясь в деловую командировку.

Он объясняет:

— Легче взять ее с собой, чем поцеловать на прощанье.

Мария жалуется соседке, донне Арминде:

— Эти боли сводят меня с ума. Каждую ночь — то же самое. Если я поворачиваюсь на правый бок, они нападают на печень; если я поворачиваюсь на левый бок, они нападают на сердце. Это настоящий ад!

— Но почему ты не спишь на животе? — спрашивает соседка.

— На животе? Если я сплю на животе, на меня нападает Роберто!

Итальянец идет по улице со свиньей под мышкой.

— Сколько это стоит? — спросил прохожий.

— Пятьдесят центов, — ответила свинья.

— Я вижу, что вы не джентльмен, — зашипела женщина на итальянца, который рассмеялся, увидев, как ветер поднял ее юбку над головой.

— Нет, — ответил он, — и я а-вижу, что а-вы тоже а-не джентльмен.

Многострадальный итальянский муж хоронит свою жену. Случайно получилось так, что когда процессия проходила в ворота, гроб сильно ударился об один из столбов. Почти немедленно, к изумлению скорбящих, из гроба послышался сдавленный крик. Крышка была поспешно открыта, и — о чудо! — женщина оказалась совершенно живой. Ее привезли домой, и она прожила три года. Затем она снова умерла.

На похоронах, когда гроб проносили в ворота, муж сурово обратился к носильщикам:

— Ребята, осторожнее с этим столбом!

На сегодня достаточно.

Вечное дао

Погоня за знаниями	6
Не делайте ничего!	23
Завоевание мира через недеяние	40
«Парень! Как мы растрясли эту штуку!»	57
Превыше чести и бесчестия	75
Я никогда не покину вас!	94
Трудное и легкое	113
Это королева, клеопатра	132
Начало и конец	151
Что дальше?	173

Дхаммапада: вкус вечности

Актуализация не-себя	198
Просто выбрось все разом	218
С любовью среди нелюбящих	238
Музыка ближе всего	258
Он — луна	277
Жизнь, любовь, смех	299
Ни вчера, ни сегодня, ни завтра	318
Рожденный просветленным	339
Ничем не владея, ничего не ожидая	360
Забудь об этом	380

Ошо
Вечное Дао
Дхаммапада — вкус вечности

Главный редактор
Свами Вит Праяс

Перевод
Свами Фархад

Оригинал-макет
Свами Антар Алок

Формат 60×90/16. Бумага типографская.
Гарнитура «KudriashovC». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25. Уч.-изд. л. 25,0.
Тираж 3000 экз. Заказ № 408.
Лицензия № ИД 01174 от 20.03.2000.

Издательство «Нирвана». Солдатов А. В.
125422, Москва, ул. Новикова 2–6.

Отпечатано с оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»,
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

